

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4

Июль — Август
1986

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

XXVII съезд КПСС и задачи советских этнографов	3
Н. Г. Зарандия (Тбилиси), Э. А. Пайн (Москва). К проблеме сохранения наследия народного зодчества (на примере грузинского сельского жилища)	14
Е. И. Филиппова (Москва). Художественная литература как источник для этнографического изучения города	26
М. О. Османов (Махачкала). К определению формы скотоводства у народов высокогорного Дагестана в XVIII—XIX вв.	37
Г. А. Аксянова, И. М. Золотарева, А. А. Зубов (Москва). Этническая одонтология Вьетнама как источник изучения взаимодействия монголоидных и экваториальных форм в Юго-Восточной Азии	46

Дискуссии и обсуждения

Обсуждение статьи М. В. Крюкова «Еще раз об исторических типах этнических общностей»	
С. А. Арутюнов (Москва). Классификационное пространство этнической типологии	58
В. И. Козлов (Москва). От первобытности до современности	64
Г. Е. Марков (Москва). Этнические общности как историческая категория	69

Из истории науки

Н. Г. Волкова (Москва). Кавказоведение в Институте этнографии АН СССР (к 50-летию сектора этнографии народов Кавказа)	73
---	----

Сообщения

С. В. Соколовский (Прокопьевск). Брачные круги и эндогамные барьеры. К методике анализа брачной миграции	87
Т. Д. Филимонова (Москва). Об этнокультурном развитии немцев СССР	100 ✓
А. С. Кишев (Нальчик). О «тайных» языках адыгов	111
Б. И. Саримсаков (Ташкент). Жанр «бадик» в обрядовом фольклоре узбеков	117
Н. В. Буланова (Москва). Индийская обрядовая роспись на земле	123

Поиски, факты, гипотезы

З. П. Соколова (Москва). По следам одной загадки	136
--	-----

Наши юбиляры

Список основных работ доктора исторических наук Б. Х. Кармышевой (к 40-летию научной деятельности)	146
--	-----

Научная жизнь

Т. А. Воронина, Ю. В. Иванова (Москва). Конференция «Этнокультурные процессы в Европе: история и современность»	149
А. Д. Пряхин (Воронеж). Этнографическая подготовка студентов из стран Африки и Латинской Америки на кафедре археологии и истории древнего мира Воронежского гос. университета	153
Коротко об экспедициях	155

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

И. Р. Григулевич, С. Я. Козлов (Москва). <i>Страны и народы. Научно-популярное географо-этнографическое издание в 20 томах</i>	157
--	-----

Общая этнография

И. Я. Богуславская (Ленинград). <i>М. А. Некрасова. Народное искусство как часть культуры</i>	160
Н. Л. Жуковская (Москва). <i>С. Ю. Неклюдов. Героический эпос монгольских народов</i>	162
Я. В. Чеснов (Москва). <i>А. К. Байбурин. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян</i>	164

Народы СССР

Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин (Казань). <i>Г. С. Маслова. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в.</i>	167
Г. Амичба, Ш. Х. Салакая (Сухуми). <i>Ш. Д. Инал-ипа. Очерки абхазском этикете</i>	169

Народы Африки

Д. П. Урсу (Одесса). <i>Peuples du Golfe du Bénin. Aja-Ewé</i>	170
--	-----

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, И. Л. Андреев, С. А. Арутюнов,
С. И. Брук, Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева,
Т. А. Жданко, А. А. Зубов, Р. Н. Исмаилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель
(зам. главн. редактора), А. А. Леонтьев, Б.-Р. Логашова, Г. Е. Марков,
А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19,
телефоны: 126-94-91, 123-90-97
Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

XXVII СЪЕЗД КПСС И ЗАДАЧИ СОВЕТСКИХ ЭТНОГРАФОВ

25 февраля — 6 марта 1986 года состоялся очередной XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Съезд собрался на крутом переломе в жизни страны, современного мира в целом. Решения съезда определяют характер и темпы нашего движения на годы и десятилетия вперед, к качественно новому состоянию советского социалистического общества.

Съезд прошел в атмосфере партийной принципиальности и единства, требовательности и большевистской правды, открытого выявления недостатков и упущений, глубокого анализа внутренних и внешних условий развития нашего общества. Это нашло свое концентрированное выражение в Политическом докладе ЦК КПСС, с которым выступил на съезде Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Как подчеркнуто в Политическом докладе, за четверть века после принятия третьей Программы КПСС Советский Союз добился внушительных успехов. Национальный доход вырос почти в 4 раза, промышленное производство — в 5 раз, сельскохозяйственное — в 1,7 раза. Реальные доходы на душу населения увеличились в 2,6 раза, общественные фонды потребления — в 5 с лишним раз. Построено 54 миллиона квартир. Осуществлен переход ко всеобщему среднему образованию. Вчетверо возросло число лиц, окончивших вузы. Общеизвестны успехи советской науки, медицины, культуры. Значительно окрепли позиции нашей Родины, мирового социализма на международной арене.

«По достоинству оценивая достигнутое, — отметил М. С. Горбачев, — руководство КПСС считает своим долгом честно и прямо сказать партии и народу о наших упущениях в политической и практической деятельности, неблагоприятных тенденциях в экономике и социально-духовной сфере, о причинах таких явлений. В течение ряда лет, и не только в силу объективных факторов, но и причин прежде всего субъективного порядка, практические действия партийных и государственных органов отставали от требований времени, самой жизни. Проблемы в развитии страны нарастали быстрее, чем решались. Инертность, застылость форм и методов управления, снижение динамизма в работе, нарастание бюрократизма — все это наносило немалый ущерб делу. В жизни общества начали проступать застойные явления»¹.

Перед партией встала задача большой исторической важности: выработать принципиально новый стратегический курс. Этот курс — на ускорение социально-экономического развития страны — был выдвинут на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС. Он получил широкую поддержку партии, всего народа. Концепция ускорения красной нитью проходит через Политический доклад ЦК КПСС, другие документы и материалы съезда, выступления его делегатов.

Ускорение, отмечается в докладе, — это «прежде всего повышение темпов экономического роста. Но не только. Суть его — в новом качестве роста: всемерной интенсификации производства на основе научно-тех-

¹ Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Горбачева М. С. 25 февраля 1986 года. — Коммунист, 1986, № 4, с. 6 (далее доклад цитируется по этому номеру журнала).

нического прогресса, структурной перестройки экономики, эффективных форм управления, организации и стимулирования труда». Курс на ускорение означает «проведение активной социальной политики, последовательное утверждение принципа социалистической справедливости. Стратегия ускорения предполагает совершенствование общественных отношений, обновление форм и методов работы политических и идеологических институтов, углубление социалистической демократии, решительное преодоление инерции, застойности и консерватизма — всего, что сдерживает общественный прогресс» (с. 20).

Главное, что должно обеспечить успех нового курса, — активизация человеческого фактора, живое творчество масс, максимальное использование огромных возможностей и преимуществ социалистического строя.

Ускорение социально-экономического развития страны — ключ к решению всех наших проблем — как ближайших, так и перспективных, экономических и социальных, внутривнутриполитических и внешних. Успешное осуществление этого курса позволит достичь главных рубежей, определенных новой редакцией Программы КПСС и Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до конца нынешнего столетия.

К концу столетия национальный доход возрастет почти в два раза при удвоении производственного потенциала и его качественном преобразовании, производительность труда — в 2,3—2,5 раза, энергоемкость национального дохода снизится в 1,4 раза и металлоемкость — почти в 2 раза. Это будет означать крутой поворот к интенсификации производства, повышению качества и эффективности. При этом речь идет о глубокой реконструкции народного хозяйства на основе новейших достижений науки и техники, о прорывах на авангардных их направлениях, перестройке хозяйственного механизма, системы управления.

Как подчеркивается в Политическом докладе, основополагающие задачи экономического и социального развития страны определяют и международную стратегию КПСС. Ее главная цель состоит в том, чтобы обеспечить советскому народу возможность трудиться в условиях прочного мира и свободы. Поэтому борьба против ядерной опасности, гонки вооружений, за сохранение и укрепление всеобщего мира и на будущее остается магистральным направлением деятельности партии на международной арене.

Центральным направлением внешней политики СССР на предстоящие годы станет борьба за реализацию выдвинутой в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС от 15 января 1986 г. программы уничтожения оружия массового истребления и предотвращения новой мировой войны. Программа исходит из того, что в условиях ядерной угрозы сложились объективные условия, в которых противоборство между капитализмом и социализмом может протекать только в формах мирного соревнования и мирного соперничества. В целом эта программа представляет собой сплав формирования философии безопасного мира в ядерно-космическую эру с планом совершенно конкретных действий, строго рассчитанным по времени, вплоть до 2000 года. Для налаживания более тесного и продуктивного сотрудничества с правительствами, партиями, общественными организациями и движениями, которые действительно озабочены судьбами мира на Земле, важное значение имеют выдвинутые в Политическом докладе ЦК КПСС принципиальные Основы создания всеобъемлющей системы международной безопасности.

XXVII съезд КПСС в Резолюции по Политическому докладу постановил одобрить политический курс и практическую деятельность ЦК КПСС, положения, выводы и задачи, изложенные в Политическом докладе ЦК съезду и обязал все партийные организации руководствоваться ими в своей работе.

Съезд утвердил новую редакцию Программы КПСС, ее Устав с внесенными в него изменениями и принял соответствующие постановления. Были также утверждены отчет Центральной Ревизионной Комиссии КПСС и новое Положение об этой Комиссии.

Заслушав и обсудив доклад Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова, съезд утвердил Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года.

Огромное внимание на съезде было уделено вопросам социальной политики. И это не случайно. «Социальная сфера,— отметил М. С. Горбачев,— охватывает интересы классов и социальных групп, наций и народностей, отношения общества и личности, условия труда и быта, здоровья и досуга. Именно в этой сфере реализуются результаты экономической деятельности, затрагивающие жизненные интересы трудящихся, воплощаются высшие цели социализма. Именно здесь наиболее широко и наглядно выявляется гуманистическая природа социалистического строя, его качественное отличие от капитализма» (с. 38).

Одним из важнейших направлений социальной политики является развитие национальных отношений. «Основы решения национального вопроса в нашей стране заложила Великая Октябрьская социалистическая революция,— говорится в Политическом докладе ЦК КПСС.— Опираясь на учение В. И. Ленина, завоевания социализма, Коммунистическая партия проделала гигантскую преобразующую работу в этой области. Ее результаты — выдающееся завоевание социализма, обогатившее мировую цивилизацию. Раз и навсегда уничтожены национальный гнет и национальное неравноправие во всех формах и проявлениях. Утвердились, вошли в сознание десятков миллионов людей нерушимая дружба народов, уважение к национальной культуре и национальному достоинству всех народов. Советский народ выступает как качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная единством экономических интересов, идеологии и политических целей.

Но наши достижения не должны создавать представления о беспроblemности национальных процессов. Противоречия свойственны всякому развитию, неизбежны они и в этой сфере. Главное — видеть постоянно возникающие их аспекты и грани, искать и своевременно давать верные ответы на вопросы, которые выдвигает жизнь. Тем более, что здесь еще не изжиты и порой болезненно заявляют о себе стремления к национальной замкнутости, местничеству, эгидивенческие настроения» (с. 45). В связи с этим в докладе подчеркнута необходимость, неуклонно следуя ленинским заветам и творчески применяя их в новых условиях, сочетать особую чуткость и осмотрительность во всем, что касается национальной политики, с принципиальной борьбой против проявлений национальной ограниченности и кичливости, национализма и шовинизма, в какие бы одежды они ни рядились.

Специальный раздел, посвященный развитию национальных отношений, имеется и в новой редакции Программы КПСС. «Для национальных отношений в нашей стране,— говорится, в частности, в этом разделе,— характерны как дальнейший расцвет наций и народностей, так и их неуклонное сближение, которое происходит на основе добровольности, равенства, братского сотрудничества. Здесь недопустимы никакое искусственное подталкивание, как и сдерживание назревших объективных тенденций развития. Это развитие несет с собой в отдаленной исторической перспективе полное единство наций»². В новой редакции Программы КПСС национальные отношения рассматриваются не только на уровне отношений между нациями и народностями, но и на личностном уровне. В связи с этим, в частности, выдвигается задача воспитания высокой культуры межнационального общения³.

Актуальные проблемы национальной политики КПСС, дальнейшее упрочение братской дружбы советских народов получили отражение и в других материалах съезда, в выступлениях ряда делегатов. «Бесценным

² Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция.— Коммунист, 1986, № 4, с. 127. Далее Программа цитируется по этому номеру журнала.

³ См. подробнее: Губоголо М. Н. Преемственность и новаторство в разработке национальных проблем на этапе развитого социализма.— Сов. этнография, 1986, № 3.

достоянием советского общества является ленинская дружба народов,— сказал, например, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана К. М. Багиров.— Коммунисты, все трудящиеся Азербайджана горячо поддерживают национальную политику партии, установки Политического доклада, нацеливающие на дальнейшее совершенствование национальных отношений, интернационалистского и патриотического воспитания. В прогрессивных процессах развития и сближения наций и народностей заложена огромная социальная энергия. Наша партийная обязанность в том, чтобы в полной мере использовать ее в ускорении развития, укреплении единства и могущества нашей великой Советской Отчизны»⁴.

Решительный отпор зарубежным фальсификациям ленинской национальной политики КПСС был дан в выступлении первого секретаря ЦК Компартии Киргизии А. М. Масалиева. «Наши противники,— сказал он,— понимают, что в монолитном единстве — источник силы и непобедимости советского общества. И не случайно буржуазные идеологи ухватились за негативные факты, о которых открыто говорилось на прошедших партийных съездах и конференциях. Они фарисейски разглазывают о русификации среднеазиатских республик, об утрате их национальной самобытности. Что, товарищи, можно сказать на это? Убедительный ответ всякого рода борзописцам дала сама история, наша действительность. Народы советского Востока при братской помощи русского и других народов СССР за короткий срок совершили стремительный взлет от патриархальщины к социалистической цивилизации»⁵.

Стратегия ускорения социально-экономического развития страны предусматривает дальнейшее возрастание роли советской науки. «Политика партии в области науки,— говорится в новой редакции Программы КПСС,— нацелена на создание благоприятных условий для динамичного прогресса всех отраслей знания, концентрацию кадров, материальных и финансовых ресурсов на наиболее перспективных направлениях, призванных ускорить достижение намечаемых экономических и социальных целей, духовное развитие общества, обеспечивать надежную обороноспособность страны» (с. 136).

В современных условиях партия уделяет особое внимание приоритетному развитию поисковых, фундаментальных исследований, которым принадлежит ведущая роль в создании обобщающих концепций, в выявлении общих закономерностей и явлений материального мира.

В документах и материалах съезда, в выступлениях делегатов, в том числе видных организаторов науки, отмечались большие успехи советских ученых, работающих в различных областях знания. Но при этом основное внимание уделялось нерешенным вопросам, прежде всего необходимости быстрее материализации научных идей в народном хозяйстве и других областях человеческой деятельности, отработке механизма ускоренного внедрения результатов научных исследований в практику. Признано необходимым еще более поднять роль Академии наук СССР как координатора научно-исследовательских работ в стране, принять меры для преодоления отставания вузовского и отраслевого секторов науки.

Значительное внимание на съезде было уделено деятельности ученых-обществоведов. «Нельзя уйти от факта,— отметил М. С. Горбачев,— что наш философский и экономический фронт, да и обществоведение в целом находятся в состоянии, я бы сказал, известной отдаленности от запросов жизни. К тому же и наши планово-хозяйственные органы и другие ведомства не проявляют должного интереса к реализации рациональных предложений ученых-обществоведов» (с. 70).

Время ставит вопрос о широком использовании общественных наук для конкретных нужд практики, требует, чтобы ученые-обществоведы

⁴ Правда, 1 марта 1986 г.

⁵ Там же.

чутко реагировали на происходящие в жизни перемены, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику. Многогранные задачи ускорения, его взаимосвязанные аспекты — политические, экономические, научно-технические, социальные, культурно-духовные и психологические — нуждаются в глубоком и всеобъемлющем анализе. «Мы испытываем,— сказал М. С. Горбачев,— настоятельную потребность в серьезных философских обобщениях, обоснованных экономических и социальных прогнозах, глубоких исторических исследованиях» (с. 70).

Как подчеркивается в документах съезда, внимание обществоведов следует сосредоточить на изучении и всестороннем анализе опыта мирового развития, создания нового общества в СССР, в других социалистических странах, диалектики производительных сил и производственных отношений, материальной и духовной сфер в условиях социализма, закономерностей становления коммунистической формации, путей и средств постепенного продвижения к ее высшей фазе. Необходимо глубже исследовать процессы развития политической системы советского общества, социалистической демократии, государственности и социалистического самоуправления, дальнейшего развития и сближения наций и народностей СССР. В глубоком изучении нуждаются процессы, происходящие в коммунистическом, рабочем и национально-освободительном движениях в капиталистическом обществе. Ход мирового развития выдвигает перед человечеством немало вопросов глобального масштаба. Научная мысль должна давать на эти вопросы своевременные и верные ответы. Важной задачей общественных наук была и остается борьба против буржуазной идеологии, ревизионизма и догматизма.

Партия поддерживает смелый поиск, соревнование идей и направлений в науке, плодотворные дискуссии. «Атмосфера творчества, которую партия утверждает во всех областях жизни,—подчеркнул М. С. Горбачев,— особенно плодотворна для общественных наук. Мы надеемся, что она будет активно использована нашими экономистами и философами, юристами и социологами, историками и литературоведами для смелой, инициативной постановки новых проблем, для их творческой теоретической разработки» (с. 71).

Сложный, комплексный характер современных проблем, как отмечается в новой редакции Программы КПСС, требует углубления интеграции общественных, естественных и технических наук. Должны получить более широкое развитие такие формы интеграции науки, которые обеспечивают междисциплинарное исследование актуальных проблем, необходимую мобильность научных кадров, гибкость структуры научных учреждений. Непременное условие прогресса науки — постоянный приток свежих сил, умелое использование творческих возможностей ученых, стимулирование их труда в зависимости от реального вклада в разработку теоретических и прикладных проблем.

Среди важнейших задач, поставленных XXVII съездом КПСС перед общественными науками, немало таких, которые непосредственно касаются этнографии и должны решаться ею совместно с другими научными дисциплинами. Это особенно относится к задачам, связанным с дальнейшей разработкой и претворением в жизнь национальной политики партии как неотъемлемой части стратегии ускорения социально-экономического развития страны.

На страницах нашего журнала уже подводились итоги работы этнографов в одиннадцатой пятилетке и намечались основные направления этнографических исследований на 1986—1990 гг. в свете материалов XXVII съезда КПСС и предшествовавших ему пленумов ЦК КПСС⁶. Поэтому целесообразно, сформулировав важнейшие задачи советских этнографов, вытекающие из документов и материалов съезда, сосредото-

⁶ Бромлей Ю. В., Тер-Саркисянц А. Е. Советская этнографическая наука на рубеже двух пятилеток.— Сов. этнография, 1986, № 2. В этой статье перечислены исследования по наиболее актуальным проблемам, запланированные на 1986—1990 гг.

точить внимание на путях и методах успешного решения указанных задач, повышения теоретического уровня и практической значимости этнографических исследований.

Магистральным направлением деятельности советских этнографов должно еще в большей мере стать глубокое изучение этнических аспектов современных национальных процессов в СССР. При этом на первый план выдвигается рассмотрение общих тенденций и основных направлений этих процессов, исследование конкретных механизмов их диалектических взаимосвязей, выявление и анализ условий и факторов, ускоряющих или замедляющих их развитие. В углубленном изучении нуждаются также взаимосвязь этнических и социально-экономических сторон национальных процессов, специфика их протекания в разных регионах страны, в городской и сельской среде.

В документах и материалах съезда поставлена задача последовательно углублять разделение труда между республиками, выравнивать условия хозяйствования, поощрять активное участие республик в экономическом освоении новых районов, развивать межреспубликанский обмен кадрами рабочих и специалистов, расширять и улучшать подготовку квалифицированных работников из граждан всех проживающих в республиках наций и народностей. В связи с этим необходимо активизировать исследования тенденций изменений в социокультурных параметрах наций, возможностей активного использования прогрессивных этнокультурных традиций и трудовых навыков в целях повышения эффективности труда, оптимизации миграций из трудоизбыточных в труднедостаточные регионы.

Одна из важных задач этнографического изучения современности — исследование особенностей развития и запросов в области языка, культуры и быта групп некоренного населения республик, в том числе русских, живущих в иноэтническом окружении. Столь же значимы в научном и практическом отношении изыскания по проблемам этнического развития малых народов. В связи с тем, что научно-техническая революция оказывает все более заметное воздействие на многие стороны жизни народов СССР, весьма перспективна разработка темы «Научно-техническая революция и современные этнические процессы».

Этнографы в сотрудничестве с учеными других специальностей призваны глубоко исследовать проблемы дальнейшего упрочения и развития качественно новой социальной и интернациональной общности — советского народа, различные аспекты советского образа жизни, социалистической цивилизации. В частности, в свете решений XXVII съезда КПСС необходимо еще более усилить изучение семьи и всей семейно-бытовой сферы образа жизни народов СССР. Весьма актуальна дальнейшая разработка проблем национально-русского двуязычия как фактора динамизма национальных культур и укрепления интернациональной сплоченности советского народа.

Как известно, некоторая часть населения нашей страны еще остается под влиянием религии, причем зарубежные идеологические центры стремятся не только поддержать, но и насаждать религиозность в СССР, придавать ей антисоветскую, националистическую направленность. Это налагает большие и ответственные задачи как на специалистов-религиоведов, так и на других ученых-обществоведов, занимающихся данной проблематикой, в том числе на этнографов. Необходимо еще более активизировать работу по систематическому, углубленному анализу роли религии и религиозных организаций, новых явлений в деятельности церкви, преодолению религиозных пережитков. Актуально исследование взаимодействия этнического и конфессионального факторов в различных сферах жизни общества, в частности в семейно-бытовой сфере у народов Средней Азии, Кавказа и некоторых других регионов страны.

Как подчеркнуто в новой редакции Программы КПСС, значительную роль в атеистическом воспитании играет широкое распространение новых советских обрядов и обычаев. В связи с этим важное значение приобретает разработка всего комплекса вопросов, относящихся к обряд-

ности как неотъемлемому компоненту советского образа жизни. Этнографы могут внести более весомый вклад в изучение, отбор, преобразование и использование в современной практике народных обрядов и традиций, в борьбу с негативными явлениями, которые наблюдаются в наши дни в обрядности некоторых народов. Одна из важных задач этнографов, фольклористов и специалистов по народному искусству — способствовать сохранению и популяризации художественных ценностей, созданных народами СССР за долгие века их развития.

Съезд потребовал утверждать трезвость как норму социалистического образа жизни. Это обязывает этнографов принять активное участие в исследовании этнических аспектов борьбы с алкоголизмом, в разработке и популяризации безалкогольных празднеств и обрядов.

У этнографов нашей страны еще с первых послереволюционных лет сложились устойчивые традиции участия в решении практических задач социалистического строительства. Однако, отдавая должное уже сделанному, надо признать что в свете документов и материалов XXVII съезда КПСС необходим более решительный поворот этнографической науки к насущным задачам, которые ставит жизнь перед советским обществом. Это должно отразиться не только на проблематике и направленности исследований, но и на увеличении удельного веса в нашей работе, повышении действенности и эффективности научных разработок и практических рекомендаций по конкретным вопросам ускорения социально-экономического развития страны, входящим в предметную область этнографии и смежных наук. Богатая и разносторонняя информация, собираемая во время ежегодных полевых сезонов, глубокое знание народов нашей страны позволяют этнографам более смело и инициативно выявлять как новые позитивные тенденции в национальных процессах, так и возникающие здесь проблемы и противоречия, обеспечивать научно-методическую базу для решения таких вопросов партийными и советскими органами. Необходимо также совершенствовать механизм передачи заинтересованным ведомствам и организациям выработанных рекомендаций, более активно и целеустремленно добиваться их внедрения.

Решительный поворот к изучению современности, к усилению связи этнографической науки с практикой должен сопровождаться дальнейшей активизацией разработки фундаментальных научных проблем, ибо только так можно создать теоретический задел, необходимый для успешного развития прикладных исследований. Поэтому поставленная съездом задача обеспечить приоритетное развитие поисковых, фундаментальных исследований полностью относится и к советской этнографии. Кардинальное значение здесь имеет продолжение разработки общей теории этноса, рассматриваемого в качестве сложной динамической системы. Не менее существенно дальнейшее исследование и таких важных аспектов теории этноса, как определение его места среди других человеческих общностей, узкое и широкое понимание этнических общностей, их классификация, соотношение этноса и культуры, этноса и этнического самосознания, определение типов, тенденций и факторов этнических процессов, механизма формирования и функционирования традиций. Важное значение имеет работа по уточнению предмета и понятийного аппарата этнографической науки, а также ее места среди других общественных наук, раскрытию особенностей этнографического изучения современности, традиционно-бытовой культуры, арханческих общественных форм и т. д. Необходимо продолжать и творческую разработку марксистско-ленинской теории первобытности и процессов возникновения классов и государственности. Теоретические исследования по этой проблематике, которыми традиционно занимаются советские этнографы, имеют, как известно, большое мировоззренческое значение.

Выдвижение в качестве центральной задачи советской этнографической науки изучения этнических аспектов современных национальных процессов в нашей стране и обоснования путей их дальнейшей оптимизации не означает также ослабления внимания к проблемам этногенеза

и этнической истории народов СССР, к исследованию их традиционных культур. Актуальность этих исследовательских направлений определяется не только тем, что в условиях научно-технической революции и социального прогресса быстро исчезают многие элементы традиционной бытовой культуры. Изучение этнического и историко-культурного развития народов СССР с древности до наших дней позволяет выявить мощный фундамент, на котором развиваются этнические и этнокультурные процессы современности и тем самым сделать более углубленным и практически значимым изучение этих процессов.

Следует учитывать и большую идеологическую роль этой проблематики. Как подчеркнуто в Политическом докладе ЦК КПСС, «важно, чтобы здоровый интерес ко всему ценному, что есть в каждой национальной культуре, не вырождался в попытки отгородиться от объективного процесса взаимодействия и сближения национальных культур. Это надо иметь в виду и тогда, когда под видом национальной самобытности в некоторых произведениях литературы и искусства, научных трудах предпринимаются попытки представить в идиллических тонах реакционно-националистические и религиозные пережитки, противоречащие нашей идеологии, социалистическому образу жизни, научному мировоззрению» (с. 46). Отсюда ясно, что изучение с правильных, марксистско-ленинских позиций этногенеза, этнической истории и традиционной культуры народов СССР имеет важное значение для воспитания интернационализма и борьбы с различными проявлениями местничества, национализма и шовинизма. При этом необходимо уделять серьезное внимание изучению не только особенного, но и общего в этногенезе и традиционных культурах народов СССР, развивать сравнительно-типологические исследования, охватывающие крупные регионы с многонациональным населением. Особенно это актуально для этнографических коллективов в союзных и автономных республиках, где нередко еще преобладает тенденция изучения только своего народа.

В свете задач, поставленных перед общественными науками XXVII съездом КПСС, необходимо также развивать исследования этнических аспектов современных национальных процессов в зарубежных странах, в региональном и мировом масштабе, выявлять взаимосвязи собственно этнических, социально-экономических и политических аспектов конкретных национальных проблем, изучать роль этнических факторов как в развитии социалистических государств, так и в национально-освободительной и классовой борьбе в капиталистических и развивающихся странах. Заслуживает внимания этнографов положение групп некоренного населения, в частности рабочих-эмигрантов в странах Западной Европы, выходцев из Азии в странах Африки и т. д. Сохраняют свою актуальность исследования этногенеза и этнической истории народов зарубежных стран, этногеографических и этнодемографических проблем нашей планеты. Опираясь на анализ тенденций и перспектив современных национальных процессов, необходимо смелее переходить к их прогнозированию. В современной сложной международной обстановке важное значение приобретает разработка таких вопросов, как традиции мирного сотрудничества между народами, возникновение и пути преодоления негативных этнических стереотипов и т. д.⁷

Как отмечалось на съезде, за последнее время произошло серьезное обострение идеологической борьбы на международной арене. «Психологическая война», развязанная правящими кругами империалистических государств, не может квалифицироваться иначе, как особая форма агрессии, культурного империализма, попирающих суверенитет, историю, культуру народов.

Одна из наиболее распространенных разновидностей идеологических диверсий, осуществляемых зарубежными подрывными центрами и ор-

⁷ Бромлей Ю. В. Этнография и взаимопонимание народов.— Сов. этнография, 1986, № 1.

ганизациями,— настоячивые попытки вбить клин в нерушимую дружбу народов СССР, извратить и очернить ленинскую национальную политику. «В этих условиях считаем,— подчеркнул в своем выступлении на съезде первый секретарь Дагестанского обкома КПСС М. Ю. Юсупов,— что печать, радио, телевидение, научные и творческие организации страны должны более аргументированно и наступательно разоблачать антимарксистские концепции национального вопроса, убедительно показывать практику национальных отношений в СССР»⁸. Активнее способствовать выполнению этих ответственных и важных задач — почетный долг советских этнографов.

Этнография в тесном содружестве с социологией, психологией и антропологией дает нашей партии мощное оружие и в борьбе против расизма и шовинизма во всех их видах и псевдонаучных облачениях. Еще один аспект идеологической борьбы, в которой призваны участвовать советские этнографы,— защита, обоснование и развитие материалистической концепции исторического процесса. Важное идеологическое значение имеют также разработка истории этнографической науки и критический анализ концепций и школ современной зарубежной этнографии. В свете решений XXVII съезда КПСС работа по всем этим направлениям должна получить еще больший размах, теснее увязываться с задачами идеологической борьбы. В целях более эффективной пропаганды за рубежом достижений советской этнографической науки необходимо и дальше расширять издание книг и статей наших ученых на иностранных языках, добиваться, чтобы эти публикации лучше доходили до зарубежных читателей. Важно также активизировать участие советских этнографов в деятельности международных научных организаций и журналов.

Большое научно-познавательное и политико-воспитательное значение науки об этносах ставит перед этнографами еще одну ответственную задачу — распространять накопленные ими знания среди широких народных масс нашей многонациональной страны. Эта работа велика и многогранна. Тут и публикация популярных книг и статей, и выступления по радио и телевидению, и чтение лекций по линии общества «Знание», и деятельность этнографических музеев и выставок, и сотрудничество в Советском фонде культуры и т. д. Крутой поворот, на который нацеливают партию и страну исторические решения XXVII съезда КПСС, настоятельно требует еще более активизировать работу по распространению этнографических знаний и поднять ее на уровень новых задач. Необходимо изживать в этой работе как элементы «чистого» просветительства, так и скучной назидательности, теснее связывать ее с реальной жизнью, с текущими и перспективными проблемами развития страны, умело и творчески пропагандировать советский образ жизни, фундаментальные ценности социализма, братскую дружбу народов СССР.

Одна из сравнительно новых и вместе с тем весьма важных форм популяризаторской работы — показ советских этнографических выставок за рубежом. Нужно полностью использовать предоставляемые такими выставками возможности широко знакомить зарубежную общественность с достижениями отечественной науки, с культурным наследием народов СССР, с советским образом жизни в его национальном многообразии, нести посетителям благородные идеи мира и дружбы между народами.

Таковы основные задачи советских этнографов, вытекающие из документов и материалов XXVII съезда КПСС. Для успешного выполнения этих больших и сложных задач необходимо поднять на новый, качественно более высокий уровень деятельность всех этнографических учреждений страны.

«Любые наши планы повиснут в воздухе,— подчеркнул в докладе на съезде М. С. Горбачев,— если оставят равнодушными людей, если мы

⁸ Правда, 5 марта 1986 г.

не сумеем пробудить трудовую и общественную активность масс, их энергию и инициативу. Повернуть общество к новым задачам, обратить на их решение творческий потенциал народа, каждого трудового коллектива — таково первейшее условие ускорения социально-экономического развития страны» (с. 71). Это принципиальное положение полностью относится и к коллективам этнографов, от Института этнографии АН СССР до небольших этнографических ячеек. Поэтому первейшая задача заключается в том, чтобы повсеместно утвердить атмосферу творческой активности, принципиальности и взыскательности, развивать критику и самокритику, преодолевать инертность и консерватизм мышления, свойственные некоторой части наших кадров, повысить роль морального и материального стимулирования в улучшении работы отдельных научных работников и целых коллективов.

Наряду с максимальной мобилизацией человеческого фактора необходимо привести в действие все другие резервы, в том числе организационные и материально-технические. Речь идет, в частности, об увеличении в структуре этнографических научных учреждений удельного веса проблемных групп и других функциональных подразделений, о совершенствовании системы оплаты труда научных работников, о повышении уровня планирования и укреплении исполнительской дисциплины, о наращивании технической оснащенности труда этнографов.

Для ускорения темпов научных исследований и повышения их эффективности нужно смелее переходить к более широкому использованию новейших методов сбора, обработки и хранения информации, включая создание банков этнографических и этносоциологических данных и внедрение персональных ЭВМ. В связи с этим целесообразно заблаговременно принять меры для распространения среди сотрудников «компьютерной грамотности», ввести соответствующий курс обучения для студентов-этнографов.

К числу существенных резервов совершенствования работы этнографических учреждений страны относится расширение масштабов полевых исследований и улучшение их организации. Нужно целеустремленнее распространять опыт лучших экспедиционных отрядов, добиваясь увеличения отдачи от каждого полевого сезона, более глубокого изучения актуальных, практически значимых проблем, надежной фиксации и более оперативного использования собранных материалов. Очень важно также лучше организовать передачу научной молодежи богатого опыта полевых исследований, накопленного старшим поколением этнографов.

Необходимым условием повышения эффективности работы этнографов является более четкая координация их творческих усилий в масштабах всей страны. Это требует дальнейшего возрастания организаторской, координирующей роли головного научного учреждения — Института этнографии АН СССР. Следует активнее развивать и такие испытанные формы коллективного обсуждения текущих и перспективных задач этнографической науки, совершенствования методологии и методики научных исследований, их координации и выработки практических рекомендаций, как всесоюзные конференции, совещания и школы. Нужно также позаботиться об усилении контактов и взаимодействия ученых в масштабах отдельных регионов — Среднеазиатского, Кавказского, Прибалтийского и др. В связи с этим целесообразно возродить практику проведения региональных этнографических совещаний, конференций и симпозиумов.

У советских этнографов выработались довольно прочные традиции сотрудничества с представителями смежных наук — антропологами, лингвистами и т. д. В ряде случаев такое сотрудничество привело к возникновению новых дисциплин на стыках взаимодействующих наук. Так, в девятой пятилетке сложилась этносоциология, которая оказала большое влияние на дальнейшее развитие этнографической науки и способствовала усилению ее связи с практикой, а в недавно завершившейся одиннадцатой пятилетке выделилась еще одна пограничная дисциплина — этноэкология, обладающая значительным теоретическим и прикладным

научным потенциалом. Однако следует признать, что большие резервы, заложенные в междисциплинарном сотрудничестве, в целом используются еще недостаточно. На пути усиления кооперации этнографов с учеными других специальностей встречается немало трудностей как организационного, так и методического характера, которые необходимо преодолеть в начавшейся пятилетке.

Одна из перспективных форм междисциплинарного сотрудничества — разработка и осуществление комплексных научных программ. Такова недавно утвержденная Отделением истории АН СССР крупномасштабная программа «Этногенез и этносоциальные процессы современности», в которой примут участие археологи, антропологи, историки, этнографы, востоковеды, слависты и ученые некоторых других специальностей, а в качестве головного выступает Институт этнографии АН СССР. Конечная цель программы — создание сводного труда «Этническая история человечества». В процессе его подготовки будет выполнено множество более частных междисциплинарных исследований, состоятся конференции и симпозиумы по данной проблематике.

Для междисциплинарного обсуждения актуальных проблем и выработки практических рекомендаций целесообразно чаще устраивать научно-практические конференции. Удачный пример такого форума — Всесоюзная конференция «Совершенствование национальных отношений в свете решений XXVII съезда КПСС», проведенная в апреле 1986 г. в Ташкенте ЦК Компартии Узбекистана, Научным советом по национальным проблемам при Президиуме АН СССР, АН Узбекской ССР, Институтом истории партии при ЦК Компартии Узбекистана. В этой конференции наряду с этнографами и учеными многих других специальностей участвовали партийные и советские работники, деятели литературы и искусства, педагоги, представители средств массовой информации и общества «Знание». Материалы конференции будут опубликованы.

Заслуживает внимания и такая форма междисциплинарной кооперации, как заключение договоров о творческом содружестве с другими научными учреждениями, ведомствами и общественными организациями. Например, Институт этнографии АН СССР заключил договор с факультетом психологии МГУ о совместной разработке проблем этнопсихологии, научная и практическая значимость которой еще более возросла в связи с поставленной в новой редакции Программы КПСС задачей воспитания высокой культуры межнационального общения. Другой такой договор — о выработке рекомендаций по учету этнокультурной специфики при проектировании городских и сельских поселений — Институт этнографии АН СССР заключил с ЦНИИП градостроительства Госгражданстроя СССР. Реальный вклад в совершенствование идеологической работы — соглашение Института этнографии АН СССР с ЦК ВЛКСМ о сотрудничестве в разработке вопросов интернационалистского воспитания молодежи. В рамках этого соглашения в апреле 1986 г. в Баку проведена школа-семинар для комсомольских работников и молодых ученых. Необходимо инициативнее и настойчивее развивать и другие формы междисциплинарной кооперации, нацеленные на повышение эффективности научных исследований, на более оперативное рассмотрение и решение актуальных проблем.

XXVII съезд КПСС — историческая веха в жизни партии, всего советского народа. Его главный политический итог — величественная программа ускорения социально-экономического развития страны, упрочения мира на Земле. Съезд дал могучий импульс новым успехам в созидательной работе, достижению качественно нового состояния нашего общества. «Самое важное теперь, — сказал при закрытии съезда М. С. Горбачев, — превратить энергию замыслов в энергию конкретных действий»⁹. Советские этнографы внесут свой вклад в выполнение этой всенародной задачи.

⁹ Коммунист, 1986, № 4, с. 174.

**К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ
НАРОДНОГО ЗОДЧЕСТВА (на примере
грузинского сельского жилища)**

В новой редакции Программы КПСС ставится задача «развития социалистической по содержанию, многообразной по национальным формам, интернационалистской по духу единой культуры советского народа на базе лучших достижений и самобытных прогрессивных традиций народов СССР»¹.

В системе позитивных этнокультурных традиций важное место занимает наследие народного зодчества. В 1976 г. принят Закон СССР об охране и использовании памятников истории и культуры, в соответствии с которым охране подлежат ценные образцы народного зодчества, в том числе традиционных типов сельских жилищ². Ряд видных специалистов в области архитектуры села считает целесообразным «не только физическое сохранение традиционных строений, но и развитие в новых условиях идей, заложенных в традиционных типах планировки и застройки сел»³. Представители разных отраслей знания отмечают многообразие современных функций народной архитектуры, подчеркивают ее эстетическое, познавательное, воспитательное значение, органичную связь с природной средой⁴. Выдвигаются предложения рассматривать в качестве памятников архитектуры не только уникальные единичные сооружения, но и целые массивы традиционных жилищ, а также некоторые сельские поселения⁵.

Вместе с тем сохранение в сельской местности многочисленных образцов народного зодчества сопряжено с немалыми трудностями экономического характера. Памятники материальной культуры обычно рассредоточены на обширной территории, часть которой могла бы быть использована в сельском хозяйстве. Кроме того, эта рассредоточенность усложняет задачу обслуживания, ремонта и реставрации памятников народного зодчества, что ведет к увеличению материальных затрат. В прошлом о сельских жилищах заботились их владельцы. Теперь же, когда в большинстве районов страны, в частности в некоторых горных районах Грузии, численность сельского населения вследствие миграции в город сокращается и часть жилого фонда остается без надзора, значительную долю расходов по сохранению наиболее ценных строений должно будет взять на себя государство.

Не исключено, что некоторые экономисты могут выразить сомнение в своевременности самой постановки вопроса о сохранении многочисленных образцов народного зодчества в период, когда осуществляется переход к интенсивным формам экономического развития, предусматривающим усиление режима экономии всех видов ресурсов. Однако такая точка зрения вряд ли получила бы всеобщую поддержку. Этнографы, например, могли бы аргументировать свои возражения тем, что в некоторых регионах страны, например в Урало-Поволжской историко-этнографической области, «подавляющая масса сельских жителей (от 75 до

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. Принята XXVII съездом КПСС. М.: Политиздат, 1986, с. 44.

² См. Ведомости Верховного Совета СССР, № 44/1858. М., 1976, с. 628.

³ Архитектура, районная планировка, градостроительство: обзорная информация, вып. 3. М., 1983, с. 25, 94.

⁴ Глазичев В. Л. Памятники внутри нас.— Декор. искусство СССР, 1969, № 135, с. 16—18; Давыдов Б. А., Домонова С. В. Особенности развития экосистем в районе с заповедными мемориальными зонами.— В сб.: Актуальные проблемы комплексного развития регионов и преодоления социально-экономических различий между ними. Материалы конференции. Саранск, 1983, с. 113—114.

⁵ Русокомский И. К. Села-памятники.— Памятники Отечества, 1981, № 1(3), с. 90.

95%) ... живет в домах более или менее традиционного облика»⁶. Эти дома представляют большую материальную ценность, следовательно, их сохранение и рациональное использование как раз и является одним из выражений ресурсосберегающей политики. Не случайно «реконструкция, обновление и повышение сохранности жилого фонда» рассматриваются в Программе КПСС в числе важнейших мер, направленных на ускоренное решение жилищной проблемы⁷. Но дело не только в непосредственной экономической эффективности. Главное состоит в том, что сохранение и умелое использование тех или иных этнических и региональных традиций способствуют созданию в сельских поселениях оптимального культурного климата, необходимого для развития человека, — фактора, с которым партия связывает решение всех намеченных ею задач⁸.

В этой гипотетической дискуссии между этнографами и экономистами отражены, на наш взгляд, реальные проблемы, связанные с сохранением сельских поселений — наследия народного зодчества. Действительно, сложилось некоторое противоречие между потребностью сбережения широкого круга позитивных явлений традиционной культуры и ресурсными ограничениями общества. Это объективно существующее противоречие стимулирует поиск новых форм охраны памятников материальной культуры и прежде всего таких, которые сопряжены с разнообразными видами практического использования последних⁹.

Возможность сохранения наиболее массового вида народного зодчества — традиционных сельских жилищ — станет реальностью только в том случае, если само население будет заинтересовано в использовании этих жилищ и возьмет на себя основную часть забот по их ремонту и реставрации. Однако известно, что в некоторых историко-культурных регионах сельские жители отдают предпочтение домам современного типа, и именно этим во многом объясняется сравнительно слабая сохранность здесь традиционного жилища. Экономические, социальные и экологические факторы способствуют динамике традиционной материальной культуры, преломляясь через сознание человека. Поэтому изучение потребностей и интересов сельских жителей в сфере использования традиционных жилищ является одной из важнейших предпосылок разработки эффективных мер по сохранению этой разновидности народного зодчества.

Свою основную задачу авторы видели в том, чтобы на основе анализа отношений к традиционному жилищу трех этнографических групп грузинского этноса (месхов, сванов и тушин) выявить некоторые подходы к разработке типологии социально-психологических и этносоциальных условий, оказывающих влияние на выбор различных форм сохранения памятников народного зодчества. Эти вопросы изучались авторами главным образом на материалах статистико-социологического исследования, проведенного ЦНИИП градостроительства Госгражданстрой СССР в 1984 г. в однопациональных грузинских селах трех историко-культурных областей Грузии: Месхет-Джавахети, Сванети и Тушети¹⁰. В выборочную совокупность вошли два высокогорных района — Местийский (Верхняя Сванети) и часть Ахметского (Горная Тушети), а также район Южно-Грузинского нагорья — Аспиндзский (Месхети)¹¹.

Одной из предпосылок сохранения наследия народного зодчества является стабильное воспроизводство численности коренного населения.

В Месхет-Джавахети и Сванети в отличие от большинства горных районов Грузии численность сельских жителей за последние 20 лет воз-

⁶ Пименов В. В. Народные традиции и трудовые ресурсы села (некоторые проблемы прикладной этнографии). — В кн.: Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР. Чебоксары, 1984, с. 13.

⁷ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция, с. 40.

⁸ Там же, с. 42.

⁹ См. Проблемы перспективного планирования и управления в сфере художественной культуры. Материалы научно-практической конференции. М., 1979.

¹⁰ Задачей этого исследования было изучение принципов разработки раздела «Охрана памятников истории и культуры» в проектах районной планировки.

¹¹ Статистические данные собирались по всем сельским населенным пунктам указанных районов, а социологический опрос проводился в выборочной совокупности сел. В Аспиндзском районе обследовано 9 сел, в Местийском — 8, в Ахметском — 6.

росла. В их составе велика доля местных уроженцев, в том числе потомственных жителей, несколько поколений предков которых жили в селах названных районов. В селах Месхети 83% опрошенных — местные уроженцы, из них 62% — потомственные жители, в селах Сванети 90% опрошенных — потомственные жители. Состав сельского населения Тушети, точнее ее высокогорной части, весьма своеобразен: из числа опрошенных лишь 29% родились в селах, где проводилось исследование. Однако и остальные считают себя местными потомственными жителями, ибо их предки — уроженцы Тушети. Сами же они либо недавно переехали на постоянное жительство в селения, некогда оставленные их предками, либо являются так называемыми «сезонными мигрантами» и значительную часть года живут в селах равнинных районов Кахети. Дело в том, что с конца XIX в. начался, а в 1930—1950-х годах значительно усилился процесс переселения тушин в Кахети. Здесь тушины разместились компактными группами в нескольких близко расположенных друг от друга селениях, главным образом в Земо Алвани и Квемо Алвани.

В настоящее время в республике ведется большая работа, направленная на освоение горных районов (Тушети, Хевсурети и др.) и создание в них условий, обеспечивающих рост численности населения и трудовых ресурсов. Особое внимание уделяется культурно-бытовому строительству, при этом учитывается заинтересованность местных жителей не только в сохранении, но и в возрождении многих черт традиционного облика сел¹². Эти мероприятия уже дали положительные результаты — тушины, например, возвращаются в родные места, причем увеличивается численность не только сезонного, но и постоянного населения¹³.

Характерно, что во всех обследованных нами историко-культурных областях сельские жители, оценивая основные достоинства своего села, первое место единодушно отвели привычной природной среде: чистый воздух, близость реки, леса, живописные окрестности и т. п. (так ответили 78% опрошенных в Месхети, 95% — в Сванети, 96% — в Тушети). На втором месте оказалась привычная социальная среда: «здесь живут родные и близкие» (66% опрошенных в Месхети, 92% — в Сванети, 83% — в Тушети). Третье место отдано традиционной материальной среде: «в селе сохранились своеобразная, присущая только этим местам архитектура», «памятники истории и культуры» (64% опрошенных в Месхети, 87% — в Сванети и 67% — в Тушети).

Оценка экономических и современных культурно-бытовых условий в селах весьма показательна; жители относят к числу достоинств эти условия реже, чем экологические и традиционные социально-культурные. Кроме того, респонденты менее единодушны в выборе приоритетов в сфере экономических условий. Так, к числу достоинств села большинство опрошенных в Месхети (58—60%) отнесли «возможность заниматься любимым трудом» и «хорошие заработки»; в Сванети (78%) — «хорошие приусадебные участки, большое хозяйство». В Тушети же более половины опрошенных (52%) отрицательно оценили все перечисленные в анкете экономические характеристики своих сел (выбор мест приложения труда, условия труда, размер заработков, условия ведения личного подсобного хозяйства и т. п.). Во всех обследованных районах, и особенно в Тушети, большая часть опрошенных (свыше 75%) выразила неудовлетворенность культурно-бытовым обслуживанием на селе.

Надо сказать, что результаты нашего исследования и социологических исследований, проведенных в ряде регионов страны, в какой-то мере совпадают. Так, большинство опрошенных жителей сибирских сел в число достоинств сельской жизни включили природные условия, возможность ведения личного хозяйства, покой, привычные отношения между

¹² В горах людям жить. — Заря Востока, 1984, 21 июня; В горы возвращаются горы — максимум заботы о них. — Там же, 1984, 29 июня.

¹³ Из 42 сел Горной Тушети 20 обитаемы лишь сезонно, 13 — в течение всего года, 9 пока не заселены.

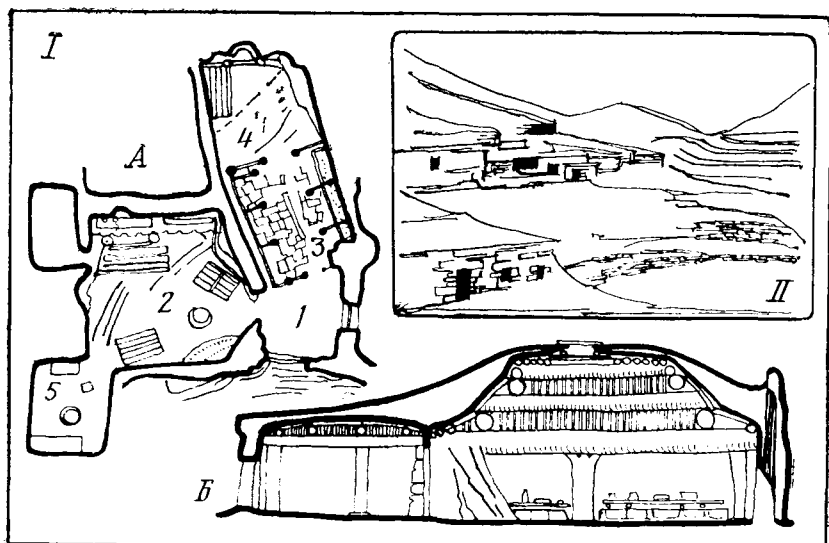

Рис. 1. Месхети. I. Дарбазный жилищно-хозяйственный комплекс в с. Хи-
забавра (рис. 1960-х годов). А — план комплекса: 1 — передняя, 2 — глав-
ное жилое помещение, 3 — хлев, 4 — жилая комната, 5 — пекарня; Б —
разрез с показом венцеобразного перекрытия. II. Общий вид села Зеда
Тмогви (рис. 1984 г.)

людьми, а в число недостатков — бытовое обслуживание¹⁴. Распреде-
ление оценок примерно то же, что и в изучаемом нами регионе. И это
вполне объяснимо. Сельские жители во всех регионах страны обычно
оценивают те или иные стороны своей жизни путем сопоставления их с
городскими. При таком сравнении современные экономические и куль-
турно-бытовые условия села явно уступают городским, а многие тради-
ционно-сельские характеристики проявляют сравнительно высокую кон-
курентоспособность. Разумеется, благоприятная природная среда и со-
храняющиеся позитивные традиции при плохом снабжении и неудовлет-
ворительном бытовом обслуживании зачастую не могут удержать в селе
жителей, особенно молодежь. Однако представляется справедливым и
то, что с утратой некоторых традиционно-сельских культурных ценностей
чрезмерный отток населения из сел нельзя будет остановить никакими
мерами по улучшению обслуживания.

В статье мы рассматриваем три типа традиционных сельских жилищ:
месхетские дарбази, сванские башенные комплексы и тушинские дома-
крепости.

Месхетские дарбази представляют полуподземный жилищно-хозяй-
ственный комплекс, включающий жилое помещение со ступенчато-вен-
цеобразным перекрытием (собственно дарбази) и хозяйственные поме-
щения различного назначения — кладовые, пекарню, хлев и т. п.¹⁵ При
необходимости (например, в связи с появлением новых видов бытовой
деятельности) дарбазные комплексы могли дополняться новыми специа-
лизированными помещениями. Дарбази располагаются террасами по
склонам гор. Тесно прижатые друг к другу и к склонам, отдельные дар-
бази и месхетские поселения в целом составляют как бы часть горного
ландшафта (рис. 1). Отмеченная особенность планировки традиционных
месхетских сел во многом диктовалась соображениями обороны: сли-
ваясь с горным ландшафтом, они были почти незаметны для врагов.
Благодаря своей вариативности, простоте конструктивной основы, дар-

¹⁴ Рывкина Р. В. Образ жизни сельского населения. Новосибирск: Наука, 1979, с. 334—335.

¹⁵ См.: Чиковани Т. И. Классификация и генезис закавказского жилища со ступенчато-венцеобразным перекрытием. — В кн.: Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1971, вып. 1, с. 35—79; Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX—XX веков: традиции и инновации. М.: Нау-
ка, 1982, с. 38.

бази на протяжении нескольких веков легко приспосабливались к изменяющимся социально-экономическим условиям, поэтому они вплоть до 1930-х годов являлись господствующим типом жилищ в горных селениях Месхет-Джавахети. Сейчас дарбази почти полностью вытеснены каменными, преимущественно двухэтажными домами равнинного типа. Это прежде всего относится к Джавахети, где большую часть населения составляют армяне, переселившиеся из Турции в первой половине XIX в. В Месхети дома дарбазного типа сохранились преимущественно в селениях коренных жителей (месхов) Адигенского и Аспиндзского районов. В селах Уде, Арали, Варгави, Чобарети, Дзвели, Саро, Хизабавра и некоторых других дарбази составляют от 20 до 40% существующего жилого фонда. Правда, о большей части дарбази уместнее было бы сказать, что они некогда служили жилищами. В Аспиндзском районе, например, около трети всех дарбази совершенно заброшены и постепенно разрушаются; остальные используются в качестве хозяйственных помещений (55—60%) и сезонных жилищ (примерно 30%). Опустевшее село Зеда Тмогви полностью застроено традиционными месхетскими домами с плоскими крышами (*ода сахли*), которые заселяются только летом, в период уборочных работ, жителями соседнего, современного по своему облику, села Накалакеви.

Сванский жилищно-хозяйственный комплекс включал, как правило, три типовых элемента: высокую башню, выполнявшую оборонные функции (иногда две — три башни), жилой дом (обычно двух-, реже трех- или четырехэтажный) и обнесенный каменной оградой двор с хозяйственными постройками¹⁶. В 1920-х годах начался интенсивный процесс трансформации традиционных сванских жилищ, охвативший к началу 1930-х годов даже самые высокогорные сванские общества (хеви). К традиционному жилищу пристраивали деревянные галереи, в комнатах делали дощатые полы и потолок, большие застекленные окна, камин¹⁷. В послевоенные годы, особенно в 1960—1980-е, трансформация сванского комплекса проявляется не столько в перестройке его жилой части, сколько в возведении рядом с традиционными современными жилищами, напоминающих дома равнинного типа (рис. 2). Даже в селениях Верхней Сванети современные дома составляют сейчас свыше 60% жилого фонда. Из элементов традиционного сванского жилого комплекса лучше всего сохранились башни. По нашим данным, в Местийском районе насчитывается около 300 башен, часть которых отреставрирована или восстановлена самими жителями. В то же время большинство традиционных жилищ находится в довольно запущенном состоянии. В Сванети 68% опрошенных указали, что они используют традиционные жилища преимущественно как подсобные помещения. В эту же группу мы включили ответы и тех, кто эпизодически сдает такие жилища в наем отдыхающим или туристам (17% опрошенных). Лишь 25% респондентов постоянно живут в традиционных, но значительно реконструированных жилищах. В Сванети нередки случаи аренды или приобретения государственными организациями частных жилых комплексов, которые переоборудуются под небольшие гостиницы, дома отдыха, дома творчества. Так, уже функционирует Дом творчества архитекторов в с. Ипари. Ведутся работы по приспособлению жилых комплексов под научные базы Академии наук и Управления геологии Грузинской ССР. Музеем стал жилой комплекс фамилии Хергиани в с. Лехтаги.

*Тушинские дома-крепости («чардахуани-сахли»)*¹⁸ — один из ярких образцов народной башенной архитектуры. К концу XIX в. основной их разновидностью был четырехэтажный дом с двускатной крышей. Строительным материалом, для кладки стен и для покрытия, служили природные шиферные плиты. Первый этаж использовался для содержания ско-

¹⁶ Джандиери М. И., Лежава Г. И. Народная башенная архитектура. М.: Стройиздат, 1976; Калдани А. М. Жилые комплексы Сванети. Тбилиси, 1974; Робакидзе А. И. Сванети. I. Тбилиси: Мецниереба, 1984.

¹⁷ Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Указ. раб., с. 43—44.

¹⁸ См. Джандиери М. И., Лежава Г. И. Указ. раб., с. 5.

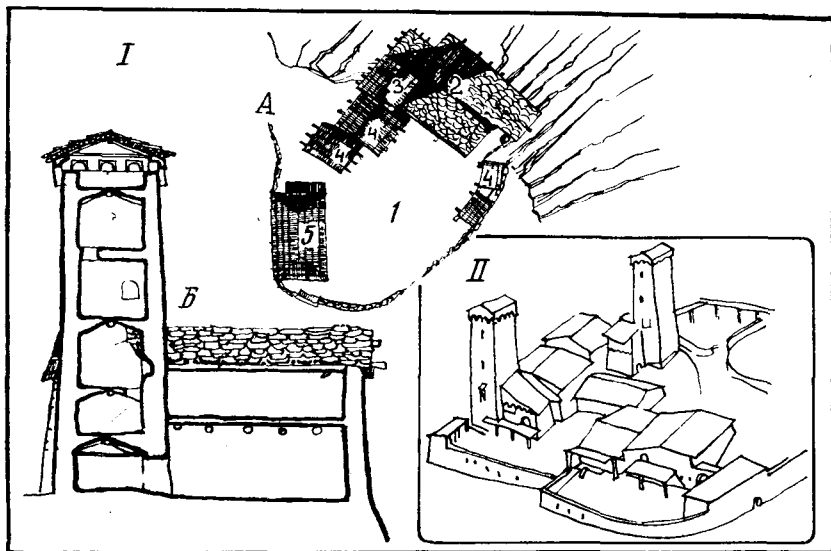

Рис. 2. Сванети. I. Сванский жилой комплекс в с. Ипари (рис. 1984 г.). А — план комплекса: 1 — двор, 2 — традиционное жилище, 3 — башня, 4 — хозяйственные постройки, 5 — новое жилое здание равнинного типа; Б — разрез башни. II. Общий вид сванского жилого комплекса в с. Лехтаги (рис. 1970-х годов)

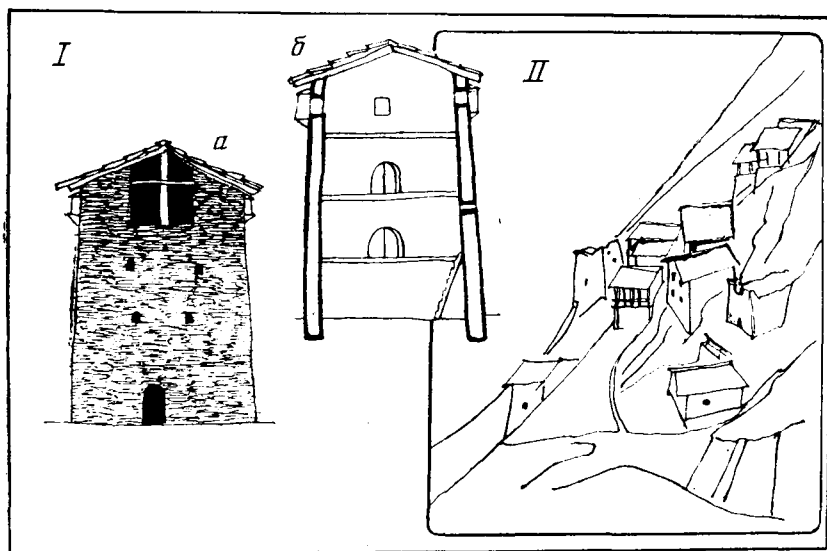

Рис. 3. Тушетети. I. Дом-крепость из с. Чиги (рис. 1930-х годов): а — фасад, б — разрез. II. Общий вид части села Дочу (рис. 1984 г.)

та, второй и третий — как жилые помещения, четвертый этаж выполнял оборонные функции (рис. 3)¹⁹. С 1930-х годов началось строительство домов нового типа, однако подавляющее большинство тушин продолжало жить в традиционных домах, постепенно их переделывая. Разбирали четвертый, оборонный, а иногда и третий этажи. Оставшиеся три (или два) этажа перекрывали традиционным способом. Вместо бойниц пробивали окна; пристраивали деревянные лестницы, навесы, террасы²⁰. Таким образом, дома-крепости трансформировались в дома с крытой террасой. Этот тип жилища сельские жители тоже считают традиционным. Дома, сохраняющие в той или иной степени традиционный облик, составляют в селах Тушетети свыше 80% жилого фонда. Все они используются

¹⁹ Макалатия С. И. Тушетети. Тбилиси, 1983, с. 139—142 (на груз. яз.).

²⁰ Там же.

в соответствии с их первоначальной функцией — как постоянные или сезонные жилища. Тушины, возвращаясь в горы, либо полностью реставрируют ранее заброшенные жилища, либо, как это делается в селах Бочорма, Хисо и ряде других, возводят на старом фундаменте новые дома, используя традиционные строительные материалы. При этом, как правило, сохраняются пропорции и основные черты внешнего облика традиционных жилищ. Сохраняется и традиционная планировка тушинских селений.²¹ Характерно, что тушины заинтересованы в возрождении не только своих жилищ и поселений, но и традиционных локальных систем расселения. Так, они высказываются за передачу функций центров сельских Советов тем поселениям, которые выполняли их в прошлом (до 60-х годов)²¹.

Таким образом, современные формы использования традиционных жилищ (в основном того типа, который сложился в 1930-х годах) различны у рассматриваемых нами этнографических групп грузин. Большая часть опрошенных в Месхети и Сванети использует традиционные жилища как подсобные хозяйственные помещения, а в Тушети — как постоянные и сезонные (летние) жилища.

Судя по результатам опроса, в ближайшем будущем использование домов традиционных типов в качестве жилища может еще больше сократиться в Месхети (лишь 23% опрошенных хотели бы жить в таких домах, и то при условии их существенной перестройки), значительно возрасти в Сванети (64% опрошенных согласны жить в традиционных по внешнему облику домах при условии их благоустройства) и практически не измениться в Тушети (80% опрошенных готовы и в дальнейшем жить в таких домах, но тоже высказались за их благоустройство).

Оценивая перспективы использования традиционных жилищ, 45% опрошенных в Месхети ответили, что дарбази могут в будущем служить лишь подсобными помещениями; такие ответы мотивируются в основном представлением о нереалистичности других форм использования. Так, выяснилось, что многим жителям месхетских селений дарбази не так уж необходимы как хозяйственные помещения, и они охотно продали бы их какой-либо организации или частному лицу. Однако большая часть опрошенных считает маловероятной возможность такой продажи. В Сванети, напротив, значительная часть населения убеждена, что их традиционные жилища представляют большую ценность для различных государственных организаций. Как уже было показано, подобные представления не лишены основания. Поэтому неудивительно, что 73% опрошенных в Верхней Сванети считают реальной и желательной продажу или сдачу своих домов в аренду и последующее переоборудование их под здания общественного назначения (гостиницы, пансионаты, клубы, библиотеки, кинозалы). С каждым годом растет поток туристов в Верхнюю Сванети. Значительную их часть составляют так называемые неорганизованные туристы, которые снимают жилье у частных лиц, и 22% опрошенных хотели бы сдавать свои жилища туристам на небольшой срок.

Из рассматриваемых этнографических групп тушины, на наш взгляд, в наибольшей мере ориентированы на сохранение и возрождение традиционных жилищ. Отношение сванов неоднозначно: они сохраняют и отчасти реставрируют один из элементов традиционного жилого комплекса — башню и сравнительно мало внимания уделяют жилым помещениям. Месхи меньше других ориентированы на сохранение традиционных жилищ в будущем. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что 30% опрошенных в Месхети не проявили интереса ни к одной из возможных форм использования в будущем традиционных жилищ.

Выяснение причин, обусловивших различия в отношении рассматриваемых этнографических групп грузин к традиционным типам жилищ, требует проведения дополнительного исследования. Пока можно высказать лишь предварительные, гипотетические соображения по некоторым аспектам этого вопроса.

²¹ В горах людям жить.— Заря Востока, 1984, 21 июня.

Исследование еще раз подтвердило, что в высокогорных районах (Түшети и Сванети) в большей мере, чем в районах нагорья (Месхети), сохраняются элементы традиционной культуры. Вероятно, географический фактор, в прошлом существенно влиявший на формирование региональных и этнических особенностей культуры, и теперь не утратил своего значения.

При изучении причин отмеченных различий целесообразно, на наш взгляд, учитывать и немаловажный фактор престижности различных типов жилищ. Сельские жители определяют достоинства и недостатки традиционных домов сравнением их с современными. Эталоном современного сельского жилища в большинстве районов Грузии является двухэтажный дом равнинного или, как его еще называют, «кахетинского» типа²², во многом напоминающий индивидуальное городское жилище.

Из рассматриваемых традиционных типов жилищ менее других соответствуют престижному образцу месхетские дарбази, но в условиях Месхети они имеют и некоторые объективные преимущества по сравнению с ним. Прежде всего дарбази намного дешевле, в их строительстве рационально используются недорогие местные строительные материалы. Кроме того, конструктивные особенности дарбази, например венцеобразные перекрытия главного жилого помещения, обеспечивают хорошую вентиляцию и теплоизоляцию, достаточное и равномерное освещение. Дарбази прекрасно приспособлены к экологическим условиям горных районов Месхети. Место для их строительства выбиралось на сухих горных склонах, благоприятных для здоровья человека и в то же время непригодных для земледелия. Таким образом, традиционная застройка месхетских поселений способствовала самому экономному для данного региона использованию земель, в том числе пахотных. Однако перечисленные достоинства традиционного месхетского жилища, видимо, менее значимы для местного населения, чем соответствие жилища престижным образцам. По нашим наблюдениям, потребности местных жителей в современных коммунальных удобствах весьма скромны: нередко в современном жилище используются традиционные виды канализационных систем и водоснабжения, что в значительной мере обесценивает его объективные достоинства. Вероятно, сельских жителей-месхов привлекают не столько утилитарные качества новых жилищ, сколько их высокая престижность. Даже сравнительно малообеспеченные семьи ориентируются на строительство современных двухэтажных домов, мотивируя это желанием «не отстать от других».

Возможно, большую жизнеспособность башенной народной архитектуры (сванских жилых комплексов и тушинских домов-крепостей) по сравнению с полуподземным типом жилищ (месхетскими дарбази) можно объяснить тем обстоятельством, что первые не только служили целям обороны, но и были символом социального престижа их владельцев²³. Месхетские же дарбази, на наш взгляд, не имели престижно-символических функций, либо эти функции были очень слабо выражены. Различные образцы дарбази практически лишены внешних индивидуальных особенностей. Для того чтобы выполнять функции «маскирующей обороны», дарбази должны были быть незаметны для врагов. Эта «незаметность», отсутствие индивидуальной выразительности домов в известной мере препятствуют их сохранению теперь.

В современных условиях отношение сельских жителей к традиционному жилищу в значительной мере формируется под влиянием «внешнего» фактора — растущего интереса горожан к образцам своей традиционной культуры, сохраняющейся в сельских поселениях. Известность, популярность различных сельских районов у горожан-туристов неодинакова, поэтому и мера воздействия указанного фактора в каждом из интересующих нас районов различна.

²² Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Указ. раб., с. 54.

²³ См. Робакидзе А. И. Указ. раб., с. 32.

Сванские башни имеют широкую, пожалуй, всемирную известность, которая повышает ценность традиционных жилищ в глазах сельского населения²⁴.

В последнее время средства массовой информации уделяют большое внимание Тушети. Возможно, этим объясняется повышение интереса горожан к архитектурно-историческим достопримечательностям этой весьма своеобразной части Грузии.

Районы Месхет-Джавахети также достаточно освоены туристами, однако объектом их внимания в основном является ансамбль пещерного поселения Вардзиа. Традиционные месхетские жилища — образцы народного зодчества — почти неизвестны за пределами края. Не случайно местные жители удивлялись тому, что участники нашей экспедиции знали о существовании дарбазных комплексов в том или ином поселении. Такая реакция совершенно нехарактерна не только для жителей Сванети, но и для менее освоенной туристами Тушети.

Более интенсивный, чем в других рассматриваемых историко-культурных областях, процесс трансформации традиционной материальной культуры грузин Месхет-Джавахети во многом объясняется историей этого края: в течение длительного времени он развивался в особых политических условиях, подвергался отуречиванию и исламизации. Влияет, разумеется, и то обстоятельство, что месхи составляют меньшинство населения Месхет-Джавахети.

Комплекс специфических факторов обусловил высокую ориентацию тушин на сохранение элементов традиционной материальной культуры. Хотелось бы выделить два основных, на наш взгляд, фактора: экономическую необходимость (в связи с возвращением людей на постоянное или сезонное жительство в ранее заброшенные селения) максимально полного использования имеющегося жилого фонда и психологическую потребность в сохранении всего круга традиционных явлений, связывавшихся в сознании тушин с представлением о родной земле. В системе таких явлений-символов важную роль играют традиционные жилища.

Под влиянием многих факторов, требующих особого изучения, в рассматриваемых нами историко-культурных областях Грузии сложились разные предпосылки сохранения и использования традиционных типов жилищ. Наиболее остры и сложны проблемы сохранения наследия народного зодчества в Месхет-Джавахети. Как уже отмечалось, лишь немногие из опрошенных хотели бы в будущем жить в домах традиционного типа. Поэтому индивидуальные вложения населения составят, видимо, крайне незначительную часть тех средств, которые необходимы для реставрации и реконструкции образцов народного зодчества. В этом случае мероприятия по охране памятников могут потребовать значительных государственных ассигнований.

Прежде всего необходимо взять под охрану государства наиболее ценные образцы дарбазных комплексов, такие, как дарбази фамилии Зедгенидзе в с. Чобарети, Асканидзе в с. Саро, комплекс в с. Арали и в ряде других сел Аспиндзского и Адигенского районов²⁵. Целесообразно также рассмотреть вопрос о возможности превращения в музейный комплекс всего селения Зеда Тмогви, единственного в своем роде, ибо в нем полностью сохранились традиционная для месхетских сел застройка и планировка.

В селах Саро, Дзвели, Чобарети и Хизабавра Аспиндзского района большая, чем в других месхетских селениях, часть жителей (30—35%)

²⁴ В Сванети 85% опрошенных указали, что башенная часть жилого комплекса является памятником истории, из них 62% — отнесли к числу памятников и жилую часть комплекса. Дифференцированная оценка различных элементов традиционного жилого комплекса в какой-то мере отражает то обстоятельство, что туристы основное внимание уделяют именно башням.

²⁵ Такой опыт уже есть. Например, дарбазный комплекс из Ахалцихе перенесен в Тбилисский музей под открытым небом. Однако оторванный от своего экологического и социокультурного окружения, он в значительной мере теряет эстетическую и познавательную ценность. Значительно больший эффект дали бы различные формы охраны памятников народной архитектуры в естественном окружении.

заинтересована в использовании дарбази в качестве постоянных жилищ, но при условии их реконструкции за счет государственных и колхозных средств. Исходя из пожеланий жителей этих сел, реконструкция дарбази должна включать ремонт или замену деревянных перекрытий, их надежную гидроизоляцию, а также оснащение жилищ необходимыми современными удобствами.

В селах Саро и Чобарети, многие жители которых сохраняют традиции ковроткачества, 40% опрошенных высказались за преобразование традиционных жилищ в мастерские народных промыслов. В целом по Месхети такая ориентация характерна для 19% опрошенных.

Практически во всех селах Месхети значительная часть дарбази может быть приспособлена под здания культурно-бытового назначения (библиотеки, клубы, медпункты, приемные пункты бытового обслуживания и т. д.). Вполне реальна перспектива использования дарбази для различных видов обслуживания туристов. Характерно, что почти $\frac{3}{4}$ опрошенных в Месхети (больше, чем в других обследованных районах) хотели бы, чтобы их села были включены в туристические маршруты. Жители месхетских сел связывают с развитием туризма такие желательные для них изменения, как улучшение транспортных связей с городом, благоустройство сел, а также получение интересной, по их мнению, и хорошо оплачиваемой работы в сфере туризма.

Осуществление комплекса мероприятий по сохранению, реконструкции и переоборудованию традиционных жилищ (дарбази) потребует значительных капиталовложений. Однако эти затраты, на наш взгляд, оправданы, поскольку способствуют повышению уровня удовлетворенности местного населения условиями жизни и закреплению его в горных районах. Не менее существенны экономические последствия сохранения своеобразного культурного ландшафта сельских районов Месхети, прежде всего как предпосылки развития туризма — одной из самых рентабельных отраслей экономики.

Иначе обстоит дело с наследием народного зодчества в Сванети. Здесь сами жители уделяют большое внимание сохранению традиционного культурного ландшафта, прилагают усилия и затрачивают собственные материальные средства на поддержание одного из элементов традиционного жилого комплекса — башен. Не противоречат мнению специалистов (архитекторов, искусствоведов и др.) представления сельских жителей о возможности приспособления пустующих или используемых лишь в хозяйственных целях традиционных жилищ под здания общественного назначения. Институтом Грузгипрогорстрой уже разработаны проекты приспособления сванских башенных комплексов под гостиницы, культурно-бытовые и просветительские учреждения (рис. 4). Жители Сванети весьма благожелательно относятся к перспективам развития туризма: 69% опрошенных высказались за включение их сел в туристические маршруты.

Вместе с тем включение сел в туристические комплексы и переоборудование традиционных жилищ под здания общественного назначения не решают полностью проблемы сохранения многочисленных ценных образцов сванской народной архитектуры. В селах, как известно, преобладают не общественные, а жилые строения, поэтому если не будет приостановлен процесс вытеснения традиционных жилищ новыми, стандартными — не удастся сохранить неповторимый облик сванских селений. Как отмечалось, более половины опрошенных в Сванети согласны жить в домах традиционного типа, но с более высоким, чем в настоящее время, уровнем их благоустройства. Разработанные Институтом Грузгипрогорстрой проекты общественных зданий показывают, что технически возможно обеспечить сванские индивидуальные жилища всеми современными видами удобств, не нарушая эстетической ценности этих жилищ.

В Тушети существующие формы использования традиционных жилищ и ориентация населения на сохранение и в будущем их жилых функций в целом отвечают задачам сбережения наследия народного зодчества. Однако и здесь имеются свои проблемы. Основным строительным

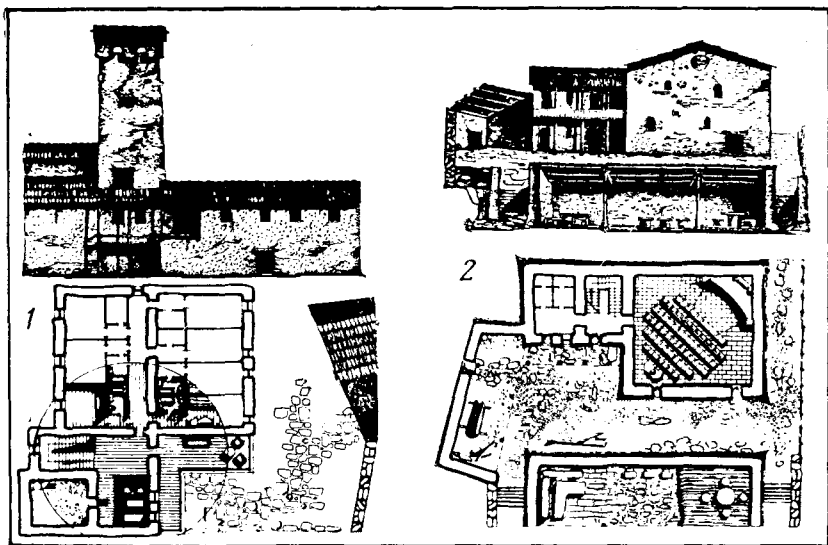

Рис. 4. Проекты приспособления сванских жилых комплексов под здания общественного назначения: 1 — проект гостиницы, 2 — проект общественного здания с кинолекционным залом (авторы: архитекторы Г. Метревели, В. Коридзе, Т. Сирбиладзе)

материалом для сооружения традиционных тушинских жилищ служит природный шифер. Его добыча крайне трудоемка, а транспортировка из отдаленных районов обходится индивидуальным застройщикам очень дорого. Поэтому в восстанавливаемых тушинских селах традиционные строительные материалы постепенно заменяются новыми, что в известной мере нарушает своеобразный и чрезвычайно привлекательный облик тушинских сел. Опрошенные нами жители Тушети отмечают, что могли бы больше использовать местные строительные материалы при условии снижения их стоимости и улучшения снабжения ими. Для этого необходимо индустриализовать добычу шифера и обеспечить усилиями государственных организаций его доставку непосредственно в сельские поселения. Наибольшей трансформации подвергается один из конструктивных элементов традиционных тушинских зданий — кровля. Традиционный кровельный материал (природные шиферные плиты) заменяется современным (листовым железом, реже искусственным шифером). Это объясняется не только трудностями добычи и транспортировки шифера, но и некоторыми недостатками традиционной конструкции покрытия тушинских жилищ. Шиферные плиты, уложенные непосредственно на обрешетку, под воздействием собственной тяжести, а также сползающего снегового покрова сильно смещаются, между ними образуются большие зазоры. Это ведет к быстрому самопроизвольному разрушению всего покрытия. Чтобы устранить этот недостаток, необходимо внедрить в практику строительства тушинских домов новый способ укладки шиферных плит — на клеющую основу.

Осуществление указанных мероприятий способствовало бы не только сохранению самобытного облика тушинских селений, но и решению ряда общих задач, поставленных перед сельским строительством в стране. Одна из них — более широкое использование местных строительных материалов.

Своеобразие традиционно-культурного облика сел и живописный ландшафт привлекают в Тушети все больше туристов. Однако при планировании развития туризма следует учитывать весьма негативное отношение к нему местного сельского населения. В среднем 45% опрошенных высказались против включения их сел в туристические маршруты. А в селах Дикло, Дочу, Парсма, Чешо и Хисо 60—70% опрошенных негативно восприняли перспективу появления здесь многочисленных, шумных (как они считают) групп туристов. Для сравнения отметим, что в Сванети

указанная категория составила только 22%, а в Месхети — не выявлена вовсе²⁶. Лишь в самом крупном из обследованных тушинских сел — районном центре Омало более половины опрошенных высказались за создание туристического комплекса, мотивируя это в основном желанием получить работу в сфере обслуживания туристов. Характерно, что во внешнем облике этого селения, а также в образе жизни его жителей в меньшей мере, чем в других тушинских селениях, проявляются традиционные черты.

Подведем некоторые итоги. На наш взгляд, примечателен тот факт, что в трех этнографических группах одного этноса проявляются весьма существенные различия в отношении к сохранению и формам использования традиционных жилищ.

Наиболее благоприятные социально-психологические предпосылки для сохранения рассматриваемых нами образцов народного зодчества сложились в Тушети, сравнительно менее благоприятные — в Сванети и неблагоприятные — в Месхет-Джавахе́ти.

Вероятно, не только в Месхет-Джавахе́ти наблюдается ситуация, при которой коренное население оценивает заимствованные типы жилищ более высоко, чем местные традиционные. Для таких регионов актуальна задача активизации человеческого фактора в деле сохранения наследия народной архитектуры. Однако, учитывая, что процесс изменения социально-психологической ориентации населения достаточно длителен, а задачи спасения памятников материальной культуры безотлагательны, потребуется привлечь значительные государственные ассигнования. В то же время в регионах, где ценностные ориентации сельских жителей примерно такие же, как у населения Тушети, основную часть расходов по сохранению и возрождению традиционных жилищ и поселений могут взять на себя сами сельские жители при условии, что им будет оказано содействие со стороны государственных организаций.

Результаты обследований, проведенных в Сванети и Месхети, показывают, что в некоторых регионах большой социально-экономический эффект может дать приспособление традиционных жилищ под здания общественного назначения. Опыт Сванети свидетельствует также, что памятники народного зодчества привлекают к себе все большее число туристов, а развитие в сельской местности туризма имеет не только экономическое, но и большое воспитательное значение как для городского, так и для сельского населения. В то же время на примере Тушети мы убедились, что не во всех этнокультурных регионах сельские жители заинтересованы в расширении масштабов туризма. Поэтому при определении форм использования историко-культурных ландшафтов следует учитывать не только экономические, но и этические последствия планируемых мероприятий.

Проведенные нами исследования позволяют утверждать, что сохранение памятников материальной культуры является одним из важных факторов интеграции и поддержания стабильности сельских территориальных общностей. Это обстоятельство необходимо принимать во внимание при решении задач закрепления трудовых ресурсов в сельской местности.

²⁶ Вопрос о причинах своеобразного отношения тушин к развитию туризма в их крае требует специального изучения. Пока можно сказать, что по культурному уровню тушины не уступают другим обследованным группам грузинского сельского населения. Являясь сезонными мигрантами, они хорошо знакомы с жизнью города и таких высокоурбанизированных сельских районов, как равнинная часть Кахети.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДА

Вопрос о возможности и целесообразности использования художественной литературы в качестве исторического источника до сих пор остается спорным и неразработанным.

Согласно принятой в советском источниковедении точке зрения, исторические источники — это «все, отражающее развитие человеческого общества и являющееся основой для его научного познания, т. е. все созданное в процессе человеческой деятельности и несущее информацию о многообразных сторонах общественной жизни»¹. Не подлежит сомнению, что сказанное можно с полным основанием отнести и к художественной литературе. Таким образом, казалось бы, она безоговорочно может считаться историческим источником. На практике дело обстоит гораздо сложнее.

В учебниках по источниковедению «литературно-художественные памятники» рассматриваются в лучшем случае до XVII в.; в главах, посвященных более поздним периодам истории, этот вопрос обходится молчанием. В то же время категорическое отрицание целесообразности использования художественной литературы как источника по истории нового и новейшего времени мы встретили только у одного автора — Л. Н. Гумилева. Он пишет: «Для новейшего периода истории... — XVIII—XX веков — сама постановка вопроса кажется странной и ненужной. Ну кому придет в голову составлять историю Северной войны, опираясь на „Полтаву“ Пушкина, или описывать поход Наполеона 1812 года по „Войне и миру“ Л. Н. Толстого?»² Между тем автор признает необходимость обращения к художественной литературе при изучении древней истории, т. е. в тех случаях, когда других источников мало или нет совсем. На наш взгляд, в рассуждениях Л. Н. Гумилева происходит подмена оснований. Источник не перестает быть таковым только оттого, что существуют другие источники, освещающие ту же эпоху, те же события и пр. Напротив, привлечение нескольких различных по своему характеру источников позволяет получить более объективное представление об исследуемых явлениях. «Война и мир», действительно, не может служить источником для изучения Отечественной войны 1812 года, но не потому, что есть другие источники, а потому, что Толстой не был очевидцем изображаемых им событий. А вот его «Севастопольские рассказы» вполне правомерно принять во внимание при воссоздании истории Крымской войны, так как они написаны не просто свидетелем, но и непосредственным участником военных действий.

Представляется убедительной точка зрения, согласно которой художественное произведение может рассматриваться как источник только в том случае, если оно создано на основании личных наблюдений автора и не является результатом изучения других источников, как обычно бывает при написании исторических романов, повестей и пр.³

Источниковедческая ценность художественных произведений исторического жанра определяется содержащимся в них отражением «определенных взглядов писателя и его современников»⁴.

¹ Источниковедение истории СССР. 2-е изд., перераб. и доп./Под ред. Ковальченко И. Д. М.: Высш. школа, 1981, с. 8.

² Гумилев Л. Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? — Русская литература, 1972, № 1, с. 73.

³ См.: Рабинович М. Г. Город и поэт (к этнографическому источниковедению). — Сов. этнография, 1985, № 1; Решетов А. М. Произведения русских художников XVIII—начала XX в. как источник для изучения культуры и быта населения Петербурга (постановка вопроса). — В кн.: Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л.: Наука, 1982.

⁴ Миронец Н. И. Художественная литература как исторический источник (к этнографии вопроса). — История СССР, 1976, № 1, с. 135.

Таким образом, вопрос, по нашему мнению, не в том, может ли художественная литература служить историческим источником, а в том, какие требования предъявлять к этому источнику, ответы на какие вопросы в нем искать.

Существующие в литературе мнения на этот счет достаточно единодушны. В. И. Стрельский считает, что художественные произведения являются прежде всего источником, «объективно отражающим общественное мнение, господствующие идеи эпохи»⁵. В том же ключе, но несколько шире понимает значение этого источника И. Я. Биск: «Попытки восстановить облик исторических деятелей и событий по произведениям художественной литературы не всегда возможны и целесообразны, учитывая обилие источников для изучения новой истории. Произведения художественной литературы представляют ценность как источники по истории культуры, быта и нравов (курсив мой.—Е. Ф.), общественной мысли и общественно-политической борьбы»⁶.

Н. И. Миронец подчеркивает, что «при изучении быта и нравов (курсив мой.—Е. Ф.), настроений, общей атмосферы эпохи историк может почерпнуть из художественной литературы массу сведений, в особенности из тех произведений, в которых писатель воссоздал современную ему эпоху, описал те стороны жизни, которые сам наблюдал»⁷.

Еще более определенно высказывает ту же мысль А. В. Предтеченский: «...почти в каждом произведении русской классической литературы историк найдет бытовой материал. Существует множество бытовых черт и черточек, о которых историк узнает из художественной литературы и которые ни в каком другом источнике не отражены»⁸.

Поскольку «...ядро предметной области этнографии... составляет прежде всего традиционно-бытовая культура»⁹ (курсив мой.—Е. Ф.), становится очевидным, что для этнографа художественная литература может служить источником еще в большей степени, чем для историка.

Отметим, что даже при изучении современности или не столь отдаленного прошлого исследователь сталкивается с неравномерностью освещения различных проблем. Так, этнография города меньше обеспечена источниками, чем этнография села, поскольку основным носителем этнических традиций долгое время считали крестьянство, и интерес ученых был направлен преимущественно на изучение деревни¹⁰. Поэтому при обращении к этнографии города вопрос расширения источниковой базы приобретает особую актуальность¹¹.

Много материала может дать художественная литература при рассмотрении таких проблем, как стереотипы поведения, ценностные ориентации, убеждения, этническое самосознание, а также брачно-семейные отношения и другие аспекты соционормативной культуры.

Благодаря своим специфическим особенностям художественная литература обладает рядом преимуществ по сравнению с другими видами письменных источников. Именно эти преимущества позволили Ф. Энгельсу написать: «Бальзак... в „Человеческой комедии“ дает нам самую замечательную реалистическую историю французского „общества“, особенно „парижского света“..., из которой я даже в смысле экономических деталей узнал больше..., чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых»¹².

⁵ Стрельский В. И. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в.—1917 г. М.: Высш. школа, 1962, с. 542.

⁶ Биск И. Я. Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории. Тамбов, 1971, с. 142—143.

⁷ Миронец Н. И. Указ. раб., с. 134—135.

⁸ Предтеченский А. В. Художественная литература как исторический источник.—Вестн. ЛГУ, 1964, № 14. Сер. истории, языка и литературы, вып. 3, с. 84.

⁹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 84.

¹⁰ См. Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М.: Наука, 1978, с. 3.

¹¹ Удачным примером использования художественного текста для изучения города является уже упоминавшаяся статья М. Г. Рабиновича «Город и поэт (к этнографическому источниковедению)».

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 36.

Применительно к русской литературе подобный вывод сделал Д. И. Писарев. «Когда мы изучаем историю,— писал он,— нам редко удается заглянуть в душу людей известной эпохи, не всегда удается перенестись в круг их понятий, объяснить себе, как смотрят они на себя, на мир, на свои отношения к обществу, к семейству и к человечеству. Такие черты не заносятся в летописи... Внутренняя, духовная жизнь эпохи может отразиться только в художественном произведении. На этом основании некоторые подобные произведения стоят на ряду с драгоценнейшими историческими памятниками»¹³.

Сравнительная ценность каждого конкретного литературного произведения применительно к этнографии определяется его стилистическими и жанровыми особенностями, тематикой, уровнем компетенции автора и его принадлежностью к тому или иному общественному или литературному направлению.

Особую ценность представляет реалистическая литература. Писатели-реалисты стремятся дать наиболее полное и верное отражение жизни — событий, людей, предметов и явлений, изображая их такими, какими они являются в действительности.

«Реализм,— писал Ф. Энгельс,— предполагает, помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах»¹⁴. Типизация — один из важнейших принципов реалистической литературы, наивысшая форма художественного обобщения действительности, позволяющая литературе глубже проникать в жизнь, полнее и ярче раскрывать тенденции ее развития, быть орудием ее познания. Говоря о лучших представителях реализма, Энгельс отмечал, что в их произведениях художественная достоверность достигается вне зависимости, а иногда и вопреки их общественно-политическим воззрениям¹⁵.

Большое значение для этнографа имеет культурно-бытовой фон, на котором разворачивается действие, среда обитания персонажей. Обычно она воссоздается с большой достоверностью. Этому способствует тот общеизвестный факт, что талантливый художник замечает гораздо больше рядового наблюдателя. В. Г. Белинский писал, что народность (т. е. верность изображения нравов, обычаев и характера народа), «чтобы отразиться в поэтическом произведении, не требует такого глубокого изучения со стороны художника, как обыкновенно думают. Поэту стоит только мимоходом взглянуть на ту или иную жизнь, и она уже усвоена им»¹⁶.

Литература дореалистических направлений — сентиментализма и романтизма, не ставившая задачи достоверного отражения окружающей действительности, а также произведения фантастического, утопического, публицистического и гротескного жанров представляют меньшую ценность для этнографа и могут использоваться лишь ограниченно и с большой осторожностью. В этих источниках особенно важны детали, увиденные автором как бы «боковым зрением», мимоходом перечисленные маловажные подробности, так как именно на них лежит подчас отпечаток эпохи.

Становление реализма в русской литературе началось в 30—40-е годы XIX в. и связано с именами А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и писателей так называемой «натуральной школы», осуществивших в конце 1840-х годов под редакцией Н. А. Некрасова издание альманаха «Физиология Петербурга», в котором были собраны рассказы и очерки, повествующие о быте различных слоев населения русской столицы, особенно городской бедноты.

К 1860-м годам реалистическое направление достигает подлинного расцвета и становится абсолютно преобладающим в русской литературе.

¹³ Писарев Д. И. Соч. в четырех томах, т. I. М., 1955, с. 20.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 35.

¹⁵ См. Там же, с. 37.

¹⁶ Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу. М.: Современник, 1983, с. 138.

В качестве одного из основных требований, предъявляемых к художественному произведению, выдвигается правдивое изображение действительности, «узнаваемость» картин жизни, обращение к общественно значимым вопросам. На страницах литературных произведений анализируются аграрные отношения и крепостнические пережитки, своеобразие формирующегося русского капитализма, общественное положение и развитие личности, религиозные, нравственные и этические проблемы, самосознание и поведение масс. Важное место в литературной полемике занимает вопрос о народности литературы. Еще В. Г. Белинский считал, что литература должна выражать и воспроизводить дух народа, его внутреннюю жизнь «до сокровенных глубин и биений»¹⁷ и провозглашал верность изображения нравов, обычаев и характеров народа необходимым условием истинно художественного произведения¹⁸. Эту же мысль развивал и К. С. Аксаков¹⁹.

В спорах между представителями различных общественно-политических и литературных направлений подвергались теоретическому осмыслению такие понятия, как «народ», «народность», «русское воззрение» и т. д.²⁰ Принцип народности не только декларировался в программных статьях, но и последовательно воплощался в художественных произведениях, будучи одним из важнейших положений критического реализма.

Характерной особенностью прозы 1860-х годов было расширение ее социальных границ. Усиление разночинно-демократического элемента в русской интеллигенции не обошло и литературу и выразилось, в частности, в формировании целого направления, получившего название «этнографическая беллетристика». В произведениях представителей этого направления — А. И. Левитова, Ф. М. Решетникова, В. А. Слепцова, Н. Г. Помяловского, Г. И. Успенского, М. А. Воронова и др. — «заметно стиралась грань между художественным и научным подходом к изображению действительности. Здесь художественная проза вступала в тесное соприкосновение отчасти с экономическими науками, отчасти с этнографией... с народознанием в широком смысле слова»²¹. На эту особенность литературы 1860-х годов неоднократно указывали как современники — писатели, критики, общественные деятели, так и советские ученые.

Следует отметить, что общество предъявляло к этнографической беллетристике высокие требования. В рассматриваемый нами период считалась уже недостаточной и даже предосудительной простая зарисовка отдельных внешних деталей народного быта или описание архаических черт культуры. От литературы ждали глубокого осмысления современной социальной действительности, анализа мировоззрения народа²². Такой подход был возможен благодаря тому, что писатели-демократы вели не кабинетный образ жизни, а собирали материал для своих рассказов, очерков, повестей и романов непосредственно в гуще народа; некоторые из них (например, В. А. Слепцов) использовали при этом программы Русского географического общества.

По признанию М. Горького, писатели-разночинцы «дали огромный материал к познанию экономического быта нашей страны, психических особенностей ее народа, изобразили его нравы, его обычаи, его настрое-

¹⁷ Там же, с. 22.

¹⁸ Там же, с. 138.

¹⁹ Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Современник, 1981, с. 225.

²⁰ См., например: Аксаков К. С. О русском воззрении. — В кн.: Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика; *его же*. Еще раз о русском воззрении. — Там же; Аксаков И. С. Об издании в 1859 г. газеты «Парус». — Там же; Антонович М. А. О почве. — В кн.: Шестидесятники. М.: Сов. Россия, 1984, и др.

²¹ Бялый Г. А. Проза 60-х годов. Общий обзор. — В кн.: История русской литературы. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1956, т. VIII, ч. I, с. 278.

²² См.: Современник, 1864, № 11, с. 192; Гусев В. Е. Проблемы этнографии и народной поэзии в русских журналах 50—60-х годов XIX в. (по материалам «Современника» и «Отечественных записок»). — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. I (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XXX). М., 1956, с. 254.

ния, желания»²³, что и предопределило непреходящую познавательную ценность лучших произведений этого литературного направления.

Не следует забывать и о том, что быт и сознание народа находил широкое отражение и в творчестве таких писателей, чье значение далеко выходит за рамки «этнографической беллетристики». Так, представителем психологического реализма, Ф. М. Достоевский, отразил в своих произведениях этого периода те изменения, которые происходили в русском городе под влиянием развивавшегося капитализма и затрагивали условия жизни, материальное положение и психологию различных слоев городского населения пореформенной России²⁴. «С щедростью и всеобъемлющим размахом „Человеческой комедии“ Достоевский в рамках одного романа... показал сверху донизу целое общество в его чиновниках, помещиках, студентах, ростовщиках, стряпчих, следователях, врачах, мещанах, ремесленниках, священниках, кабатчиках, сводниках, полицейских и как торговниках. Это — целый мир сословных и профессиональных типов»²⁵.

Разные стороны городской жизни нашли свое отражение и в творчестве Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Н. С. Лескова и др.

Приведенные соображения убеждают в том, что обращение этнографов к художественной литературе может быть очень полезным, а при изучении таких вопросов, как обыденное сознание, семья и семейный быт, нормы поведения и др., просто необходимым.

Для правильного понимания и наиболее полного использования содержащейся в художественной литературе информации необходим тщательный источниковедческий анализ изучаемых произведений с применением всего комплекса методов, выработанных исторической наукой.

Первый этап такого анализа — выявление и отбор источников. На основании изучения периодических изданий интересующего нас времени, а также литературоведческой и справочной литературы должны быть выявлены все писатели, жившие в 60-х годах XIX в., и составлен список созданных ими в этот период произведений. Затем из круга источников следует исключить сочинения исторического жанра, а также те, действия которых происходят не в городской среде.

Следующий этап работы — аналитическая критика источников и определение объективной научной ценности каждого из них. Такой анализ имеет две стороны: количественную (объем этнографической информации, которую содержит тот или иной источник) и качественную (насколько эта информация исторически достоверна). Для ответа на первый вопрос достаточно внимательного чтения источника, в ходе которого выясняется, к каким сословным и профессиональным группам принадлежат действующие лица (как главные, так и второстепенные, эпизодические), какие стороны их жизни и насколько подробно отражены автором. Ответ на второй вопрос требует тщательного изучения (с позиций историзма и партийности) биографии писателя, его политических и общественных взглядов, конкретных обстоятельств создания каждого произведения. Такой подход позволяет выявить взаимосвязь между источниками, установить классовый характер содержащейся в них информации и степень ее достоверности.

Заключительный этап источниковедческого анализа — синтетическая критика всей совокупности относящихся к данной теме источников. Важное значение на этом этапе приобретает метод классификации, дающий возможность объединить источники в группы, необходимые для полноты

²³ Горький М. История русской литературы. М.: Гослитиздат, 1939, с. 219; О значении творчества шестидесятников-демократов для этнографии см. также: Плеханов Г. В. Искусство и литература. М., 1947, с. 510; Тургенев И. С. Собр. соч. в 12 томах, т. 12. М., 1958, с. 397; Салтыков-Щедрин М. Е. Литературная критика. М.: Современник, 1982, с. 213; Базанов В. Г. Русские революционные демократы и народознание. Л.: Наука, 1974, с. 81, и др.

²⁴ Фридляндер Г. М. Ф. М. Достоевский.—В кн.: История русской литературы, т. 3. Л.: Наука, 1982, с. 753—754.

²⁵ Гроссман Л. П. Город и люди «Преступления и наказания».—В кн.: Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., 1935, с. 32.

ния исчерпывающей информации об изучаемых явлениях. При этом в зависимости от исследовательской задачи принцип, положенный в основу классификации, может быть различным. Классификация источников по признаку авторства позволяет провести сравнительный анализ восприятия русского общества разными писателями-современниками, проследить эволюцию взглядов каждого из них на протяжении творческого пути, оценить вклад того или иного автора в отечественное народознание. Классификация по локальному признаку (произведения о Петербурге, Москве и т. д.) поможет составить наиболее полное представление о жизни изучаемого города в целом, а группировка по сословно-профессиональному признаку целесообразна при постановке таких тем, как, например, «быт городского мещанства» (купечества, чиновничества, рабочих и т. д.). Возможны и другие принципы классификации источников.

При сборе и обработке содержащейся в художественной литературе этнографической информации исследователю придется обращаться к различным методам. Уже на начальном этапе сбора информации большое значение имеет структурно-системный подход, заключающийся в вычленении основных структурных компонентов этноса «от материальной культуры до психического склада и этнического самосознания»²⁶. Сбор информации с одновременной ее группировкой по заранее определенным разделам значительно облегчает последующую обработку материалов.

Возможен сбор сведений по заранее составленной программе. Однако специфика художественной литературы такова, что не всегда удастся найти ответы на все поставленные вопросы, и в то же время источник может содержать интересную и ценную информацию, не предусмотренную программой. Поэтому нам кажется целесообразным применение подобного метода лишь как вспомогательного, наряду с другими. Сведения, собранные этим способом, могут лечь в основу метода исторического моделирования на этапе обработки информации.

Для определенных целей полезно составление частотного терминологического словаря. Так, при изучении одежды частота упоминания тех или иных ее разновидностей может служить показателем их распространенности. Разумеется, фиксируя названия предметов или явлений, нельзя забывать о контексте, т. е. применительно к нашему примеру отмечать, кто и при каких обстоятельствах носит данную одежду, как относится к ней и т. д.

Всю информацию, содержащуюся в художественных произведениях, можно разделить на три категории. Первая включает отдельные упоминания тех или иных компонентов материальной и духовной культуры, быта и пр., описания и характеристики эпизодических действующих лиц. Это — штрихи, которыми автор пользуется для создания колорита эпохи, для характеристики той материальной и общественной среды, в которой живут и действуют его герои. Наиболее удобный способ сбора подобной информации — фиксация на тематических карточках, что облегчает впоследствии обработку и сопоставление таких разрозненных данных.

Вторая категория — сведения, относящиеся к самим героям произведений. Сведения эти, собранные по всему тексту, позволяют составить комплексное представление о быте того или иного персонажа. Однако для того чтобы полученную информацию можно было широко и верно интерпретировать, необходимо в каждом случае по возможности полно охарактеризовать героя. С этой целью мы предлагаем заполнение на каждого героя «анкеты» с указанием его возраста, семейного положения, сословной и профессиональной принадлежности, образования, вероисповедания, национальности и пр. с последующим выявлением того признака или группы признаков, которые детерминируют его образ жизни, воззрения, поведение. Такой подход позволяет перейти от частного к общему; основываясь на конкретных примерах, составить представление о

²⁶ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 235.

характерных особенностях быта и нравов различных сословных, профессиональных, возрастных и других групп.

Третья категория содержащейся в источнике этнографической информации — это подробные, пространные описания тех или иных предметов или явлений (например, описание кулачного боя в «Порочане» Н. Г. Помяловского, свадебного пира в «Скверном анекдоте» Ф. М. Достоевского, Никольского рынка в разное время суток во многих произведениях Ф. М. Решетникова и т. д.). Иногда все произведение представляет своего рода «картину с натуры», как, скажем, известный очерк В. А. Слепцова «Балаганы на святой», посвященный изображению народных гуляний на Адмиралтейской площади в Петербурге во время святой недели. Ценность подобной информации — в ее цельности, комплексности. В данном случае наиболее целесообразны дословные выписки, сохраняющие авторский язык и композицию материала.

При обработке информации также можно пользоваться разными методами. Один из них — широко распространенный в исторической науке сравнительно-типологический метод, заключающийся в сравнении данных источника с материалами других источников и специальной литературы. Этот метод позволяет в значительной мере преодолеть неизбежную субъективность каждого источника.

Другой метод — ретроспективный, или метод исторического моделирования. Для построения моделей можно предложить два способа. Первый — построение модели на материалах, собранных по формализованной программе. Во втором случае основой для модели служит найденное в каком-нибудь произведении подробное описание, которое дополняется имеющимися в этом же или в других произведениях отдельными штрихами или деталями. Предпочтительность применения того или иного способа диктуется характером содержащейся в источнике информации.

Определенную роль при обработке материала может сыграть и применение математико-статистических методов. Поскольку такие методы пока не часто используются этнографами, особенно при анализе нарративных источников, мы остановимся на них несколько подробнее.

Основная трудность, возникающая при статистической обработке художественной литературы, состоит в том, что информацию необходимо выразить в числах, т. е. измерить. Нам отчасти удалось преодолеть эту трудность, что мы и попытаемся показать на нескольких примерах. Следует заранее оговориться, что эти примеры носят чисто методический характер. Целью автора было не получение значимых результатов, а доказательство того, что выводы, сделанные на основе статистических подсчетов, не противоречат реальности и что, следовательно, им можно доверять и при решении вопросов, ответы на которые менее очевидны. Остается добавить, что материалом для математической обработки послужили произведения одного из наиболее выдающихся представителей русского реализма — Ф. М. Достоевского, написанные им в 60-х годах. Это романы «Преступление и наказание» и «Идиот», рассказы «Вечный муж», «Крокодил», «Скверный анекдот» и «Записки из подполья».

Одним из наиболее часто используемых приемов выявления связи между переменными является корреляция. Существуют несколько способов ее вычисления в зависимости от того, в какой шкале измерены сопоставляемые переменные. Известны три шкалы измерения: дихотомическая шкала наименований, шкала порядка и шкала интервалов²⁷. Далее мы попытаемся, последовательно используя эти три шкалы, продемонстрировать приемы вычисления корреляции.

Проще всего измерить качественные признаки в шкале наименований. Суть измерений в этой шкале состоит в классификации предметов или явлений с последующим присвоением каждому классу порядкового номера. Номера присваиваются произвольно, т. е. если объекту А

²⁷ См.: Гласс Дж., Стэнли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии. М.: Прогресс, 1976; Суходольский Г. В. Основы математической статистики для психологов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972; Миронов Б. Н., Степанов З. В. Историк и математика. Л.: Наука, 1975.

Таблица 1

Сопряженность между переменными *

Зависимая переменная	$x=0$	$x=1$	И т о г
$y=1$	a	b	$a+b$
$y=0$	c	d	$c+d$
И т о г	$a+c$	$b+d$	n

* a — не чиновники, проживающие в данном районе; b — чиновники, проживающие в данном районе; c — не чиновники, проживающие в других районах; d — чиновники, проживающие в других районах; n — число наблюдений.

Таблица 2

Сопряженность между переменными (принадлежность к чиновничеству и проживание в Спасской части)

Местожителство	Не чиновники	Чиновники	И т о г
Спасская часть	5	3	8
Другие районы	3	7	10
И т о г	8	10	18

Таблица 3

Сопряженность между переменными (принадлежность к чиновничеству и проживание на Петербургской стороне)

Местожителство	Не чиновники	Чиновники	И т о г
Петербургская сторона	0	4	4
Другие районы	8	6	14
И т о г	8	10	18

присвоен № 0, а объекту В — № 1, это означает только, что $A \neq B$, но ничего не говорит о том, насколько и в чем различаются эти объекты. Для установления связи между двумя переменными, каждая из которых выражена в шкале наименований, употребляют коэффициент ассоциации ϕ и коэффициент связи Q . Оба эти коэффициента применимы только к альтернативному распределению. В случае, когда качественные признаки разделены на три и более группы, используют коэффициент взаимной сопряженности C .

Предположим, что необходимо выяснить наличие или отсутствие взаимосвязи между принадлежностью к определенной сословно-профессиональной группе (в дальнейшем СПГ) и проживанием в том или ином районе Петербурга. В качестве рассматриваемой СПГ возьмем чиновничество, так как именно этот слой наиболее широко представлен в произведениях Достоевского. Предварительный анализ текстовых данных позволяет выдвинуть два предположения относительно наиболее характерного для чиновников района расселения: это Спасская часть (район, прилегающий к Екатерининскому каналу и Сенной площади) и Петербургская сторона. Проверим последовательно эти предположения. Для этого нужно перевести данные в шкалу наименований и представить их в виде таблиц сопряженности. Обозначим цифрой 1 наличие признака (принадлежность к чиновничеству и проживание в обследуемом районе), а цифрой 0 — его отсутствие (принадлежность к другим СПГ и проживание в других районах). Пусть X — независимая переменная (СПГ), а Y — зависимая (местожительство). Составим таблицы (табл. 1—3) ²⁸.

²⁸ Предлагаемые коэффициенты можно применять при $n \geq 12$. См. Миронов Б. Н., Степанов З. В. Указ. раб., с. 150.

Для вычисления корреляции подставим значения из табл. 2 и 3 формулы:

$$\varphi = \frac{ad - cb}{\sqrt{(a+b)(c+d)(b+d)(a+c)}}$$

или

$$Q = \frac{ad - cb}{ad + cb}.$$

Для табл. 2 получим значения 0,325 и 0,591, а для табл. 3 — соответственно 0,478 и —1. Коэффициент Q дает более осторожный показатель корреляции, ибо он оценивает взаимовлияние двух признаков, а именно как наличие у объекта признака A способствует появлению у того же объекта признака B и как отсутствие у объекта признака A обуславливает отсутствие у того же объекта признака B ²⁹.

Необходимо учитывать, что знаки при коэффициентах связи и сопряженности можно принимать за направление корреляции (прямая она или обратная) с большой осторожностью. Использование этих коэффициентов позволяет установить, есть ли связь между признаками и насколько она устойчива³⁰.

Таким образом, мы приходим к выводу, что расселение на Петербургской стороне было более характерно для чиновничества. Этот вывод подтверждается и сведениями других источников³¹.

В тех случаях, когда имеющиеся данные поддаются ранжированию по величине, значимости или другим признакам, измерение производится в шкале порядка. Если в этой шкале $A=1$, $B=2$, а $C=3$, это означает, что $C>B$, а $B>A$, но не означает, что $C>B$ настолько же, насколько $B>A$. Примерами измерений в шкале порядка могут служить классификация чиновников согласно «Табели о рангах», сословные группы, расположенные соответственно их правовому положению в обществе и пр. Для этой шкалы применяются коэффициенты ранговой корреляции Спирмена (r_s) и Кендалла (τ). С помощью коэффициентов ранговой корреляции вычислим взаимосвязь между уровнем дохода чиновников и их жилищными условиями. Для этого выделим следующие категории жилищ: собственный многоэтажный (доходный) дом; собственный одноэтажный дом; квартира; комната; угол. Способ вычисления корреляции таков: пусть x — независимая переменная (уровень дохода), а y — зависимая (жилищные условия). Определим ранг каждого чиновника по x и по y и составим таблицу (табл. 4).

Роли чиновников по уровню дохода и жилищных условий

№ п/п	Ранг по x	Ранг по y	$x-y$	$(x-y)^2$
1	1	1	0	0
2	1	1	0	0
3	3	3	0	0
4	4	7	-3	9
5	6	8	-2	4
6	6	10	-4	16
7	6	4	2	4
8	8,5	5,5	3	9
9	8,5	11	-2,5	6,25
10	10	9	1	1
11	11	5,5	5,5	30,25

Поскольку в нашей выборке есть чиновники с одинаковыми рангами как по x , так и по y , воспользуемся коэффициентом Спирмена для свя-

²⁹ См. Миронов Б. Н., Степанов З. В. Указ. раб., с. 130.

³⁰ Там же, с. 131.

³¹ См.: Решетников Ф. М. Где лучше? Пермь, 1982, с. 241—244; Гребенка Е. Петербургская сторона. — В кн.: Физиология Петербурга. М.: Сов. Россия, 1984, с. 109—110.

нных рангов:

$$r_s = 1 - \frac{6[\Sigma(x-y)^2 + T_x + T_y]}{n(n^2 - 1)} \quad (3)$$

В формуле (3) x — ранг объекта по уровню дохода; y — ранг того же объекта по жилищным условиям; n — число наблюдений; T_x и T_y — поправка на связанные ранги, вычисляемая по формулам:

$$T_x = \frac{(t_x^3 - t_x)}{12}; \quad T_y = \frac{(t_y^3 - t_y)}{12}, \quad (4)$$

где t_x и t_y — число одинаковых рангов объекта по x и y соответственно. Подставив в формулу (3) значения из табл. 4, получим $r_s \approx 0,64$. Этот коэффициент показывает, что уровень дохода был существенной, но не единственной детерминантой жилищных условий.

Третья шкала измерений — шкала интервалов, или отношений. Она позволяет измерять только такие данные, которые можно выразить в конкретных числах. В отличие от двух предыдущих шкал, где числа являлись символами, числа в шкале интервалов несут в себе количественную информацию о свойствах объекта. Корреляция переменных в шкале интервалов рассчитывается по формулам:

$$r_{x,y} = \frac{n\Sigma xy - (\Sigma x)(\Sigma y)}{\sqrt{n\Sigma x^2 - (\Sigma x)^2 [n\Sigma y^2 - (\Sigma y)^2]}} \quad (5)$$

ли

$$r_{x,y} = \frac{\Sigma(x - \bar{x})(y - \bar{y})}{nS_x S_y} \quad (6)$$

В качестве примера выясним, насколько адекватно отражена в произведениях Ф. М. Достоевского сословно-профессиональная структура Петербурга. Для этого вычислим процентный состав населения Петербурга по данным источника и сравним полученные цифры с соответствующими сведениями Всеобщей переписи Санкт-Петербурга 1869 г.³² Тогда в формуле (5):

— принадлежащие к определенной сословной группе по данным переписи (%); y — то же по данным литературного источника; n — число выделенных групп; в формуле (6): $\bar{x}$ — x среднее; $\bar{y}$ — y среднее; S_x и S_y — стандартные отклонения³³. Поставим данные таблицы 5 в формулу (5):

$$r_{x,y} = \frac{6 \cdot 2350 - 10\,000}{\sqrt{(6 \cdot 3293 - 10\,000)(6 \cdot 258 - 10\,000)}} \approx 0,46;$$

ли в формулу (6):

$$S_x = \sqrt{\frac{6 \cdot 3293 - 10\,000}{30}} \approx 18,03; \quad S_y = \sqrt{\frac{6 \cdot 2587 - 10\,000}{30}} \approx 13,56;$$

$$r_{x,y} = \frac{68\,462}{6 \cdot 18,03 \cdot 13,56} \approx 0,46.$$

Если представить данные графически (см. рисунок), становится очевидным наличие прямой зависимости между сопоставляемыми переменными: только одна из точек существенно отклоняется от прямой линии, и именно благодаря ей происходит заметное снижение коэффициента корреляции. В таких случаях допустимо отбросить крайнюю точку и произвести вычисления, не принимая ее в расчет. Тогда $r_{x,y}$ принимает значение 0,8, т. е. налицо достаточно строгое соответствие данных источника реально существовавшему в то время сословно-профессиональному составу населения Петербурга. Преуменьшение числа крестьян могло быть объективно обусловлено тем, что крестьянство в городе являло чрезвычайно пеструю по имущественному положению и занятиям группу, а сама принадлежность к крестьянскому сословию была в большинстве случаев лишь формальной.

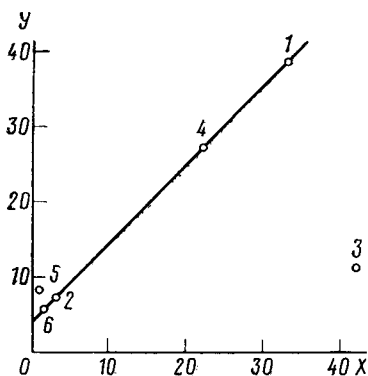
³² Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г. Вып. 1—3. СПб., 1872—1875.

³³ Стандартное отклонение равно квадратному корню из дисперсии.

Сословно-профессиональная структура населения Петербурга в 1860-е годы (по произведениям Ф. М. Достоевского и материалам Всеобщей переписи Санкт-Петербурга 1869 г.)

Население	x	y	x^2	y^2	xy	$x - \bar{x}$	$y - \bar{y}$	$(x - \bar{x})(y - \bar{y})$
Потомственные и личные дворяне	32,35	39,80	1046	1584	1287	15,75	23,2	365,4
Купцы и почетные граждане	2,75	7,07	7,56	50	19,44	-13,85	-9,53	132
Крестьяне	42,75	11,5	1827	132	492	26,15	-5,1	-133,3
Мещане	20,28	26,55	411	705	538	3,68	9,95	36,62
Чиновники не из дворян	0,72	8,85	0,52	78	6,37	-15,88	-7,75	123,07
Интеллигенция не из дворян	1,15	6,19	1,32	38	7,11	-15,45	-10,4	160,83
Σ	100%	100%	3293	2587	2350			68462

Разумеется, исследователь, желающий получить представление о словной структуре Петербурга, непременно обратится к материалам переписи. Для решения этого вопроса нет необходимости собирать в произведениях сведения в художественных произведениях. Приведенный пример служит лишь подтверждением того, что чутье истинного художника

Прямая, отражающая корреляционную связь между данными переписи 1869 г. (по оси x) и данными источника (по оси y) о сословно-профессиональном составе населения Петербурга в 1860-е годы: 1 — потомственные и личные дворяне; 2 — купцы и почетные граждане; 3 — крестьяне; 4 — мещане; 5 — чиновники не из дворян; 6 — интеллигенция не из дворян

воссоздает не менее точную и объективную картину, чем результаты специальных обследований.

Поскольку применение математических методов в этнографии еще не имеет длительной традиции, пока нельзя считать, что изучены все допустимые способы статистической обработки информации. Предпринятая нами попытка — только небольшой опыт, выявляющий некоторые возможные пути математического анализа нецифрового материала. Не исключено, что в дальнейшем удастся разработать более результативные приемы извлечения информации из художественного текста. В этом случае математика сможет обогатить и существенно дополнить традиционные методы этнографических исследований.

Подведем итоги. Представляется очевидным, что художественная литература заслуживает самого широкого внедрения в оборот этнографической науки как один из ценных источников. Особенно полезным может быть его использование при

изучении таких вопросов, как образ жизни, различные аспекты социальной нормативной культуры, этническое самосознание и пр. Чтобы это стало возможным, необходимо выработать единые критерии анализа и оценки содержащейся в художественных произведениях информации и способы ее обработки. Разумеется, для получения достоверных результатов данный источник должен использоваться в комплексе с различными видами традиционных этнографических источников, что будет способствовать всестороннему освещению изучаемых предметов и явлений и повышению объективности сведений. Преодолев некоторые трудности, неизбежные на этапе разработки новой методики, этнографы получают богатейший и интереснейший материал, который стоицей вознаграждает их усилия.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФОРМЫ СКОТОВОДСТВА У НАРОДОВ ВЫСОКОГОРНОГО ДАГЕСТАНА В XVIII—XIX вв.

В XVIII—XIX вв. в обществах Южного и Западного высокогорного Дагестана (Самурский, Гунибский и Андийский округа) практиковался отгон скота (преимущественно мелкого рогатого — МРС) на зимние пастбища Азербайджана и Грузии: в уезды Кубинский, Шемахинский, Геокчайский Бакинской губернии, Арешский и Нухинский Елисаветпольской и Сигнахский и Телавский Тифлисской губерний и в Закатальский округ¹. Отгон осуществлялся в зависимости от зимней кормовой базы (возможностей заготовки корма, выпаса животных на пастбищах-пригревах или хуторского содержания их), а также от развития земледелия и общего уровня благосостояния населения.

Отметим, кстати, что в обществах, характеризовавшихся большим количеством отгоняемых в Закавказье животных, доля содержавшегося в хозяйстве крупного рогатого скота (КРС) была незначительной. Так, например, в селениях Самурского округа в конце XIX в. КРС составлял (в переводе всех видов скота на КРС в соотношении: КРС — 1 голова, лошадь — 1,3, осел — 0,6, МРС — 5) в селениях Джигджиг и Ухул — 18%, Куруш — 11 (Докузпаринский участок); Маза — 18, Кочах — 16, Миджах — 14, Гдым — 13, Хал и Смугул — 9, Хнов — 8, Фий — 7, Борч — 3 (Ахтыпаринский участок); Мишлеш — 23, Джиних — 19, Кальял — 18, Муслах — 15, Гельмец — 12, Мичих — 10, Цахур — 8% (Луцекский участок)².

В селениях Гунибского и Андийского округов КРС было больше (25—35%), но здесь имела развитая сеть зимних хуторов для его содержания³, и поэтому отгоняли лишь незначительное число голов КРС.

Для осуществления отгона организовывались коши: несколько владельцев объединяли свой скот, нанимали чабана или группу чабанов, арендовали пастбища. Коши способствовали рациональной организации отгона скота и содержания его на пастбищах, предусматривающего, в частности, разделение животных по категориям (матки, баранчики, производители и т. д.).

¹ Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль Западного берега Каспийского моря (1728 г.). — В кн.: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы/Под ред. Косвена М. О. и Хашаева Х.-М. М., 1958 (далее — ИГЭД), с. 81 сл.; [Герман К. Ф.]. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия акад. И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770—1773 гг. СПб., 1809, с. 123, 127; Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, ч. II, с. 291; Краббе К. К. Замечания о Докузпаре, Ахтах и Рутуле (до 1835 г.). — ИГЭД, с. 335; Норденстам И. И. Описание Агль-Фатля (1832 г.). — ИГЭД, с. 325; Л. З. [Загурский]. Поездка Г. Беккера по Южному Дагестану. — Сборник сведений о кавказских горцах (далее — ССКГ), т. IX. Тифлис, 1876, с. 32; Евцикий О. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835, с. 218—219; Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846, с. 67; Берже А. Материалы для описания Нагорного Дагестана. — Кавказский календарь (далее — КК) на 1859 г. Тифлис, 1858, с. 260; Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану. — ССКГ, т. I. Тифлис, 1868, с. 14; Ган К. Ф. Путешествие по высочайшим местам Дагестанской области летом 1902 г. — Изв. Кавказского отделения Императорского Русского географического общества (далее — Изв. КОИРГО), т. XVI, № 4. Тифлис, 1903, с. 13, 16, 17; Динник Н. Я. Путешествие по Закатальскому округу и Дагестану. — Изв. КОИРГО, т. XXI, № 2. Тифлис, 1911, с. 44, и др.

² Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890 (далее — Дагестанская область. Свод статистических данных), с. 208—211.

³ Вот что говорит об этих хуторах («в которые на зиму переселяется вся шумная жизнь аулов») у капучинцев, бежтинцев, дидойцев и др. наблюдавший их Е. Марков: «они населяются только зимою, когда невозможно держать скот на пастбищах, а приходится загонять скот под крышу, где уже заранее собрано сено, рубленая солома и асыжское зерно». См.: Марков Е. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб. — М., 1904, с. 452—454, 460.

Крупные владельцы при формировании кошей нередко нанимали только старшего чабана (*серкер* — у всех народов Южного Дагестана: *бакИстави* — у цахуров, *удаман* — у аварцев). Старший чабан (обычно им был обладающий большим опытом и навыками организации содержания скота средний владелец) все дальнейшие организационные мероприятия — наем чабанов, аренду пастбищ и т. д. — осуществлял сам. Если крупный овцевод участвовал в отгоне, он брал аренду пастбища на себя.

Средние и мелкие владельцы скота применяли разные принципы организации кошей: присоединение к кошу крупного владельца, наем чабанов (в том числе и с собственным участием) или старшего чабана, комплектование самостоятельного коша (в этом случае один из них выступал в роли организатора и старшего чабана).

Наиболее простой вид отгона — отгон кошей МРС одними чабанами, без сопровождающих людей, в том числе и без владельцев овец. При этом в коше не было других видов отгоняемого скота (кроме жвачных, необходимых для транспортных нужд). В публикациях середины и второй половины XVIII и XIX вв. подчеркивается, что отгоняли именно овец. Сообщается, например, об отгоне «зимою» «своих овец» и выпасе их в «Кяхетинской долине» анцухцами, капучинцами, гунзигцами и дидойцами (Анцухо-Капучинский участок Гунибского и Дидойский участок Андийского округов)⁴, об «обширных стадах» «баранов» выпасаемых «на полуденном скате Кавказа» жителями Антль-Ратля⁵. О том, что у дидойцев «на зиму значительная часть населения» «остаётся дома», а «вместе с барантою» уходят лишь немногие⁶, что из Самурского округа перегоняют в Азербайджан именно овечьи отары и т. д.

100-летний потомственный чабан Али Гусейнов (общество Анцросо с. Кутлаб), все предки которого тоже были чабанами, сообщил нам, что в обществах Анцросо, Джурмут, Анцух, Тланада и др. за хребтом перегоняли только овец и только чабаны. Аналогичные сведения получены и в селениях Ихрек, Цахур (Лучекский участок Самурского округа)⁸.

Во всех этих случаях мы имеем дело с обычным отгоном МРС на равнинные зимние пастбища; такой отгон можно назвать кышлажным⁹.

Обратимся теперь к сопутствующим отгону МРС разным видам временного отхода населения, давшим повод для определения этой формы как кочевой¹⁰. Рассмотрим эти виды.

⁴ Герман К. Ф. Указ. раб., с. 123, 127.

⁵ Берже А. Указ. раб., с. 260. В Антль-Ратль входили общества Западного Дагестана: Джурмут, Тлебель, Бохнада, Ухнада, Тланада, Анцросо, Анцух, Тох-Анцух, Капуча (Анцухо-Капучинский и Бохнадальский участки Гунибского округа).

⁶ Воронов Н. И. Указ. раб., с. 14.

⁷ Л. З. [Загурский]. Указ. раб., с. 32.

⁸ Полевые материалы автора. Хранятся в Рукописном фонде Ин-та ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 6337, 6381 (далее — Полевые материалы автора).

⁹ Мы придерживаемся классификации форм скотоводства (ФС), предложенной нами в статье «О формах и типах скотоводства (по материалам Дагестана. XIX в.)» — СЭ, 1984, № 6, с. 77—88.

¹⁰ Так, у Н. Данилевского читаем: «кочуют жители со своими стадами» (Указ. раб., с. 67); К. Ф. Ган пишет о высокогорных лезгинах, что они «народ полукочевой» (Указ. раб., с. 13); по мнению Карганова и Дайтбекова, «скотоводство и в особенности овцеводство в Дагестанской области носит кочевой характер» (см. их работу: Экономическая записка по проекту Дагестанского подъездного пути Темир-Хан-Шура — Порт-Петровск. СПб., 1902, с. 23—24); аналогичные сведения содержатся в «Обзоре Дагестанской области» (раздел «Скотоводство») за 1892—1913 гг.; этой же точки зрения придерживается М. С. Шапсович: «Скотоводство в области носит до сих пор кочевой характер» (см. Шапсович М. С. Весь Кавказ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья, I. Баку, 1917, с. 310); Б. Ф. Добрынин, называя «чистыми кочевниками» только караногайцев, далее отмечает, что в высокогорной зоне «сама природа содействовала развитию форм кочечевого скотоводства» (Добрынин Б. Ф. География Дагестанской С. С. Республики. Махачкала, 1926, с. 101); полукочевым, с «перекочевыванием целых селений» названо скотоводство и в кн.: Дагестанская АССР. Физико-географический и экономико-географический очерк. Махачкала, 1958, с. 103. Полукочевым считает скотоводство высокогорья и М. Г. Гаджиев (см. Скотоводство народов Южного Дагестана в прошлом и настоящем. Историко-этногра-

Первый вид. После формирования кошей селение покидала и значительная часть мужчин, в том числе мелкие владельцы овец, отгоняемых на зимние пастбища. Но они уходили не со скотом, не в составе кошей (к ним некоторые из них собирались лишь во время стрижки овец либо их окота), а на заработки как отходники. По прибытии на место они занимались на поденную (а если повезет и на сезонную) работу каменщиками, плотниками, подсобниками, возчиками дров, иногда занимались ремеслом. О. Евецкий (первая половина XIX в.) пишет, что у анцухцев, капучинцев и дидойцев «бедные для снискания себе пропитания ходят на заработки в Кахетию и Чаро-Белоканскую область»¹¹. Н. И. Воронов (середина XIX в.) также упоминает о бедняках-дидойцах, отправляющихся в Тушетию «для выделывания деревянной утвари»¹².

К. Ф. Ган (начало XX в.) свидетельствует о жителях с. Ихир (Докучпаринский участок, Самурский округ), которые в Нухинском и Арешском уездах «слесарными работами и шитьем тулупов и шуб зарабатывают... деньги на пропитание своих семейств». Он же сообщает, что из Самурского округа (помимо уходящих «со своими стадами») отправляются на заработки еще 12 600 «отдельных лиц» в разные места Кавказа¹³. В обществе Ухнада, где овцы зимой в основном содержались на южных склонах сельских угодий, большинство мужчин уходило на заработки в Азербайджан; выпас той незначительной части овец, которую отгоняли туда же, успешно осуществлялся и без них. Аналогичное положение было в ряде селений обществ Капуча, Таш, Кос, Томс (Анцухо-Капучинский участок), Анцросо, Тлебелъ (Бохнадальский участок), Тлейсерух (Тлейсерухский участок) Гунибского округа. В части селений последнего (например, Ириб, Гиблиб) коши овец обычно уводились на Прикаспийскую низменность Дагестана, а население отправлялось на заработки в Азербайджан. Жители обществ Бохнада, Ухнада, Таш и Шуратль скот в Закавказье не отгоняли, о чем свидетельствуют приводимые И. И. Норденштамом со слов местных жителей данные¹⁴ и сообщения наших информаторов из общества Шуратль. Не перегоняли овец в Закавказье, выпасая их на южных склонах, также жители селений Шиназ, Рутул, Амсар (общество Рутул, Лучекский участок), Мухрек (общество Ихрек, Лучекский участок), Ялак, Гогаз, Кахул, Луткун, Гдунк, Кака (общество Ахтыпара, Ахтыпаринский участок) и др. Самурского округа. Отход же населения во всех этих случаях имел место¹⁵.

Таким образом, отход части населения одновременно с отгоном скота или вскоре после отгона создавал иллюзию, что жители покидают село для выпаса животных на зимних пастбищах (в отдельных случаях это не исключалось).

Второй вид отхода. Через некоторое время после отгона МРС из селения уходят в Закавказье не только отдельные мужчины, но и семьи в полном составе с частью оставшегося скота (или со всем оставшимся скотом).

Цель отхода — заработок и пропитание семьи (в своем ауле цены на продукты из-за трудности их доставки были высокими). Этот вид отхода характерен для всех обществ Западного и Южного Дагестана, экономически тесно связанных с Закавказьем. В отдельных обществах (Тлейсерух, Ухнада, Рутул и др.) такие отходники составляли до 1/4 всех хозяйств. «Транспортный» фактор, т. е. трудность доставки зер-

фический очерк. Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. истор. наук. Л., 1979, с. 5). В ряде работ (и дореволюционных и современных) даже отгон скота назван «кочеванием», «перекочевкой» (см. Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. — КК за 1858 г. Тифлис, 1857, с. 308; Воронов Н. И. Указ. раб., с. 14).

¹¹ Евецкий О. Указ. раб., с. 218—219.

¹² Воронов Н. И. Указ. раб., с. 14.

¹³ Ган К. Ф. Указ. раб., с. 16.

¹⁴ Норденштам И. И. Указ. раб., с. 325. Автор так объясняет отсутствие отгона скота в Грузию: «Козы и овцы зимою в хорошую погоду пасутся около деревень» (с. 326).

¹⁵ Полевые материалы автора.

на,—одна из главных причин отхода населения (особенно беднейшие слои) семьями: покупать зерно в своих аулах на заработанные в Закавказье деньги было невыгодно. Учтем при этом одно немаловажное обстоятельство — традицию обеспечения питанием («харчем») занятых работников. Авторы большинства публикаций конца XIX — начала XX в. преувеличивают удельный вес второго вида отхода (семьями), точнее, многие не отличают его от видов нескотоводческого отхода. Так, в описании Дагестанской области (1891 г.) указывается, что из нагорных селений Самурского округа «отправляется со стадами и зимние пастбища Закавказья 6 тыс. семейств (до 40 тыс. душ), а в Анцухо-Капучинского и Бохнадальского участков — 13 тыс. семейств»¹⁶. В 1902 г. К. Ф. Ган тоже говорит об отходе 16 тыс. семейств (но 30 тыс. населения) из Самурского округа, помимо 12 600 «отдельных лиц», ушедших на заработки¹⁷, т. е. не со стадами и не с семьями «Отдельные лица», — разумеется, мужчины. Следовательно, в Самурском округе хозяйств, из которых уходили эти «отдельные лица», было во всяком случае не меньше, чем хозяйств, отправлявшихся целыми семьями и «со стадами» (ибо 12 600 взрослых мужчин представляют больше чем 6 тыс. хозяйств). В «Обзоре Дагестанской области» за 1913 г. сообщается, что в Самурском округе селений, из которых «барановоды на зиму в полном составе сельских обществ перекочевывают» было 14 из 41 в Луческом участке (Узбашеван, Мишлеш, Кальял, Мухах, Лучек, Ихрек, Цахур, Гельмец, Курдул, Муслах, Джиних, Баш Дашагиль, Карабулах, Мичих), 4 из 23 в Ахтыпаринском (Смугул Фий, Борч, Хнов), 1 из 16 в Докузпаринском участке (Куруш)¹⁸, т. е. всего 19 селений. Удельный вес хозяйств этих селений составлял: в Луческом участке — около 40%, в Ахтыпаринском — 25, Докузпаринском — 18, а в целом по Самурскому округу — 28% всех хозяйств.

Собранные нами полевые материалы также свидетельствуют о том, что уход (отход) населения без стад был более распространен, чем уход семьями «со стадами». Информаторы — бывшие участники или очевидцы отхода населения в Закавказье — утверждают, что со стадами никогда не уходили все жители селения. И здесь нет никакого престижного момента, который мог бы помешать искренности информаторов: уйти с собственным скотом не менее (если не более) престижно, чем наняться в поденные работники или подсобники. Так, из с. Хнов, упомянутого в числе 19 селений с наиболее развитым отгоном скота и отходом населения «в полном составе сельских обществ», целыми семьями со стадами, уходила, по словам информаторов, лишь $\frac{1}{3}$ хозяйств аула, остальные же из покинувших село лиц являлись отходниками. В селениях Ихрек, Лучек, Цахур (из тех же 19) главная цель ухода, в том числе семьями и со скотом (после отгона кошей), — тоже заработки. В с. Микрах на вопрос, уходят ли семьями, отвечали: «А за чем?» Действительно, в тех селениях, где было развито ковроткачество (Микрах, Ахты, Маза, Хрюк, Каладжух, Кара-Кюре, Мака и др.), уход семьями не наблюдалось²⁰.

В связи с этим целесообразно привести данные об отхожем промысле в Дагестане. В «Обзоре Дагестанской области» за 1892 г. в разделе «Отхожий промысел» в графе «отправлявшихся на заработки по округам» указаны по Самурскому округу 6395 семей (30 455 человек). А выше в том же «Обзоре» об этом населении, названном даже «кочевниками», говорится, что оно «почти поголовно перекочевывает со

¹⁶ Дагестанская область (в 1891 г.). Естественные и производительные силы области и экономическая деятельность ее населения. — КК на 1893 г. Тифлис, 1892, с. 154.

¹⁷ Ган К. Ф. Указ. раб., с. 13.

¹⁸ Обзор Дагестанской области за 1913 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету военного губернатора Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1915, с. 18—19; Дагестанская область. Свод статистических данных, с. 208—211.

¹⁹ Дагестанская область. Свод статистических данных, с. 208—211.

²⁰ Полевые материалы автора.

своим скотом в смежные губернии Закавказья на зимние пастбища»²¹. В «Обзоре» за 1913 г. после приведения данных об отходниках сообщается: «...кроме этих лиц, отправлявшихся на заработки в одиночку», есть перекочевывающие «целыми семействами и со своим скотом», и в Самурском округе таких семей 5 тыс. (16 тыс. душ)²². Характерна эта цифра — 16 тыс. душ. Во-первых, она намного меньше цифры отходников-«одиночек» (23 189 душ) и, во-вторых, средняя численность семьи в округе в это время — 5—6 человек (5,9)²³; следовательно, или в число 5 тыс. семей включены «одиночки» (чабаны, отходники), или же уходили не все члены семьи, а лишь часть их, т. е. мужчины.

Однако и наши информаторы и источники подтверждают бытование в XIX — начале XX в. традиции ухода со скотом семьями в ряде селений, особенно в упомянутых уже 19 селениях Самурского округа и группе селений анцухо-капучинцев и дидойцев²⁴. В связи с этим обратим внимание на то, как формулирует источник цель ухода населения «со своими стадами крупного и мелкого скота в соседние губернии» — «для пропитания себя и для корма скота»²⁵. Это подтверждает и очевидец, побывавший в 1863 г. в с. Борч (из тех же упомянутых 19). Он пишет: «...стада этого населения пасутся зимой на землях Нухинского уезда. В это время сторожившие их пастухи со своими земляками доставляют этому краю сильных и самых дешевых работников»²⁶.

Уход жителей «для пропитания себя» отчетливо проглядывается и в обществах Анцухо-Капучинского, Бохнадальского и Дидойского участков. Так, в обществе Бохнада уходило свыше половины населения с дойным скотом, но на заработки; то же было у капучинцев и дидойцев²⁷. Автор сельскохозяйственного обзора Кавказа С. Заваров сообщает, что в Закатальский округ дагестанцы отправляются «с барантой и вообще со всем живым домашним скотом», а местные жители дают «своим соплеменникам»-пришельцам «работу и приют»²⁸. Особенно четко отражена цель отхода в прошении дидойцев царским властям: «Мы и доверители наши спускаемся с гор не для одной пастбы овец и скота, а преимущественно для прокормления своих семейств (курсив наш.— М. О.), так как урожай, которые дают наши горские земли, могут прокормить лишь 4—5 месяцев, да и то при хорошем урожае, остальные 5 месяцев мы питаемся в Кахетии, куда спускаемся со своими семействами на заработки»²⁹.

В Кахетии были постоянно используемые горцами земли и даже отдельные параллельные хозяйственные поселения³⁰. Конфликтная комиссия времен Кавказской войны констатировала наличие в Кахетии (в местностях Гиви, Гебелджохи, Сипиани, Черно и др.) до 50 дидойских зимовников (причем с жилыми постройками) с пахотными и сенокосными огороженными угодьями³¹. Примерно такое же положение было у рутульцев и особенно у цахуров. В «Обзрении Российских владений за Кавказом» указывается, что «Рутул более зависит от провинции Шекинской», как и Шиназ от «владения Елисуйского»³² (обратим внимание: из Шиназа скот в Азербайджан не отгоняли)³³.

²¹ Обзор Дагестанской области за 1892 г. Темир-Хан-Шура, 1893, с. 43.

²² Обзор Дагестанской области за 1913 г., с. 20.

²³ Дагестанская область. Свод статистических данных, с. 18—19, 210—211.

²⁴ Полевые материалы автора.

²⁵ Дагестанская область (в 1891 г.), с. 154.

²⁶ Военно-Ахтынская дорога и Самурский округ.— Газ. Кавказ, 1864, № 2.

²⁷ Полевые материалы автора.

²⁸ Заваров С. Кавказ в сельскохозяйственном отношении в 1899 г. Тифлис, 1900, с. 222; ср. сообщение К. К. Краббе о том, что общества Докузпара и Ахты вынуждены «отправлять для пастбы свой скот в Кубинскую провинцию и... в оной же добывать для себя покупкою пшеницу» (Указ. раб., с. 335).

²⁹ Центральный Государственный исторический архив Грузинской ССР (далее ЦГИА ГССР), ф. 31, д. 260, л. 13.

³⁰ Полевые материалы автора.

³¹ ЦГИА ГССР, ф. 31, д. 260, л. 13.

³² Обзорение российских владений за Кавказом, ч. IV. СПб., 1836, с. 147.

³³ Полевые материалы автора.

Рассматриваемые формы отгона скота и отхода населения способствовали образованию своеобразного симбиозного хозяйства: горцы обеспечивают продуктами животноводства и рабочей (иногда военной) силой жителей равнины, а те их, в свою очередь, — зерном и плодами. Такие отношения хозяйствования могли сложиться у групп людей определенной степени близости: а) членов одной семьи с неразделенным имуществом; б) членов семьи или близких родственников с разделенным имуществом, живущих в разных местах (одни в горах, другие на равнине) и принявших взаимные хозяйственные обязательства; в) кунаков с подобными же обязательствами³⁴.

Наиболее ярко подобная модель хозяйства представлена у цахуров, менее отчетливо у рутульцев, капучинцев, дидойцев, лезгин, бежтинцев. Неверно было бы считать эту модель связанной исключительно с содержанием скота. Вначале возникает как бы хутор, имеющий скотоводческий характер, но с развитыми отходническо-промысловыми функциями, в дальнейшем он постепенно «перерастает» в комплексный земледельческо-животноводческий дочерний отселок, а затем в параллельное селение. Но ни на одном из этапов сложения и развития этой формы хозяйства невозможно обнаружить признаков кочевничества.

Приведенный материал показывает, что и в том случае, когда жители уходят со всем скотом или с большей его частью, они (исключая чабанов кошей) заняты в основном отхожим промыслом.

Многие авторы нередко преувеличивали удельный вес отхода дагестанских семей в Закавказье, так как не принимали во внимание, что часть этих семей была на зимних хуторах. Н. Я. Динник, например, пишет о почти поголовном уходе населения капучинского с. Тлядал в Тифлисскую губернию, между тем значительная его часть зимой переходила вместе со скотом (две трети КРС) на хутора³⁵.

Таким образом, в обществах Южного и Западного высокогорного Дагестана практиковался кышлажный кошевый отгон скота в Закавказье, сопровождавшийся отходом значительного числа мужчин, а также ряд семей аула с частью оставшегося скота на заработки. Поскольку промысловый отход существовал во всех обществах, а точный учет отходников и лиц, отправившихся со скотом, отсутствовал, создавалось впечатление, что все покинувшие село жители участвуют в отгоне скота (действительности же скот перегоняли и обеспечивали его содержание на пастбищах чабаны). Поэтому скотоводство данного района нередко характеризовалось как полукочевое или кочевое, а быт, образ жизни населения — соответственно как полукочевой и даже кочевой.

Отгоняли, как уже отмечалось, коши МРС. Других видов скота в кошах было мало, и использовались они для нужд чабанов и вообще отгона (дойная корова, выючные животные). При отходе населения семьям на заработки отгон других (кроме МРС) видов скота в каждом конкретном случае был связан с возможностями его содержания в ауле (наличие заготовленного корма, пригревов), составом семьи (осуществимостью ее разделения), а также со степенью развития традиций передачи скота на содержание.

Напомним, что под кочевничеством подразумевается «экстенсивное пастбищное скотоводство, при котором разведение животных представляет главный вид занятий»³⁶, «единственную имеющуюся в конкретной общине форму хозяйства», т. е. «способ хозяйства»³⁷, «и доставляющую основную часть средств существования» населению³⁸, составляющую

³⁴ Агларов М. А. Очерк этнографии земледелия Южного Дагестана. — В кн.: Дагестанский этнографический сборник, I. Махачкала, 1974, с. 207.

³⁵ Динник Н. Я. Указ. раб., с. 44; Полевые материалы автора.

³⁶ Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология. — СЭ, 1981, № 4, с. 84.

³⁷ Семенов Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства общества. — СЭ, 1982, № 2, с. 52.

³⁸ Марков Г. Е. Указ. раб., с. 84; см. его же. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976, с. 9—10.

самостоятельный демосоциальный организм, в отличие от геосоциального, имеющего пространственную, территориальную структуру³⁹.

Попробуем спроецировать определение кочевой ФС на рассмотренные нами виды отгона скота и отхода населения. При этом будем руководствоваться положением ряда советских исследователей об отсутствии принципиальных различий между кочевой и полукочевой ФС, представляющими подтипы «одного хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов»⁴⁰.

Такой признак кочевничества, как «экстенсивное пастбищное скотоводство», в высокогорном Дагестане отсутствует. Здесь скотоводство не было ни экстенсивным, ни пастбищным, так как характеризовалось заготовкой кормов на месте основного поселения и сочеталось с земледелием; часть скота (главным образом рабочего КРС) была на стойловом содержании. Так, автор конца XIX в. отмечает, что в с. Ахты, которое может считаться типичным для рассматриваемой ФС, домашние животные зимой находятся «в теплых хлевах и кормятся сеном и саманом»⁴¹. Это подтверждают и материалы дагестанского этнографа С. С. Агашириновой: «Перегоняли на зимовку в основном МРС и лошадей, а КРС (быки, коровы, телята) оставался на зиму в селении в основном на стойловом содержании» (общества Ахтыпара, Алтыпара и др.)⁴². О перегоне внутри области и за ее пределы лишь основного поголовья овец и «небольшой части других видов скота» пишет и экономист И. Р. Нахшунов⁴³.

Далее: скотоводство у кочевников — «главный вид занятий» и даже «единственная форма хозяйства». В высокогорном Дагестане были, конечно, селения и даже целые союзы сельских общин, в которых скотоводство было главным занятием, но не было ни одного, в котором оно было бы единственной формой хозяйства. Выше мы приводили прошение дидойцев, в котором они говорят о собственном зерновом обеспечении на «4—5 месяцев», у рутульцев земледелие было более развито⁴⁴, в союзе Ахтыпара оно еще сочеталось с садоводством⁴⁵, и лишь в хозяйстве цахуров земледелие имело небольшой удельный вес⁴⁶. Кроме того, во многих селениях были развиты кустарные промыслы, свойственные оседлому быту, а также отхожий промысел (напомним: в 1913 г. было 23 189 отходников из Самурского округа и 15 967 из Гунибского). При оценке удельного веса скотоводства в обеспечении средств существования большинства жителей следует учитывать и заработок отходника (в год он получал до 120 руб., что равнялось стоимости 2 лошадей или 6 быков, либо 30 баранов)⁴⁷, и доход от земледелия и домашних промыслов⁴⁸. Отметим и такой немаловажный факт: в отличие от кочевников у всех дагестанцев основной являлась пища растительного происхождения,

³⁹ Семенов Ю. И. Указ. раб., с. 56—57, 59.

⁴⁰ Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество, с. 86; см. также: Шамиладзе В. М. О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа. — СЭ, 1982, № 3, с. 74.

⁴¹ Бабаев Д. Селение Ахты. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, XVII. Тифлис, 1893, с. 147.

⁴² Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX — начала XX в. М.: Наука, 1979, с. 35.

⁴³ Нахшунов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России (дооктябрьский период). Махачкала: Дагкинигоиздат, 1956, с. 23.

⁴⁴ Агларов М. А. Указ. раб., с. 208; ср. свидетельство К. К. Краббе: «Рутул имеет достаточно хлеба» (Указ. раб. с. 335).

⁴⁵ Ихилов М. М. Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутульцев, цахуров, агулов. Махачкала, 1967, с. 119—120.

⁴⁶ Лавров Л. И. Рутульцы в прошлом и настоящем. — В кн.: Кавказский этнографический сборник, вып. III. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 128; Агларов М. А. Указ. раб., с. 205.

⁴⁷ Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 91; Полевые материалы автора.

⁴⁸ Д. Бабаев даже отводит промыслам первое место среди занятий «жителей Самурского округа» (Указ. раб., с. 146).

а основным блюдом — мучной хинкал⁴⁹. И последнее (не по значению) отгон скота (преимущественно МРС) специализирован — только чабаны осуществляли перегон животных и их содержание на пастбищах.

Если бы имело место откочевание населения вместе со скотом, то оно происходило бы и при отгоне скота из высокогорья на Прикаспийскую низменность. Однако откочевок жителей сюда не зафиксировано. И объясняется это тем, что Прикаспийская низменность с ее неводеланными обширными степями не могла обеспечить такого заработка отходника из высокогорного Дагестана, как земледельческие районы Грузии и Азербайджана. Чем иным можно объяснить такой парадоксальный факт в обществе Тлейсерух часть селений перегоняла свой скот в Азербайджан, часть — в прикаспийский Дагестан, но жители и тех и других селений (кроме чабанов, разумеется) уходили только в Азербайджан⁵⁰. По логике сторонников кочевания часть тлейсерухцев должна была со скотом (или вслед за ним) перекочевать в прикаспийский Дагестан, но они шли в Азербайджан, где рассчитывали найти заработок.

Относительно социальной характеристики жителей высокогорного Дагестана, принимаемых за полукочевников, можно сказать следующее. Если даже союзы общин Южного и особенно Западного Дагестана и отставали в своем социально-экономическом и общественно-политическом развитии, они не были демосоциальными организациями. А такие политические объединения, как Цахур или Ахтыпара, известны еще со времени средневековья⁵¹. Союзы общин Дагестана в XVIII—XIX вв. хотя и сохранили «некоторые внешние признаки прежнего племенного деления»⁵², однако были «образованы по территориальному признаку. Границы „вольного“ общества и границы распространения племенного языка не совпадают. Население, говорящее на одном аварском языке, образует десятки таких обществ; в одно такое общество входит население, говорящее на нескольких языках и диалектах»⁵³. Например, союз Ахтыпара включал (кроме лезгинских) рутульские селения, Рутул — лезгинские; Ихрек (кроме рутульских) — лакские и т. д. К Дагестану XIV—XIX вв. полностью применимы слова Ф. Энгельса о различии принципов организации предгосударственных и государственных социальных организмов: «Решающее значение имела уже не принадлежность к родовым союзам, а исключительно место постоянного жительства; не народ подвергался делению, а территория; население в политическом отношении превращалось в простой придаток территории»⁵⁴.

Об оседлости коренного населения Дагестана, в частности о глубокой древности его земледельческого хозяйства, красноречиво свидетельствуют археологические материалы, эпиграфические памятники, нарративные источники, а также памятники материальной культуры и весь образ жизни дагестанских горцев. Дагестанские аулы с их монументальными домами, башнями и крепостями⁵⁵, известные из устной и письменной традиций в течение многих веков⁵⁶, с устоявшимся квартальным

⁴⁹ Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, с. 19—20; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967, с. 274.

⁵⁰ Обзор Дагестанской области за 1913 г., с. 18—19; Полевые материалы автора.

⁵¹ Хашаев Х. О. Указ. раб., с. 183—186.

⁵² Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала: Дагкиногиздат, 1957, с. 117.

⁵³ Хашаев Х. О. Указ. раб., с. 239.

⁵⁴ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 117 (см. также с. 26).

⁵⁵ По мнению Н. В. Пигулевой, самый факт наличия крепостей в Дагестане еще в VI в. «говорит об относительно оседлом образе жизни и более высоком уровне культуры людей Бет-Даду (Дагестан. — М. О.), чем у кочевых народов». См.: Пигулевская Н. В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа. — Вестник древней истории, 1939, № 1, с. 110.

⁵⁶ Большинство селений Южного Дагестана с развитым отгоном скота в Закавказье известны по эпиграфическим памятникам еще с начала II тыс., например: Ихрек (XI в.), Рутул, Гельмец (XII в.), Цахур, Куруш, Ахты (XI—XII вв.), Лучек, Михрек (не позднее XIII в.) и т. д. См.: Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв., т. I. М.: Наука, 1966, с. 57, 67—68, 89, 91, 94, и др.

делением, оседлой общиной с общественной инфраструктурой, регламентированной, строго организованной хозяйственной и общественной жизнью, никак не согласуются с понятием кочевничества. «Кочевники,— как удачно сформулировал С. Е. Толыбеков,— потому и называются кочевниками, что у них еще нет оседлых поселений с жителями, занимающимися животноводством и земледелием»⁵⁷. В Дагестане же были такие поселения и жители. Их характеристику мы находим у многих авторов конца XIX—начала XX в. Так, И. Пантюхов, например, писал: «Главные средства для существования» дагестанцам «всегда давали земледелие и скотоводство», у них «правильная внутренняя организация общин, честность взаимных отношений и оседлая земледельческая культура»⁵⁸. Х. А. Вермишев утверждал, что население Дагестана, участвующее в отгонном скотоводстве, «не кочевое, хотя летом перекочевывает», и обосновал это так: оно «всегда занимается земледелием, садоводством и другими отраслями хозяйства»⁵⁹. А. М. Аргутинский сообщал о жителях именно «кочевнического» Анцухо-Капучинского участка: «Они живут здесь только зимою, а летом поднимаются в родные деревни, где имеют оседлость и отчасти занимаются хлебопашеством»⁶⁰.

К выводу о том, что население в Дагестане не кочевало вслед за скотом, пришел и советский исследователь П. В. Погорельский. «Оседлость населения исключала возможность отгона всего стада», — писал он. Дагестанское скотоводство «не кочевое, а хозяйство с отгонно-пастбищной системой содержания скота»⁶¹.

Из сказанного следует, что дагестанское отгонное скотоводство нельзя назвать ни кочевым, ни полукочевым, какие бы «обличия» его отгонная форма ни принимала. Однако в XIX в. в ряде обществ Западного и Южного высокогорного Дагестана бытовала ФС, при которой отгон овец сопровождался отгоном КРС и отходом населения. Разумеется, она требует выделения из остальных ФС и соответствующей номинации. Предложенное нами прежде название ее — «альпийский отгон с частичным отходом населения»⁶² — представляется неудачным, ибо в основу его положено место проживания населения (скотовладельцев), а не место отгона скота для сезонного содержания, как принято при определении ФС. Правильнее этот вид отгона назвать «кышлажным».

Как оседание и занятие земледелием части населения видоизменяют кочевые формы скотоводства, уменьшая в них кочевнический элемент, но не изменяя сущности хозяйства и образа жизни населения⁶³, так и определенное увеличение подвижности населения (отхода со скотом) в отгонных ФС в какой-то мере уменьшает степень постоянной оседлости, что также должно отразиться в их наименованиях. Исследуемый вари-

⁵⁷ Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959, с. 77—78.

⁵⁸ Пантюхов И. Современные лезгины.— Газ. Кавказ, 1901, № 228.

⁵⁹ Вермишев Х. А. Джейранчельские зимние пастбища Елисаветпольского и Казахского уездов Елисаветпольской губернии.— В кн.: Материалы по устройству казенных летних и зимних пастбищ и изучению скотоводства Кавказа, II. Тифлис, 1890, с. 150.

⁶⁰ Аргутинский А. М. Экономический быт государственных крестьян Телавского уезда Тифлиской губернии.— В кн.: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. V, вып. 1. Тифлис, 1887, с. 59.

⁶¹ Погорельский П. В. Колхозное строительство и реконструкция животноводства в горах Дагестана.— В кн.: Сельское хозяйство горного Дагестана. М.— Л., 1940, с. 79.

⁶² Османов М. О. К вопросу о формах скотоводства в Дагестане.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973—1975 гг. (Тезисы докладов). Махачкала, 1976, с. 16.

⁶³ Ср. Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках.— В кн.: Материалы по этнографии Географического общества СССР, вып. 1. Л., 1961, с. 3; Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972, с. 71—73; Курьев В. П. Опыт типологии скотоводческого хозяйства у казахов (2-я половина XIX—начало XX в.).— В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 168—170; Симаков Г. Н. Опыт типологии скотоводческого хозяйства у киргизов (конец XIX—начало XX в.).— СЭ, 1978, № 6, с. 21—22; Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология, с. 85, и др.

ант следует, вероятно, определить как кышлажный с частичным отходом населения вид отгонной ФС⁶⁴. Главным в этой ФС является кошевый отгон МРС, который, учитывая содержание отар летом на яйлагах можно считать составной частью трансюманса.

В этой связи затронем вопрос о типах скотоводческого хозяйства в рассматриваемом районе. Исходя из того, что тип скотоводства образует совокупность ФС⁶⁵ социального организма (общины, союза общин), составляющих скотоводческое хозяйство на протяжении животноводческого биологического и хозяйственно-календарного цикла, сочетание яйлажной и кышлажной форм отгона для одного и того же вида скота (в данном случае МРС) образует трансюманс.

Второй вид отгона скота также сочетается с содержанием животных на яйлагах, следовательно, и это — трансюманс с частичным отходом населения. Вообще в содержании КРС здесь преобладал внутриаляпийский тип скотоводства с формами стойловой, выгонной, яйлажной и хуторской.

И наконец, образ жизни населения и ХКТ можно, по-видимому, охарактеризовать так: это подвижные скотоводы и земледельцы, в хозяйстве которых развиваются и скотоводство и земледелие, с преобладанием первого.

Таким образом, в высокогорных районах Южного и Западного Дагестана мы находим две ФС (которые обычно принимались за кочевые или полукочевые): 1) кышлажную, кошевую форму отгона МРС и 2) связанную с ней кышлажную с частичным отходом населения форму отгона КРС и других видов скота. Сочетания этих и других, бытовавших в высокогорном Дагестане ФС, образуют типы скотоводства: трансюманс; трансюманс с частичным отходом населения; внутриаляпийский с кышлажным весенним и долинным отгоном.

⁶⁴ В связи с этим представляется соблазнительной мысль предложить несколько отличную от принятой группировку ФС, в которой формы, подобные исследуемой, получили бы название «подвижных» (стационарные формы, отгонные, подвижные, кочевые).

⁶⁵ Ср. Симаков Г. Н. Указ. раб., с. 15—16; Османов М. О. О формах и типах скотоводства (По материалам Дагестана. XIX в.), с. 81, 85—86.

Г. А. Аксянова, И. М. Золотарева, А. А. Зубов

ЭТНИЧЕСКАЯ ОДОНТОЛОГИЯ ВЬЕТНАМА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОНГОЛОИДНЫХ И ЭКВАТОРИАЛЬНЫХ ФОРМ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Сведения о зубной системе некоторых вьетнамских народов получены во время работы советско-вьетнамских этнографо-антропологических экспедиций. В 1976 г. И. М. Золотаревой был собран материал по черным и белым тхай провинции Лайтяу, а также по вьетам провинции Виньфу. Обработка этих материалов проведена А. А. Зубовым. В 1978 г. Г. А. Аксянова собрала и обработала материал по тхай провинции Тханьхоа и тюрю провинции Ламдонг. Таким образом, в нашем распоряжении имеются данные по основным этнографическим подразделениям тхай Вьетнама. В качестве сравнительных в работе используются данные по северным вьетам и горным индонезийцам тюрю. Во время экспедиций 1976—1978 гг. обследовались мальчики и девочки 8—17 лет. Сбор и обработка материала проведены по принятой в СССР методике¹. Рассмотрим характеристику тхай, вьетов и тюрю по каждому из включенных в программу исследования признаков (см. табл.).

¹ Зубов А. А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М., 1968.

Одонтологическая характеристика народов Вьетнама (в %)

Признак		Тхай черные	Тхай белые	Тхай Тханьхоа	Вьеты	Тюру
1		2	3	4	5	6
Лопатообразность						
<i>I</i> ¹	<i>n</i>	47	46	100	112	58
балл	0	4,3	0,0	1,0	0,0	24,1
	1	40,4	45,7	29,0	19,6	51,7
	2	55,3	50,0	59,0	67,9	19,0
	3	0,0	4,3	11,0	12,5	5,2
	2,3	55,3	54,3	70,0	80,4	24,2
Лопатообразность						
<i>I</i> ²	<i>n</i>	44	48	93	106	48
балл	0	13,6	0,0	5,4	2,8	25,0
	1	59,1	43,8	24,7	44,3	47,9
	2	27,3	50,0	57,0	48,1	22,9
	3	0,0	6,2	12,9	4,7	4,2
	2,3	27,3	56,2	69,9	52,8	27,1
Дистальный гребень	<i>n</i>	55	45	95	126	56
	%	30,9	28,9	24,2	28,6	28,6
Коленчатая складка	<i>n</i>	47	44	91	110	53
	%	41,5	31,8	23,1	43,6	32,1
t. a. m. i.	<i>n</i>	58	46	98	129	60
	%	6,9	4,3	6,1	7,0	5,0
Бугорок Карабелли						
балл	<i>n</i>	49	40	101	123	60
	0	63,3	55,0	47,5	58,5	33,4
	1	20,4	22,5	25,7	29,3	28,3
	2	14,3	15,0	14,9	8,9	15,0
	3	2,0	5,0	7,9	2,4	13,3
	4	0,0	2,5	3,0	0,8	3,3
	5	0,0	0,0	1,0	0,0	6,7
	Σ 2—5	16,3	22,5	26,8	12,1	38,3
Частота гена, определяющего наличие бугорка		0,194	0,263	0,322	0,224	0,450
Тип по Дальбергу						
<i>M</i> ¹	<i>n</i>	59	51	100	132	60
	4	94,9	80,4	97,0	96,9	88,3
	4—	5,1	19,6	2,0	3,1	10,0
	3+	0,0	0,0	1,0	0,0	1,7
	3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
	Σ 3+, 3	0,0	0,0	1,0	0,0	1,7
Тип по Дальбергу						
<i>M</i> ²	<i>n</i>	53	23	60	83	19
	4	13,2	13,0	35,0	1,2	10,5
	4—	47,2	34,8	38,3	54,2	42,1
	3+	26,4	21,7	21,7	25,3	42,1
	3	13,2	30,4	5,0	19,3	5,3
	Σ 3+, 3	39,6	52,1	26,7	44,6	47,4
Число бугорков на <i>M</i>₁						
	<i>n</i>	58	49	93	128	56
	7	0,0	0,0	1,1	0,8	0,0
	6	22,4	20,4	49,4	25,7	23,2
	5	77,6	77,5	49,5	73,4	75,0
	4	0,0	2,0	0,0	0,0	1,8
Число бугорков на <i>M</i>₂						
	<i>n</i>	52	21	58	82	20
	7	0,0	0,0	1,7	0,0	0,0
	6	9,6	23,8	31,0	14,6	20,0
	5	50,0	57,2	60,4	53,6	55,0
	4	40,4	19,1	6,9	31,7	25,0
<i>M</i>₁ узор борозд						
	<i>n</i>	58	49	89	128	48
	Y	51,7	38,8	59,5	60,9	60,5
	+	36,2	57,1	31,5	38,2	35,4
	X	12,1	4,0	9,0	0,8	4,1
<i>M</i>₂ узор борозд						
	<i>n</i>	52	21	55	82	17
	Y	7,7	0,0	5,5	4,8	5,9
	+	53,8	33,4	21,8	46,3	64,7
	X	38,5	66,7	72,7	48,8	29,4
Краудинг <i>I</i>²						
	<i>n</i>	59	57	97	131	53
	%	8,5	22,8	3,1	23,7	1,9

Признак		Тхай черные	Тхай белые	Тхай Тханьхоа	Вьеты	Тюру
1		2	3	4	5	6
Диастема $I^1—I^1$	n	55	54	98	128	59
	%	3,6	5,6	16,3	7,8	27,1
Редукция I^2	n	57	52	96	128	53
балл	0	91,2	86,5	81,3	91,4	86,8
	1	8,8	13,5	15,6	7,0	9,4
	2	0,0	0,0	2,1	1,6	3,8
	3	0,0	0,0	1,0	0,0	0,0
$M^{14}ra$ тип 3				3,1	1,6	3,8
(лирообразный)	n	36	33	70	94	28
	%	63,9	72,7	77,1	65,9	57,1
$M_{12}med$ (II)	n	50	41	95	109	51
	%	6,0	21,9	13,7	7,3	19,6

Диастема $I^1—I^1$, краудинг I^2 (лингвальный сдвиг), редукция I^2 Тхайские группы обнаруживают значительное разнообразие по признакам, отражающим процесс редукции в классе резцов. Все три признака сильно варьируют среди тай: диастема $I^1—I^1$ от 3,6 до 16,3%, краудинг I^2 от 3,1 до 22,8%, редукция I^2 (баллы 2+3) от 0 до 3,1%. Размаи изменчивости анализируемых признаков на территории Вьетнама еще больше. Так, частота краудинга у вьетов поднимается до 23,7%, а частота диастемы у тюру — 27% — почти достигает мирового максимума. Не трудно заметить, что редукция переднего отдела зубной дуги у народа Вьетнама находит выражение преимущественно либо в краудинге I^2 , либо в уменьшении размеров I^2 . Первый тип редукции, очевидно, отражает уменьшение размеров самого альвеолярного отростка верхней челюсти, в то время как второй, по-видимому, более независим от процессов редукции в челюстном аппарате и, возможно, вследствие этого сопровождается повышением частоты диастемы $I^1—I^1$ вплоть до появления мезиоденсы (тюру — 5,2%). Среди изученных групп распределение двух наблюдаемых типов редукции переднего отдела зубной дуги обнаруживает не этническую, а скорее географическую приуроченность. Первый тип, который на данной территории можно назвать «северным» наиболее характерен для вьетов и белых тай, второй, «южный», тип ярко представлен у тюру, к которым очень близки тай Тханьхоа². И всех исследованных групп тай черные выделяются относительно низким уровнем редукции переднего отдела зубной дуги, что проявляется в низкой частоте всех трех рассматриваемых признаков.

Многочисленные исследования показали, что диастема $I^1—I^1$, краудинг I^2 и редукция I^2 не являются признаками высокого таксономического ранга, так как они подвержены быстрой эпохальной изменчивости. Значимость их ограничивается уровнем локальных подразделений. Неблюдая столь большое разнообразие тайских групп по этим особенностям, можно с большой долей уверенности предположить их независимое развитие на протяжении значительного исторического отрезка времени.

Лопатообразность I^1/I^2 Тай по мировому масштабу характеризуются высокой частотой лопатообразных резцов с тенденцией к ее понижению (54—70% на I^1 , баллы 2+3). Самая высокая частота признака наблюдается у тай Тханьхоа, которые в результате сильно приближаются

² По данным Ризенфельда, в Индонезии и Океании очень сильно выражена тенденция к редукции верхнего латерального резца. См. *Riesenfeld A. Shovel-Shaped Incisor and a Few Other Dental Features among the Native Peoples of the Pacific.*— Amer. Phys. Anthropol., 1956, v. 14, № 3, p. 509.

вьетнам (80%). Несмотря на довольно значительный размах изменчивости признака у тай-вьетских групп, все они резко противопоставляются тюрю, у которых частота лопатообразных I^1 составила всего 24%. На территории Вьетнама мы наблюдаем почти полный размах изменчивости признака у монголоидов. Более высокие, чем у вьетов, частоты (до 100%) наблюдаются у народов к северу от Вьетнама (например, монголы, китайцы, эскимосы, индейцы), а близкие к тюрю значения встречаются в Индонезии, Микронезии и Полинезии.

Территория Вьетнама является промежуточной зоной, где в миниатюре сохраняется тот градиент изменчивости признака, который в общем плане прослеживается на обширной территории, занимаемой большой монголоидной расой, находя продолжение в Океании. Частота лопатообразных верхних медиальных резцов ясно дифференцирует тихоокеанскую, по терминологии Н. Н. Чебоксарова, ветвь монголоидов на материковых, у которых частота признака не опускается обычно ниже 50%, и островных, у которых резцов лопатообразной формы, по-видимому, не более 40%³. К нижней границе размаха изменчивости признака у материковых форм тихоокеанских монголоидов примыкают веддоиды северо-востока Индии, а к кругу островных форм — айны и народы Океании⁴. Среди исследованных народов Вьетнама тюрю могут быть отнесены к населению островного мира (Индонезия, Микронезия, Полинезия). По одному из важнейших расово-диагностических признаков, доступных для сравнения, индонезийцы Вьетнама сходны именно с океанийскими формами и сильно отличаются от родственных им по языку гаошань Тайваня, у которых частота лопатообразных I^1 превышает 80%⁵. Все же надо отметить, что при низкой частоте основного показателя лопатообразности у тюрю, как и у народов Океании, сильно выражена тенденция к лопатообразной форме резцов, проявляющаяся в очень высоком проценте балла 1 (до 60%). Кроме того, у тюрю встречается и максимальная степень выраженности признака, т. е. балл 3, — явление нечастое и при гораздо большей частоте анализируемой особенности. Факты эти свидетельствуют в пользу принадлежности тюрю к формам азиатского происхождения.

Лопатообразность I^2 обнаруживает широкий спектр изменчивости на территории Вьетнама (27—70%) и показывает картину распределения менее четкую, нежели лопатообразность I^1 . Здесь хотелось бы обратить внимание на соотношение этих двух характеристик в связи с тем, что тай черные и вьеты показали резкое понижение частоты лопатообразных I^2 — почти на 30% по сравнению с I^1 . Такое соотношение частот соответствует, однако, нередко наблюдаемой у монголоидов закономерности⁶.

Дистальный гребень тригонида. Территория Вьетнама, судя по исследованным группам, довольно гомогенна по частоте дистального гребня. По мировому масштабу данный признак присутствует здесь с высокой частотой, что характерно для представителей восточного расового ствола. Диапазон изменчивости его частоты среди тай составляет 7%: минимальная частота отмечена у тай Тханьхоа (24%), максимальная — у черных тай (31%). В этот размах попадают также вьеты и тюрю, имеющие одинаковую частоту признака. Мы, к сожалению, плохо знаем распределение дистального гребня на сопредельных территориях. Из-

³ Необходимо сделать существенную на наш взгляд оговорку: мы до сих пор не имеем почти никаких сведений об особенностях зубной системы мон-кхмерских народов, которые могут нарушить предложенную здесь схему.

⁴ Turner Ch. G. II, Hanihara K. Additional Features of Ainu Dentition. V. Peopling of the Pacific. — Amer. J. Phys. Anthropol., 1977, v. 46, № 1, p. 13—24; Riesenfeld A. Op. cit., p. 505—521; Harris E. F., Turner Ch. G. II, Underwood J. H. Dental Morphology of Living Jap Islanders, Micronesia. — Archaeology and Physical Anthropology in Oceania, 1975, v. X, № 3, p. 218—234; Jacob T. Racial Identification of the Bronze Age Human Dentitions from Bali, Indonesia. — J. Dent. Res., 1967, v. 46, № 5, part I, p. 903—910; Turner Ch. G. II, Swindler D. R. The Dentition of New Britain West Nakanai Melanesians. VIII. Peopling of the Pacific. — Amer. J. Phys. Anthropol., 1978, v. 49, № 3, p. 361—372.

⁵ Khang-Lee L. Dental Condition of Two Tribes of Taiwan Aborigines — Ami and Atayal. — J. Dent. Res., 1977, v. 55, № 2, p. 117—127.

⁶ Зубов А. А. Этническая одонтология. М., 1973, с. 104.

вестно, что к северу от Вьетнама, включая Монголию, Корею, а также северо-восток Индии, расположена область более высоких частот⁷. Впрочем, можно, народы, населяющие Вьетнам, образуют по данному признаку периферийный пласт материкового населения Азии.

Коленчатая складка метаконида. Тхай характеризуются высокой частотой коленчатой складки, хотя вариации признака по группам значительны (23—41,5%). Минимальная частота отмечена у тхай Тханьхоа, максимальная — у черных тхай, которые фактически не отличаются от вьетов (43,6%). Тюрю также характеризуются весьма высоким процентом коленчатой складки (32%). В связи с отсутствием в литературе сравнимых данных о коленчатой складке в Океании мы не можем в данном случае оценить возможные расогенетические параллели⁸. Известно все же, что у современных австралийских аборигенов частота коленчатой складки не меньше, чем у монголоидов (41%)⁹, поэтому определение доли монголоидного и австралоидного компонентов по данному признаку весьма затруднительно. Одно несомненно — все изученные народы Вьетнама по этому признаку являются типичными представителями восточного расового ствола. Особо следует подчеркнуть это положение для тюрю: высокая частота коленчатой складки, а также дистального гребня у тюрю не вызывает сомнения в их принадлежности к одонтологическим типам восточного происхождения.

Внутренний средний дополнительный бугорок (*t.a.m.i.*). По мировому масштабу *tuberculum accessorium mediale internum* встречается у народов Вьетнама со средней частотой при тенденции к низкой (4—7%). Минимальное значение отмечено у белых тхай, максимальное — у вьетов и черных тхай. Признак этот довольно незакономерно распределен в мире, но максимальные величины (до 23%) фиксируются у жителей тропического пояса (Африка, Океания, Индия). Как можно судить по исследованным группам, территория Вьетнама гомогенна по данному признаку и не выделяется какой-либо специфичностью.

Бугорок Карабелли. Данный признак сильно варьирует на территории Вьетнама — от 12% у вьетов до 38% у тюрю (сумма баллов 2—5). Тхай показывают меньший размах изменчивости и в целом характеризуются слегка повышенной по монголоидному масштабу частотой признака. Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее близкими к вьетам вновь оказались черные тхай (16%). Максимальное среди тхай значение основного показателя присутствия бугорка Карабелли отмечено у тхай Тханьхоа (26,8%).

Анализируя процентное распределение признака по степени его выраженности, можно заметить, что группы дифференцируются в основном за счет различной частоты гомозиготных форм (баллы 0 или сумма 3—5), в то время как по частоте гетерозигот (баллы 1—2) они в гораздо меньшей степени отличаются друг от друга. Такой характер распределения находит подтверждение и в сильной вариабельности на территории Вьетнама гена, определяющего наличие бугорка, частота которого изменяется от 0,194 до 0,450. При этом наиболее близкими к вьетам оказываются не только черные, но и белые тхай. Эмпирическое распределение фенотипов бугорка Карабелли везде статистически недостоверно расходится с теоретически ожидаемым по закону Харди — Вайнберга, что указывает на состояние равновесия во всех исследованных группах¹⁰. По-ви-

⁷ Статистические данные по Китаю отсутствуют, но здесь также можно предполагать высокую частоту дистального гребня.

⁸ Тернер и Свиндлер сообщают частоту коленчатой складки у меланезийцев о-ва Новая Британия в сравнении с некоторыми популяциями Азии и Океании. Приводимые цифры, однако, ясно свидетельствуют о методическом расхождении в определении частоты этого признака, но позволяют говорить о значительно меньшей его частоте на западе Меланезии, нежели в Микронезии и Китае. См. *Turner Ch. G. II, Swindler D. R. Op. cit.*, p. 367.

⁹ Hanihara K. Statistical and Comparative Studies of the Australian Aboriginal Dentition. Tokyo, 1976, p. 41.

¹⁰ Генная частота определялась прямым генным счетом, исходя из гипотезы Крауса — Тернера о мономерном кодоминантном типе наследования бугорка Карабелли. См. *Зубов А. А. Этническая одонтология*, с. 39—40.

димому, изученные народы Вьетнама принадлежат к генетически различным по данному признаку общностям. Для одной общности, включающей тхай-вьетские группы, характерна относительно низкая частота гена, дающего бугорок, для другой, включающей тюрю,— высокая его частота.

Важно определить теперь, имеются ли аналогии этим общностям за пределами Вьетнама. В Азии частота основного показателя бугорка Карабелли — сумма баллов 2—5 — варьирует от очень низких величин (китайцы, бирманцы, малайцы — до 10%) до средних по мировому масштабу значений (монголы, японцы, южные китайцы, индонезийцы Тайваня, веддоиды Индии — до 35%). Материалы по Океании довольно противоречивы. Многие исследователи отмечают относительную редкость этого признака. С другой стороны, у папуасов отмечена очень высокая его частота — 46%. Замечено также, что в Океании и Австралии бугорковые формы (баллы 3—5) несколько чаще встречаются у австрало-меланезийцев (до 20%) и реже у микронезийцев и полинезийцев (до 13%) ¹¹. Возможно, генная, а не фенотипическая частота признака явилась бы более чутким дифференцирующим показателем для представителей восточного ствола. Накопленные к настоящему времени довольно отрывочные материалы показывают, что в рамках восточного одонтологического ствола, который характеризуется низкой или средней частотой гена, дающего бугорок Карабелли, имеются группы населения с высокой концентрацией гена. Это некоторые австрало-меланезийские группы и горные индонезийцы Вьетнама — тюрю.

Редукция гипоконуса на первом и втором верхних молярах (тип по Дальбергу). Как и в большинстве групп современного человечества, редукция гипоконуса M^1 практически отсутствует у исследованных народов, но тенденция к ней проявляется у белых тхай и тюрю.

Редукция гипоконуса M^2 в большинстве изученных групп отмечена со средней по мировому масштабу частотой. Сумма выраженных форм редукции (баллы 3 и 3+) неопределенно варьирует по группам в пределах 26—52%. Как максимальные, так и минимальные частоты зафиксированы у тхай. В соответствии с данными по первому моляру редукция гипоконуса M^2 сильнее всего выражена у белых тхай, к которым приближаются тюрю. Наиболее высокий уровень редукции M^2 у белых тхай выражается не только в частоте основного показателя, но и в соотношении различных степеней редукции гипоконуса. Только в этой группе наблюдается высокий процент полностью редуцированных форм и преобладание балла 3 над баллом 3+. Если теперь вспомнить данные по краудингу и редукции верхнего латерального резца, то станет очевидным, что процесс редукции зубов верхнего ряда у белых тхай зашел наиболее далеко.

Из всех анализируемых групп заметным понижением уровня редукции M^2 выделяются тхай Тханьхоа (26,7%). Такая низкая частота в целом неудивительна на данной территории, так как области с населением, характеризуемым слабой редукцией второго верхнего моляра, граничат с Юго-Восточной Азией (Океания, Австралия, Индия). Таким образом, тхай Тханьхоа показали по данному признаку близость к австрало-веддо-меланезийской общности, что, вероятно, указывает на сохранение в этой группе австралоидных в широком смысле элементов.

Число бугорков и узор коронки нижних моляров. Одним из основных направлений в развитии зубной системы современного человека на протяжении последних тысячелетий была редукция моляров. Явление это в меньшей степени охватило монголоидные и экваториальные популяции, так что в некоторых из них преобладающим стал не процесс редукции, а противоположный ему процесс дифференциации коронки моляров. Яркими представителями такого направления развития являются большинство изученных народов Вьетнама. Во всех группах наблюдается высокий процент шестибугорковых первых нижних моляров (20—26%). Существенно отличаются от них лишь тхай Тханьхоа, которые характери-

¹¹ Harris E. F. et al. Op. cit., p. 226.

зуются еще более высоким содержанием $M_1/6$, примыкающим к малым значениям в мире (49%). Дифференциация коронки в тайской группе зашла настолько далеко, что у них, а также у вьетнамцев, встретилось по одному случаю настоящего седьмого бугорка в дистальном отделе коронки между S_6 и энтоконидом ($C7d$)¹². Достоверное наличие такого бугорка известно еще у монголов и арктических монголов, которые также характеризуются очень высоким уровнем дифференциации нижних моляров¹³.

Частота пятибугорковых M_1 во всех группах определяется числом шестибугорковых. Четырехбугорковые первые нижние моляры отсутствуют или встречаются крайне редко.

На втором нижнем моляре процент шестибугорковых форм остается высоким, хотя сильно варьирует среди тай (10—31%). В этот раз попадают вьеты и тьюру, причем у последних частота $M_2/6$ выше. Малое значение вновь отмечено у тай Тханьхоа. У них и на M_2 встречен в одном случае истинный седьмой бугорок. Тай черные и вьеты отличаются от остальных группам относительно более низким содержанием $M_2/6$.

Частота $M_2/4$ сильно варьирует в анализируемых группах, не выходит, однако, за пределы низких по мировому масштабу значений (7—40%). Чрезвычайно низким уровнем редукции M_2 характеризуются тай Тханьхоа, у которых присутствие $M_2/6$ резко преобладает над $M_2/4$. Противоположное соотношение отмечено у тай черных и вьетов, так как у них наблюдается относительное повышение процента четырехбугорковых моляров. Тай белые и тьюру занимают в целом промежуточное положение при абсолютно малом содержании $M_2/4$.

Трехбугорковые вторые нижние моляры у исследованных народов Вьетнама отсутствуют.

Рассматривая узор интертуберкулярных борозд коронки M_1 , следует отметить довольно низкую частоту Y-узора во всех, особенно в тайских группах (39—61%). В соответствии с этим процент «плюс»-узора относительно высок (до 57% у белых тай). X-узор на M_1 встречается во всех группах, но, как правило, редко.

На втором нижнем моляре Y-узор наблюдается крайне редко. Соотношение + и X-узора сильно варьирует, но для всех групп характерно высокое содержание X-форм. Как свидетельствуют материалы по Океании, этот тип узора коронки ясно отделяет микронезийско-полинезийское население, сходное с индонезийцами (50—70%), от австрало-меланезийцев (0—24%)¹⁴. Тай и вьеты обычно попадают в размах изменчивости данной особенности у микронезийско-полинезийской ветви народов Океании, примыкающей по признакам зубной системы к азиатским монголоидам, в то время как тьюру обнаружили заметный сдвиг в сторону австрало-меланезийских популяций.

Одонтоглифические признаки. В программу исследования были включены две особенности тонких деталей узора жевательной поверхности моляров: лирообразная форма первой борозды параконуса на первом верхнем моляре ($M^1/1ra$ (тип 3)) и впадение второй борозды метаконуса в мезиальную борозду на первом нижнем моляре ($M_2/2med$ (II)).

Частота $M^1/1ra$ (3) во всех тайских группах очень высока (63—77%). Для сравнения скажем, что, например, у русских частота этого признака не поднимается обычно выше 20%, а у монголов она достиг

¹² Следует иметь в виду, что в зарубежной литературе под седьмым бугорком часто подразумевается *tuberculum accessorium mediale internum*. Во избежание недоразумений мы предлагаем истинный седьмой бугорок в дистальном отделе коронки нижних моляров обозначать $C7d$.

¹³ *Зубов А. А., Золотарева И. М.* Монголы в мировой системе одонтологических типов.— *Вопр. антропологии*, 1980, вып. 64; *Дубова Н. А., Тегакко Л. И.* Одонтологическая характеристика населения северо-востока Азии.— *На стыке Чукотки и Аляски*, М., 1983, с. 170—199.

¹⁴ *Harris E. F.* Op. cit., p. 227; *Turner Ch. G. II, Swindler D. R.* Op. cit., p. 365.

73%¹⁵. Наиболее высокие значения отмечены у тхай Тханьхоа и белых тхай, которые показали результаты, идентичные с монголами. Черные тхай сходны с вьетами и характеризуются легким понижением частоты признака. Минимальное значение наблюдается у тьюру (57%). Очевидно, анализируемый признак является неплохим индикатором монголоидности. Учитывая данные по тьюру, можно предполагать понижение его у населения Индонезии и Океании.

По содержанию варианта *M₂med(II)* Вьетнам представляет собой зону низких частот, что в целом характерно для монголоидов. Признак все же заметно варьирует среди исследованных групп, причем как максимальная (22%), так и минимальная частота (6%) отмечена у тхай. Вьеты характеризуются очень низким процентом признака и вновь наиболее сходны с черными тхай. Тьюру примыкают к верхней границе размаха изменчивости, объединяясь в данном случае с белыми тхай.

* * *

Суммируя данные по распределению отдельных признаков, приходим к выводу о принадлежности всех исследованных народов Вьетнама к восточному расовому стволу, о чем свидетельствует высокая, по мировому масштабу, частота лопатообразных резцов, коленчатой складки, дистального гребня. Необходимо подчеркнуть, что в отношении дистального гребня и коленчатой складки население Вьетнама гораздо более гомогенно, чем по частоте лопатообразной формы резцов, которая обнаруживает весьма широкий диапазон изменчивости. Очевидно, последний признак является важным фактором для разграничения не только западного и восточного расового стволов, но и в рамках самого восточного ствола. Дифференциация азиатского ствола по данному признаку наблюдается уже на довольно ранних этапах расообразования. Так, например, небольшой палеоматериал с территории Северного Вьетнама, который имеется в нашем распоряжении¹⁶, показывает, что население эпохи бронзы сильно отличалось от населения неолита гораздо более высоким процентом лопатообразных резцов при относительно равном с ним проценте дистального гребня. Такой результат, возможно, указывает на появление в период бронзы нового, более монголоидного населения на территории Северного Вьетнама. Уместно вспомнить, что в Индонезии (о-в Бали) в это же время фиксируется относительно невысокая частота лопатообразных резцов (39% на I¹), сохранившаяся у современных групп¹⁷. Таким образом, во Вьетнаме, а быть может, и за его пределами население со слабо выраженной лопатообразностью резцов, но одновременно с относительно высокой частотой дистального гребня является, по-видимому, хронологически более ранним по отношению к группам с высокой лопатообразностью. В нашем материале представителями первых могут рассматриваться тьюру, вторых — тхай и вьеты. По всей видимости, понижение частоты лопатообразных резцов в Юго-Восточной Азии должно в конечном счете рассматриваться как ослабление собственно монголоидных и усиление океанических черт.

Мы сознательно не используем здесь понятие «австралоидные черты», так как по результатам исследования известного японского одонтолога Казуро Ханихары аборигены Центральной Австралии по важнейшим описательным признакам зубной системы не отличаются от монголоидов¹⁸. В то же время существенное понижение частоты лопатообразных

¹⁵ Вашиева В. Ф. Одонтологическая характеристика русских западных и северо-западных областей РСФСР. — *Вопр. антропологии*, 1977, вып. 56, с. 109—110; *ее же*. Одонтологическая характеристика русских центральных, южных и северных областей Европейской части РСФСР. — *Вопр. антропологии*, 1977, вып. 57, с. 140; Зубов А. А., Золотарева И. М. Указ. раб.

¹⁶ Г. А. Аксянова изучила краниологические коллекции эпохи бронзы и неолита в Институте археологии Комитета общественных наук СРВ в Ханое. К сожалению, не удалось получить данных по коленчатой складке в эпоху бронзы из-за малочисленности и плохой сохранности материала.

¹⁷ Jacob T. *Op. cit.*, p. 904; Riesenfeld A. *Op. cit.*, p. 508—511.

¹⁸ Hanihara K. *Op. cit.*, p. 38—41.

резцов в Индонезии и Океании подтверждено рядом наблюдений¹⁹. Рядом с этим американские одонтологи, исследовавшие население Тихого океана, пришли к выводу о возможности разграничения по некоторым признакам популяций австрало-меланезийских и микронезийско-полинезийских, примыкающих к азиатским монголоидам, — заключение, которое учтено нами в ходе предыдущего анализа распределения признаков. В дальнейшем мы будем придерживаться понятия «океанийские черты», подразумевая под ними такие особенности: низкую частоту лопаточных резцов, X-узор борозд коронки нижних моляров, повышенный процент выраженных форм бугорка Карабелли, очень низкий уровень редукции моляров. Океанийские особенности зубной системы в рассматриваемом регионе могут быть присущи не только населению островов Тихого океана, но и народам, проживающим на юге и юго-востоке азиатского континента. Чрезвычайно важны в этом отношении данные по веддоидным группам Индии, которые показывают среднюю по мировому масштабу частоту лопатообразных резцов при повышенной частоте коленчатых складки и дистального гребня²⁰.

О принадлежности всех исследованных народов Вьетнама к восточному стволу свидетельствуют не только стабильные во времени расовые характеристики, но и сильно подверженные эпохальной изменчивости признаки редукционного комплекса. В целом Вьетнам — зона низкого, очень низкого уровня редукции моляров, так что в качестве ведущего процесса на этой территории было бы, вероятно, правильно рассматривать процесс не редукции, а дифференциации коронки моляров.

В классе резцов в отличие от моляров уровень редукции значительный. Анализируемый материал ярко демонстрирует относительную независимость хода редукции в переднем и заднем отделах зубной дуги. Проиллюстрируем это графиком (рис. 1). На оси «х» отложена сумма частот признаков (в радианах), отражающих уровень редукции в классе моляров — $M^1\Sigma 4-$, $3+$, 3 ; $M^2\Sigma 3+$, 3 ; $M_2 4$. На оси «у» — признаки, отражающие уровень редукции в классе резцов — краудинг I^2 и все баллы редукции I^2 . Очень большое разнообразие показывают тайские группы — белые и черные тай, характеризующаясь примерно равным относительно высоким уровнем редукции моляров, сильно отличаются по уровню редукции в классе резцов. В то же время тай Тханьхоа при очень слабо выраженной редукции моляров имеют средний уровень редукции в классе резцов.

Значительная вариабельность этнографических подразделений тай Вьетнама по особенностям пластичного во времени редукционного комплекса свидетельствует, очевидно, о самостоятельном пути развития каждой из них по крайней мере на последнем историческом этапе и наиболее раннем отделении от тайского массива самой южной группы — тай Тханьхоа.

Если учитывать одновременно совокупность всех анализируемых особенностей зубной системы, то обращает на себя внимание большое разнообразие групп, которое создается в первую очередь сильно изменяющимися во времени признаками редукционного комплекса. Фактически каждая группа индивидуальна, что хорошо демонстрирует следующий график (рис. 2). На оси «х» отложена сумма частот признаков (в радианах), отражающих уровень дифференциации коронки моляров — бугорки Карабелли (баллы 2—5), четырехбугорковые M^1 , шести- и семибугорковые M_1 и M_2 ; на оси «у» — сумма частот расовых особенностей: лопатообразность I^1 (баллы 2+3), дистальный гребень, коленчатая складка $M^1 1ra$ (тип 3). На графике видно, что вьетны характеризуются максимальной выраженностью монголоидных особенностей и минимальной с

¹⁹ См. сн. 4.

²⁰ Zubov A., Cheboxarov N. New Data on the Ethnic Anthropology of India. — Indian Studies by Soviet Scholars (Problems of the Contemporary World), 1976, № 1, p. 17—33; Zubov A. A., Gashimova U. F. Одонтологическая характеристика населения Западной Индии. — Новые материалы к антропологии Западной Индии. Результаты вьетско-индийских исследований. М., 1982, с. 157—174.

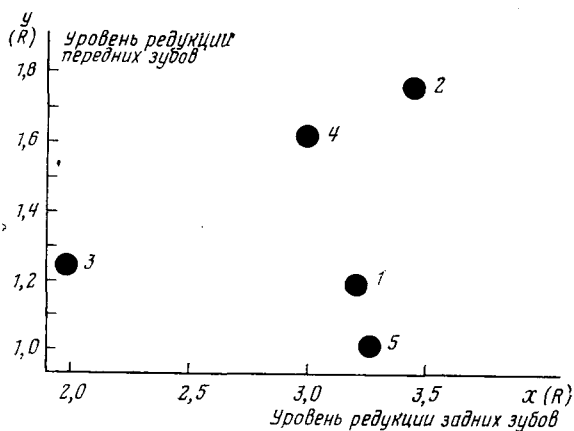

Рис. 1. График соотношения исследованных групп Вьетнама по признакам редукционного комплекса: 1 — тхай черные, 2 — тхай белые, 3 — тхай Тханьхоа, 4 — вьеты, 5 — тюрю

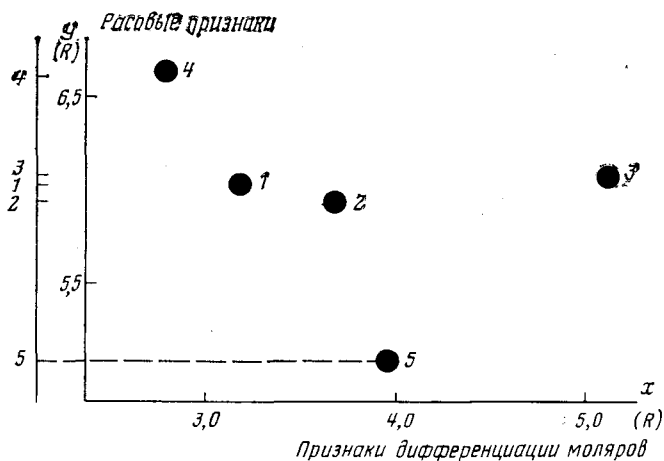

Рис. 2. График соотношения исследованных групп Вьетнама по расовым особенностям и признакам дифференциации моляров: 1 — тхай черные, 2 — тхай белые, 3 — тхай Тханьхоа, 4 — вьеты, 5 — тюрю

пенью дифференциации коронки моляров. У тюрю наиболее ослаблены монголоидные черты при среднем уровне дифференциации коронки моляров. Тхай занимают в целом промежуточное положение по расовым признакам при большей близости к вьетам. Признаки дифференциации коронки моляров у тхай очень сильно варьируют. Особенно выделяются тхай Тханьхоа весьма высокой дифференциацией коронки моляров.

Для определения генетической однородности исследованного населения мы будем ориентироваться в основном на расовые признаки, так как пластичные черты редукционного комплекса, сильно варьируя по группам, создают пеструю картину их взаимного сходства, которая препятствует установлению наиболее существенных межгрупповых связей. Поэтому результаты по оси «у» для наглядности вынесены отдельно на линию, параллельную ординате. Здесь ясно выделяются три комплекса расовых особенностей по нарастанию степени выраженности монголоидных черт, которые совпадают с этническим делением: тюрю, тхай, вьеты. Таким образом, по расовым признакам разные этнографические подразделения тхай Вьетнама выступают компактной группой по отношению к вьетам и тюрю, что, очевидно, указывает на единство их происхождения.

Обратимся к количественной оценке сходства исследованных народов Вьетнама, проведенной путем определения среднего таксономического расстояния (СТР). Вычисления произведены с учетом таксономически

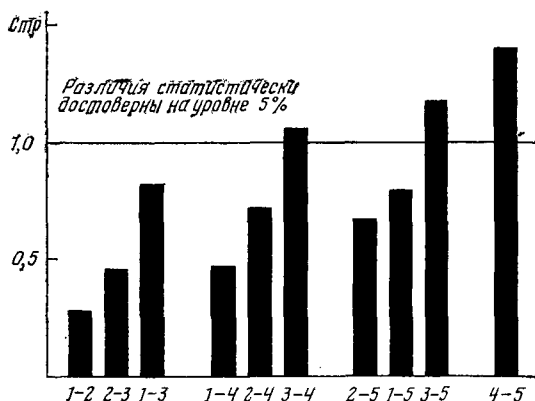

Рис. 3. Среднее таксономическое расстояние между исследованными группами Вьетнама: 1 — тхай черные, 2 — тхай белые, 3 — тхай Тханьхоа, 4 — вьеты, 5 — тюрю

наиболее важных одонтологических признаков: лопатообразность (баллы 2+3), дистальный гребень, коленчатая складка, M^1ra (тип 3 бугорок Карабелли (баллы 2—5) (рис. 3). Самыми близкими группам оказались черные и белые тхай: СТР между ними очень мало — 0,2. Заметно отрывается от них, особенно от черных тхай, своеобразная группа тхай Тханьхоа. Все же тхай Тханьхоа ближе всего стоят именно к тхайским группам, особенно к белым тхай, достоверно отличаясь и от вьетов и от тюрю (СТР ≥ 1). Такой результат говорит, по-видимому, об отсутствии существенных генетических контактов этой тхайской группы с вьетами, во всяком случае, так можно судить по характеристике вьет провинции Виньфу. Вьетское влияние можно предполагать в другой группе — у черных тхай, которые обнаружили максимальное с ними сходство (СТР=0,47). И эта близость характеристик черных тхай и вьетов подтверждается не только признаками, использованными в суммарном сопоставлении, но и рядом других особенностей (*t. a. m. i.*, понижение частоты лопатообразной формы I^2 по сравнению с I^1 , тип по Дальбергу M^1 число бугорков и узор борозд на M_2 , $M_{12med}(II)$). Тюрю заметно отличаются от всех тхайских групп при наибольшей близости к белым тхай (СТР=0,67). Однако в целом тхай обнаруживают определенный сдвиг характеристик в сторону тюрю по сравнению с вьетами. Различие между вьетами и тюрю максимальное среди изученных групп, оно достоверно и велико (СТР=1,40).

Обобщая полученные результаты, приходим к заключению о существовании на территории Вьетнама по крайней мере двух одонтологических типов. Первый, предварительного назовем его «северный», характеризуется высокой концентрацией всех монголоидных особенностей при низком уровне редукции нижних моляров и редукцией переднего отдела зубной дуги преимущественно в виде краудинга I^2 . Яркими представителями этого типа являются вьеты. Второй, «южный», одонтологический тип, отмеченный у тюрю, отличается от первого низкой по монголоидному масштабу частотой лопатообразных резцов и высокой — бугорка Карабелли, проявлением редукции в переднем отделе зубной дуги преимущественно в уменьшении размеров I^2 , которое сопровождается частым появлением диастемы $I^1 - I^1$.

Тхайские группы при общей генетической близости между собой в сходстве с вьетами образуют переход от северного одонтологического типа к южному. В то же время характеристика тхай провинции Тханьхоа настолько своеобразна, что можно предполагать существование на территории Вьетнама еще одного одонтологического типа, в котором сочетаются элементы первого и второго типов (например, высокая частота лопатообразных резцов при повышенной частоте бугорка Карабелли и который отличается от каждого из них очень низким уровнем редукции моляров при очень высоком уровне их дифференциации).

По признакам зубной системы у нескольких этносов Вьетнам характеризуется как область, переходная от материковых форм монголоидов к островным формам с усилением на юге океанических черт. У тьюру эти черты выражены наиболее отчетливо в довольно низкой частоте лопатообразных резцов, четырехбугорковых M_2 , X-узора борозд M_2 и повышенной частоте выраженных форм бугорка Карабелли, а также, возможно, в частотах одонтоглифических признаков. У тхай океанийские особенности проявляются с меньшей ясностью; они как бы рассеяны по группам и не выступают единым комплексом. Поэтому характеристика конкретных тхайских групп порой носит несколько дисгармоничный характер. К примеру, у тхай Тханьхоа наибольшая частота лопатообразных резцов и лирообразной формы первой борозды параконуса M^1 сочетается с довольно высоким процентом бугорка Карабелли и чрезвычайно низким уровнем редукции моляров. У белых тхай пониженная частота лопатообразных резцов сопровождается очень высокой частотой M^1pra (тип 3) и одновременно повышенной частотой M_2med (II), относительно высоким уровнем редукции зубов верхнего ряда, очень низким уровнем редукции нижних моляров. В единственной исследованной вьетской группе океанийские черты по признакам зубной системы практически не прослеживаются.

Необходимо подчеркнуть, что все наблюдаемые во Вьетнаме одонтологические типы принадлежат к восточному расовому стволу, являются генетически родственными и восходят, по-видимому, к типу аборигенного в Юго-Восточной Азии населения, черты которого, вероятно, достаточно полно сохранились у тьюру.

По разнообразию одонтологических типов Вьетнам представляет как бы панораму Юго-Восточной Азии с прилегающими территориями, включая Океанию. Здесь имеются основные известные одонтологические типы тихоокеанской ветви монголоидов. Характер распределения признаков за пределами Вьетнама позволяет наметить следующие направления расогенетических связей. Вьеты тяготеют к населению северных по отношению к Вьетнаму территорий (монголы, китайцы); тхайские группы, особенно белые и черные тхай, — к веддоидам северо-востока Индии (мунда, ораоны, санталы); тьюру — к населению Индонезии и Океании (Микронезия, Полинезия). К сожалению, мы не имеем достаточных для сравнения материалов по одонтологии населения Южного Китая — территории географически и исторически наиболее близкой к Северному Вьетнаму, что не дает возможности провести сопоставление изученных групп Вьетнама с населением указанного региона.

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ М. В. КРЮКОВА «ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПАХ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

С. А. Арутюнов

КЛАССИФИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭТНИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

В статье М. В. Крюкова высказывается мнение, с которым нельзя согласиться, что в вопросе об исторических типах этноса «многого еще далеко от удовлетворительного решения». М. В. Крюкову особенно не удовлетворительной представляется ставшая с 1950 г. традиционной советской этнографии троичная классификация основных типов этнических общностей по схеме «племя — народность — нация» (а также различные модификации этой схемы).

Вряд ли нужно тратить слова на разъяснение того факта (признаваемого и М. В. Крюковым), что любая научная схема не может полностью охватить все многообразие реальной действительности, изобилующей переходными состояниями, вариациями, нетипичными случаями и т. д., а также того, что одна относительно удачная схема не исключает возможности параллельного использования других схем, не менее пригодных для исследования тех же реалий при иной постановке познавательных задач. Мне всегда представлялось, что давняя и устойчивая популярность троичной схемы объясняется далеко не одними лишь случайными и конъюнктурными обстоятельствами и не одной лишь склонностью человеческого мышления (не вполне универсальной, но, во всяком случае, весьма типичной для европейской традиции) к предпочтительному использованию наряду с бинарными оппозициями триад всевозможного рода для классификации явлений самых разных сфер действительности. В самом деле, предпринятая нами совместно с Н. Н. Чебоксаровым попытка подойти к типологии этносов с точки зрения интенсивности спаивающих их синхронных и диахронных коммуникативных и информационных связей позволила предположить с достаточной вероятностью, что плотность их возрастает в ходе прогрессивно-поступательного исторического развития не плавно, а ступенчато, с наличием по меньшей мере двух «порогов», или резких скачков в темпах прироста этой плотности. Первый скачок связан с созданием письменности, которое не жестко, но достаточно достоверно коррелируется с классовым расслоением и формированием государственной власти, второй скачок — с развитием массового начального образования и средств массовой коммуникации, прежде всего периодической печати и литературы для массового чтения, что в свою очередь коррелируется с развитием капиталистического способа производства. Оба эти скачка происходят не одновременно, но все же в достаточно сжатые сроки. Так, для Японии развитие письменности датируется VI—VIII вв. н. э. (при зарождении государственности, видимо, в IV в. н. э.), а комплекс второго скачка совершенно достоверно относится к XVIII — первой половине XIX в. При

* Начало дискуссии см.: Сов. этнография, 1986, № 3; ссылки на статью М. В. Крюкова и отклики даются в тексте с указанием номера журнала и страницы.

этом до VI в., по-видимому, в Японии существовало раннеклассовое государство, с VI в. по середину XIX в. мы наблюдаем развитие и упадок феодального общества, в XVII—XIX вв. имеет место развитие буржуазных отношений, и в середине XIX в. — незавершенная буржуазная революция. Сходную этнокультурную динамику можно проследить и для многих других этносов (грузинского, армянского и т. д.). Таким образом, три разных типа состояния информационной плотности, по-видимому, есть объективная реальность, и они соответствуют трем основным эволюционным типам этнических общностей, как бы их ни называть.

Такое деление нам представляется более операциональным, чем предлагаемое В. И. Козловым членение типов этносов по формациям. По формациям делятся не этносы, а общества, которые могут быть и моноэтническими, но весьма часто бывают и полиэтническими; классическое рабовладельческое римское общество эпохи Империи включало в сферу своего функционирования и такие этносы, которые вряд ли могут быть отнесены к «этносам с рабовладельческой структурой», как большинство кельтских этносов; в средневековой феодальной Грузии горские субэтнические группы также феодальной структурой не характеризовались; в средневековых государствах Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, даже если отвлечься от всего своеобразия присущих им форм феодализма, в политическую систему были интегрированы племенные общности с совершенно иной, более близкой к первобытнообщинному, а иногда и к рабовладельческому строю структурой. Кроме того, далеко не всегда вопрос об отнесении того или иного общества к определенной формации может быть решен однозначно, в особенности в раннеклассовых обществах, где и рабовладельческие, и протофеодальные отношения существуют лишь в зачаточном виде. Наличие же письменности дает достаточно четкий формальный критерий. Действительно, сосуществование племенного строя с письменностью почти не встречается (не говоря, разумеется, о таких кочевых «племенах», как бедуинские или курдские, которые существуют в симбиозе с оседлой частью этноса и имеют мало общего с племенами периода первобытнообщинного строя и его разложения).

И наконец, если мы примем схему В. И. Козлова, то даже если мы можем четко ответить на вопрос, какова формационная структура и специфика тех или иных обществ — государств, конфедераций, локальных общин и т. д., все же мы ничего не узнаем о том, в чем заключается собственно этническая специфика основных создающих эти общества этносов.

Конечно, определить не только абсолютно, но даже и относительно плотность инфосвязей довольно сложно, так как это можно пытаться сделать лишь на основании косвенных показателей. Тем не менее показатели эти есть, в особенности для современных обществ, в которых статистико-социологическому исследованию подвергаются и частота поездок, и личная переписка, и популярность книг, газет, радио и телепередач на языке своей и другой национальности, и многие другие явления, выражающие в конечном счете разные виды коммуникаций, т. е. все тех же инфосвязей. Поэтому можно построить классификационное двухмерное пространство на основе двух переменных — плотности синхронной и диахронной информации, на котором найдут свое место любые реальные этнические общности прошлого и настоящего, а скопления точек их локализации позволят выделить уже не три, а большее число типов. Одним из таких типов будет нация, которая (формально не по формационному признаку, а исходя только из двух указанных переменных) распадается на два подтипа — социалистическую и буржуазную нации. Дело в том, что если плотность синхронных инфосвязей в них обеих, по-видимому, более или менее одинакова (точнее, варьирует примерно в одних и тех же пределах), то интенсивность диахронных инфосвязей в социалистической нации существенно выше. К последним относится в данном случае пропаганда революционных традиций, постоянно культивируемая и в общественной жизни, и в художественных образах память об обстоятель-

ствах перехода к социализму и социалистического строительства, о течениях этого периода, о событиях гражданских, национально-освободительных войн. Подобной интенсивной диахронной, уходящей на всю глубину существования данного строя в стране информации (т. е. на глубины нескольких десятилетий, в СССР — уже семи десятилетий) нет в буржуазных нациях, где, конечно, существует своя историческая память, но в средствах массовой коммуникации она оттеснена далеко на задний план явно избыточным потоком информации сиюминутного, часто эфемерного характера.

Найдут свое место в подобном пространстве и народности разных подвидов, и племенные группы, и другие формы этносоциальных организмов (ЭСО). Следует только подчеркнуть, что речь идет не о заполнении ячеек матрицы, как полагает М. В. Крюков, а о заполнении участков двухмерного классификационного пространства. Матрица предполагает по одной оси ограниченное множество объектов, а по другой — ограниченное множество признаков, здесь же мы имеем только два признака, по координатам которых распределяется теоретически неограниченное множество объектов.

И я, и М. В. Крюков уже говорили, что наряду с имеющимися возможны и другие классификации, которые дополняют или заменяют указанные два признака рядом других, в том числе чисто формационных, тогда как в данной классификации хотя и имеется значительная корреляция с формационной шкалой, тем не менее последняя выступает в многообразно опосредованном виде, поскольку уровень развития производительных сил и производственных отношений именно многообразно влияет на уровень интенсификации информационных коммуникаций в обществе. Нам хочется лишь подчеркнуть здесь, что, и ограничиваясь двумя данными признаками, можно получить весьма разветвленную и операционально перспективную классификацию.

М. В. Крюков ошибочно приписывает мне и Н. Н. Чебоксарову вывод о том, что нация не есть этнос. Говоря, что определения этноса и нации лежат в разных планах, мы имели в виду различие между этникосом и ЭСО, что ясно из приводимой тут же ссылки на статью Ю. В. Бромлей «Этнос и этносоциальный организм». Но в то время понятие «этникос» еще не утвердилось в науке. Мне представляется, что этникос следует рассматривать именно как явление, основанное всецело на совокупности диахронных связей, так как этникос включает и индивидов, вообще лишенных синхронных связей с какими-либо группами своих соотечественников, и если можно говорить о типологии этникосов, то лишь по признаку выраженности и глубины этих диахронных связей. Но нас гораздо больше интересует здесь, разумеется, типология ЭСО.

Исчерпывающая типология различных ЭСО в принципе не осуществима: представленное здесь классификационное пространство может быть расчленено сетками бесконечного числа конфигураций в зависимости от поставленных задач. Но даже в рамках предлагаемой парадигмы его членения можно выделить немалое число типов этносоциальных организмов. Ю. В. Бромлей, который и ввел в науку это понятие, не считает возможным относить этноареальные или этнодисперсные группы к числу этносоциальных организмов. Но даже не вступая в дискуссию о том, что такое «социальный организм», а что им не является, можно говорить о типологии различных этносоциальных общностей, различных форм существования этноса, одну из групп которых будут составлять «этносоциальные организмы» в собственном смысле слова. Однако для ее выделения двух наших признаков уже, видимо, недостаточно, и здесь мы охватываем понятием ЭСО все формы существования этноса (кроме этникосов), т. е. все формы, у которых наличествует в их информационных связях не только диахронный, но и синхронный аспект.

На прилагаемой схеме ориентировочно намечено распределение различных типов ЭСО в зависимости от характерного для них баланса синхронных и диахронных инфосвязей. Они обозначены пунктирными круж-

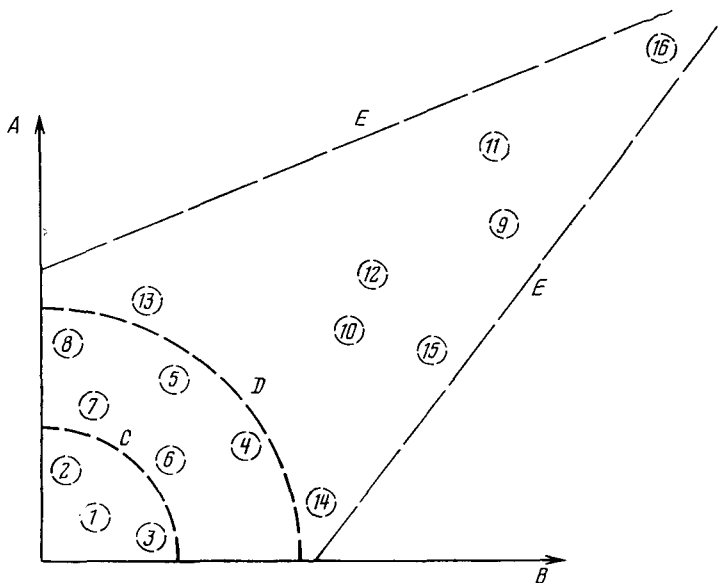

Схема классификационного пространства для ЭСО различных типов. *А* — ось нарастания интенсивности диахронных инфосвязей; *В* — ось нарастания интенсивности синхронных инфосвязей; *С* — рубеж появления письменности; *Д* — рубеж перехода к уровню наций; *Е* — границы облака этнически значимых локусов. Типы ЭСО: 1 — племена; 2 — соплеменности или группы родственных племен; 3 — союзы племен; 4 — раннеклассовые и рабовладельческие народности; 5 — феодальные народности; 6 — ассоциированные с народностями племена; 7 — кастовые и кастоподобные субэтнические группы; 8 — суперэтнические (этнокультурные и этнолингвистические) общности; 9 — буржуазные нации; 10 — буржуазные народности; 11 — социалистические нации; 12 — социалистические народности; 13 — этнодисперсные группы; 14 — этнографические группы в составе современных наций и народностей; 15 — не вполне сформировавшиеся нации с гетерогенным этническим составом; 16 — этнические общности будущего

ками, чтобы подчеркнуть, что это не точки, а размытые локусы, в районе которых группируются реальные примеры ЭСО того или иного типа.

В дописьменном сегменте племя (на схеме это локус № 1) характеризуется низкой плотностью инфосвязей, как синхронных (среди которых доминируют территориальные и брачно-родственные), так и диахронных (в основном сводящихся к генеалогическим и фольклорно-мифологическим). Соплеменность (№ 2) в целом еще слабее соединена синхронными связями, чем отдельное племя, но обладает большим совокупным объектом диахронных связей. Для союза племен (№ 3), напротив, характерно усиление синхронных связей за счет связей военно-политического характера, но глубина и интенсивность исторической традиции у союза племен, этнически, как правило, не вполне гомогенного, обычно очень невелика. Все это соответствует общностям первого этапа, по М. В. Крюкову.

На письменном докапиталистическом уровне «древние этносы» второго этапа, по М. В. Крюкову, соответствуют раннеклассовым и античным народностям (№ 4), с интенсивными синхронными (торговыми и политическими) связями, но, как правило, еще с незначительной глубиной общеэтнической исторической традиции, которая пока мало чем отличается от преимущественно мифологической традиции соплеменностей. Наступающая в эпоху феодализма тенденция к нарастанию раздробленности и экономической изолированности позволяет характеризовать феодальные народности (№ 5) как общности с пониженной интенсивностью синхронных связей, хотя глубина и интенсивность диахронных связей по сравнению с предшествующим этапом возрастает в силу многих факторов, в частности вновь возросшей роли генеалогического фактора, появления более глубокой, чем в античности, исторической традиции и, что очень существенно, мощной диахронной традиции распространяющихся именно в феодальных обществах мировых религий.

Племена и соплеменности, не развившиеся еще до уровня народностей (в частности, еще очень мало знакомые или даже практически совсем незнакомые с письменностью), как и предполагает вполне резонанс М. В. Крюков, действительно могут находиться в той или иной форме ассоциированности с античной или феодальной народностью. С кхмерской феодальной народностью были ассоциированы племена пор и куэ, с древнечамской, по-видимому, различные племена горных чамов, с японской народностью айньские племена Хоккайдо, а в самом раннем средневековье племена хаято и кумасо; соплеменность бхилов, не теряя своей целостности, разными своими частями была ассоциирована с индусскими народностями Гуджарата, Махараштры и Раджпутаны (ассоциированность эта сохраняется и до сих пор, хотя современные бхилы скорее должны считаться народностью, нежели соплеменностью, а гуджаратцев и махараштрийцев можно считать нациями; формируются, по-видимому, хотя и более замедленно, в нацию и раджастанцы).

Следует, видимо, подробнее разъяснить, что в данном случае понимается под ассоциированностью. Ассоциированность в любом случае предполагает наличие некоторой (хотя далеко не всеобщей) двуязычности и двухкультурности. Социальная верхушка и наиболее активная часть племени, наиболее тесно общающаяся с представителями более многочисленной и социально более развитой народности, в известной мере видит в ней референтную группу и моделирует по ней определенную часть своего поведения (в некоторых случаях вплоть до полного овладения языком, письменностью и этикетными навыками этой группы), но сохраняет вместе с остальной частью племени основные, цементирующие это племя традиционные формы культуры и традиционные ценности. В сфере религии и других аспектов духовной культуры могут проявляться синкретизм, параллелизм культов, заимствования и стимулированная трансформация. Культура племени приобретает такие черты, которые спонтанно в ней развиваться не могли бы и которые исчезли бы, если бы произошел разрыв ассоциированности. Для айнов, в частности, неотъемлемой частью механизмов обрядности и престижного накопления уже в средневековье стали японские мечи и японская парадная лаковая посуда. В других случаях ассоциированность племен может иметь и более глубокие проявления. На схеме такие племена представлены под № 6. В ряде случаев они имеют тенденции либо к полной ассимиляции (что и произошло с хаято, кумасо и значительной частью айнов в Японии), либо к превращению иногда в народности, но чаще в особые касты, общности субэтнического уровня (№ 7). Для каст синхронные (в частности, территориальные) связи играют очень небольшую роль, часто сведены почти всецело только к брачным связям, но несколько возрастает значение диахронных связей — совокупности кастовых преданий и традиций.

На этом историческом этапе формируются и начинают в ряде случаев все более отчетливо осознаваться и суперэтнические общности — романцы, славяне, индоарийцы, дравиды и др. (№ 8). Интенсивность синхронных связей для таких общностей невелика, связи их почти всецело лежат в диахронном плане и выражаются в наличии общих традиций, общих ранних этапов истории, общности части культурного наследия.

Локусы 7 и 8 имеют очень близкие, хотя и не совпадающие координаты (7 всегда будет правее, чем 8). Лежащие за ними реалии — субэтнические и суперэтнические общности, т. е. с одной стороны касты и кастоподобные группы, с другой — этнолингвистические и этнокультурные общности, разумеется, различаются очень резко по множеству параметров, расположенных в иной плоскости, чем плоскость нашей схемы. Однако примеры быстрого частичного перехода суперэтнических общностей в субэтнические нередки: кастоподобные сегрегированные эндогамные меньшинства, например, сформировались в странах Нового Света из потомков негров и индийцев — выходцев из разных, но более или менее родственных по культуре и происхождению племен и народностей.

Локусы 5, 7 и в значительной мере 6, по М. В. Крюкову, соответствуют «средневековым этносам» третьего этапа. В нашей схеме они объединены с «древними этносами» во втором сегменте, но формы «древних этносов» тяготеют к его правой части, а формы «средневековых этносов» — к его левой части.

Перейдем к третьему этапу, к уровню «современных этносов», (который, по М. В. Крюкову, является четвертым). Нации — характерный тип ЭСО этого этапа — характеризуются резко возросшей интенсивностью как синхронных, так и диахронных инфосвязей; при этом по интенсивности последних социалистические нации заметно более продвинуты, чем буржуазные (соответственно локусы 11 и 9). У ассоциированных социалистических и буржуазных народностей (локусы 12 и 10) эти параметры значительно ниже, хотя и несколько выше, чем у народностей предыдущего этапа («первичных народностей»).

У ассоциированных народностей (в отличие от ассоциированных племен) уровень плотности инфосвязей и общее качество жизни могут быть и в социалистическом обществе, как правило, действительно бывают) ниже, чем у нации, с которой они ассоциированы. Но лишь часть этих инфосвязей (отраженная на схеме) лежит в рамках самих этих народностей, их специфичной культуры, отправляется на их языке, относится к их традиционной литературе, к радио и телевидению, организуемому этими народностями и для них, с учетом их специфики и т. д. Другая, нередко даже большая часть инфосвязей идет на языке ассоциирующей нации, через ее национальную систему образования, ее литературу и прессу, ее общее для всей нации и не ориентированное специально на данную народность радиовещание и телевидение. В СССР в Чукотском автономном округе есть чукотская газета, есть радиовещание на чукотском и эскимосском языках, и чукчи и эскимосы пользуются этой информацией, но в гораздо большем объеме они потребляют информацию, доходящую до них через русскоязычную центральную и областную прессу, центральное и областное радиовещание и т. д. То же относится и к художественной литературе и другим областям культурной жизни.

Кроме «вторичных народностей» современными нациями примерно теми же механизмами ассоциируются этноареальные и этнодисперсные группы, ядерные части которых либо лежат в других ЭСО (как у венгров, украинцев Канады, японцев Перу, китайцев Малайзии, тамилы в Шри Ланке и т. д.), либо в некоторых случаях вообще отсутствуют (как у цыган). Этнодисперсные группы (13), обладая очень малой интенсивностью синхронных связей, по уровню диахронных связей близки к «вторичным народностям». Напротив, для современных субэтнических групп (т. е. тех групп, субэтническая специфичность которых определяется локально-средовыми, а не кастово-традиционными факторами) характерна высокая интенсивность синхронных связей при небольшой интенсивности диахронных связей; эти группы сравнительно мало акцентируют свою специфичность в самосознании, а при разрыве компактно-расселения легко ассимилируются (локус 14).

Легко заметить, что этнотипологически значимые локусы не занимают равномерно всего классификационного пространства схемы, а образуют некоторое диагонально вытянутое облако, сужающееся по мере возрастания значений A и B . Это позволяет нам попытаться дать типологическую характеристику этнических общностей обозримого будущего. Видимо, это будут весьма однородные, сближенные по всем параметрам, высоко консолидированные общности с более высокой, чем ныне, интенсивностью как диахронных, так и синхронных инфосвязей. Современные ассоциированные общности либо разовьются до общностей высшего уровня¹, либо сольются с ними²; ассимилируются и перестанут

¹ Как, например, развилась до уровня нации исландская, а ныне, видимо, и гренландская народность, ранее ассоциированная с датской нацией.

² К чему близки якуты, в прошлом ассоциированная с японской нацией народность.

существовать как особые целостности такие виды общностей, как этноареальные, этнодисперсные, субэтнические и этнографические группы.

Я согласен с М. В. Крюковым, что в повседневной и публицистической речи незачем употреблять типологически ранжированные термины, здесь предпочтительнее нейтральные выражения, такие, как «народ» и «национальность». Однако это не означает, что этнографы-специалисты должны отказаться от классификации современных этносов. Совершенно очевидно, что, с одной стороны, русские, а с другой — чукчи или азиатские эскимосы, соответственно на четыре и пять порядков меньшие численности, или примерно равночисленные, но совершенно по-разному расселенные евреи и киргизы, или ингуши, цыганы и уйгуры в СССР представляют собой различные типологические варианты современных советских этносов. Закономерности развития этих этносов отнюдь не были различны советскому обществу в целом, как и закономерности этнического развития народов всего мира, и надо полагать, что усилия ученых, направленные на создание все более совершенных и операциональных перспективных этнологических типологий, будут продолжаться.

В. И. Козлов

ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Дискуссии по коренным проблемам этнографической науки, без которых любая наука вряд ли может нормально развиваться, публикуя у нас регулярно. К сожалению, иногда в обсуждение вовлекаются второстепенные вопросы, да еще такие, по которым и спорить-то не о чем. В только что прошедшей, например, дискуссии по полевым исследованиям один из ее зачинателей предложил дискутировать о том, нужно ли этнографам изучать оставшиеся «белые пятна» на этнографической карте; географы вероятно, просто обиделись бы, поставь перед ними такой вопрос. В дискуссии, начатой статьей М. В. Крюкова, поднята действительно важная проблема, вернее — комплекс связанных между собой проблем: от сущности этноса (этнической общности) и его важнейших параметров до возможности учета исторических изменений этих параметров для стадияльной типологии этносов. И дискутировать здесь есть о чем, ибо сталкиваются сильно различающиеся мнения. Ведь что получается: с одной стороны, мы имеем вполне разработанную, ставшую уже в какой-то степени «традиционной», четкую концепцию трех основных исторических типов этнических общностей, именуемых «племенем», «народностью» и «нацией». А с другой — в этой концепции есть какие-то элементы «псевдонауки», когда, как отметил акад. А. Б. Мигдал, «смутная идея объявляется достоверной истиной»¹ и когда только способность науки к самоочищению, а в общественведении и опора на марксистско-ленинскую методологию позволяют восстановить истину.

М. В. Крюков начал с истории вопроса (что в данном случае особенно уместно) и отметил, что трехступенчатая типология этносов впервые получила хождение в начале 1950-х годов. Это правильно, но с той оговоркой, что тогда речь шла о «формах исторических общностей» и число таких форм нередко увеличивали до четырех: род, племя, народность

¹ Мигдал А. Отличима ли истина от лжи? — Наука и жизнь, 1981, № 1.

нация². Кроме того, сразу же возникает естественный вопрос: а что же было раньше, неужели у этнографов (и шире — у обществоведов) до начала 1950-х годов не мелькнуло даже «смутной идеи» о том, что этнические общности как-то изменяются во времени и что эти их изменения можно выразить в виде стадияльной типологии? И тогда историю вопроса приходится углубить чуть дальше в прошлое.

Как это ни покажется сейчас странным, но до начала 1950-х годов идея о стадияльной типологии этносов, если у кого-то и возникали, в научной литературе отражения не нашли. Это объясняется прежде всего отсутствием у нас в то время самого понятия «этническая общность», а как же можно заниматься типологией, не имея достаточно четкого представления о том, что типологизируется. Такого понятия, как отмечено выше, не было и в начале 1950-х годов; тогда говорили об «исторических» общностях, не очень поясняя эти понятия и не замечая, в частности, что к ним кроме этнических относятся государственные, религиозные и многие другие виды общностей людей. Термин «племя» до того применялся в основном для обозначения ранней формы социально-территориальной организации; в этом случае обычно пользовались известным определением Ф. Энгельса. Нередко, впрочем, он прилагался и к современности, главным образом для обозначения больших групп людей, как-то связанных своим происхождением («соплеменники», «племенной состав России» и т. п.). Термин «нация» и особенно производные от него («национальность», «национализация» и пр.) нередко также применялись довольно широко³. Судя по литературе, можно предположить, что до начала 1930-х годов в нашей науке еще шли споры о понятии «нация», причем отмечалось: «Несмотря на неустанную работу социологической мысли в направлении познания нации как исторически существующего явления, до сих пор еще не утвердилось строго определенных понятий, как нация и национальность, так и родственных им совокупностей — народа и народности»⁴. Однако в 1930-х годах уже утвердилось представление о нации как общности людей, характерной главным образом для развитых классовых формаций, а также известное определение нации на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. Что же касается термина «народность», то он продолжал применяться довольно неопределенно, но чаще всего — ко всем общностям, которые не подходили под определение племени или нации. В 1941 г. историк И. В. Арский, основываясь главным образом на трудах Ф. Энгельса, попытался ввести в науку понятие «национальность» для обозначения общностей, характерных для начального периода формирования наций⁵, но это предложение осталось малоизвестным, поддержки оно, во всяком случае, не получило.

К сказанному М. В. Крюковым о начальном этапе выработки стадияльной типологии этносов необходимо добавить еще и то, что он некоторым образом связан с появлением в 1950 г. работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в которой говорилось о развитии языковых родовых в языки племенные, языков племенных — в языки народностей, а последних — в языки национальные. Такую связь не следует упрощать, ибо дальнейшее широкое распространение и развитие содержащейся в этом тезисе идеи (в отличие от некоторых других идей) было, несомненно, обусловлено и проявившейся потребностью в стадияльных характеристиках исторических (этнических) общностей. Но так или иначе получилось, что разработка этой идеи началась в условиях, когда еще не была определена суть ни «исторических», ни этнических общностей, и

² Такая практика продолжалась и позже. См., например, *Архангельский А. М.* Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. М., 1961; *Алексеев В.* Род, племя, народность, нация (исторические формы общности людей). М., 1962.

³ См. *Козлов В. И.* О некоторых аспектах национальной проблематики в трудах В. И. Ленина. — Сов. этнография, 1969, № 6.

⁴ *Шаповалов Н.* К вопросу о понятии нации. Минск, 1929, с. 2.

⁵ *Арский И. В.* Вопрос о формировании национальностей в Западной Европе. — Уч. зап. ЛГУ (Сер. ист. наук.). Л., 1941, вып. 12.

шла она не путем творческого поиска и дискуссий, а уже в заданных рамках. Основной же результат подобной разработки свелся к тому, что общность, называемая «племенем», стала считаться характерной для первобытнообщинной эпохи (что в общем правильно), «народности» — для рабовладельческой и феодальной эпох, а «нацией» — для капиталистической и социалистической эпох.

Предпринятые позже попытки некоторых философов-обществоведов доработать схему «форм» или типов «исторических» общностей не были, видимо, и не могли быть успешными, так как авторы пытались использовать диахронный подход к типологизации с синхронным. Весьма характерна в этом отношении отмеченная М. В. Крюковым работа А. Г. Леваева по «теории народности», в которой каждому из типов «исторических» общностей приписаны свои виды связей: племени — «кровнородственные», народности — «территориальные» и нации — «экономические». Но такое построение с логической и этнографической точек зрения не выдерживает критики. Каждому виду связей в социальной жизни соответствует свой вид общности людей: кровнородственным связям — кровнородственная общность, экономическим — экономическая, а скажем, религиозным связям — религиозная. В основе этнических общностей лежат этнические связи, о которых речь пойдет далее. Следует сказать, что кровнородственные связи как таковые вообще характерны не для племени, а для рода, являющегося частью племени; на них основан принцип родовой экзогамии. Территориальных связей, строго говоря, вообще нет; территория является базой для развития самых различных видов связей: экономических, политических, этнических и др. Существуют, правда, «соседские» связи, но они обычно имеют узкие рамки и не выходят за пределы сельских общин. В раннеклассовых формациях мелкие общины в более крупные социальные совокупности объединялись по территории и не экономические интересы, которые были, как отмечал Ф. Энгельс, «одинаковые, но именно потому и не общие»⁷, а обычно лишь государственная власть. Что же касается экономических связей, то они в принципе более характерны для государственной, а не для негосударственной общности и определяются не столько этническими, сколько государственными границами⁸.

Следует сказать, что этнографы восприняли триаду «форм», или типов, «исторических» (этнических) общностей позже других обществоведов и, лучше зная фактический материал, не очень усердствовали в том, чтобы уложить все множество существующих и существовавших этнических общностей в ее жесткие рамки, хотя это иногда и приходило им делать, например для энциклопедических изданий, где требовалась такая типология. Взвешивая за разработку общей теории этноса (этнических общностей), этнографы оказались по существу первыми и среди тех, кто выступил за пересмотр этой схемы, которая, как справедливо заметил С. А. Токарев, внешне основана на формационном подходе к типологизации, но в сущности не отвечает ему⁹. Однако разработка подобной типологии в этой области нашей науки еще не вполне завершена, и новые усилия, предпринятые в этом направлении М. В. Крюковым, можно лишь приветствовать.

Обрисованная М. В. Крюковым ситуация, при которой недостаточность разработанная схема типологии этносов мирно сосуществует, так сказать, с многочисленными отступлениями от нее, ничего хорошего, конечно, не приносит. Особенно слабым звеном в данной схеме по-прежнему остается понятие «народность», которое употребляется и для диахронной и для синхронной типологизации. В результате этого наряду со ст

⁶ Агаев А. Г. К вопросу о теории народности. Закономерности социалистического развития народностей в СССР. Махачкала, 1965.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 496.

⁸ Подробнее см. Козлов В. И. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности. — Сов. этнография, 1970, № 6.

⁹ Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). — Вопр. философии, 1964, № 11. См. также Козлов В. И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969.

диально очерченными этой схемой «рабовладельческими» и «феодальными» народностями существуют еще «капиталистические» и «социалистические». Выступающий в данной дискуссии А. И. Першиц заявил, что такая терминология его устраивает и что вообще «о терминах не спорят»¹⁰. Думается однако, что это известное выражение уместно лишь тогда, когда предлагаемые термины нейтральны и не затрудняют, например, типологизацию. Но суть дела здесь даже не в самом термине «народность», а в том, что стоит за этим термином. А за ним, как выясняется, стоит нечто странное, ибо по какому-то важному, но неизвестному признаку (о нем А. И. Першиц ничего не говорит, но с позиций А. Г. Агаева, видимо не согласен), например, древние египтяне, имевшие свое мощное государство, религиозную систему, письменность и пр. и относимые к «рабовладельческим народностям», оказываются типологически близкими, скажем, к малочисленным территориально рассредоточенным чукчам, относимым к «социалистическим народностям». И если этот странный признак до сих пор не удается установить, и если о терминах действительно не стоит спорить, то почему бы не назвать чукчей «нацией»? Кстати, и с понятием нации ситуация стала менее благополучной из-за усилившейся в последнее время тенденции подчеркивать ведущее значение в нации не этнических, а «социальных» элементов¹¹. Целесообразность отделения «этнического» от «социального», очевидно, следует обсудить особо; пока же отмечу, что понять причину, по которой «капиталистическая нация» с ведущим значением ее «социальных» элементов при коренном изменении этих «социальных» элементов становится «социалистической нацией», стало труднее, чем раньше. Во всяком случае, от формационного подхода к типологии здесь осталось мало.

О возможностях историко-стадиального подхода к классификации или типологизации этнических общностей я уже высказывался ранее¹², поэтому буду краток. Основными этапами развития человеческого общества, по историческому материализму, являются социально-экономические формации, связанные с определенным способом производства: первобытнообщинным, рабовладельческим, феодальным, капиталистическим и социалистическим (к ранним стадиям иногда, по К. Марксу, добавляется и азиатский способ производства). Возникающее желание связать историческое развитие этнических общностей напрямую с соответствующими социально-экономическими формациями представляется вполне естественным, но оно логически ведет лишь к дублированию типологии. Кроме того, основные признаки способа производства берутся обычно не из той его сферы, которая относится к развитию производительных сил, а из той, которая связана с изменением производственных отношений, что особенно четко проявляется в изменении социально-классовой структуры населения. В связи с этим и выделяемые по формационным признакам типы этнических общностей следует назвать соответственно «этнос с первобытнообщинной структурой», «этнос с рабовладельческой структурой» и далее — с «феодальной», «капиталистической» и «социалистической» структурами, или сокращено — ЭПС, ЭРС, ЭФС, ЭКС, ЭСС. Я согласен с А. И. Першицем, что такая аббревиатура — не лучший выход, но полагаю, что она не хуже уже применяемых этнографами — ХКТ (хозяйственно-культурные типы) и ЭСО (этносоциальный организм). Можно, разумеется, поискать здесь и какие-то «нейтральные» термины, подобные уже предложенному С. А. Токаревым для названия этносов рабовладельческой эпохи термину «демос».

Некоторый недостаток предложенной мною типологии заключается в том, что она по существу не является только этнической и может быть применена для других исторических общностей, которые в своем развитии проходят через несколько формаций: для государственной общности

¹⁰ Першиц А. И. Этнические общности и формационный процесс. — Сов. этнография, 1986, № 3, с. 70.

¹¹ См. об этом Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983, с. 64—67.

¹² Козлов В. И. О классификации этнических общностей. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979.

сти, религиозной и др. Преимуществом же ее является, как заметил М. В. Крюков, формационная четкость, а также возможность дополнения ее признаками «синхронного» значения, отражающими особенности языка, культуры, численности, расселения и др. и позволяющими достаточно надежно отделить, например, внутри «этносов с социалистической структурой» уже упомянутых чукчей от украинцев, а тех и других, впрочем, от азербайджанцев.

Другие, отчасти затронутые М. В. Крюковым, возможности исторической типологизации этнических общностей касаются уже главным образом сущности этноса как особого вида общности людей и требуют серьезного исследования, выходящего за рамки данной дискуссии. Конечно, ситуация в этой области по сравнению с началом 1950-х годов и даже с началом 1960-х годов очень сильно изменилась, но разработка общей теории этноса, сильно продвинутая в последнее время трудами Ю. В. Бромлея, еще не завершена; в частности, наблюдаемое умножение терминологико-понятийных сочетаний, произведенных от слова «этнос» («субэтнос», «этникус», «метаэтническая общность» и др.), к сожалению не всегда сопровождалось адекватным уточнением базового понятия «этнос», иногда оно становилось даже менее четким, чем прежде. Не было уделено достаточно внимания проблеме выделения собственно «этнических» связей, без чего трудно решить и некоторые вопросы, связанные с данной дискуссией.

В своей последней монографии, посвященной теории этноса Ю. В. Бромлей пришел к выводу, что к отличительным чертам этноса «... в первую очередь относятся характерные особенности культуры (в том числе языка) и психики этноса, его самосознание и самоназвание. Это комплекс, на наш взгляд, и составляет ядро собственно этнических свойств»¹³. Но представленное определение этноса кажется не вполне операциональным, учитывая остающиеся до сих пор весьма смутные идеи о психике этноса, а также великое множество определений «культуры». Анализ сущности этноса требует своего места и времени; пока ограничусь замечанием о том, что культурная общность в принципе тождественна этнической и что такой важный и, кстати говоря, довольно операциональный компонент этноса, как язык, нецелесообразно помещать в скобки.

Важность языковых связей и их близость к этническим позволяют использовать основные стадии развития языка и для исторической типологизации этносов. Речь не идет, конечно, о возврате к идее о разнице языков «родовых» в языки «племенные» и далее — до языков «национальных», с которой когда-то началась давшая типологизация. Но представляется возможным учитывать, в частности, дописьменную стадию языка, стадию письменного языка, а также стадию публикации на этом языке с внедрением его в сферу школьного образования. Последняя стадия нередко совпадает с развитием национальных движений эпоху раннего капитализма, но в целом такая типологизация не является «формационной». Эта типологизация может быть непосредственно связана с рассмотренной М. В. Крюковым концепцией изменения «формационного механизма» этнических общностей¹⁴, которая требует, однако, некоторой доработки опять-таки для повышения ее операциональности.

В заключительной части своей статьи М. В. Крюков упоминает «этнические связи» и, кажется, пытается проследить изменение степени «активности» при переходе от одной социально-экономической формации к другой. Однако сущности «этнических связей» он не поясняет, сам этим термином в дальнейшем не пользуется, а некоторые его выводы не выдерживают критического анализа с учетом всего фактического материала. Так, вывод о том, что «архаическим этническим общностям

¹³ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса, с. 57.

¹⁴ См. Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — Расы и народы. 1972.

войственности аморфности их специфических признаков, низкий уровень выраженности этнического самосознания, ...нечеткость этнических границ», основан главным образом на сведениях об австралийцах и папуасах; если же взять, например, североамериканских индейцев (на материалах о которых Ф. Энгельс основывал понятие «племени»), то картина будет совершенно иной. Не бесспорен и вывод об «активизации этничности» в эпоху рабовладения; представление о делении людей на «нас» «варваров», на которое ссылается М. В. Крюков, в основе своей является не этническим, а культурным. Во многих случаях именно в эту пору прежнее четкое «племенное» самосознание сменялось этнически морфным, оттесняемым на задний план государственным или иным самосознанием. Здесь уместно сослаться опять-таки на Ф. Энгельса, который указывал, что римское гражданство «не выражало никакой национальности, а было лишь выражением отсутствия национальности» и по «для громадной массы людей... единственно объединяющей силой служило римское государство»¹⁵.

Разработка исторической типологии этносов является нужным, но легким делом, и чтобы она не разрушилась, как прежняя трехступенчатая конструкция, над ней следует основательно потрудиться. Дискуссионно-статейным методом такую задачу вряд ли решишь; отведенного места здесь едва хватает, чтобы изложить собственную позицию и сделать кое-какие замечания о мнениях других участников. Мне жаль, например, что не пришлось более подробно остановиться на рассуждениях И. Першица и на очень оригинальной позиции Ю. И. Семенова; естественно, мне хотелось бы знать отношение других участников дискуссии к моим взглядам. Для решения данной задачи, видимо, требуется обстоятельная монография, к созданию которой этнографам, по правде сказать, следовало бы уже давно приступить. Весьма полезным оказалось бы и проведение устной дискуссии с привлечением специалистов других наук.

¹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 146—147.

Г. Е. Марков

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Проблема этноса, впервые поставленная в широком плане С. М. Широкогоровым¹ и развитая в его последующих трудах, не получила большого отклика у зарубежных исследователей: можно найти лишь немногие работы, в которых этот вопрос в какой-то мере затрагивается². Значительно больший интерес проявили к проблеме этноса русские и советские ученые, а начиная с 1970-х годов она становится в связи с работами Ю. В. Бромлея одной из центральных в этнографии³. Ведется исследование фундаментальных вопросов теории этноса, признаков и характера этнических общностей, ставятся вопросы их типологизации, изучаются закономерности этнических процессов на разных этапах человеческой истории. По проблеме этноса уже вышло в свет значительное число работ. Однако, как видно из содержаний публикаций, а также результатов прошедших в последние годы дискуссий и обсуждений, многое связанное

¹ Широкогоров С. М. Этнос. Шанхай, 1923.

² См., например: Wahle E. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlichen Kulturprovinzen.— Sitzungber. Heidelberger Akad. Wissenschaft (phil.-hist. Kl.), 1940/41, Abh. 2; Jahn K. Die Abgrenzung von Kulturgruppen und Völkern in der Vorgeschichte.— Verhandl. Sächsischen Akad. Wissenschaft (hist.-phil. Kl.), 1953, B. 99, H. 3.

³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; его же. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, и др.

с этим кругом проблем остается спорным. Об этом свидетельствует, в частности, статья М. В. Крюкова об исторической типологии этнических общностей, в которой рассматриваются особенности этносов и этнических процессов в условиях различных социально-экономических формаций, начиная от первобытности и до эпохи социализма⁴. Автор выдвигает в принципе вполне обоснованное предположение о том, что каждому историческому этапу свойственны свои, причем принципиальные особенности развития этнических процессов. Однако, соглашаясь с такой мыслью в целом, надо сказать, что характер этих особенностей нуждается в дальнейшем углубленном исследовании.

Наиболее сложно дать характеристику этнических процессов и этнических общностей в эпоху первобытности. В опубликованной недавно статье А. И. Першица всесторонне и убедительно показаны все трудности, связанные с исследованием проблем первобытного общества и интерпретацией этнографического материала⁵. М. В. Крюков, как представляется, недостаточно учел особенности фактических данных по австралийцам и папуасам, используемых им для реконструкции. И те другие известные нам по наблюдениям, сделанным в новое и новейшее время, когда вся совокупность их жизнедеятельности несомненно сильно отличалась от ситуации в древности. К тому же рассматриваемые народы, обитающие в специфических условиях среды, существенно отличаются по хозяйственно-культурным признакам и по характеру этнических общностей от народов, обитавших некогда на обширных просторах зоны умеренного климата, субтропиков и Арктики. Вследствие этого вызывает известное сомнение правомерность распространения на все народы первобытности предположения о том, что архаическим этническим общностям свойственна аморфность их специфических признаков: низкий уровень этнического самосознания (часто отсутствие самоназвания), нечеткость этнических границ (см. с. 69). Если эти признаки и присущи австралийцам и папуасам, то едва ли они характерны для этнических процессов всей ойкумены древности, тем более что за десятки тысяч лет первобытности ситуация с этническими общностями должна была исторически развиваться в соответствии со складывавшимися условиями жизни, что требует детализации этнических процессов на каждом историческом этапе внутри каждой формации и в разных историко-этнографических областях мира⁶.

Следующий период в типологии этнических общностей М. В. Крюков связывает с эпохой античности, когда, как он полагает, происходила «активизация этничности», что выражалось в наличии отчетливо выраженного этнического самосознания, причем в качестве примера приводятся греки (см. с. 67). Думается, однако, что как австралийцы и папуасы не позволяют составить представление об универсальной модели этнических общностей первобытности, так и греки — это только частное явление. Тем более что представление о «нас» (греках) и «прочих» (варварах) отражает не столько этническое, сколько культурное различие. Даже сами греки едва ли столь определенно воспринимали жителей всех племен как членов единого этноса. Что же касается этнической ситуации «варваров», многие из которых создали мощные рабовладельческие государства, то точка зрения греков вообще ничего не дает для ее характеристики.

Трудно целиком согласиться и с тем, что развитие феодализма связано со стагнацией этнических общностей и с тем, что средневековые общности утрачивали свой дискретный характер, а этнические отношения отеснялись на второй план социальными отношениями иного рода (с. 67).

⁴ Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей. — Сов. этнография, 1986, № 3.

⁵ Першиц А. И. Спорное и бесспорное в истории первобытного общества. — Вестн. АН СССР, 1985, № 2.

⁶ Марков Г. Е. Этнос, этнические процессы и проблемы образа жизни. — В кн.: Расы и народы, 7. М.: Наука, 1977; его же. Структура и исторические типы образа жизни. В кн.: Этнографические исследования истории культуры. М.: Наука, 1985, с. 251 сл.

68). Думается, что нельзя противопоставлять этнические и социальные отношения. Это явления разного порядка, выполняющие различные функции и не вступающие друг с другом в противоречия. Едва ли высказанная М. В. Крюковым мысль может найти подтверждение в широком фактическом материале. Так, арабы эпохи возникновения халифата, персы в Сасанидском Иране, эфиопы в Аксумском царстве и множество других народов являются достаточно убедительными свидетельствами активных этноконсолидационных процессов в раннем и более позднем средневековье. Даже во Франции, раздираемой религиозными войнами, и католики и протестанты достаточно определенно осознавали себя французами.

Верна мысль, что в эпоху кризиса феодализма наблюдались предпосылки для интенсификации этнических связей. Однако не следует забывать, что в основе наших рассуждений нередко лежат субъективные критерии, не всегда адекватно отражающие живую действительность. Ход процессов мог зависеть не только от формационных условий, но и от конкретной политической ситуации, социальных и прочих явлений. В качестве примера можно привести Германию первой половины XIX в. и, скажем, баварцев, которые считали возможным во многих случаях противопоставлять себя прочим немцам (это имело не только политическую, но и этническую окраску).

К сожалению, автор рассматриваемой статьи, отмечая, что Ю. В. Бромлей не предложил соответствующей этнической терминологии (с. 64), сам также не выдвинул новых предложений.

Теперь об основных параметрах обсуждаемой проблемы. Зачастую в литературе, в том числе и в статье М. В. Крюкова, те или иные типы этнических общностей связываются с определенными общественно-экономическими формациями; проблема этим, так сказать, генерализуется. Конечно, в самом общем виде такой подход возможен. Но нельзя упускать из виду, что на самом деле действительность значительно разнообразнее и сложнее, поэтому обобщающий подход может привести к противоречиям между теоретическими построениями и фактическим материалом.

Как представляется, этнос как этническая категория (племя, народность и т. п.) часто выступает в исследованиях в качестве некоего статичного образования, существующего без особых изменений на протяжении целой формации. Однако этносы, к каким бы эпохам они ни относились, и какие бы формы ни принимали, представляют собой живые, исторически постоянно и достаточно быстро развивающиеся явления, которые проходят за время своего существования в рамках определенной общественно-экономической формации ряд фаз развития, причем в разных географических, социальных, политических и других ситуациях синхронные и формационно однотипные общности могут выглядеть по-разному. Именно поэтому не всегда правомерна, как говорилось, попытка создания генеральной типологии этнических общностей по формационному признаку. Таким образом, думается, что этнические процессы следует типологизировать не в связи с целыми социально-экономическими формациями и всеми народами мира, стоящими на одной и той же стадии развития, а в рамках близких по социально-экономическим, политическим и прочим условиям существования групп народов и, что главное, с учетом исторической изменчивости этнических общностей в пределах одной общественно-экономической формации. Поэтому, например, сказать «народность феодальной эпохи» — значит практически ничего не сказать, так как за несколько столетий такая общность претерпевает ряд исторических трансформаций.

Что касается сложного вопроса о нациях и народностях в новое и новейшее время, то и здесь можно отметить существенные исторические изменения. Ряд признаков этих общностей видоизменяется, ослабляется или вовсе теряется, что стирает различия между ними. В одних случаях на основе одного прежнего этноса складываются в государствах с разным политическим строем и социально-экономическими отношениями

разные нации, при том, что сохраняется сознание принадлежности к той или иной национальности, как то в ГДР и ФРГ.

В условиях советского многонационального государства происходит изменение признаков наций, утеря их части и появление новых вследствие все более тесной экономической интеграции между национальными республиками и областями, братской взаимопомощи народов нашей страны, интенсивных миграционных процессов, культурного взаимодействия. При этом все большее значение приобретает в сознании и практической жизни принадлежность к надэтнической, исторически сложившейся общности, единому советскому народу наряду с сохранением сознания принадлежности к той или иной национальности. В связи с этим можно согласиться с мнением М. В. Крюкова о том, что при коммунизме этническое деление будет постепенно утрачивать свое значение (см. с. 69).

В целом же следует еще раз подчеркнуть, что этнические общности представляют собой исторически развивающиеся явления. Изменяется также степень консолидации или дискретности этнических процессов. При этом на протяжении одной общественно-экономической формации характер этнических общностей и этнических процессов может существенно меняться. Одни их признаки могут исчезать, а новые возникать. Все это требует строгого учета конкретно-исторических особенностей этнических процессов в условиях различных историко-этнографических областей и хозяйственно-культурных типов на разных этапах общественного исторического развития.

Н. Г. Волкова

**КАВКАЗОВЕДЕНИЕ В ИНСТИТУТЕ
ЭТНОГРАФИИ АН СССР**

[К 50-летию сектора этнографии народов Кавказа]

Этнографическое кавказоведение прошло долгий и сложный путь развития¹. Сформировавшись в России в XVIII в., оно достигло наивысших творческих успехов в середине XIX — начале XX в., когда было представлено именами М. А. Броссе, П. Г. Буткова, П. К. Услара, В. В. Латышева, Н. В. Ханыкова, Г. И. Радде, К. П. Патканова, В. Ф. Миллера, М. М. Ковалевского, Н. Я. Марра, И. А. Джавахишвили, В. В. Бартольда и многих других исследователей, чьи капитальные труды по истории, этнографии, археологии, лингвистике и фольклору народов Кавказа составляют гордость отечественной науки. К 1917 г. русское кавказоведение пришло со значительными достижениями во всех областях этнографического изучения региона.

Великая Октябрьская социалистическая революция вызвала активную перестройку этнографической науки в нашей стране. Во многом это диктовалось новыми задачами, вставшими перед молодой советской наукой, призванной внести свой вклад в осуществление грандиозных планов социалистического строительства. В частности, этнографы были непосредственно привлечены к решению таких сложных практических задач, как национально-государственное размежевание, создание письменности у ранее бесписьменных народов, уточнение этнического состава ряда регионов страны и т. п.

Организационная структура научных учреждений гуманитарного профиля в первые годы Советской власти не претерпела серьезных изменений, поэтому кавказоведение на первых порах продолжало преемственно развиваться в «старых» исследовательских центрах. Это были научные учреждения в системе Российской Академии наук, в том числе Азиатский музей (в дальнейшем Институт востоковедения, Ленинград), Комиссия по изучению племенного состава России (позже Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран, с 1930 г. Институт по изучению народов СССР — ИПИИ), а также Лазаревский институт восточных языков (впоследствии Институт востоковедения, Москва), Этнографическая секция Русского Географического общества (РГО), Этнографический отдел Государственного Русского музея (Кавказское отделение его возглавлял А. А. Миллер), Этнографический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (членами общества были кавказоведы Б. В. Миллер и Г. Ф. Чурсин), Институт антропологии при МГУ (антропологией, археологией и этнографией Кавказа в Институте занимались Б. А. Куфтин и В. В. Бунак). По-прежнему активной была дея-

¹ Об истории русского академического кавказоведения см.: *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. — Кавказский этнографический сборник (далее КЭС), I (Тр. Ин-та этнографии АН СССР — далее ТИЭ — т. 26). М., 1955; II (ТИЭ, т. 46), М., 1958; III (ТИЭ, т. 79). М., 1962; *Лавров Л. И.* К 250-летию академического кавказоведения в России. — КЭС, VI (ТИЭ, т. 106). М., 1976.

тельность Кавказского отдела РГО в Тбилиси, Этнографической комиссией которого руководил Г. Ф. Чурсин².

Однако в эти же годы были созданы и новые гуманитарные учреждения, исследовавшие среди прочих проблем и кавказоведческие. Это Российская Академия истории материальной культуры (1919 г., в дальнейшем ГАИМК, позже Институт археологии АН СССР), инициатива создания которой принадлежала акад. Н. Я. Марру, принимавшему непосредственное участие в организации учреждения и возглавившему его. Он же стал директором Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока — еще одного крупного центра этнографического кавказоведения, основанного в Москве в 1926 г. В Институте работали известные кавказоведы: Б. Ф. Миллер, Н. Ф. Яковлев (заведовал Кавказской секцией), Л. И. Жирков, А. С. Башкиров, Н. Б. Бакланов, Б. А. Куфтин, Е. М. Шиллинг, В. И. Абаев, Е. Г. Пчелина. Аспирантами Института в 1920-е — начале 1930-х годов были В. К. Гарданов, К. Гатуев, Е. С. Зевакин, Г. А. Кокиев, М. Сигорский. Значительное место вопросы этнографии Кавказа занимали также в деятельности открытого в 1924 г. в Москве Центрального музея народоведения (с 1930 г. Музей народов СССР), в Кавказском отделе которого работали Н. Ф. Яковлев (в 1920-х годах заведующий), Б. А. Куфтин, Е. М. Шиллинг, В. К. Гарданов (в 1931—1938 годах заведовал отделом), Е. Р. Бинкевич, Н. Ф. Такоева³.

В 1920—1930-е годы активизировалась научно-исследовательская и экспедиционная деятельность единственного тогда в стране специального учреждения кавказоведческого профиля — Кавказского историко-археологического института в Тбилиси (создан Российской Академией наук в 1917 г.), в котором сотрудничали ученые из Ленинграда, Москвы и ряда городов Кавказа — Н. Я. Марр, А. Н. Генко, Г. Ф. Чурсин, С. Д. Лисициан, К. Д. Дондуа и др.⁴

Кроме названных научных учреждений, кавказоведческие проблемы разрабатывались в секторе кавказских языков Яфетического института АН СССР, в Кавказском кабинете Института востоковедения⁵, на кафедре кавказской филологии Ленинградского университета, которая давала студентам широкую подготовку по избранной специализации. На кафедре преподавали известные кавказоведы — К. Д. Дондуа (зав. кафедрой), А. Н. Генко, Р. М. Шаумян, А. А. Бокарев, Г. Б. Муркелинский, Г. Ф. Турчанинов. Специальный курс по этнографии Кавказа читал Л. И. Лавров⁶. Заметное место кавказоведение занимало в учебной и исследовательской работе Географического факультета ЛГУ, а также в Московском университете⁷.

Важнейшим событием в истории советской этнографической науки стала организация в 1933 г. в Ленинграде Института этнографии (до 1937 г. — Институт антропологии и этнографии). Завершился целый пе-

² См. Токарев С. А. Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 г. — середина 1930-х годов). — Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии (далее ОИРЭФА), вып. V (ТИЭ, т. 95). М., 1971, с. 112—113; Зевакин Е. С. Этнографический отдел Государственного Русского музея в 1926 г. — Этнография, 1927, № 1—2.

³ Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока. — Уч. зап. НИИ этнических и национальных культур народов Востока, т. II М., 1930, с. 233—263; Центральный музей народоведения в Москве в 1926 г. — Этнография, 1927, № 1—2.

⁴ Записка академика Н. Я. Марра о Кавказском историко-археологическом институте. — Изв. Российской Академии наук. Пг., 1917, с. 962—994.

⁵ Лавров Л. И. Указ. раб., с. 9.

⁶ Турчанинов Г. Ф. К. Д. Дондуа — ученый и человек. — В кн.: Дондуа К. Д. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Л., 1975, с. 13. Кафедра кавказской филологии ЛГУ в 1951 г. (через 107 лет после создания ее М. Броссе) была закрыта, что крайне отрицательно сказалось на уровне общей и специальной подготовки кавказоведов.

⁷ Станюкович Т. В. Из истории этнографического образования (Ленинградский географический институт и географический факультет ЛГУ). — ОИРЭФА, вып. V, М., 1971, Лашук Л. П., Марков Г. Е. Кафедра этнографии. — В кн.: Историческая наука в Московском университете. 1934—1984. М., 1984.

риод истории этнографической науки, наступало время большей концентрации и координации научных сил. «Именно новому Институту,— подчеркивает К. В. Чистов,— предстояло в последующие десятилетия... сыграть решающую роль в формировании современной концепции советской этнографии, развернуть теоретическую и практическую деятельность, адекватную новой социальной и культурной ситуации»⁸.

Первоначально в структуре Института этнографии АН СССР (далее ИЭ) не существовало подразделения, занимавшегося проблемами этнографии Кавказа. Но уже 15 февраля 1936 г. Президиумом АН СССР было принято специальное Постановление об организации в Институте Кавказского кабинета, а в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) — Кавказского отдела⁹.

В конце марта 1936 г. Кавказский кабинет ИЭ начал работать. В нем было три сотрудника: заведующий кабинетом А. Н. Генко¹⁰ — блестящий ученый, один из крупнейших специалистов в области языков, истории, этнографии и фольклора народов Кавказа¹¹, Л. Б. Панек и Л. И. Лавров. Научная деятельность этой небольшой группы кавказоведов стала интенсивной с первых же месяцев ее создания. В том же 1936 г. в журнале «Советская этнография» А. Н. Генко выступил с программной статьей, в которой сформулировал основные задачи и наиболее важные научные направления развития советского этнографического кавказоведения на новом этапе его истории¹². Главная задача общеметодического характера виделась ему «в решительном переходе от методов простого собирательства, бесконечного нагромождения фактов... к марксистско-ленинскому, научному социологическому анализу общественной структуры народов Кавказа, выяснению последовательных этапов в развитии семьи, рода, племенной и раннегосударственной (феодальной) организации этих народов...»¹³. Другой стороной этой же задачи А. Н. Генко считал необходимость повышения «требований к технике использования существующих источников этнографической информации», усиления «источниковедческой, библиографической и в особой мере лингвистической работы по кавказским материалам». К числу первоочередных задач А. Н. Генко отнес изучение этнического состава населения Кавказа, социального строя (особенно горских народов Кавказа), создание моно-

⁸ Чистов К. В. Из истории советской этнографии 30—80-х годов XX века. К 50-летию Института этнографии АН СССР.— Сов. этнография (далее СЭ), 1983, № 3, с. 5.

⁹ Постановление Президиума Академии наук СССР об итогах совещания Отделения общественных наук с закавказскими филиалами Академии наук.— СЭ, 1936, № 4—5, с. 227. См.: также: Лавров Л. И. Кавказский отдел МАЭ и кавказский сектор Института этнографии АН СССР.— Сб. МАЭ, XXXV. Л., 1980, с. 24.

¹⁰ Лавров Л. И. Памяти А. Н. Генко.— КЭС, V (ТИЭ, т. 99), М., 1972. А. Н. Генко работал также в Ленинградском университете, где читал лекции по истории и этнографии Кавказа, преподавал горскокавказские языки. У Л. Б. Паника, жены А. Н. Генко, как пишет Л. И. Лавров, сохранились «стенограммы двадцати лекций по этнографии Кавказа», читавшиеся А. Н. Генко в Ленинградском университете перед Великой Отечественной войной (Памяти А. Н. Генко, с. 221). Кроме того, А. Н. Генко читал курс источниковедения Кавказа в Ленинграде, Москве и Ростове-на-Дону, о чем он сообщает в письме М. А. Полиевктову от 26.12.1934 г. (ЦИА ГruzССР, ф. 1505, оп. 1, д. 120, л. 279).

¹¹ А. Н. Генко владел языками абхазо-адыгской группы, ингушским, лезгинским, азербайджанским, успешно занимался табасаранским, цахурским, хыналыгским, убыхским, грузинским; итогом исследований этих языков стали несколько фундаментальных трудов, не потерявших своего значения и в наши дни. Из историко-этнографических работ А. Н. Генко напомним наиболее крупные: «Из культурного прошлого ингушей» (1930), «О языке убыхов» (1928), «Арабский язык и кавказоведение» (1941), «О названиях плуга в северокавказских языках» (1930), «Арабская карта Шамиля» (1933). В большинстве его лингвистических работ широко представлены этнографические и фольклорные материалы: в изданной посмертно монографии «Абазинский язык» (М., 1955) — история отдельных селений и миграций абазин, в неопубликованном труде «Материалы по лезгинской диалектологии» — записи фольклора лезгин и т. п. А. Н. Генко не был только кабинетным ученым. Велик его вклад в практическую работу по созданию письменности северокавказских и дагестанских народов, составлению словарей, грамматик и т. п. К сожалению, многие из его рукописей не были опубликованы и погибли во время войны.

¹² Генко А. Н. Задача этнографического изучения Кавказа.— СЭ, 1936, № 4—5.

¹³ Там же, с. 19.

А. Н. Генко
(1896—1941)

графических «исчерпывающих раб...
по народам Кавказа, а также написа...
ние полной сводной работы по этногр...
фии всех кавказских народов.

В своей статье А. Н. Генко затр...
нул также вопросы координации и пл...
нирования научной работы, чрезвычайн...
но важные, по его мнению, в условиях...
острой нехватки кадров квалифицир...
ванных этнографов-кавказоведов. С...
подчеркивал, что всю работу по этн...
графическому изучению народов Ка...
каза надо тесно увязывать с задачами...
социалистического строительства. По...
водя итоги, А. Н. Генко сформулиров...
некоторые практические предложени...
В основном они сводились к следу...
щему. Необходимы: 1. Выработка ед...
ного плана этнографического изучени...
Кавказа. 2. Восстановление, а там, гд...
не было ранее, создание этнографич...
ской специализации в вузах. «Сист...
матическая подготовка специалисто...
по кавказской этнографии — предп...
сылка выполнимости упомянутого ед...
ного плана в изучении этнограф...

Кавказа в сколько-нибудь обозримый срок», — писал он. 3. Периодич...
ское издание специальных сборников по этнографии Кавказа¹⁴.

Небольшая группа кавказоведов ИЭ стала практически осуществлять...
задачи, поставленные А. Н. Генко. Естественно, она не могла охватить...
всего многообразия проблем этнографии народов Кавказа, тем не мене...
с самого начала исследовательская работа была весьма плодотворно...

В сфере научных интересов А. Н. Генко был широкий круг вопросов...
кавказоведения, но во время его недолгого пребывания (до кон...
1936 г.)¹⁵ во главе Кавказского кабинета они концентрировались гла...
ным образом в области источниковедения. В частности, А. Н. Ген...
углубленно изучал арабские источники по этнографии народов Кавказ...
На 2-й сессии Ассоциации арабистов в 1937 г. он выступил с докладом...
«Арабский язык и кавказоведение» (опубликован в 1941 г.: «Тр. Ин-...
востоковедения АН СССР», вып. XXXVI). Работы А. Н. Генко в област...
арабистики высоко ценил акад. И. Ю. Крачковский¹⁶. Полевые изыска...
ния ученого в эти годы были связаны в основном с изучением цахурско...
го и табасаранского языков¹⁷. Однако, А. Н. Генко, исследователь ш...
рокого плана, никогда не ограничивался чисто лингвистическими зад...
чами. В его работах всегда ставились и интересно решались также кру...
ные историко-этнографические задачи. В эти же годы А. Н. Генко зан...
мался подготовкой к переизданию трудов М. М. Ковалевского (один...
пунктов Постановления Президиума АН СССР от 15 февраля 1936 г...
Именно ему было поручено составление предварительного плана изд...
ния в целом, а также редактирование кавказоведческих работ М. М. К...
валевского, которые предполагалось издать двумя томами (т. 3 и...
в полном собрании сочинений¹⁸.

Л. Б. Панек, работая в Кавказском кабинете, продолжала занимат...
ся этнографией грузин, главным образом мтиулов (локальная груп...

¹⁴ Там же, с. 20.

¹⁵ Перед войной А. Н. Генко вновь начал работать в ИЭ.

¹⁶ Лавров Л. И. Памяти А. Н. Генко, с. 220.

¹⁷ Талибов Б. Б. Цахурский язык. — Языки народов СССР, т. IV, М., 1967, с. 51.
А. Н. Генко создал на латинской основе цахурский алфавит, применявшийся в течен...
двух лет. См. Лавров Л. И. Памяти А. Н. Генко, с. 217.

¹⁸ Г. [Генко]. Об издании этнографических и социологических трудов М. М. К...
валевского. — СЭ, 1936, № 4—5, с. 227—228.

рузинского этноса). Ее интересовали различные аспекты мтиульского быта: традиционные праздники и социальные институты, материальная культура¹⁹. В ходе полевых работ в Грузии Л. Б. Панек собрала оригинальные материалы по грузинской системе родства. Уже в 1940-х годах был подготовлен доклад «Термины родства в грузинском языке», а затем опубликована статья на эту тему²⁰. Впоследствии Л. Б. Панек продолжила исследование системы родства на материалах хыналыгцев хиналугцев)²¹.

Большая роль в этнографическом изучении Кавказа принадлежит Л. И. Лаврову. Первой значительной публикацией ученого была статья «Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г.»²². Ученик А. Н. Генко и последователь его научных принципов, Л. И. Лавров уже в этой работе, основанной на собранных им полевых материалах, проявил себя как зрелый исследователь. В ней отчетливо видны творческие возможности ученого, удачное сочетание широкого подхода к изучаемому вопросу с необходимой детализацией, внимание к лингвистическому материалу, увязываемому с этнографическими данными. Статья Л. И. Лаврова, посвященная локальной группе западных адыгов, частично отразила его научные интересы, которые в те годы сосредоточивались главным образом в области этнографии народов Северо-Западного Кавказа — адыгов, абазин, убыхов. В этом проявились и влияние научных интересов А. Н. Генко, занимавшегося языками и этнографией названных народов, и личные привязанности Л. И. Лаврова — уроженца Кубани. Этнографии убыхов он посвятил монографическое исследование, получившее высокую оценку А. Н. Генко, Д. К. Зеленина, Е. Г. Кагарова, И. П. Петрушевского. Спустя много лет Л. И. Лавров опубликовал лишь небольшую часть монографии — статью «Этнографический очерк убыхов» (Уч. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории, т. VIII, Майкоп, 1968). Отдельные сюжеты рукописи представлялись в виде докладов. Так, в предвоенные годы на заседании кабинета Европы и Кавказа ИЭ Л. И. Лавров сделал доклад «Занятия и социальный строй убыхов в первой половине XIX в.»²³.

В предвоенные же годы Л. И. Лавровым было написано еще несколько крупных работ: «История абазинского народа» (небольшая часть опубликована: «Абазины» — КЭС, I. М., 1955), «Карачаевцы в период XIV—XVIII вв.» и «История Балкарии до 1917 г.»²⁴.

Помимо А. Н. Генко, Л. Б. Панек, Л. И. Лаврова, кавказоведческая тематика разрабатывалась и другими сотрудниками ИЭ. А. В. Мачинский (кабинет Южной Америки) занимался археологией Чечни и Ингушетии²⁵, О. Л. Вильчевский — общиной и этнической историей курдов, в том числе закавказских; зав. Отделом археологии С. Н. Замятнин — палеолитом Прикубанья, Абхазии и Западной Грузии; развернулась библиографическая работа по Кавказу, пополнялись коллекции Кавказского отдела МАЭ²⁶.

С уходом А. Н. Генко из Института, Л. Б. Панек и Л. И. Лавров вошли в состав кабинета Европы, который стал называться кабинетом Европы и Кавказа. С конца 1937 г. Кавказский кабинет вновь стал самостоятельной единицей. Возглавил его проф. Е. Г. Кагаров, а в состав кабинета был зачислен К. К. Курдоев²⁷.

¹⁹ См.: Панек Л. Б. Жилище мтиулов. — Сб. МАЭ, IX, 1930; *ее же*. Скотоводческий праздник «Теодороба» у мтиулов. — СЭ, 1936, № 4—5; *ее же*. Следы родового строя у мтиулов. — СЭ, 1939, № 2.

²⁰ Панек Л. Б. О терминах родства в грузинском языке. — Сб. МАЭ, XII, 1949.

²¹ Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1, д. 91 (Отчет о научной работе ст. н. сотр. Л. Б. Панек за 1944—46 гг.), л. 3.

²² См. СЭ, 1936, № 4—5.

²³ Личный архив Л. И. Лаврова. Описание, с. 4, 11, 26, 27.

²⁴ Там же, с. 28.

²⁵ Лавров Л. И. Кавказский отдел МАЭ..., с. 24.

²⁶ Там же; см. также библиографические обзоры по этнографической кавказоведческой литературе. — СЭ, 1936, № 4—5.

²⁷ Лавров Л. И. Кавказский отдел МАЭ..., с. 24.

М. О. Косвен
(1885—1967)

Великая Отечественная война принесла тяжелейшие бедствия советскому народу. Работа ИЭ была нарушена. Многие сотрудники ушли на фронт (среди первых добровольцев — Л. Лавров), значительная часть была эвакуирована в Ташкент (в числе их — Л. Б. Панек). В декабре 1941 г. в осажденном Ленинграде умер А. Н. Генкель. Но несмотря на огромные трудност людские и материальные потери, творческая жизнь Института не прекращалась²⁸.

Придавая большое значение равертыванию этнографических исследований в стране и укреплению ИЭ, Президиум АН СССР 22 декабря 1942 принял Постановление об организации Московской группы Института, приступившей к работе уже в феврале 1943 г.

В Институте первоначально было 5 секторов, в том числе сектор Кавказа³⁰, который возглавил крупный специалист по истории первобытного общества, кавказовед М. О. Косвен. С ним работали старший научный сотрудник Б. А. Куфтин и старший на

учный сотрудник, доцент Е. М. Шиллинг. В том же 1943 г. в ИЭ была создана аспирантура и докторантура. Первым докторантом в секторе стал Е. С. Зевакин, изучавший этнографию адыгов. В Ташкентской группе кавказоведением занималась Л. Б. Панек, завершавшая исследование по этнографии мтиулов.

Работа сектора Кавказа военных и послевоенных лет поражает творческой активностью. В 1943—1945 гг. по вполне понятным причинам выход печатной продукции сотрудников сектора, как и всего Института, фактически не осуществлялся. Поэтому основной формой работы были научные заседания, на которых читались доклады, обсуждались различные этнографические проблемы. Кавказоведы постоянно участвовали в такого рода заседаниях, происходивших (несмотря на отсутствие у Института в Москве постоянного помещения) регулярно. Так, с апреля по декабрь 1943 г. на заседаниях ИЭ были прочитаны доклад М. О. Косвена («Литературная история легенды об амазонках») и три доклада Е. С. Зевакина («Западноевропейские нарративные источники по истории Черкесии», «Алано-осетинский вопрос», «Адыгейцы»)³².

Доклады обсуждались и на заседаниях самого сектора, которые проводились практически каждую неделю. С докладами на них постоянно выступали и специалисты из других научных учреждений Москвы — Музея народов СССР, Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Института государства и права и Института языкознания АН СССР, Государственного исторического музея. В творческой жизни сектора активно участвовали аспиранты и студенты кафедры этнографии МГУ. Конечно, огромную роль в этом сыграла педагогическая деятельность М. О. Косвена и Е. М. Шиллинга в Московском университете, теснейшая

²⁸ Рабинович М. Г. Институт этнографии в годы Великой Отечественной войны. — СЭ, 1946, № 1; Лавров Л. И. В осажденном Ленинграде. — СЭ, 1975, № 4; Марков Г. Е. Советские этнографы в годы Великой Отечественной войны. — СЭ, 1985, № 2.

²⁹ Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 3 об.

³⁰ С 1960 г. — сектор народов Кавказа, с 1973 г. — сектор этнографии народов Кавказа.

³¹ См.: Гарданов В. К., Першиц А. И. М. О. Косвен — историк первобытного общества и кавказовед. — В кн.: История и историки. 1976. М., 1979.

³² Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 3—5, 9 об., 14; оп. 3, д. 1, л. 3 об.

творческая связь кафедры этнографии и ИЭ, со временем, к сожалению, значительно ослабевшая³³.

Только в 1944 г. сектором было проведено 27 заседаний, обсуждено 20 докладов, в том числе доклады М. О. Косвена («Обычай возвращения домой» и «М. М. Ковалевский как кавказовед»), Е. М. Шиллинга («Этнография Даргинского нагорья», «Древнее жилище Западного Кавказа», «О научных результатах Дагестанской экспедиции 1944 г.»), В. К. Гарданова («Хозяйственный строй черкесов в XVIII — первой половине XIX в.», «Вопрос о черкесском тфокотле», «Аталычество»), Е. С. Зевакина («Адыго-славянские связи»), Г. А. Кокиева («Военное прошлое кабардинского народа»), Н. Ф. Такоевой («Социальный строй Восточной Грузии»), А. М. Ладыженского («Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа»)³⁴.

Первые же годы работы сектора Кавказа были отмечены быстрым творческим ростом его сотрудников. М. О. Косвен, завершив монографию «История проблемы матриархата», в 1943 г. защитил ее в качестве докторской диссертации. Е. С. Зевакин работал над докторской диссертацией «Адыгейцы». Е. М. Шиллинг закончил труд «Кубачинцы» и в 1944 г. на Ученом совете истфака МГУ защитил его в качестве кандидатской диссертации. М. О. Косвен эту работу назвал образцовым исследованием материальной культуры. Добавим, что монография Е. М. Шиллинга охватила широкий спектр и вопросов социальной жизни кубачинцев, рассмотренных в тесной связи с их материальным бытом. Л. Б. Панек в Ташкенте закончила исследование «Социальные отношения у мтиулов» и в 1944 г. защитила его в качестве кандидатской диссертации³⁵.

В 1944 г. ИЭ возобновил начатую еще в довоенные годы работу над этнографической серией «Народы мира». Сотрудники сектора занимались подготовкой тома «Народы Кавказа». Этот труд стал главным делом сектора до начала 1960-х годов, потребовав объединения и координации творческих усилий кавказоведов Москвы, Ленинграда, специалистов научных учреждений Кавказа. Началось с составления плана, обсужденного на секторе, сбора материалов, написания и обсуждения пробных статей по этнографии некоторых народов. Работу авторского коллектива возглавил М. О. Косвен; в редколлегия тома входили также В. В. Бунак и Е. М. Шиллинг. Уже к концу 1945 г. были написаны статьи по этнографии большинства народов Дагестана (авторы Е. М. Шиллинг, Л. Б. Панек, с участием аспирантки З. А. Никольской), некоторых народов Северного Кавказа (Н. Ф. Такоева, Е. С. Зевакин), вводные статьи к тому: «Древнейшие культуры на Кавказе» (Б. А. Куфтин), «Лингвистический очерк Кавказа» (Н. Ф. Яковлев), «Антропологический состав Кавказа» (В. В. Бунак), «Кавказ и русская культура» (Г. А. Кокиев). Л. Б. Панек подготовила статью «Азербайджанцы» и небольшие очерки по удиам, хыналыгцам и народам шахдагской группы. Статья «Грузины» была поручена этнографам Института истории АН ГССР, статья «Армяне» — С. Д. Лисициану. В дальнейшем не все из названных статей вошли в опубликованный том «Народы Кавказа», так как с годами авторский коллектив значительно изменился, однако они сыграли свою роль в выработке принципов подхода к материалу, структурного оформления тома, познавательных задач исследования³⁶.

Несмотря на трудные военные годы, сотрудники сектора вели активную экспедиционную работу. В 1944 г. была организована Дагестанская этнографическая экспедиция, основателем и бессменным руководителем которой до 1950 г. был Е. М. Шиллинг, имевший большой опыт полевой этнографической работы на Кавказе. В Дагестанской экспедиции в период 1944—1946 гг. кроме сотрудников сектора участвовали аспиранты сектора З. А. Никольская и М. В. Саидова, аспиранты и студенты кафедры этнографии МГУ — Ю. В. Иванова, К. И. Козлова, М. А. Кургузова,

³³ Там же, л. 25, л. 30.

³⁴ Там же, л. 30, 31.

³⁵ Там же, л. 10, 12, 43.

³⁶ Там же, л. 45, л. 4, 6, об., 7.

Г. П. Садилова, Г. А. Сергеева, Я. С. Смирнова, И. Д. Ст. *Г. П. Садилова и др. Число участников экспедиции обычно достигало 25 и более человек. В труднейших условиях 1940-х годов экспедиция вела работу в поле по 3—4 месяца, выполняя исследовательские и учебные задачи. Так, в 1945 г. экспедиция работала с 14 июня по 24 октября в Гунибском, Хунзахском, Тляратинском и других районах Дагестана. С 1946 г. в составе экспедиции появился Южнодагестанский отряд (начальник Л. Б. Панек), изучавший лезгин, рутульцев и цахур. Полевые исследования в 1940-е годы проводились также в Осетии, Адыгее, Абхазии, Чечено-Балкарии, Черкесии, Абхазии, Грузии»³⁷.*

В первые же послевоенные месяцы научная деятельность ИЭ стала еще обширней и разнообразней. В мае 1945 г. из эвакуации в Ленинград вернулись сотрудники Института, его штат был увеличен, вновь открылся МАЭ. С возвращением в Ленинград в 1946 г. после демобилизации Л. И. Лаврова кавказоведение было представлено здесь двумя сотрудниками: Л. Б. Панек и Л. И. Лавровым, в конце того же года защитившим в Институте востоковедения АН СССР кандидатскую диссертацию на тему «История абазинского народа»³⁸.

В Московской части сектора в 1946 г. штатными сотрудниками были М. О. Косвен и Е. М. Шиллинг; в составе сектора были также докторы и аспиранты. В 1947 г. сотрудниками сектора стали Г. А. Кокиев, закончившая аспирантуру ИЭ З. А. Никольская³⁹.

В первый же послевоенный год значительно активизировалась публикационная деятельность ИЭ: было возобновлено издание журнала «Восточная этнография» и начался выпуск «Кратких сообщений Института этнографии» (КСИЭ). В обоих изданиях регулярно появлялись статьи кавказоведческой тематики, авторами которых были сотрудники сектора Кавказа.

В те годы основным объектом исследования кавказоведов были вопросы исторической этнографии народов региона. М. О. Косвен продолжал начатое в 1930-е годы изучение патронимии, большой семьи и др. элементов социальной структуры кавказских традиционных обществ. Е. М. Шиллинг исследовал материальную культуру и религиозные верования народов Дагестана. М. О. Косвен отмечал, что в работах Е. М. Шиллинга «зачастую выдвигаются новые вопросы кавказской этнографии, освещаются многие, до того неизвестные явления культуры народов Кавказа». В качестве примера он приводил выявленные Е. М. Шиллингом на Кавказе пережитки «мужских союзов», материал о которых был включен в «Программу курса этнографии для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов»⁴⁰.

Л. И. Лавров углубленно исследовал вопросы этнической истории культуры народов Северного Кавказа и Дагестана, а также абхазов. Л. Б. Панек работал над монографией «Лезгинцы», занималась проблемами этнографии Грузии. В планах Г. А. Кокиевой было две темы — «Авары на Северном Кавказе» и «Кабардинские поселения в XVI—XVIII вв.». З. А. Никольская заканчивала кандидатскую диссертацию «Пережитки родовой организации у аварцев» и собирала полевой материал по тем

³⁷ Там же, л. 15 об.; Архив ИЭ. Личное дело Е. М. Шиллинга, л. 33; Лавров Л. И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924—1978 гг.). Л., 1982, с. 70, 84, 93, 113; Архив ИЭ. Отчет Южнодагестанского отряда за 1946 г.

³⁸ Личный архив Л. И. Лаврова. Опись, с. 56.

³⁹ Архив ИЭ. Личные дела Г. А. Кокиевой, З. А. Никольской.

⁴⁰ См.: Косвен М. О. Обычай возвращения домой (Из истории брака). — КСИЭ, вып. 1, 1946; *его же*. Семейная община. Опыт исторической характеристики. — СЭ, 1948, № 3; Краткое изложение доклада М. О. Косвена «Патронимия и проблема структуры рода», прочитанного на Кавказской этнографической сессии в Тбилиси в 1949 г., опубликовано: «Материалы по этнографии Грузии». Тбилиси, 1952. См. также: Шиллинг Е. М. Из истории одного дагестанского земледельческого культа. — КСИЭ, вып. 1, 1946; *его же*. Кубачинцы и их культура. — ТИЭ, т. VIII. М.—Л., 1949; см. также: Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1, д. 131, л. 1 об.; д. 45, л. 19, об., 22. Архив ИЭ. Личное дело Е. М. Шиллинга, л. 38 об.

«Рабство на Восточном Кавказе» (последняя работа осталась незавершенной)⁴¹.

Большую роль в дальнейшем развитии кавказоведческих исследований сыграла организованная по инициативе М. О. Косвена первая Сессия кавказоведов, состоявшаяся в Москве в 1948 г. В течение недели (1—7 апреля) участники сессии заслушали и обсудили 16 докладов. Специальное заседание было посвящено обсуждению тома «Народы Кавказа» из готовившейся к изданию серии «Народы мира». На сессии выступили М. О. Косвен, Е. М. Шиллинг, Е. С. Зевакин, Н. Ф. Такоева (Москва), Л. Б. Панек, Е. Н. Студенецкая, Л. И. Лавров (Ленинград), И. М. Джафар-заде, З. А. Кильчевская, Р. Бабаева (Баку), Г. С. Читая, В. В. Бардавелидзе, Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе, Л. И. Бочоришвили (Тбилиси), Ш. Д. Инал-ипа (Сухуми) и др.

М. О. Косвен в докладе «Теоретические и практические задачи этнографии Кавказа» наметил перспективы в изучении наиболее важных проблем кавказоведения: этногенеза, традиционных культур, изменений в современной культуре народов Кавказа⁴². Некоторые из высказанных М. О. Косвеном идей со временем были осуществлены. Большое внимание, в частности, он уделял изданию архивных материалов по истории и этнографии Кавказа. По его инициативе и при его непосредственном участии началась подготовка тематической серии по этнографическому кавказоведению — «Кавказский этнографический сборник» — первый выпуск которого издан в 1955 г. К 1986 г., т. е. за 30 лет, было опубликовано 8 выпусков.

В 1950-х — начале 1960-х годов творческие усилия сектора были сосредоточены на решении двух важнейших задач: написания тома «Народы Кавказа» и изучения процессов национальной консолидации у народов Дагестана. К началу 1960-х годов были изданы два пол тома — «Народы Северного Кавказа» (М., 1960) и «Народы Закавказья» (М., 1962), представлявшие первое в историко-этнографической литературе всестороннее описание культуры и быта народов Кавказа.

Вторая тема разрабатывалась в течение 1950—1952 годов. Практически все экспедиционные работы в Дагестане тех лет были нацелены на исследование процессов национальной консолидации. В них участвовали В. К. Гарданов (начальник), Л. И. Лавров, Е. М. Шиллинг, З. А. Никольская, Б. В. Андрианов (картограф), Б. А. Калоев (в 1952 г.), Л. А. Добрускин (экономист), аспиранты сектора, студенты МГУ и ЛГУ, художник, фотографы. Была подготовлена теоретическая программа (автор В. К. Гарданов), намечен основной круг изучаемых вопросов: новое и традиционное в культуре дагестанских народов, многоязычие и социальные факторы его развития, степень развитости этнического самознания у народов региона, влияние национально-смешанных браков на этнокультурную традицию и др.⁴³ Однако данное исследование в том объеме и в тех аспектах, как оно планировалось, не было осуществлено. Тем не менее проводившиеся работы не прошли бесследно. Был собран интересный этнографический материал, частично использованный в двух работах: «Народы Кавказа» и «Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР» (М., 1960), частично опубликованный в виде самостоятельных трудов⁴⁴. Впервые этнографы изучали (используя специально составленные анкеты) такие вопросы как многоязычие, этническое самосо-

⁴¹ Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1, д. 131, л. 10—12. См., например: Лавров Л. И. «Обезы» русских летописей. — СЭ, 1946, № 4; его же. Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVIII и XIX вв. — СЭ, 1948, № 4.

⁴² Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1, д. 153, л. 20, 21, 26, 28. Аналогичная сессия состоялась в 1949 г. в Тбилиси.

⁴³ Архив ИЭ. Дагестанская экспедиция 1950—1951 гг. Программа работ; Б. А. (В. К.) Гарданов. Работа Дагестанской экспедиции в 1950 году. — КСИЭ, вып. 14, 1952; Лавров Л. И. Некоторые итоги работы Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг. — КСИЭ, вып. 19, 1953.

⁴⁴ Сб. Народы Дагестана. М., 1955; Никольская З. А. Исторические предпосылки национальной консолидации аварцев. — СЭ, 1953, № 1.

знание, национально-смешанные браки, впоследствии занявшие важное место в этнографических работах определенной проблематики.

В последнюю четверть века — с начала 60-х годов и до настоящего времени — исследовательская работа сектора Кавказа осуществлялась в основном по нескольким крупным актуальным этнографическим проблемам. Таковы историко-этнографическое изучение современной и традиционной бытовой культуры, типология и классификация компонентов бытовой культуры, современные этнические и культурно-бытовые процессы, этногенез и этническая история, источниковедение, историография этнографического кавказоведения.

Историко-этнографическое изучение культуры — одна из наиболее активно разрабатываемых сектором проблем. В рамках этой масштабной и многоплановой темы ставились и решались более конкретные задачи. Причем в зависимости от познавательных задач исследования в работе либо давался монографический анализ всей бытовой культуры этноса, либо освещались различные ее аспекты, часто на широком историко-сравнительном фоне⁴⁶.

Совершенно новый подход к изучению культуры этноса представляло коллективное исследование, предпринятое ИЭ совместно с этнографами и философами-культурологами Армянской ССР. Автором ряда разделов и одним из ответственных редакторов монографии является С. А. Арутюнов⁴⁷.

В 1970 г. сектор Кавказа совместно с Кабардино-Балкарским институтом истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР приступил к разработке темы «Новое и традиционное в культуре кабардинцев и балкарцев». Одновременно изучение аналогичной темы по осетинам было начато с Северо-Осетинским НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров СО АССР, а в 1980 г. — по грузинам Аджарии с Батумским НИИ АН ГССР. Основу этих работ составили специально проведенные этносоциологические обследования сельского и городского населения, давшие ценный массовый материал, были привлечены также полевые этнографические данные. К настоящему времени завершена монография «Новое и традиционное в культуре кабардинцев и балкарцев».

Важное место в исследованиях сектора занимают вопросы типологии и классификации культуры, разработка которых началась в связи с подготовкой «Кавказского историко-этнографического атласа» (КИЭА). Первоначально намечалось три выпуска: «Хозяйство» («Земледелие» и «Скотоводство» раздельно), «Поселение и жилище», «Одежда», а в дальнейшем выпуски — «Средства передвижения», «Промыслы и ремесла», «Пища», «Духовная культура». КИЭА должен был стать завершающей стадией этой очень трудоемкой и сложной работы. На первой стадии разрабатывались программа, вопросники, единицы картографирования

⁴⁵ Калоев Б. А. Агулы (Историко-этнографический очерк). — КЭС, III. М., 1962; Лавров Л. И. Рутульцы в прошлом и настоящем. — Там же; Аристова Т. Ф. Курды Закавказья (Историко-этнографический очерк). М., 1966; Сергеева Г. А. Арчинцы. М., 1967; Калоев Б. А. Осетины (Историко-этнографическое исследование). 2-е изд. М., 1971; Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX—XX веков: традиции и инновации. М., 1982.

⁴⁶ См., например: Кобычев В. П. Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в. — КЭС, III. М., 1962; Трофимова А. Г. Изменение брачного возраста жителей г. Баку в 1920—60-х годах. — КЭС, V. М., 1972; Тер-Саркисянц А. Е. Современная семья у армян. По материалам сельских районов Армянской ССР. М., 1972; *ее же*. Современная семья у армян Нагорного Карабаха. — КЭС, VI. М., 1976; *ее же*. Основные тенденции развития современной сельской семьи у армян. — КЭС, VII (ТИЭ, т. 108). М., 1980; Смирнова Я. С. Новое и традиционное в быту осетинской сельской семьи. — Там же; Калоев Б. А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII — начале XX в. — КЭС, VIII (ТИЭ, т. 112). М., 1984; Соловьева Л. Т. Обычаи и обряды детского цикла у грузин (вторая половина XIX — начало XX в.). — Там же; Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в. М., 1983; *ее же*. Положение «старшей» женщины у народов Кавказа и его историческое истолкование. — КЭС, VIII.

⁴⁷ См. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983.

бланковки, списки карт и т. п. Вторая стадия предполагала создание региональных атласов по названной тематике, т. е. по Северному Кавказу, Дагестану, Азербайджану, Армении, Грузии, Абхазии. Региональными атласами по Закавказью занимались этнографы Академий союзных республик, по Дагестану — этнографы Дагестанского Филиала АН СССР с участием ИЭ (Г. А. Сергеева), по Северному Кавказу — кавказоведы ИЭ и ГМЭ (Е. Н. Студенецкая) ⁴⁸.

1970-е годы были своего рода творческой кульминацией в работе над атласом ⁴⁹. В начале 1980-х годов вышли в свет региональные исследования по двум темам ⁵⁰, были подготовлены также два региональных атласа по теме «Одежда» (Дагестан и Северный Кавказ), разделы «Земледелие», «Скотоводство», «Поселение и жилище» для дагестанского атласа. После отмеченного взлета в работе над КИЭА наблюдается значительный спад. И это понятно. Недостаточная обеспеченность научными силами (за исключением Грузии и Азербайджана), сложности организационного и полиграфического характера отнюдь не способствуют успешному завершению этого ценного историко-этнографического труда.

В последние десятилетия в секторе Кавказа еще более активизировалось этнографическое изучение современности, прежде всего этнических и культурно-бытовых процессов, многоязычия, национально-смешанных браков, общесоветских традиций и др. ⁵¹. Одним из новаторских направлений работы сектора этих лет стало изучение культуры и быта рабочих, которое вела А. Г. Трофимова среди нефтяников Апшерона (Азербайджан). Именно в связи с разработкой этой проблемы она впервые привлекла материалы загсов в качестве этнографического источника, что в дальнейшем нашло широкое применение в трудах, посвященных изучению семьи ⁵².

Значительное место в исследовательской работе сектора неизменно занимает проблема этногенеза и этнической истории. Наиболее значительный вклад в ее изучение был сделан Л. И. Лавровым, в трудах которого рассматривались вопросы этногенеза и этнической истории большинства народов Северного Кавказа и ряда народов Дагестана. Он же занимался и вопросами теории, в частности методикой использования данных разных исторических источников — письменных, этнографических, фольклорных, лингвистических, археологических и антропологических — для реконструкции этногенетического процесса. Различные аспекты проблемы этногенеза и этнической истории народов Кавказа разрабатывают в своих трудах и другие сотрудники сектора ⁵³.

⁴⁸ Архив ИЭ, ф. 142, оп. 1 (отчеты сектора Кавказа за 1960-е — 1980-е годы).

⁴⁹ Была опубликована серия работ, связанных с тематикой КИЭА: Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. (Материалы к «Кавказскому историко-этнографическому атласу»), вып. 1. М., 1971; *Кобычев В. П.* Типы жилища у народов Северо-Западного Кавказа в середине XIX в. — КЭС, V. М., 1972; *Сергеева Г. А.* Одежда народов Дагестана и Чечни (по материалам Государственного исторического музея). — КЭС, VI. М., 1976; *ее же.* Женские украшения народов аварской группы Дагестана второй половины XIX — начала XX в. — КЭС, VII. М., 1980; *ее же.* Вязаная обувь народов Горного Дагестана. — КЭС, VIII. М., 1984.

⁵⁰ *Калоев Б. А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981; *Кобычев В. П.* Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М., 1982.

⁵¹ См. например: Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М. — Л., 1964; *Агаширинова С. С., Сергеева Г. А.* К вопросу о формировании новых праздников и обрядов у народов Дагестана. — СЭ, 1966, № 4; *Волкова Н. Г.* Вопросы двуязычия на Северном Кавказе. — СЭ, 1967, № 1; Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967 гг.). М., 1968; *Смирнова Я. С.* Культурное взаимодействие и семья (по материалам Северного Кавказа). — СЭ, 1977, № 5; Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978.

⁵² *Трофимова А. Г.* Материалы отчетов ЗАГС о браках как этнографический источник. — СЭ, 1965, № 5; *Смирнова Я. С.* Национально-смешанные браки у народов Каракаево-Черкесии. — СЭ, 1967, № 4.

⁵³ См. напр.: *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. — КЭС, IV. М., 1969; *его же.* Историко-этнографические очерки Кавказа (глава: Проблема этногенеза кавказских горцев). Л., 1978; *Кобычев В. П.* Айрумы (К вопросу о происхождении этнонима). — СЭ, 1962, № 3; *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974; *Цулая Г. В.* «Грузинский хронограф» XIV в. о народах Кавказа. — КЭС, VII. М., 1980; *Волкова Н. Г.* Арабы на Кавказе. — СЭ, 1983, № 2.

В русле этой проблемы в секторе активизировались исследования историко-этнографической ономастики Кавказа — антропонимии, топонимии, этнонимии.

Большое внимание сектор постоянно уделяет изучению вопросов социальной истории народов Кавказа. Прежде всего следует назвать работы В. К. Гарданова по общественному строю и обычному праву горских народов. Основанные на обширных и разнообразных источниках (особенно архивных), эти труды, являющие пример скрупулезного анализа материала, сыграли важную роль в исследовании одной из сложных научных проблем, воссоздав многие страницы социально-экономического развития народов Кавказа. Итогом многолетних изысканий В. К. Гарданова стали его монография «Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.)» (М., 1967), а также ряд статей, опубликованных в журнале «Советская этнография»⁵⁴.

В последние десятилетия большое внимание в работе сектора уделяется вопросам источниковедения. Здесь прежде всего надо назвать масштабный труд Л. И. Лаврова «Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках» (ч. 1. Надписи X—XVII вв. М., 1966; ч. 2. Надписи XVIII—XX вв. М., 1968; ч. 3. Надписи X—XX вв. Новые находки. М., 1982). Уникальное значение исследования как источника по этнической, социальной, хозяйственной, культурной истории народов Кавказа в полной мере специалистам (и не только этнографам) еще предстоит оценить. Существенная работа сектора и в других областях источниковедения. Важнейшую из них составляют переводы на русский язык и комментарии грузинских и западноевропейских источников⁵⁵. Перспективно также изучение русских архивных документов, ономастических и иллюстративных материалов в качестве историко-этнографических источников⁵⁷, выявление их новых источников⁵⁸.

Наконец, еще одна, не менее значимая научная проблема, разрабатываемая сотрудниками сектора, связана с историей этнографического кавказоведения. Здесь прежде всего нужно упомянуть работы М. О. Косвена, являющие прекрасный образец анализа историографического материала. Вопросы истории этнографического кавказоведения освещены также в трудах других сотрудников сектора⁵⁹.

⁵⁴ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1964; Лавров Л. И. Топонимические заметки. — КЭС, VII. М., 1980; Цулая Г. В. Отрок Шарукан-Атрака Шараганис-дзе (К вопросу об антропонимическом источниковедении). — КЭС, VIII. М., 1984.

⁵⁵ Гарданов В. К. О расселении и численности адыгских народов в первой половине XIX века. — СЭ, 1963, № 4; его же. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов (черкесов) в XVIII — первой половине XIX в. — СЭ, 1964, № 1; его же. Адыгские «братства» в XVIII — первой половине XIX в. — СЭ, 1964, № 2; его же. Пережитки дуалистической организации у адыгов (черкесов) в первой половине XIX века. — СЭ, 1964, № 3; его же. Земледелие у адыгов в XVIII — первой половине XIX в. — СЭ, 1964, № 4.

⁵⁶ Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазских народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая. М., 1979; Летопись Картли. Перевод, введение и комментарии Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982; Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Составление, вводная статья и комментарии Б. А. Калоева. Перевод части текстов И. С. Зевакиной. Орджоникидзе, 1967; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. Нальчик, 1974; Гарданов В. К. Иллюстративные материалы по обычному праву кабардинцев первой половины XIX в. Нальчик, 1956.

⁵⁷ Волкова Н. Г. Статейные списки русских посольств XVI—XVII вв. как этнографический источник. — КЭС, VI. М., 1976; Цулая Г. В. Отрок Шарукан...; Волкова Н. Г. Изобразительные материалы как источник изучения материальной культуры народов Кавказа. — В кн.: Хозяйство и материальная культура...

⁵⁸ Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. — СЭ, 1960, № 5.

⁵⁹ Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа. КЭС, I—III; его же. Историографические очерки. — В кн. Косвен М. О. Этнографическая история Кавказа. М., 1961; Калоев Б. А. В. Ф. Миллер — кавказовед (исследования и материалы). Орджоникидзе, 1963; Цулая Г. В. Н. Я. Марр как этнограф. — КЭС, 1979; Цулая Г. В. Грузиноведческие интересы В. Ф. Миллера. — ОИРЭФА, вып. V (ТИЭ, т. 107). М., 1978; Гарданов В. К., Мамбетов Г. Х. Хан-Гирей и его «Записки

В последние десятилетия сектор активно участвовал в различного рода сессиях (отчетно-экспедиционных и проблемных), конференциях, симпозиумах, международных конгрессах⁶⁰, что является одной из важных форм его творческих контактов. Следует упомянуть и другую форму таких контактов: участие сотрудников сектора в коллективных трудах, подготавливаемых ИЭ совместно с другими научными учреждениями Советского Союза⁶¹ и зарубежных стран⁶².

Органическую и необходимую часть научной работы сектора, как и ранее, составляют полевые экспедиционные исследования, охватившие почти весь регион: Северный Кавказ, Предкавказье, большую часть Дагестана, Азербайджан, Армению, Грузию, Абхазию. Итоги экспедиционной деятельности сектора весьма значительны. Полученные полевые этнографические и иллюстративные материалы, научные отчеты экспедиций содержат ценные данные, характеризующие самые различные аспекты культуры, этнической и социальной истории народов Кавказа, современных этнических процессов. Добытые в экспедициях материалы во многом послужили основой для создания целого ряда оригинальных и научнозначимых трудов по кавказоведению, многие из которых названы в данной статье.

Нельзя не сказать и о популяризаторской работе сектора — чтении лекций по линии Всесоюзного общества «Знание», участии в географо-этнографической серии «Страны и народы»⁶³ и т. д.

Важнейшая сторона деятельности сектора — подготовка кавказоведческих кадров⁶⁴. Особая роль в этом принадлежит В. К. Гарданову, чьи ученики — историки и этнографы — работают в профильных учреждениях практически всех республик Кавказа.

Состав самого сектора за последние десятилетия существенно менялся. С 1957 г. (с переходом М. О. Косвена в Восточнославянский сектор) по 1961 г. заведующим сектором Кавказа был Л. И. Лавров, с 1961 по 1985 г. — В. К. Гарданов. В разные годы сотрудниками сектора были Т. Ф. Аристова, З. А. Никольская, Т. Д. Равдоникас и ныне уже ушедшие Е. М. Шиллинг (1892—1953), Н. Ф. Такоева (умерла в 1959 г.), Г. Р. Лазарашвили (1935—1964), А. Г. Трофимова (1924—1973), Л. И. Лавров (1909—1982).

В настоящее время сектор Кавказа работает в следующем составе: доктора исторических наук С. А. Арутюнов (заведующий), В. К. Гарданов, Б. А. Калоев, В. П. Кобычев, Я. С. Смирнова; кандидаты исторических наук — Н. Г. Волкова, Г. А. Сергеева, Л. Т. Соловьева, А. Е. Тер-Саркисянц, Г. В. Цулая; старшие лаборанты — Т. Д. Бородинкина, Н. Д. Пчелинцева; активное участие в работе сектора принимает З. Ф. Бурнацева. В Ленинградской части ИЭ работают кавказоведы, кандидаты исторических наук Ю. Ю. Карпов и Э. Х. Панеш, младший научный сотрудник Л. И. Смирнова.

Черкесии». — КЭС, VII; *Цулая Г. В.* Из истории кавказоведения (Этнограф и педагог А. И. Стоянов). — ОИРЭФА, вып. IX (ТИЭ, т. 110). М., 1982.

⁶⁰ Наиболее полно кавказоведение было представлено на VII (Москва, 1964) и IX (Чикаго, 1973) МКАЭН. Об участии кавказоведов ИЭ в сессиях, конференциях, симпозиумах см. соответствующие отчеты в журнале «Сов. этнография».

⁶¹ Материалы по истории земледелия СССР. Сб. 1. М., 1952; История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней, т. I—II. М., 1967. Активное участие сектор принимал в подготавливаемых Институтом истории СССР АН СССР совместно с ИЭ многотомных трудах — «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней» и «История крестьянства СССР».

⁶² Например, проблема «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое изучение народов и этнографических групп с повышенным процентом долгожителей», работа над которой началась ИЭ в середине 1970-х годов совместно с учеными США.

⁶³ Страны и народы. Советский Союз. Республики Закавказья. Республики Средней Азии. Казахстан. М., 1984.

⁶⁴ См. *Сергеева Г. А., Терентьева Л. Н.* О подготовке национальных кадров и роли молодых ученых в развитии этнографии, антропологии и фольклористики. — Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980—81 гг. Тезисы докладов. Нальчик, 1982.

Предпринятый в настоящей статье обзор показал, что кавказские исследования составляли важное направление научной деятельности ИЭ АН СССР практически на протяжении всего периода его существования. Созданный в Институте 50 лет назад, сектор этнографии Кавказа всегда строил свою работу в соответствии с глобальными перспективными задачами, стоявшими перед советской этнографической наукой. При всем разнообразии конкретных исследовательских тем, они ориентированы на всестороннее и целенаправленное изучение культуры и быта народов региона, выявление исторической динамики их традиционного жизненного уклада, исследование сложных процессов этнокультурного развития в прошлом и настоящем.

Библиография работ сектора насчитывает несколько сотен названий, среди них — монографии, тематические сборники, статьи, в которых отражены результаты этнографического изучения народов Кавказа за прошедшие десятилетия.

Сделано немало. Однако перед сектором уже стоят новые задачи, определены основные направления его деятельности на ближайшие годы. Начата подготовительная работа по созданию коллективного труда «Этнография Кавказа» (60 а. л.), в котором на основании широкого сравнительного анализа будет прослежено этнокультурное единство народов Кавказа, истоки их генетических корней, общесоветские и национально-особенные черты в современном быту и культуре. Этот труд в какой-то мере должен обобщить накопленные знания по этнографии народов региона и стать своего рода энциклопедической сводкой соответствующих данных.

Другая работа, которую планирует сектор, — «Компоненты культуры этноса». В ней на примере адыгов предполагается рассмотреть основные механизмы функционирования этнической культуры в сложной, взаимосвязанной связи всех ее сфер и компонентов.

Сектор и в будущем намерен продолжить изучение вопросов, традиционно бывших в центре исследовательских интересов кавказоведов Института. Это современные этнические и культурно-бытовые процессы этногенеза и этническая история, традиционные формы материальной и духовной культуры и их изменения за годы Советской власти, историческое развитие и историография. Творческие усилия сотрудников сектора Кавказа ИЭ и впредь будут направлены на развитие лучших традиций дореволюционного и советского этнографического кавказоведения.

С. В. Соколовский

БРАЧНЫЕ КРУГИ И ЭНДОГАМНЫЕ БАРЬЕРЫ. К МЕТОДИКЕ АНАЛИЗА БРАЧНОЙ МИГРАЦИИ*

Брачные структуры являются объектом исследования во многих науках. Они привлекают внимание этнографов, демографов, антропологов, социологов, генетиков, что несомненно отражает комплексность самого объекта. Вряд ли следует аргументировать необходимость знакомства с основными параметрами брачной структуры для этнографа или культуролога, исследующих процессы распространения культурных инноваций или механизмы передачи традиций из поколения в поколение, как не требует доказательств важность такого знания для специалиста по генетической эпидемиологии, изучающего проблему генетического груза популяции. Все это делает крайне желательным междисциплинарное исследование брачной структуры. Однако здесь возникает типичная для исследований такого рода проблема выработки метаязыка, на котором был бы возможен плодотворный диалог между представителями столь различных наук. К счастью, такой язык уже существует, хотя, насколько нам известно, случаев его применения в анализе брачных структур очень мало¹. Речь идет о теории графов, позволяющей с большой точностью и детальностью исследовать именно структурные аспекты разнообразных объектов. Возможность функционирования этой теории в качестве метаязыка в междисциплинарном изучении брачных структур обусловлена тем обстоятельством, что во всех перечисленных науках помимо специфических задач описания этих структур есть одна общая, которую можно сформулировать как описание (измерение, фиксация) пространственного параметра брачной структуры.

Ниже предлагается совокупность процедур, позволяющих:

1. Выделять субпопуляции, или группы тесно связанных населенных пунктов в брачной структуре исследуемой общности².
2. Вычислять границы брачного универсума исследуемых общностей, или, в другой формулировке, давать точные пространственные координаты эндогамных барьеров различных иерархических уровней брачной структуры.
3. Измерять так называемую культурно обусловленную эндогамию, т. е. предпочтительность эндогамных или экзогамных браков, определяемую традициями и стереотипами исследуемой общности.

Разумеется, постановка и решение этих задач не исчерпывают проблемы представления брачной структуры как комплекса хорошо измеримых и сравнимых параметров и дают лишь весьма слабое понятие о

* Словарь терминов теории графов приведен в приложении к статье.

¹ Ср. обзор применения теории графиков в этнографии в статье: Hage P. Graph Theory as a Structural Model in Cultural Anthropology.— Ann. Rev. Anthropol., 1979, v. 8, p. 115—136.

² Заметим, что совершенно аналогично такая задача может решаться в отношении любых исследуемых групп населения: этносов, родов, социально-профессиональных групп, конфессиональных общностей и т. п.

возможностях приложения теории графов к анализу брачных структур. Однако поскольку предлагаемые процедуры все же позволяют получить общее представление о брачной структуре, они могут рассматриваться как первый шаг в ее изучении.

В современной литературе по прикладным аспектам математических теорий с развитым формализмом широко распространена практика демонстрации того или иного метода на учебном примере, или модели. Хотя этот путь позволяет экономно и изящно представить методику расчета, мы от него отказываемся, считая, что апробация методики на реальном объекте во многих отношениях показательней, поскольку в нем трудно учесть все неожиданности и нюансы, которыми так изобилуют практические задачи.

В качестве объекта рассмотрения выбрана брачная структура меннонитских сел Хабаровского района Алтайского края, материалы для описания которой собраны автором в экспедициях 1980—1984 годов. Сел меннонитов в Алтайском крае встречаются компактными группами на территории пяти северо-западных районов: Благовещенского, Кулдинского, Славгородского, Табунского и Хабаровского. Выбор Хабаровского района был обусловлен не только тем, что на его территории находится самая крупная группа меннонитских сел, но и тем обстоятельством, что традиционная брачная структура здесь подверглась меньшей трансформации. Кроме того, брачные связи уроженцев сел этого района с селами других районов края сравнительно слабы, что позволяет вполне корректно рассматривать брачную структуру этих сел как автономный целостный объект, а не как фрагмент брачной структуры всех меннонитских сел Алтая³.

1. Выделение субпопуляций по данным брачной миграции

Исходным моментом анализа является построение матрицы брачных миграций между селами района. Элементами этой матрицы являются числа браков, заключенных за 20 лет (1963—82 гг.) между уроженцами этих сел⁴. Строка матрицы отражает численность мужчин, родившихся в одном из сел и заключивших брак с уроженками своего или любого другого села среди всех меннонитских сел района. Столбец матрицы фиксирует численность женщин. Структура брачных миграций между 19 меннонитскими селами района по признаку «место рождения партнера» отражена в матрице табл. 1. Анализируя таблицу, можно заметить, что несмотря на множественность связей каждого отдельного сел (часть из которых исчезла в процессе укрупнения колхозов), из теоретически возможных 361 направлений брачной миграции реализованы лишь 184, что составляет немногим более 50% от всех возможных связей. Это дает основание выдвинуть гипотезу существования брачной структуры внутри данного множества сел и отвергнуть противоположное предположение об отсутствии структурирования по названному принципу.

Уже исходная матрица брачной миграции может быть представлена геометрически в виде ориентированного графа G (орграфа), задаваемого множеством вершин $x_1, x_2, \dots, x_n$ (которое обозначается через X и соответствует множеству сел) и множеством связывающих их дуг $a_1, a_2, \dots, a_m$ (обозначаемым символом A и соответствующим множеству брачных связей между этими селами). Если игнорировать величину свя-

³ Следует заметить, что брачные связи меннонитов Хабаровского района с меннонитами — уроженцами других регионов их компактного расселения (например, Омской, Павлодарской, Тульской областей, Киргизии и т. д.) оказываются более тесными, чем с уроженцами соседних районов Алтая. В этом смысле брачная структура меннонитов Хабаровского района все же является фрагментом брачной структуры этноконфессиональной общности меннонитов, проживающих в СССР.

⁴ Для характеристики брачной миграции использованы актовые записи регистрации браков районных и краевого архивов бюро ЗАГС за 1963—1982 гг.

Матрица брачной миграции менонитских сел Хабаровского района *

Селения	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1 — Мирное **	19	4	2	0	0	3	1	0	0	0	2	0	0	0	2	0	1	1	0
2 — Протасово	4	10	1	2	2	5	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0
3 — Угловое	0	1	15	0	1	1	9	1	5	1	1	1	0	0	4	0	0	5	2
4 — Чистый	3	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1
5 — Красный Дол	5	2	1	0	4	7	0	2	0	0	0	1	2	0	1	1	3	0	1
6 — Никольский	5	5	0	3	2	10	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	2
7 — Полевое	1	0	6	1	1	2	11	0	5	0	0	0	1	0	0	0	1	5	1
8 — Десярка	0	0	0	0	0	0	3	9	0	3	1	1	0	0	1	0	2	1	0
9 — Дягилевка	1	0	5	0	0	1	4	0	2	0	0	0	0	0	1	0	1	2	1
10 — Петровка	1	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0
11 — Синеозерное	2	1	1	0	0	0	2	0	1	0	2	2	4	0	6	0	0	1	1
12 — Ясное	1	1	1	0	0	2	1	0	0	0	1	8	2	4	7	0	0	0	4
13 — Дворское	1	0	1	0	0	0	1	1	1	0	0	0	15	0	2	0	3	0	4
14 — Луговое	0	1	2	0	0	0	0	1	0	0	2	0	3	3	6	0	1	1	0
15 — Орлово	1	4	2	0	2	0	0	1	0	1	6	4	1	4	24	0	6	3	3
16 — Черновка	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	1
17 — Лесное	0	1	2	0	2	2	1	2	0	0	1	0	2	2	6	4	11	0	5
18 — Чертеж	0	0	6	0	0	0	4	1	3	0	2	0	0	1	2	0	0	10	0
19 — Александровка	1	0	1	0	0	2	0	1	0	1	0	4	1	1	4	2	4	3	11

* Строка—число браков, заключенных уроженцами данного села с женщинами своего и прочих сел. Стобец—число браков, заключенных уроженками данного села с мужчинами своего и прочих сел. Элементы главной диагонали — число браков между уроженцами *i*-того села.

** Далее в таблицах и рисунках села обозначаются приведенными здесь цифрами.

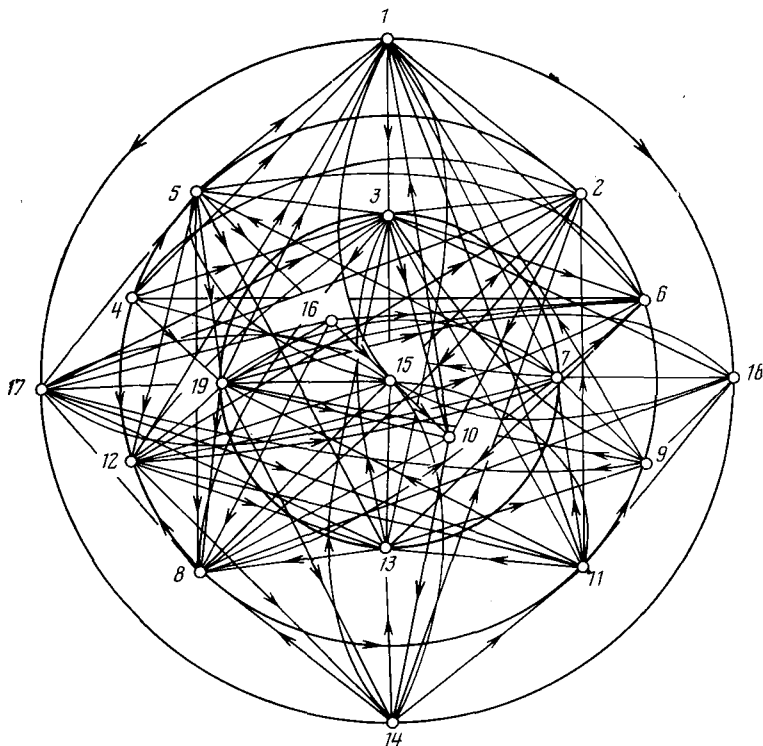

Рис. 1. Орграф брачных связей меннонитских сел Хабаровского р-на
 —→— односторонняя брачная связь между селами (мужчины, родившиеся в j — селе)
 — двусторонняя брачная связь между селами (уроженцы i -того села обоих полов вступают в браки с уроженцами j -того села)
 3_0 — вершина орграфа с номером, соответствующим номеру села в табл. 1

зей между конкретными парами сел и ориентировать дуги графа стрелками таким образом, что если мужчина из i -того села женился на женщине из j -того села, то начальной вершиной будет i -тое село, а конечной — j -тое, наша исходная матрица будет соответствовать орграфу, приведенному на рис. 1 (вместо двух дуг, обозначающих взаимные связи пары сел, на рисунке изображены неориентированные ребра, а там, где связь односторонняя — дуги). И визуальное представление брачных связей между селами, и анализ так называемых достижимостей и контрадостижимостей на графе (т. е. поиск ориентированных маршрутов или путей, связывающих любые две вершины графа) свидетельствуют об одном — граф брачных отношений меннонитских сел района является сильно связным, поскольку для любых двух его вершин x_i и x_j существует по крайней мере один путь, соединяющий x_i с x_j , т. е. любые две вершины этого графа взаимно достижимы⁵. Такой граф нельзя подвергнуть конденсации (т. е. выделить в нем подмножества особенно тесно связанных вершин, так называемые сильные компоненты), так как его сильная компонента содержит все его вершины. Но поскольку в реальности нас интересуют лишь пути единичной длины (обмен брачными партнерами между конкретной парой сел), то все пути большей длины могут быть исключены из рассмотрения в силу того очевидного факта, что связь x_i с x_j , которая включает хотя бы одну промежуточную вершину x_k , содержательно не означает, что уроженцы i -того села вступают в браки с уроженцами j -того (иначе бы в графе существовала дуга, непосредственно соединяющая x_i с x_j). Это позволяет нам построить матрицу ограниченных достижимостей с единичными длинами путей и соответствующий ей орграф. Матрица ограниченных достижимостей $R = \|r_{ij}\|$

⁵ Кристофидес Н. Теория графов. Алгоритмический подход. М.: Мир, 1978, с. 2

Матрица ограниченных достижимостей графа брачных связей *

1	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
2	1	1	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
3	0	0	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0
4	1	1	0	1	1	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
5	1	1	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0
6	1	1	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
7	0	0	1	1	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0
8	0	0	0	0	0	0	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0
9	0	0	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
10	1	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0
11	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	0	1	0	0	1
12	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	1	1	0	0	1
13	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0
14	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	1	1	0	0	1
15	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	1	0	1	1	0	1	0
16	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	1	0	1	0	1
17	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	0
18	0	0	1	0	0	0	1	1	1	0	1	0	0	1	0	0	1	0
19	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	1	0	1

* Заданный порог значимости для односторонней связи 2, для двусторонней 4.5 (пороговые значения определялись по нормализованной матрице табл. 3).

строится следующим образом:

$r_{ij} = 1$, если вершина x_j достижима из x_i с помощью пути $s_{ij} = 1$;

$r_{ij} = 0$ в противном случае.

Если полученную матрицу R транспонировать (т. е. сделать ее строки столбцами, а столбцы — строками), то мы получим матрицу контрадостижимостей $Q = \|q_{ij}\|$, элементы которой определяются так:

$q_{ij} = 1$, если из вершины x_j можно достигнуть вершину x_i ;

$q_{ij} = 0$ в противном случае.

Наложим дополнительное ограничение на построение матриц ограниченных достижимостей и контрадостижимостей — договоримся рассматривать лишь существенные связи между селами, т. е. примем определенный порог значимости брачных связей. Например, будем считать значимой взаимную связь между селами, если число браков между ними будет равно четырем и более, а одностороннюю связь — если это число превысит два брака, и все остальные браки отбросим как несущественные. Выбранный порог довольно низок, так как из исследования исключаются лишь около 18% всех рассматриваемых браков. Правда, следует заметить, что определение значимости связей правильной осуществлять не на матрице первичных данных по брачной миграции, а на соответствующим образом преобразованной матрице, на величину элементов которой не влияют относительные размеры сел и их половозрастная структура. Способ получения такой матрицы будет представлен ниже при описании задачи измерения коэффициента эндогамии, пока же вполне допустимо использовать для построения матрицы ограниченных достижимостей исходную матрицу (табл. 2).

Декомпозиция этой матрицы на сильные компоненты (т. е. множества, все элементы которых достижимы с помощью путей $s_{ij} = 1^6$) не представляет сложности. Рассмотрим, например, подмножество вершин, достижимых из с. Угловое (вершина x_3 — третья строка матрицы⁷):

$$\Gamma_{(x_3)} = \{x_3, x_7, x_9, x_{18}\},$$

и подмножество вершин, из которых достижимо с. Угловое

$$\Gamma_{(x_3)}^{-1} = \{x_3, x_7, x_9, x_{18}\},$$

⁶ Такие компоненты называются в теории графов *кликами*.

⁷ Это подмножество называется отображением x_3 в X и обозначается символом $\Gamma_{(x_3)}$.

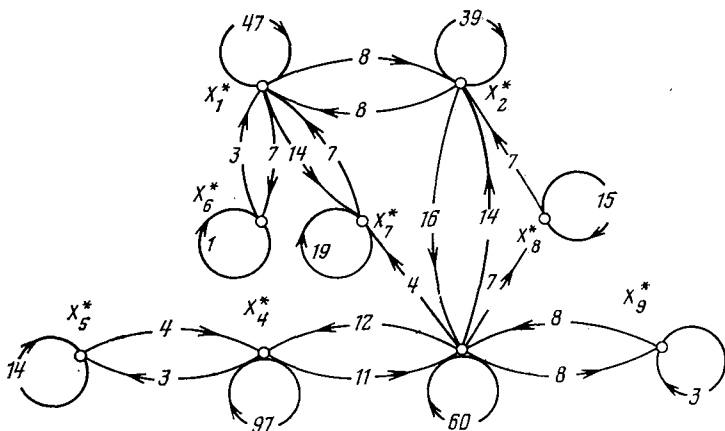

Рис. 2. Брачная структура меннонитских сел Хабаровского р-на

т. е. третий столбец матрицы ограниченных достижимостей (в теории графов — обратное соответствие, или обратное отображение x_3 в X). В данном случае (при рассмотрении лишь путей единичной длины) эти подмножества соответствуют подмножествам достижимостей $R(x_3)$ и контрдостижимостей $Q_{(x_3)}$. Пересечение этих подмножеств и является *кликой*, все члены которой взаимно достижимы с помощью путей единичной длины:

$$\Gamma_{(x_3)} \cap \Gamma_{(x_3)}^{-1} = R_{(x_3)} \cap Q_{(x_3)} = \{x_3, x_7, x_9, x_{18}\}.$$

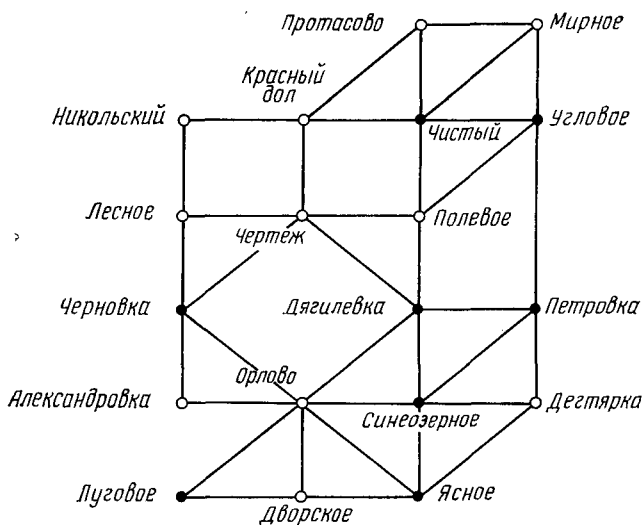
Затем строки и столбцы, соответствующие вершинам x_3, x_7, x_9, x_{18} черкуются, а среди оставшихся вершин аналогичным образом находит следующая сильная компонента, и т. д., пока не будет исчерпано все множество X . Необходимо заметить, что поиск оптимального разбиения орграфа на клики лучше начинать с вершин, связи между которыми особенно велики. Для матрицы, приведенной в табл. 2, таким разбиением будет следующее:

$$\begin{aligned} x_1^* &= \{x_2, x_5, x_6\}, & x_2^* &= \{x_{16}, x_{17}, x_{19}\}, & x_3^* &= \{x_{11}, x_{12}, x_{15}\}, \\ x_4^* &= \{x_3, x_7, x_9, x_{18}\}, & x_5^* &= \{x_8, x_{10}\}, & x_6^* &= \{x_4\}, & x_7^* &= \{x_1\}, \\ x_8^* &= \{x_{13}\}, & x_9^* &= \{x_{14}\}. \end{aligned}$$

Теперь мы можем построить конденсированный орграф G^* , вершины которого будут являться найденные нами клики. Если мы введем этот граф петли (дуги, начальная и конечная вершины которых идентичны и которые отражают подмножества брачных связей внутри клики) и также припишем всем дугам графа веса, соответствующие реальные величины брачных миграций между выделенными тесно связанными группами сел (кликами), то мы решим первую из поставленных задач наглядно представим структуру брачных связей меннонитских сел (рис. 2).

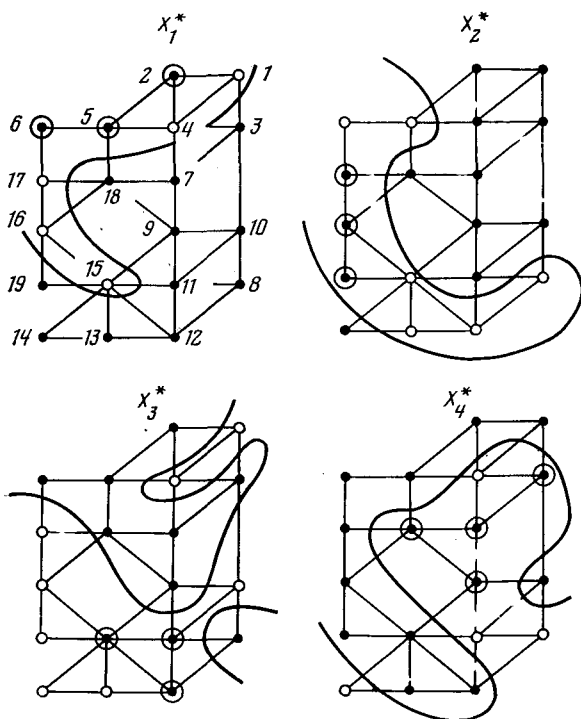
2. Вычисление эндогамных барьеров

Сходным образом решается и задача нахождения эндогамных барьеров, только вместо орграфа брачных связей G строится дополнительный ему орграф $\tilde{G}$, дуги в котором отражают множество всех нереализованных брачных связей между рассматриваемыми селами, т. е. соответствуют нулевым клеткам матрицы ограниченных достижимостей (табл. 2). Если мы теперь уже описанным способом определим пересечение подмножеств $R_{(x_i)} \cap \tilde{Q}_{(x_i)}$, соответствующее кликам дополнительного орграфа $\tilde{G}$, то мы получим группы сел, с которыми уроженцы i -того села в брачные связи не вступают. Например, для с. Протасово таким

- села, исчезнувшие в процессе укрупнения колхозов
- существующие сегодня села

Рис. 3. Граф отношений географической смежности меннонитских сел Хабаровского р-на

- ⊙ села, объединенные брачным кругом (члены клики)
- села, односторонне связанные с членами клики
- села, с которыми брачные связи у членов клики отсутствуют
- ⌒ линии локальных эндогамных барьеров

Рис. 4. Локальные эндогамные барьеры в меннонитской популяции Хабаровского р-на

пересечением будет

$$\tilde{R}_{(\tilde{x}_2)} \cap \tilde{Q}_{(\tilde{x}_2)} = \{x_3, x_7, x_8, x_9, x_{10}, x_{11}, x_{12}, x_{13}, x_{14}, x_{15}, x_{16}, x_{17}, x_{18}, x_{19}\}$$

Вспомним, что Протасово принадлежит тесно связанной группе α , в которую входят также с. Красный Дол и пос. Никольский (клика α конденсированного графа G^*) и найдем такое множество сел, брачные связи с которыми одновременно отсутствуют у всех членов этой клики, т. е. пересечение

$$\tilde{R}_{(\tilde{x}_2)} \cap \tilde{Q}_{(\tilde{x}_2)} \cap \tilde{R}_{(\tilde{x}_3)} \cap \tilde{Q}_{(\tilde{x}_3)} \cap \tilde{R}_{(\tilde{x}_4)} \cap \tilde{Q}_{(\tilde{x}_4)}.$$

Тогда мы сможем выявить границу брачного круга (эндогамный барьер) и таким образом решить вторую из поставленных задач.

В качестве удобного графического представления вычисленных таким способом барьеров можно предложить их картографирование в так называемых графах географической смежности. Под смежностью сел понимается существование общей границы между хозяйственными территориями этих сел, представленной на географической карте линией, а не точкой. В графе смежности определяемые таким образом смежные села соединяются ребрами (неориентированными дугами), а между несмежными селами ребра отсутствуют. На рис. 3 представлен граф смежностей смежности меннонитских сел Хабаровского района, а на рис. 4 картографированы эндогамные барьеры четырех из девяти выделенных выше клик $(x_1^*, x_2^*, x_3^*, x_4^*)$.

3. Проблема детерминации эндогамных барьеров Измерение эндогамии

Решив таким образом вторую из поставленных задач, мы можем, наконец, задать вопрос, чем обусловлено существование эндогамных барьеров внутри группы однородных в этническом отношении сел. Отражают ли эти барьеры существование каких-либо естественно-географических препятствий, особенности гидрографии и орографии территории или они являются функцией так называемой изоляции расстоянием? Существует и еще одна возможность — культурно обусловленная предпочтительность одного из типов браков (эндогамного или экзогамного). Чтобы исключить из рассмотрения первый из вариантов объяснения, достаточно бросить взгляд на карту. Меннонитские села района расположены на севере Кулундинской степи — ровной, как стол, местности; тому же весь массив расселения не пересекает ни одна река, отсутствуют и сколько-нибудь значительные озера и болота. Единственным «препятствием» для прямого сообщения между селами являются распаханые поля, по границам которых проходят грунтовые дороги⁸. Гипотеза изоляции расстоянием более удовлетворительно объясняет выявленные и картографированные границы брачных кругов, однако можно отметить и исключения: с. Чертеж, смежное с пос. Красный Дол, не связано с ним брачными отношениями. То же самое можно сказать о паре смежных сел: Лесное — Чертеж, Дегтярка — Синеозерное, Орлово — Дягилевка, Мирное — Угловое. Таким образом, возникает необходимость исследования предпочтительности эндогамных или экзогамных браков.

Адекватная процедура для описания брачных систем в подразделах популяциях была, насколько нам известно, впервые предложена одной из секций симпозиума по математической антропологии, состоявшегося в 1966 г. в рамках ежегодного заседания Американской асо-

⁸ Преимущественная форма этих полей — прямоугольная — заставляет считать обычно применяемую евклидову метрику для измерения расстояний между селами здесь менее пригодной, чем так называемая манхэттенская метрика, или, как ее еще называют, — метрика такси.

иации содействия науке⁹. Материалы симпозиума были опубликованы в 1971 г. и включали доклад известного таксономиста К. Ромни «Измерение эндогамии»¹⁰. Ни один из предложенных до него индексов эндогамии не отражал чистых вероятностей выбора брачного партнера, независимых от вероятности встречи и влияний относительных размеров сел, и их половозрастной структуры. В частном случае, когда субпопуляции, на которые подразделяется популяция, одинаковы по размерам и половозрастной структуре, соответствующая мера очевидна: если мы имеем k субпопуляций (например, 19 сел), то у нас будет k типов эндогамии и $\binom{k}{2} - k$ типов экзогамии. Если теперь обозначить среднее число браков в k эндогамных типах через $\bar{d}$ (диагональные элементы нашей исходной матрицы), а среднее их число в экзогамных браках через $\bar{o}$, то мерой эндогамии популяции будет

$$\varepsilon = \frac{\bar{d} - \bar{o}}{\bar{d} + \bar{o}},$$

где ε характеризует предпочтительность той или иной стратегии брачного выбора (эндо- или экзогамии), обусловленную культурными стереотипами. Коэффициент измеряет долю лиц, которые вступили в эндогамные браки, но при случайном выборе брачных партнеров должны были заключить браки экзогамные. Он принимает значения в интервале от -1 до $+1$ (полная экзогамия и полная эндогамия соответственно) и равен нулю при отсутствии тенденций к определенной брачной стратегии. Однако если субпопуляции не равновелики, то на коэффициент начинают влиять их относительные размеры и число, число женихов и невест в каждой из них и т. д.

К. А. Ромни предложил двухстадиальную модель брачных связей в подразделенной популяции. На первой стадии пары встречаются, причем вероятность встречи мужчин из i -того села с женщинами из j -того зависит от всех только что перечисленных факторов. На второй стадии встретившиеся пары заключают, либо не заключают брак с вероятностью, независимой от вероятности встречи. Лишь распределение вероятностей на этой стадии отражает культурно обусловленную предпочтительность эндо- или экзогамии. Чтобы избавиться от влияния распределения вероятностей первой стадии, необходимо вычислить элементы новой матрицы, которая бы полностью сохраняла структуру исходной (табл. 1), но исключала все названные влияния. В терминах матричной алгебры эта задача формулируется как приведение всех векторов-строк и векторов-столбцов к общей задачной величине с сохранением различий между относительными размерами элементов матрицы. К. Ромни предложил нормализовать исходную матрицу с помощью итерации. Машинное моделирование, проведенное его коллегами, показало, что новая матрица не отличается по своим структурным свойствам от исходной. Алгоритм получения такой матрицы чрезвычайно прост, хотя формальное его описание довольно громоздко, и здесь приводиться не будет¹¹. Суть заключается в подборе нормирующих множителей попеременно для строк и столбцов матрицы до тех пор, пока суммы элементов по строкам и столбцам не примут заданной величины с удовлетворяющим исследователя уровнем аппроксимации. Этот процесс, примененный к исходной матрице, привел к следующему решению (результат, округленный и интерполированный, представлен в табл. 3). Так как в рассматриваемый период среди уроженцев 19 меннонитских сел района было заключено 533 брака, т. е. в среднем около 30 браков на село, было решено привести суммы строк и столбцов матрицы к этой величине. Это позволяет избежать ненужных искажений в абсолютных вели-

⁹ American Association for Advancement of Science, Section H, Berkley (California), December 1966.

¹⁰ Romney K. A. Measuring Endogamy.— In: Explorations in Mathematical Anthropology/Ed. P. Kay. Cambridge, 1971, p. 191—213.

¹¹ Этот алгоритм опубликован в приложении к статье К. Ромни (Op. cit., p. 212—213).

Нормализованная матрица брачной миграции меннонитских сел Хабаровского района

Селения	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1	12,3	4,95	1,5	0	2,64	0	0,97	0	0	0	4,26	0	0	0	1,12	0	1,06	1,2	0
2	1,896	9,103	0,559	7,11	4,2	3,26	0	0,84	0	2,27	0	0	0	0	0	0	0,762	0	0
3	0	0,7	6,38	0	1,6	0,5	4,9	0,64	5,69	1,72	1,18	1,01	0	0	1,2	0	0	3,35	1,13
4	3,8	2,433	1,49	9,5	5,6	1,74	0	0	0	0	0	3,56	0	0	0	0	0	0	1,877
5	2,203	1,7	0,519	0	7,8	4,25	0	1,54	0	0	0	1,24	1,35	0	0,38	6,19	2,17	0	0,652
6	2,228	4,3	0	10,05	3,94	6,12	0	0	1,4	0	0	0	0,68	0	0	0	0	0	1,282
7	0,434	0	3,07	3,34	1,92	1,19	7,2	0	6,8	0	0	0	0,6	0	0	0	0,776	4,03	0,64
8	0	0	0	0	0	0	3,05	8,9	0	9,76	2,25	1,91	0	0	0,59	0	2,24	1,27	0
9	1,06	0	6,2	0	0	1,5	6,39	0	6,60	0	0	0	0	0	0,94	0	1,74	3,94	1,6
10	2,72	0	0	0	0	0	0	4,8	0	13,0	0	0	0	9,40	0	0	0	0	0
11	1,567	1,51	0,920	0	0	0	2,3	0	2,40	0	5,177	4,5	4,82	0	4,12	0	0	1,4	1,2
12	0,475	0,912	0,56	0	0	1,3	0,70	0	0	0	1,553	10,7	1,46	6,60	2,9	0	0	0	2,8
13	0,677	0	0,798	0	0	0	1,00	1,35	2	0	0	0	15,6	0	1,2	0	3,354	0	4
14	0	1,6	1,9	0	0	0	0	1,5	0	0	5,44	0	3,79	8,61	4,28	0	0,77	2,10	0
15	0,3	2,3	0,699	0	2,74	0	0	0,520	0	1,42	5,82	3,3	0,4	0,414	6,2	0	2,92	1,650	1,3
16	0	0	0	0	0	5,8	0	7,45	0	0	0	0	0	0	3,66	0	6,89	0	6,2
17	0	0,492	0,58	0	2,2	0,7	0,21	0,9	0	0	0,761	0	0,8	1,70	1,3	14	4,48	0	1,847
18	0	0	4,6	0	0	0	3,3	0,96	5,1	0	3,6	0	0	2	1	0	0	9,443	0
19	0,34	0	0,318	0	0	1	0	0,6	0	1,83	0	3,78	0,5	1,2	1,1	9,81	2,25	1,85	5,472

Матрица брачной миграции между выделенными группами сел (субпопуляциями)

Клики	x_1^*	x_2^*	x_3^*	x_4^*	x_5^*	x_6^*	x_7^*	x_8^*	x_9^*
x_1^*	47	8	2	3	4	5	14	3	0
x_2^*	8	39	16	7	5	0	1	3	3
x_3^*	10	14	60	12	2	0	4	7	8
x_4^*	7	6	11	97	3	1	2	1	1
x_5^*	0	2	3	4	14	0	1	0	1
x_6^*	3	1	1	1	0	1	3	0	0
x_7^*	7	1	4	4	0	0	19	0	0
x_8^*	0	7	2	3	1	0	1	15	0
x_9^*	1	1	8	3	1	0	0	3	3

Таблица 5

Нормализованная матрица брачной миграции между группами сел

Клики	x_1^*	x_2^*	x_3^*	x_4^*	x_5^*	x_6^*	x_7^*	x_8^*	x_9^*
x_1^*	21,1817	3,5296	0,6701	0,8582	3,1338	21,8916	6,574	2,161	0
x_2^*	5,342	25,4952	7,9455	2,9668	5,8041	0	0,6961	3,202	8,5483
x_3^*	4,6557	6,381	20,756	3,5461	1,6185	0	1,9404	5,2091	15,8933
x_4^*	3,981	3,3405	4,6525	35,0148	2,9657	5,5248	1,1849	0,9089	2,4267
x_5^*	0	3,2297	3,68	4,1878	40,1448	0	1,7187	0	7,0388
x_6^*	9,8911	3,2278	2,4519	2,0927	0	32,0305	10,3059	0	0
x_7^*	12,6158	1,7644	5,3611	4,5754	0	0	35,6773	0	0
x_8^*	0	11,1124	2,4118	3,0876	2,819	0	1,6896	38,8795	0
x_9^*	2,057	2,0137	12,2384	3,9169	3,576	0	0	9,864	26,3335

чинах элементов новой матрицы и, возможно, сокращает процедуру итерации.

Коэффициент эндогамии, рассчитанный по табл. 3, оказался равным $\varepsilon=0,736$. Если же рассчитать его не для всех потенциально возможных (k) — k типов экзогамии и k типов эндогамии, а только для реализованных связей между селами, то его величина немного снизится ($\varepsilon \approx 0,543$), но не изменит окончательного вывода о существовании значительной культурно обусловленной предпочтительности эндогамных браков (в противном случае величина коэффициента была бы отрицательной). Еще более правильным с позиций популяционной генетики будет отношение к числу эндогамных всех браков, заключенных внутри тесно связанных групп сел (клик), так как популяция, как правило, не ограничивается (и это наглядно демонстрирует исходная матрица брачной миграции) одним селом. Для оценки коэффициента эндогамии, измеряемого на уровне таких популяций, необходимо построить новую матрицу брачных миграций между выделенными группами сел (вершинами орграфа, приведенного на рис. 2) и нормализовать ее уже описанным способом.

Соответствующая матрица и ее нормализация представлены в табл. 4 и 5. Коэффициент эндогамии, рассчитанный по данным табл. 5, $\varepsilon=0,786$, если же учитывать лишь реализованные направления брачной миграции (т. е. исключить из подсчета средних нулевые элементы матрицы), то $\varepsilon=0,724$. Содержательно это означает, что более 70% брачных партнеров, которые при случайном распределении брачных связей

должны были вступить в экзогамные браки (в данном случае выб партнера из «чужой» группы сел), заключили эндогамные браки.

Следует подчеркнуть, что измеренные коэффициенты эндогамии характеризуют лишь нашу выборку из всех браков, заключенных м нитами района в период 1963—1982 годов. В нее не вошли лица, пившие в межэтнические браки (с немцами, русскими и украинца а также браки с меннонитами — уроженцами меннонитских сел на, меннонитских сел других районов Алтайского края, а также д краев, областей и республик. Таким образом, полученная количес ная характеристика культурно обусловленной предпочтительности : гамии касается лишь одной, притом в известном смысле наиболее сервативной и традиционалистски ориентированной группы насел хотя и составляющей весьма значительную часть — около 70% в браков, заключенных меннонитами района в рассматриваемый пери Это соответствовало цели автора — вычленишь и описать традицион брачную структуру, которая послужит в дальнейшем основой анал современных тенденций ее трансформации. Такой анализ, а также вет на следующий естественно возникающий вопрос: чем именно, к ми конкретно элементами культуры обусловлена предпочтительн эндогамии, — уведят нас за рамки тех задач, решению которых по щена статья. Но если описание трансформации традиционной брач структуры требует обстоятельного изложения, то ответ на второй : рос, хотя бы краткий и предварительный, можно попытаться : здесь же.

Одной из возможных причин предпочтительности эндогамии мо являться существовавшее в прошлом разделение меннонитских сел церковные округа, которых на территории современного Хабаровского она было три — Райнфельдский ¹² (с селами Мирное, Протасово, К ный Дол, Угловое, Полевое, Никольский), Грюнфельдский ¹³ (с сел Александровка, Лесное и Черновка) и Орловский (с селами Дегтя Дворское, Дягилевка, Луговое, Петровка, Синеозерное, Ясное) и гра цы которых до некоторой степени совпадают с картографированн эндогамными барьерами. Другое возможное объяснение требует до нительных полевых наблюдений и связано со следующими теорети скими соображениями. Географами, подробно исследующими име пространственную компоненту поведения человека, уже неоднократно отмечалось, что это поведение чаще определяется не физическим и странством как таковым и его свойствами, а, например, так называем временным пространством, или когнитивным пространством и т. 1 Примером влияния временного пространства может служить чело предпочитающий проехать лишний десяток километров до работы метро, а не воспользоваться прямым маршрутом автобуса, потому он так выигрывает четверть часа. Временное пространство легко под ется картографированию и широко используется в географии транс та при решении задач оптимального размещения служб срочной пс ци населению и несомненно влияет если не на саму стратегию брач выбора, то на вероятность встречи будущих супругов (первая ста в модели К. Ромни). Когнитивное пространство, т. е. комплекс инди дуальных или групповых представлений о размещении географичес объектов, расстояниях между ними и т. п., зависит от уровня образ ния, профессии и многих других факторов. Вспомним, например, Ми фанушку Фонвизина с его, с точки зрения географов и психологов, следующих этот тип пространства, «крайне суженным когнитивн пространством» и ямщиков, чье когнитивное пространство со слов 1 же Митрофана несравненно шире. Некоторые наблюдения, которые к сожалению, не можем подтвердить сегодня соответствующими циф ми, говорят о том, что среди представителей двух противополож

¹² Прежнее название пос. Чистый, сегодня уже не существующего.

¹³ Современный пос. Чертеж, большинство жителей которого уже пересели в центральную усадьбу колхоза — с. Полевое.

¹⁴ Ср. *Gatrell A. Distance and Space: A Geographical Perspective*. Oxford, 1

стратегий брачного выбора удельный вес «митрофанушек» и «ямшиков» различен. Так, среди лиц, заключивших браки с уроженцами других районов и областей, чаще встречаются люди мобильных профессий. Все это позволяет рассматривать гипотезу о влиянии когнитивного пространства на брачную миграцию как заслуживающую внимательного рассмотрения и оценки¹⁵.

В заключение необходимо отметить, что предлагаемая методика относится к числу эвристических, поэтому ее реализация в виде машинной программы может встретить известные трудности. Это ограничение однако компенсируется тем обстоятельством, что для небольших массивов данных она является, по существу, экспресс-методом, позволяющим даже в полевых условиях решать задачи определения границ популяций и эндогамных барьеров, что и позволяет рекомендовать ее для антропологических и популяционно-генетических исследований.

¹⁵ Здесь не упомянут еще один тип пространства — экономическое (один из его аспектов — стоимость проезда между населенными пунктами), поскольку оно влияет главным образом на интенсивность миграций на большие расстояния и в данном случае может не рассматриваться.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ ТЕОРИИ ГРАФОВ, ИСПОЛЗУЕМЫХ В СТАТЬЕ

Вершина — конец *ребра*, либо изолированная точка графа (в приложениях теории графов любой объект, явление, процесс).

Вес пути — сумма значений, приписываемых *дугам* графа, принадлежащим данному *пути* (в приложениях — любая количественная характеристика отношений между объектами).

Граф — конфигурация, состоящая из точек (множества *вершин* — X) и соединяющих их линий (множества *ребер* — A).

Дополнение графа ($\bar{G}$) — множество *ребер*, которые необходимо добавить к графу, чтобы получить *полный граф*.

Достижимость — существование *пути* между рассматриваемыми *вершинами*.

Дуга — ориентированное *ребро*.

Клика — *сильная компонента*, все *вершины* которой попарно *смежны* (достижимы с помощью *путей* единичной длины).

Конденсация графа — *граф* G^* , каждая *вершина* которого представляет множество *вершин* некоторой *сильной компоненты* графа.

Обратное соответствие (Γ^{-1}) — подмножество *начальных вершин*, с которыми смежна данная вершина.

Орграф — ориентированный граф, все *ребра* которого имеют направления (т. е. являются *дугами*; упорядочивают множество *вершин* на *начальные* и *конечные*).

Пересечение множеств — выделение подмножества элементов, принадлежащих одновременно сравниваемым множествам.

Петля — *дуга*, начальная и конечная *вершина* у которой совпадают.

Полный граф — граф, в котором для любой пары *вершин* существует хотя бы одна *дуга*, соединяющая их.

Путь — ориентированная *цепь*.

Ребро — кривая, соединяющая две вершины графа и не содержащая других вершин.

Сильная компонента графа — *сильно связанный* подграф, который не содержится в любом другом сильном подграфе.

Сильная связность — свойство графа или его части, означающее, что любые две его вершины взаимно *достижимы*.

Смежность — отношение между концевыми вершинами одной *дуги*, или между дугами, инцидентными одной вершине.

Соответствие (Γ) — отношение на *орграфе*, являющееся отображением множества X в X ; для каждой отдельной вершины графа соответствует подмножеству *конечных вершин*, с которыми смежна данная вершина.

Цель — линия на графе, не проходящая ни по какому *ребру* более одного раза.

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ НЕМЦЕВ

Среди многочисленных народов Советского Союза имеются и та чья территория этнического формирования находится за его предел. В их числе — граждане немецкой национальности, «для которых Со ский Союз давно стал родиной»¹.

По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., в СССР на тывается 1 936 214 немцев, что составляет около 2,3% их общего ч в мире и немногим более 0,7% населения СССР² (среди народов на страны они по численности занимают четырнадцатое место).

«Немцы» — название, данное русскими переселенцам из Герма Сами они себя называли (а кое-где и теперь называют) иначе: шв баварцы, меннониты, ципсеры и т. п. Объясняется это тем, что во мена переселения немцев в Россию процесс сложения немецкой н еще не закончился; Германия распадалась тогда на более чем 300 дарств, и областное самосознание, особенно у крестьян и ремесленн (а их среди колонистов было много), преобладало над общенациона ным, что, естественно, нашло отражение и в самоназваниях выходцев Германии. С немецким населением впоследствии смешались колонии из других стран — голландцы, австрийцы, швейцарцы, французские; геноты.

В настоящее время большинство немцев СССР называет себя «и чен» (Deutschen), но при этом отличает себя от немцев ФРГ и Г В время экспедиционных работ в Закарпатской области Украин ССР приходилось слышать от живущих там немцев: «Мы — не нем как те (т. е. немцы ФРГ и ГДР.— Т. Ф.), мы — швабы». Для нем как и для многих других народов нашей страны, характерна иерарх ность национального самосознания: при общении граждан немец национальности между собой выходцы из Поволжья скажут, что Wolgadeutschen (поволжские немцы; здесь топоним приобретает этно мическое значение); другие назовут себя швабами (по месту перво чального выхода их предков) или меннонитами (конфессиональное нятие «меннониты» со временем приобрело значение этноконфессион ного) и т. д.; все они по отношению к остальным народам СССР — «и цы» (Deutschen), а по отношению к зарубежным немцам — «советс немцы» (Sowjetdeutschen).

В наши дни основная масса граждан немецкой национальности ж вет небольшими компактными группами чересполосно с другими на дами либо дисперсно в трех союзных республиках: Казахской С (900 207 человек, или 6,1% населения республики; из них более ловины — в целинных областях), РСФСР (790 762 человека или 0, жителей федерации; наиболее крупные группы — в Алтайском и Крас ярском краях, Омской, Новосибирской, Кемеровской, Оренбургск Свердловской, Волгоградской областях) и Киргизской ССР (101 человек, или 2,9% жителей республики). Более мелкие группы жи в Узбекистане (около 40 тыс.), Таджикистане (примерно 39 тыс.), Украине (свыше 34 тыс.) и в других союзных республиках³.

Этнографически немцы СССР изучены недостаточно. Дореволюци ных работ о них почти нет, «если не считать, — как писал в 193 В. М. Жирмунский, — отдельных случайных публикаций, принадле щих местным краеведам и любителям старины, вышедшим из колони ской среды»⁴.

¹ Коммунист, 1983, № 1, с. 6.

² Население СССР. М.: Политиздат, 1980, с. 24; здесь и далее проценты вычисл нами.

³ Вестн. статистики, 1980, № 7 (с. 55, 57, 58, 60—62) и 9 (с. 65); Население СС М., 1983, с. 187, 185, 189, 188.

⁴ Жирмунский В. М. Итоги и задачи диалектологического и этнографического чения немецких поселений СССР.— Сов. этнография (далее — СЭ), 1933, № 2, с.

После Великой Октябрьской социалистической революции, главным образом в 1920—1930-е годы, развернулись исследования этнографии, фольклора и диалектов немцев в Поволжье, на Украине, в Закавказье и под Ленинградом. В них участвовали такие известные советские этнографы и лингвисты, как В. М. Жирмунский, Е. Г. Кагаров, А. П. Дульзон и др. Были организованы рекогносцировочные экспедиции в Западную Сибирь и Казахстан. В ходе исследований был собран большой фактический материал⁵.

Великая Отечественная война прервала изучение немцев СССР. Лишь в 1960—1970-е годы начали вновь появляться статьи по этнографии их отдельных групп, в частности сибирских и закарпатских немцев, вышла монография о меннонитах⁶. Разрабатываются и отдельные вопросы культуры немцев СССР⁷.

Неодинаковая и недостаточная изученность локальных групп советских немцев не позволяет дать их сравнительную этнографическую характеристику. Поэтому наш обзор будет по необходимости кратким и не вполне систематичным.

Прежде всего напомним некоторые наиболее важные моменты истории формирования локальных групп немцев СССР.

Предки нынешнего немецкого населения СССР переселялись в нашу страну в разное время и из разных земель Германии. В Прибалтике они обосновались преимущественно с эпохи средневековья, когда происходило активное наступление немецких феодалов на земли славян и прибалтийских народов. Со временем немцы составили значительную часть прибалтийского дворянства (крупных землевладельцев) и городского населения (главным образом ремесленников, торговцев, а также интеллигенции).

С конца эпохи средневековья немцы появляются и в собственно России. Ко времени правления Петра I в Москве существовала немецкая слобода (что нашло отражение и в топонимике города), где помимо немцев жили голландцы, фламандцы и другие иноземцы. При Петре I и его преемниках приток иностранцев, в частности немцев, в Россию усиливается. С момента основания Петербурга в нем обосновалось много немцев, преимущественно ремесленников (булочники, часовщики, портные), а также военных специалистов, врачей, аптекарей, купцов, ученых⁸.

Иммиграция в Россию как отдельных немецких семей, так и одиночек продолжалась (хотя и в меньших масштабах) вплоть до конца XIX в., пополняя городские слои населения. В правление Анны Иоановны прибалтийские немцы составляли самую влиятельную группу придворной знати. В основанной в 1724 г. Академии наук также длительное время царил засилье иностранцев, в том числе и немцев. Со временем часть немецкого городского населения ассимилировалась⁹.

Основная же масса немецких иммигрантов появилась в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Эти переселенцы известны под названием «колонистов». В 1762—1763 гг. правительство Екатерины II издает манифесты, приглашающие переселиться в Россию всех желающих¹⁰. Царские вербовщики разъезжали по Европе, посеща-

⁵ Там же, с. 85—87.

⁶ *Малиновский Л. В.* Жилище немцев-колонистов в Сибири.— СЭ, 1968, № 3, с. 97—105; *Гроздова И. Н., Филимонова Т. Д.* Венгры и немцы Советского Закарпатья.— СЭ, 1970, № 1, с. 135—143; *Филимонова Т. Д., Шин М. Ф.* К вопросу об этнокультурном развитии немцев Закарпатья.— Карпатский сборник. М., 1972, с. 116—138; *Ипатов А. Н.* Меннониты. М.: Мысль, 1978, и др.

⁷ Об этом свидетельствует, в частности, проведенное редакцией газеты «Нойес Лебен» в декабре 1982 г. совещание авторов, на котором были прочитаны доклады о литературе, народных песнях и других жанрах фольклора разных групп немцев СССР, а также об изобразительном искусстве немцев Поволжья.

⁸ *Юхнева Н. В.* Петербург — многонациональная столица.— Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л.: Наука, 1982, с. 25.

⁹ Там же, с. 27, 30.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи, т. XVI, № 11720, 11725.

ли и германские государства; они обещали переселенцам предоступление различных льгот на землях России. Приехавших селили колон (отсюда и название «колонисты»). Уже в 1764—1774 гг. на Волге, ду Саратовом и Камышином, было основано 106 колоний. В 1765 гг. и позднее немецкие колонии возникают и в Санкт-Петербургской губернии¹¹.

После присоединения к России причерноморских степей и Крыма Екатерина II начинает и их заселять колонистами. С 1803 по 1822 в правление Александра I, было образовано еще 134 немецких поселений на юге Украины, 17 — в Бессарабии, 8 — в Крыму. Тогда же возникли немецкие колонии и в Закавказье (Грузии и Азербайджане).

Среди колонистов преобладали выходцы из юго-западных земель Германии (Вюртемберга и Бадена, Пфальца и Гессена), в меньшей степени были представлены уроженцы Баварии, Восточной Тюрингии, Верхней Саксонии и Вестфалии. С конца XVIII в. несколькими волнами в Россию переселяются меннониты из Пруссии. Они оседают в Причерноморье, а позднее, в 1855—1870 гг., в районе Самары. В Одесской обособились колонисты из Венгрии, куда они в свое время попали из Пфальца. В середине XIX в. (1830—1870 гг.) на Волынь переехала часть немцев из Польши¹².

Причины миграции немцев из Германии были различны. Главной из них — аграрное перенаселение Германии. Для юго-западных земель было характерно наследование крестьянского хозяйства всеми детьми, что вело к сильной раздробленности земельных владений. Карстовые наделы не в состоянии были прокормить население, поэтому уже в средневековье Германия стала поставщиком ландскнехтов в другие государства. Горожане же (ремесленники, купцы) переселялись в различных обстоятельствах, иногда по приглашению властей. Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.) усугубила и без того тяжелое экономическое положение крестьян и ремесленников, что привело в последующие столетия к массовой эмиграции из страны¹³. Кроме крестьян и ремесленников среди эмигрантов были и представители других слоев населения, вынужденные по той или иной причине оставить родину. Меннониты покинули Пруссию и некоторые другие земли по религиозным мотивам.

С XVIII в. началось переселение немцев в Закарпатье¹⁴. Непосредственной причиной его послужило подавление восстания Ференца Ракоци против австрийского императора. Земли его в 1728 г. были переданы в собственность немецкому духовному князю Лотару Францу Шенборну, переселившему на них франконских и швабских крестьян и ремесленников из своих германских владений, а позднее (в XIX в.) здесь обосновались немцы из чешских и словацких земель.

Для предков немцев СССР с момента появления их на новой родине были характерны дисперсное расселение и расселение небольшими компактными группами. В связи с тем что царское правительство выделяло колонистам наделы на основе права единонаследия, а немецкие семьи были многодетны, в Киевской и Харьковской губерниях, области Войска Донского и на Северном Кавказе вскоре возникли дочерние колонии — выселки. Образовались они и в Поволжье¹⁵: здесь с конца XVIII в. немцы применяли русскую систему общинного землепользования с периодическими подушными переделами, и земельные владения измельчали.

Развитие капитализма в России и усиление классового расслоения в немецких колониях вызвали в 1870-е годы активную эмиграцию

¹¹ Жирмунский В. М. Указ. раб., с. 87—88; Юхнева Н. В. Указ. раб., с. 27.

¹² Жирмунский В. М. Указ. раб., с. 88.

¹³ Там же, с. 88—89, 94.

¹⁴ Народы зарубежной Европы (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). Т. I. М., 1964, с. 758—759.

¹⁵ Филимонова Т. Д., Шин М. Ф. Указ. раб. с. 116—118.

¹⁶ Жирмунский В. М. Указ. раб., с. 88, 91, 92.

ищеккой бедноты в Америку. После введения в России в 1874 г. всеобщей воинской повинности эмигрировала и часть меннонитов. (конец XIX и особенно началу XX в. (после столыпинской реформы) относится массовое переселение немцев из старых колоний (с Волги, с Черноморья и с Волины) на Южный Урал, Алтай, в Казахстан и Сибирь на земли, предоставлявшиеся им царским правительством. В конце XIX в. немцы появились и в Средней Азии¹⁷.

Миграции немецкого населения продолжались и позднее. В 1940 г. в связи с восстановлением Советской власти в республиках Прибалтики и воссоединением Бессарабии с советской Молдавией большинство немцев этих районов (а среди них было немало помещиков и кулаков) последовало призыву Гитлера вернуться в «фатерланд» и выехало в Германию. В 1941 г. после нападения гитлеровской Германии на СССР и расширения военных действий на его территории немцы, жившие в европейской части страны, были переселены преимущественно в восточные районы РСФСР и Казахстан, а созданная в 1924 г. автономная республика немцев Поволжья прекратила свое существование.

С конца 1950-х годов вновь отмечается усиление миграции граждан немецкой национальности: часть их из Сибири переселяется в Киргизию и Казахстан, более мелкие группы — в Молдавию, на Волгу и Украину, в республики Прибалтики.

В 1970-е годы отдельные граждане и семьи немцев выехали в ФРГ и некоторые другие страны с целью воссоединения семей, разрозненных в период двух мировых войн. Несмотря на это, численность немцев в нашей стране неуклонно возрастала благодаря довольно высокому естественному приросту: в 1926 г. в СССР их насчитывалось 1 238 486, в 1939—1 423 534, в 1959—1 619 655, в 1970—1 846 317, в 1979 г.— 1 936 214¹⁸, в то время как в ГДР и особенно в ФРГ в 1970-е годы в естественном приросте населения отмечался отрицательный баланс (в ФРГ — 2,5‰)¹⁹.

* * *

За годы Советской власти в жизни немцев СССР, как и всех народов нашей страны, произошли коренные преобразования.

Изменилось расселение советских немцев. До революции большая часть их жила в сельской местности и была занята в сельском хозяйстве. Население это не было однородным: довольно значительной была прослойка крупных землевладельцев, производивших зерно на рынок, которых наряду с украинцами, русскими и молдаванами батрачили немцы-бедняки. Среди городского населения было мало немцев. После революции доля немецкого населения в сельской местности уменьшилась, а в городах увеличилась. Так, в городах СССР проживало в 1926 г. лишь около 15% всех немцев страны²⁰, а в 1979 г.— уже почти 50% (лишь в городах Казахстана и Киргизии соответственно 45 и 41%).

Изменился и социальный состав советских немцев. В городах они теперь заняты практически во всех областях как производственной, так и непроизводственной деятельности — в промышленности, строительстве, науке, искусстве. В селах значительную часть их составляет интеллигенция — учителя, культработники, медработники, экономисты, инженеры; среди занятых непосредственно в сельскохозяйственном производстве — много специалистов (агрономы, зоотехники, механизаторы, животноводы и т. д.). Из числа немцев сейчас немало руководителей промышленных предприятий, совхозов и колхозов, партийных и советских работников.

¹⁷ Там же, с. 89, 92.

¹⁸ Козлов В. И. Национальности СССР. М., 1982, с. 287.

¹⁹ Брук С. И. Население мира. М., 1981, с. 285, 329.

²⁰ Жирмунский В. М. Указ. раб., с. 84.

Являясь частью многомиллионного советского народа, немцы ССР принимают активное участие в жизни страны.

В годы Великой Отечественной войны граждане немецкой национальности были в рядах защитников своей советской родины. Подвиги многих из них отмечены высокими правительственными наградами. Так, звание Героя Советского Союза были удостоены лейтенант Владимир Венцель, погибший при форсировании Днепра, солдаты-танкисты Петер Миллер и Михаэл Геккель, генерал-майор Сергей Волкенштейн, полковник Николай Охман, руководитель партизанской бригады, борившейся под Ленинградом и Калининым, Александр Германн, разведчик — участник Одесского подполья Николай Гефт (посмертно), Роберт Клейн, сражавшийся в партизанском соединении С. А. Ковпака, Эдуард Эрджман из Белоруссии и др. Немцы были и среди героических защитников Брестской крепости (майор А. Дулькайт, старший лейтенант медицинской службы Е. Кролл, полковой врач В. Вебер, старший лейтенант Г. Шмидт и др.), и в подполье Киева, Таганрога, Смоленска, Брест-Литовска, Днепропетровска и на других участках борьбы с германскими фашистами²¹. Немалый вклад в победу над гитлеризмом внесли советские немцы и на трудовом фронте.

Граждане немецкой национальности принимали активное участие в освоении целины. Многие из них за добросовестный труд удостоены высоких правительственных наград. Одним из первых (в 1961 г.) звание Героя Социалистического Труда получил новатор производства бригадир комплексной бригады колхоза «Страна Советов» Рубцовского района Алтайского края Александр Беккер. За умелое руководство и достигнутые успехи звание Героя Социалистического Труда было присвоено председателю колхоза «30 лет Казахской ССР» Павлодарской области, лауреату Государственной премии, кандидату сельскохозяйственных наук Якобу Герингу, председателю колхоза им. Кирова Алтайского края Фридриху Шнайдеру, директору совхоза «Красноярский Целиноградской области Давиду Бурбаху, директору совхоза «Карагандинский» Северо-Казахстанской области Иосифу Миллеру, комбайнеру колхоза им. Калинина Кокчетавской области Эдуарду Тракселю, председателю колхоза «Заря коммунизма» Омской области И. Энне и др. Многие механизаторы, доярки, полеводы награждены орденом СССР. Звание Героя Социалистического Труда присвоено горняку из Карагандинской области, депутату Верховного Совета Казахской ССР Р. Э. Литтману, бригадиру экскаваторщиков из Экибастуза А. И. Витт и др. Только в Казахстане, где проживает около половины всех граждан немецкой национальности, 18 Героев Социалистического Труда, десятки тысяч награждены орденами и другими правительственными наградами.

17,5 тыс. советских немцев участвуют в управлении страной, являясь депутатами Верховных Советов союзных и автономных республик, а также местных советов. В Верховном Совете СССР XI созыва немецкое население страны представляли четыре депутата.

Советские немцы внесли большой вклад также в развитие науки и культуры нашей страны. Среди них много видных ученых (например, акад. Б. Раушенбах, чл.-кор. АН Казахской ССР физик Э. Боос, вице-президент ВАСХНИЛ Э. Эрнст, доктор мед. наук П. Вибе и др.), писателей и поэтов (Д. Гольман, В. Вебер, А. Раймген, В. Клейн, Г. Бельгер и др.), музыкантов (пианисты С. Рихтер и Р. Керер, композитор А. Шниттке), артистов (народные артисты СССР И. Петров (Краузе), Алиса и Бруно Фрейндлих, народные артисты РСФСР Т. Ермаева (Битрих), С. Ландграф и др.)²² и т. п.

Социально-экономические преобразования и усиливающаяся урбанизация оказали большое влияние на все стороны жизни немцев, в том числе и на языковую ситуацию в их среде. Известно, что еще до рево-

²¹ Heimatliche Weiten. Moskau, I, 1985, S. 108—109, 114—119.

²² Новое время, 1986, № 11, с. 25; Neues Leben, 1985, № 38, S. 5; № 39, S. 1

люди у немцев-горожан и у жителей сел, связанных с рынком, отмечалось активное знание русского языка. В советское время среди немцев СССР при сохранении национального самосознания последовательно растет число лиц, называющих родным языком русский. Переписи послевоенного периода отражают динамику этого процесса: так, русский называли родным языком в 1959 г. 24,2% немцев, в 1970 г. — 32,7, а в 1979 г. — уже 42,6%; в 1979 г. 0,4% немцев назвали родным также языки других народов СССР (казахский, украинский, узбекский и т. д.). Для подавляющего большинства немцев, назвавших родным немецкий язык (57%), характерно двуязычие. 51,7% всех граждан немецкой национальности сообщили, что они свободно владеют в качестве второго языка русским, 1,1% — языками других народов СССР²³. Таким образом, лишь немногим более 4% граждан немецкой национальности не владеют русским или языком других народов СССР (как правило, это старые женщины или малолетние дети); в то же время у некоторых групп немцев развивается трилингвизм.

Необходимо, однако, учесть, что под немецким языком в данном случае следует понимать не только литературный язык (Hochdeutsch), но и различные диалекты немецкого языка, представленные на территории СССР всеми группами (верхне-, средне и нижненемецкой). Дома (в семье) и с односельчанами-немцами говорят на диалекте, принесенном предками с прежней родины либо сложившемся уже на новой родине в результате смешения с другими диалектами немецкого языка. Язык советских немцев, живущих длительное время в иноязычном окружении и в отрыве от метрополии, сохранил немало архаизмов; в то же время их словарный запас пополнился заимствованиями из русского и языков других народов СССР.

В настоящее время большинство немецких детей учится в русских школах, незначительное число — в школах, где преподавание ведется на языке коренного для данной местности населения. В Казахстане, РСФСР, Киргизии имеются школы, в которых немецкие дети с 1—2-го классов изучают литературный немецкий язык и немецкую литературу по расширенной программе (т. е. как родные язык и литературу). В ряде районов немецкий язык начинают учить уже в детском саду. Такая форма обучения детей, принадлежащих к национальностям, живущим дисперсно в иноязычном окружении, позволяет, с одной стороны, усвоить литературный язык предков, научиться читать и писать на нем, а с другой — свободно овладеть русским языком, что дает возможность впоследствии работать в любом районе нашей огромной страны и поступить в любое высшее учебное заведение.

В ряде пединститутов (Омском, Барнаульском, Кокчетавском, Новосибирском, Оренбургском) на кафедры немецкого языка набирают студентов преимущественно немецкой национальности для подготовки преподавателей немецкого языка и литературы старших классов средних школ, в которых учатся немецкие дети; учителей для начальных классов таких школ готовят педучилища.

В СССР издается литература на немецком языке. Ряд издательств, например «Прогресс», «Радуга» и «Просвещение» в Москве, «Казахстан» в Алма-Ате, публикуют произведения советских писателей-немцев, учебники на немецком языке и т. д. В библиотеки в местах проживания немцев поступает также литература из ГДР. В Москве выходит общесоюзная еженедельная газета немцев СССР «Neues Leben» — «Новая жизнь» (основана в 1926 г., возобновлена в 1957 г.) тиражом 140—150 тыс. экземпляров. В ней печатаются статьи на международные темы, освещаются вопросы экономики, истории и быта советских немцев, рассказывается об их традиционных обычаях; публикуются также художественные произведения (стихи, шванки, рассказы), в том числе и на диалектах. С 1981 г. начал дважды в год выходить альманах

²³ Население СССР, 1983, с. 128.

«Нейматliche Weiten» («Родные просторы»). В Казахстане издавалась ежедневная газета «Freundschaft» («Дружба»), на Алтае дважды в неделю выходит газета «Rote Fahne» («Красное знамя»). Передачи на немецком языке ведут радио: Алма-Аты — ежедневно, Фрунзе — два раза в неделю, Барнаул и Омск — раз в неделю.

В 1980 г. в городе Темиртау (Карагандинская область) начал работу профессиональный немецкий драматический театр. Он открылся пьесой современного советского немецкого писателя Александра Ригена «Первые» («Die Ersten»), посвященной покорителям Голодной степи. Репертуар театра весьма разнообразен. В нем произведения классиков мировой драматургии (Лессинга, Шиллера, Скриба, Андерсена, Гоголя, Островского и др.) и пьесы современных советских авторов. Театр подготовил также концертно-развлекательную программу. С большим успехом он гастролирует и за пределами Казахстана в городах и селах с немецким населением²⁴. В настоящее время в Театральном лицее им. М. С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре обучается вторая группа актеров из немецкой молодежи. Немецкого театра в Темиртау. В Караганде с 1966 г. выступает профессиональный фольклорный ансамбль «Freundschaft» («Дружба»).

Большой популярностью у населения пользуются самодеятельные театры, а также студенческие вокально-инструментальные и вокальные ансамбли (в Барнауле, Омске, Новосибирске и других городах), проводящие специальные программы для сельского населения (в том числе и на диалектах). Во многих колхозах и совхозах тоже есть небольшие инструментальные и вокально-хореографические коллективы, причем некоторые из них известны за пределами не только своего села, но и района. Например, вокально-хореографический ансамбль колхоза «10 лет Казахской ССР» Павлодарской области, получивший в 1975 г. звание «народного», с успехом выступает и в различных немецких селах и в городах Павлодара и Целинограда.

Новосибирская консерватория готовит из молодежи немецкой национальности работников культуры для сельских клубов и домов культуры.

* * *

Традиционную культуру немецкого населения СССР в настоящее время охарактеризовать довольно сложно.

Предки советских немцев, как уже говорилось, пришли из различных земель Германии и различались не только разговорным языком, но и религией и культурой. Среди них наряду с католиками и протестантами лютеранами были и представители других направлений и сект протестантизма: реформаты, баптисты, адвентисты, меннониты, вюртембергские сепаратисты и т. п. Долгое время отдельные группы иммигрантов держались изолированно и от инациональных соседей, и от немцев другого вероисповедания. Особенно замкнуто жили сектанты. Католическое духовенство также препятствовало контактам с окружающим населением, запрещая браки с иноверцами.

Связи с метрополией были слабыми. Все это привело к тому, что культуре и быту колонистов длительное время был свойственен замкнутый характер.

Однако изменившиеся социально-экономические отношения (особенно после Великой Октябрьской социалистической революции), все расширяющиеся (по мере вовлечения немцев в общественное производство) контакты с иноязычными соседями не могли не оказать влияния на материальную и духовную культуру немецкого населения СССР.

Изменения в форме поселений и типах жилища у немцев начались вскоре после их переселения в Россию. В Юго-Западной и Средней Германии — местах выхода большинства колонистов — преоблада-

²⁴ Neues Leben, 1983, 26 Jan., S. 6—7.

кучевая форма поселения²⁵. Попечительный же Совет, созданный царским правительством, разработал для колонистов планы поселений уличного типа с одинаковыми по форме и расположению домами и дворами. Но переселенцы внесли свои коррективы в типы домов, и со временем у них сформировался особый тип дома, отличный от жилища окружающего иноязычного населения. В основе он сохранил план, характерный для дома средненемецкого типа, с трехчленным делением поперек конька крыши, с теплыми сенями (кухней) посередине. Жилища колонистов и местного населения различались не только планировкой и внешним видом, но также размерами и интерьером. Вместе с тем в ряде областей жилище колонистов испытало влияние местных форм (например, северно-великорусского жилища в Ленинградской области). Различные природные условия и контакты с различными этносами привели к тому, что к 1930-м годам дома у швабов на Кавказе были совершенно иного типа, чем у швабов на Украине и в Ленинградской области²⁶.

Различались жилища и планы усадеб колонистов Украины и Поволжья. На Украине дома имели форму вытянутого прямоугольника, обращенного к улице узким фасадом; вход в дом находился на длинной боковой стороне, часть хозяйственных построек была расположена на другой стороне двора параллельно дому. В Поволжье же дома были обращены к улице длинной стороной, вход в дом был со двора с противоположной улице стороны; хозяйственные постройки и дом окаймляли двор со всех сторон, образуя каре²⁷.

В наши дни в ряде мест у немцев сохранились дома, отличающиеся от жилища их инонациональных соседей. Однако с начала 1960-х годов в связи с широким строительством в сельской местности более благоустроенных домов по типовым проектам различия начали стираться. Сейчас они выражаются преимущественно в деталях интерьера (вышитые настенные коврики с изречениями различного содержания, самодельные деревянные кровати с жесткими матрацами и пуховыми перинами вместо одеял, деревянные детские колыбели, множество жестяных коробочек под крупу и другие сыпучие продукты и т. п.).

Этническое своеобразие немцев проявляется и в пище. Так, в отличие от своих соседей — русских и украинцев немцы предпочитают готовить супы и бульоны, а не щи и борщи. В сельской местности заготавливают впрок свиное мясо, домашние колбасы, конфитюры. У некоторых групп немцев распространены мучные блюда — лапша, клецки, кондитерские мучные изделия, в чем проявляется их южногерманское происхождение (сохранению этих блюд способствовало и основное занятие на новой родине — возделывание пшеницы).

Произошли существенные изменения и в семейной жизни немцев. Прежде всего иным стало положение женщин. В настоящее время они принимают активное участие в производственной и общественной жизни страны. Немало женщин являются депутатами местных, а также Верховных Советов союзных и автономных республик. В Верховном Совете СССР XI созыва немецкое население представляют три женщины: знатный механизатор страны орденоносец Наталья Геллерт, избранная на XXVII съезде КПСС кандидатом в члены ЦК КПСС, свиноводка из Североказахстанской области Светлана Шох, бригадир животноводов из Омской области Софи Геннинг²⁸. Многие женщины за свой труд награждены правительственными наградами, в их числе лучшая доярка Талды-Курганской области Мария Кильдо, награжденная двумя орденами Ленина и орденом Октябрьской Революции, знатная алтайская доярка, депутат Верховного Совета СССР X созыва Лидия Крец и многие другие.

²⁵ Народы зарубежной Европы, т. I, с. 785.

²⁶ Жирмунский В. М. Указ. раб., с. 109—111.

²⁷ Там же, с. 109.

²⁸ Neues Leber 1984, 18 Apr., S. 3.

Несмотря на изменение социальной роли женщины, среди сельского немецкого населения, особенно у бывших сектантов, все еще немало многодетных семей, о чем свидетельствует и отмеченный переписью высокий прирост населения. Однако и у немецкого населения наблюдается снижение рождаемости, что соответствует общей тенденции демографического развития. Так, если за периоды между переписями населения 1926—1939—1959—1970 гг. немецкое население возрастало соответственно на 15, 13,8 и приблизительно 14%, то между 1970 и 1979 оно увеличилось лишь на 4,8%. Это объясняется главным образом тем, что к 1979 г. почти половина немецких граждан стала проживать в городах, где снижение рождаемости идет более быстрыми темпами. К тому же в смешанных в национальном отношении семьях дети иногда избирают национальность родителя не немца (или немки), особенно если он представитель коренного для данной местности народа.

Следует отметить, что число национально смешанных семей среди немцев с каждым годом увеличивается, чему способствуют возросшие контакты их с лицами других национальностей. Национально смешанные браки — яркий показатель ослабления не только былой замкнутости локальных групп немцев, но и влияния религии. В браки теперь нередко вступают лица, родители которых принадлежали к разным конфессиям, крестными родителями бывают люди и разной национальности, и разной (в прошлом) конфессии. В свадебных торжествах немцев участвуют как родственники брачащихся, так и их соседи и товарищи по работе независимо от национальности. Нередко организуются комсомольские свадьбы. Все эти факты показывают, что в образе жизни и культуре немцев СССР последовательно утверждаются общесоветские черты. Об этом же свидетельствует и укрепившаяся традиция отмечать общесоветские праздники — годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, День Победы, 1 Мая и другие государственные праздники. Торжественно проходят проводы на службу в Советскую Армию, чествование передовиков и юбиляров на производстве вручение паспорта и т. д.

В то же время у отдельных групп сельского немецкого населения сохраняются некоторые элементы прежнего бытового уклада, старинные обычаи и обряды, что объясняется в известной мере свойственным им в недалеком прошлом замкнутым образом жизни и застойным характером развития культуры.

Например, в свадебной обрядности немцев, живущих в Закарпатской области Украинской ССР (в недавнем прошлом экономически отсталой, воссоединившейся с Советской Украиной лишь в конце второй мировой войны), сохранилось немало обычаев, в которых легко прослеживается их былая магическая функция. Так, крестная мать дарит молодым два испеченных специально к свадьбе фигурных пирога, символизирующих спеленутых «мальчика» и «девочку». Делается это для того, чтобы семья не осталась бездетной. С этой же целью на колени невесте сажает маленького мальчика, он же надевает на голову невесте фату. В доме жениха невеста разрезает хлеб на кусочки и бросает их через плечо детям (теперь бросают чаще конфеты). Во время свадебного пиршества жених должен был незаметно снять с ноги невесты туфлю. Считали, что если она снимется легко, то роды будут легкими. Теперь этот обычай трансформировался: чаще туфлю прячут, а жених ищет ее и «выкупает»²⁹.

Бытует целый ряд примет о будущем главенстве в доме. Жених и невеста одновременно разрезают хлеб; кто первый отрежет кусок и бросит нож, тот будет главой в доме. Если в брачную ночь первой постель ляжет невеста — она и будет верховодить в доме. Чтобы невеста жила в довольстве, ей в туфлю кладут деньги.

До сих пор у многих групп немцев сохранился ритуальный «танец невесты». В некоторых местах он рассматривался как символически

²⁹ Neues Leben, 1981, 25 März.

прием невесты в сообщество, сейчас это лишний предлог для сбора денег в пользу молодых.

В Закарпатье в теплое время года свадьбы справляются во дворе под навесом, сплетенным из свежих зеленых ветвей, которым прежде также придавалось магическое значение. Еще в конце 1950-х годов парни ставили весной у ворот дома возлюбленной «майское дерево», теперь же дарят на рождество елочку. Сохранились у немцев различных групп отдельные элементы традиционной календарной обрядности. Так, на пасху в огородах устраивают гнезда для зайца, который якобы приносит детям расписные яйца и другие подарки; в первый день пасхи парни обливают девушек водой, на второй день — девушки обливают парней (в наши дни они обычно опрыскивают друг друга духами). Чтобы в семье было согласие, на пасху разрезают яйца на столько частей, сколько членов в семье, и каждый должен съесть предназначенный ему кусочек.

Всюду на Рождество и Новый год украшают елку, дарят подарки, а в Закарпатье ряженая девушка, называемая здесь *Christkind*, приносит подарки. До недавнего времени сохранялась традиция ряжения на масленицу и в праздник забоя скота (*Schlagfest*, в Закарпатье — *Schweinfest*), который обычно бывает в декабре.

У немцев Закарпатья до сих пор в конце лета справляют *кирбай* (*Kirchweih*), в прошлом праздник в память об освящении церкви, позднее слившийся во многих местах с праздником урожая. На этот праздник съезжаются родственники (в том числе и из городов) и друзья. На площади в селе сооружается навес из зеленых ветвей, на крыше которого (посредине) водружается «майское дерево». Под этим навесом до утра танцуют стар и млад под местный инструментальный оркестр.

На праздниках поют как старинные народные, так и современные советские песни. До сих пор бытует и горловое переливчатое пение — *йодли*.

Надо сказать, что еще до Октябрьской революции наметился синтез мелодий русских или украинских песен и немецкого текста. Так, очень популярной у немецкого населения оказалась мелодия русской песни «Из-за острова на стрежень». На нее было положено несколько различных текстов³⁰. В настоящее время и в Закарпатье поют лирическую немецкую песню на этот мотив. В репертуаре советских немцев, особенно у молодежи, теперь много русских, украинских и других народных, а также современных советских песен. До сих пор в немецкой среде бытуют шванки, старинные пословицы и поговорки.

* * *

Этническая принадлежность немцев СССР не раз служила предметом политических спекуляций. И в наши дни определенные круги ФРГ, ставя знак равенства между понятиями «национальность» и «нация», причисляют советских немцев к немецкой нации и заявляют о праве ФРГ представлять «всех немцев» независимо от того, где они проживают³¹. При этом совершенно игнорируются различия их исторических судеб и социально-экономического строя, особенности мировоззрения, культуры и быта.

Немцы СССР генетически действительно относятся к немецкому этносу. Однако они не являются частью ни немецкой буржуазной нации ФРГ, ни немецкой социалистической нации ГДР, так как предки их откололись от немецкого этноса более 200 лет назад, когда процесс сложения немецкой нации еще не был завершен. Как из древнерусской народности в ходе исторического развития возникло три самостоятельных народа — русские, украинцы и белорусы, так и из немецкой народности выделилось в различные периоды помимо немцев несколько на-

³⁰ Жирмунский В. М. Указ. раб., с. 105.

³¹ Новое время, 1984, № 48, с. 8—9.

родов — сначала германо-швейцарцы (XIII—XIV вв.) и голландцы (XVI—XVII вв.), затем австрийцы (XIX в.)³². Процесс сложения будущей немецкой нации в основных чертах завершился во второй половине XIX в., т. е. спустя значительное время после миграции предков советских немцев из германских земель. Таким образом, немцы СССР представляют особое этносоциальное образование.

Предки их, как уже говорилось, были выходцами из разных земель Германии; отличаясь друг от друга разговорным языком (диалектами), религией, особенностями культуры, они в то же время обладали и теми, которыми общими этническими чертами, сложившимися к тому времени. В России немцы поселились дисперсно или небольшими группами в разной экологической и этнической среде, связи с метрополией у них были слабыми и дальнейшее развитие протекало в этих анклавах независимо, что и наложило свой отпечаток на культуру отдельных групп. В то же время исторические судьбы их на протяжении XVIII—XX вв. отличные от судеб немцев Германии, существенно способствовали обособлению от последних.

В настоящее время в среде советских немцев протекают этнические процессы разных видов и степени интенсивности.

Как свидетельствуют данные всесоюзных переписей, отмечая постоянное возрастание численности граждан немецкой национальности, немцы СССР стойко сохраняют свое этническое самосознание. В же время, как уже говорилось, они отличают себя от немцев ФРГ и ГДР, что находит отражение и в самоназвании. Несмотря на более чем 20-летнее проживание в инонациональном окружении и довольно значительную языковую ассимиляцию, степень этноассимиляционных процессов в их среде невелика. Эти процессы принимают в основном форму смешанных в национальном отношении браков; дети в таких семьях редко принимают национальность не родителя-немца, а родителя другой национальности, особенно, если он (она) принадлежит к коренному населению данной местности народу.

В последние десятилетия в среде советских немцев наметились консолидационные процессы. Этому способствовали как расширившиеся контакты между отдельными группами граждан немецкой национальности вследствие усилившейся миграции в конце 1950—1960 гг. поездок их на сезонные работы на целину и лесозаготовки, так и развитие советской немецкой литературы, общесоюзной и местной немецкой прессы, профессионального и народных театров, различных институциональных, вокальных и хореографических ансамблей, обучение немецкому литературному языку в школах. Объединяет их в одну этническую общность — «советские немцы» — в основном сознание своего происхождения от переселенцев из Германии и принадлежности к советскому народу.

В среде советских немцев в 1960—1980-е годы усилились процессы межэтнической интеграции, характерные и для других народов СССР. Этому немало способствовало более активное включение немцев (особенно женщин) в общественное производство, обучение вместе с другими национальностями в школах и высших учебных заведениях, служба в Советской Армии, в результате чего возросли межнациональные контакты. Как уже отмечалось, неуклонно увеличивается число смешанных в национальном отношении семей. Свободное владение русским языком содействовало приобщению немцев через радио, телевидение, кино, литературу к общесоветской культуре. Активное участие немцы принимают и в политической и общественной жизни страны. Более 50 тыс. немцев являются членами КПСС, около 250 тыс. — членами ВЛКСМ.

В целом изменения в материальной и духовной культуре советских немцев представляют одно из проявлений современных этноэволюционных

³² Козинг А. Нация в истории и современности. М.: Прогресс, 1978, с. 73—75.

их процессов, протекающих у всех народов СССР. Эти процессы — результат проведенных в стране социально-экономических и культурных преобразований, а также разностороннего взаимодействия советских народов, в ходе которого складывается общесоветская культура.

В настоящее время немцы СССР являются национальной группой, впадающей на ряд субэтносов и интегрирующейся вместе с другими национальностями страны в «качественно новую социальную и интернациональную общность, спаянную единством экономических интересов, идеологии и политических целей» — советский народ³³.

³³ Горбачев М. С. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду КПСС.— Коммунист, 1986, № 4, с. 45.

А. С. Кишев

О «ТАЙНЫХ» ЯЗЫКАХ АДЫГОВ

Язык — важнейшее средство человеческого общения, он обслуживает сферы и виды человеческой деятельности. Наряду с общепонятным языком существуют и искусственные языки, которые «составляются людьми с их опытом, знаниями и в соответствии с задачами»¹.

В отличие от искусственных языков, которые создаются для специалистов целой отрасли или как вспомогательный международный язык (к примеру, эсперанто), так называемые «тайные» языки — языки особых социальных групп — служат целям замкнутого общения в пределах данной группы. Появление тайного языка вызвано желанием отдельных слоев общества говорить на таком языке, который был бы непонятен остальным, не входящим в их социальную группу.

О существовании у адыгов² кроме общепонятного еще особого языка, на котором они говорили только между собой, в первой половине XIX в. писали И. Ф. Бларамберг и Фредерик Дюбуа де Монпере³.

Еще Иоганн Шильтбергер, побывав на Кавказе в самом начале XV в., заметил, что черкесы «говорят особенным языком»⁴, а Якоб Райнеггс, указав на наличие у адыгов тайного языка «Sikowschir», записал 18 слов⁵: raphle, baetao, kaere, ptschokaff, tkemeschae, naeghune, uppe, paschae, schuwghae, tewrettglo, brugg, wup, ptschakoetsche, fogabbe, schegs, aeleswae, nackuschae, schufae.

Ян Потоцкий, совершивший путешествие на Северный Кавказ в 1798 г., писал, что «в первые дни сентября каждый черкесский князь покидает свой дом, удаляется в горы или в лес, где строит шалаш из ветвей деревьев. Его сопровождают преданные ему дворяне, но никто из его семьи не смеет приблизиться к шалашу, будь даже это его брат. Здесь все присутствующие пребывают замаскированными, то есть они закрывают лицо и совершенно не говорят по-черкесски; все разговоры ведутся

¹ Шер Я. А. Вступительная статья к книге Жан-Клода Гардена «Теоретическая археология». М.: Прогресс, 1983, с. 16.

² Адыге — самоназвание адыгейцев, кабардинцев и черкесов. В дореволюционной литературе известны под названием «черкесы».

³ Бларамберг И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа.— В кн.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974, с. 413 (далее — Адыги, балкарцы...); Дюбуа де Монпере. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым.— Там же, с. 453.

⁴ Шильтбергер И. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год.— В кн.: Адыги, балкарцы..., с. 39.

⁵ Reineggs J. General Historical and Topographical Description of Mount Caucasus. V. 1. L., 1802, p. 274 (пер. с нем., изд. 1976 г.).

на некоем жаргоне, который они именуют «шакобза» (shakobza). Маскарад продолжается шесть недель, в течение которых маленькие банды в масках собираются для грабежей в округе, и, поскольку настороже, дело не обходится без убитых и раненых, в том числе князей, потому что они не раскрывают себя, а в противном случае их казнили бы. Я уже знаю несколько слов из жаргона «шакобза» и рассказываю пополнить мой словарь в Георгиевске, так как мне там указали одного человека, который имеет ключ к этому жаргону»⁶.

Возникает вопрос: если в конце XVIII в. осталось мало людей, знавших «шакобза», то когда же он функционировал? Ответ находится у Н. Грабовского: за пять лет до путешествия Я. Потоцкого, т. е. в 1794 «с учреждением родовых судов и расправ было воспрещено кабардцам... собираться молодым людям на кошах (нечто вроде хуторов), промыслов удальства»⁷. В прокламации от 9 августа 1822 г. наместник Кавказского края генерал А. П. Ермолов предупреждал: «в случаях участия в разбоях всякий владелец и уздень теряет свое достоинство и наказывается, как всякий преступник, по законам российским»⁸. В 1839 г. Якуб Шарданов в работе «О значении древнего кабардинского обряда» отмечал, что «узденям и князьям собрания делать воспрещено»⁹.

Таким образом, в конце XVIII в. с запрещением кабардинцам собираться для грабежей, удальства, наездничества отпала необходимость и в сохранении тайного языка «шакобза», однако молодые наездники бирились и в первой четверти XIX в.

Первым, кто более или менее подробно описал тайные языки адыгов, был Г.-Ю. Клапрот, который отметил, что «они пользуются тайными языками, которые составлены по взаимному соглашению. Самые употребительные среди них называются „шакобше“ и „фаршибше“ (а не „зиковшир“¹⁰, как указывает Райнеггс)»¹¹.

Во всех упомянутых сообщениях речь идет об охотничьем языке адыгов «шаклуэбзе».

Известно, что охотничий язык существовал у многих народов. Его появление связано со стремлением охотников скрыть свои намерения от зверей. Первообытные люди полагали, что животные слышат и понимают человеческий язык¹², и составляли такой язык, который был бы непонятен животным.

Охотничьим языкам различных народов посвящена обширная литература¹³. Опубликовано несколько интересных работ и по адыгскому

⁶ *Потоцкий Я.* Путешествие в астраханские и кавказские степи.— В кн.: *Адыгские языки*..., с. 232.

⁷ *Грабовский Н.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость (исторический очерк).— Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис, 1882, с. 176.

⁸ *Леонтович Ф. И.* Алаты кавказских горцев.— Материалы по обычному праву верного и Восточного Кавказа.— Вып. I. Одесса, 1882, с. 262.

⁹ Центральный государственный Военно-исторический архив СССР, ф. 13454, оп. 1, д. 282, л. 41.

¹⁰ На наш взгляд, зиковшир — это неправильно записанное Райнеггсом адыгское слово «шаклуэбзе» (охотничий язык).

¹¹ *Клапрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1808 г.— В кн.: *Адыги, балкарцы*..., с. 270.

¹² *Зеленин Д. К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. 1929, ч. I, с. 10.

¹³ *Дирр М. А.* Божества охоты и охотничий язык у кавказцев.— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 44. Тифлис, 1915, с. 10; *Дирр Г. М.* Охотничий язык и обряды у осетин.— Терские ведомости, 1895, № 53; *Дирр Д. И.* Божества охоты и охотничий язык у абхазов.— В кн.: *К этнографии Абхазии*. Сухуми, 1926, с. 14; *Лавров Л. И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев.— В кн.: *Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований*.— Труды Ин-та этнографии АН СССР. Т. LI. М., 1959; *Инал-Ипа Ш. Д.* Абыр-тэ (историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965, с. 189—191; *Магомедов А. Х.* К быту и быту осетинского народа. Орджоникидзе, 1968, с. 111; *Хашба М. М.* Труды обрядовые песни абхазов. Сухуми, 1977, с. 40—42, 111—112; *Техов Д.* Охотничий язык у осетин.— Изв. Юго-Осетинского НИИ. Вып. XVIII. Цхинвали, 1971, с. 121—122; *Бгажноков Б. Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983, с. 118—

Шакобше	Черкесский (адыгский) яз.	Значение	Шакобше	Черкесский (адыгский) яз.	Значение
апахде	Нне	Глаз	Шувхе	Джако	Бурка
этао	Такхумах	Ухо	Бруг	Ша	Голова
еле	Тше	Лошадь	Вуп	Топанг	Ружье
шакокаф	Гъем	Корова	Чакоеинше	Махше	Верблюды
кемеше	Бхан	Коза	Фогабе	Маль	Овца
егхуне	Мапха	Огонь	Шерс	Пфе	Вода
ппе	Фис	Женщина	Элефсе	Чалах	Ребенок
аше	Ахше	Деньги	Некуше	Шаква	Хлеб

криптолаллии (тайноречию)¹⁴, однако пока нет специальных исследований, посвященных закономерностям построения тайных языков адыгов, способам их расшифровки и, как правильно заметил Б. Х. Бгажноков, за прошедшие почти 200 лет «никому не удалось подобрать ключ к этому загадочному языку»¹⁵.

Автор в рамках небольшой статьи ставит перед собой задачу попытаться расшифровать некоторые способы образования тайных языков адыгов.

Из записанных Я. Райнеггсом 18 слов охотничьего языка Г.-Ю. Клапрот переписал только 16 (приводим их без изменения — табл. 1)¹⁶.

Если внимательно присмотреться к словам первой колонки (шакобше), то нетрудно заметить, что половина из них состоит из двух корней, каждый из которых имеет определенное лексическое значение (см. табл. 2).

Вероятно, в переносном значении употреблены слова *Иупэ* (губа) — женщина, *шухъэ* (сукно) — бурка, *быргуэ* (молотильный камень) — голова; на звукоподражание похоже слово «вуп» (топ, фоч) — пушка, ружье. Этот список можно также дополнить словами, обнаруженными кабардинским этнографом Х. М. Думановым¹⁷ в разных источниках (см. табл. 3).

Все эти слова употреблены в лексических значениях, не свойственных общеобиходному языку. Такая трансформация сделала их непонятными для посторонних слушателей.

«Другой язык, „фаршибше“, составлен из обычного, в то время как между слогами вставляется „ри“ или „фе“, — писал Г.-Ю. Клапрот¹⁸. В отличие от охотничьего языка *шаклуэбзэ* упоминаемый здесь тайный язык адыгов (фаршибше) представляет собой, по нашему мнению, условный знак, жаргон и тайным языком его можно назвать лишь по традиции. По существу же, как и всякий искусственный язык, он строится на базе грамматической и фонетической системы родного языка и образован добавлением к каждому слову определенных звуков, ключевых слогов, звукосочетаний, не имеющих никакой смысловой нагрузки, или «деформирующих арготических суффиксов»¹⁹. Такая операция искажает фонетический облик естественного слова до неузнаваемости и делает слова и выражения тайным языком отдельной группы людей.

¹⁴ *Тхьэркочохъо Ю. Цэ ушьэфынымрэ чэгъэчэлъыбзэм яхъилагъ. — Зэкъошныгъ, 1972, № 1; Тхаркахо Ю. А. Остатки тайноречия и культура речи. — В кн.: Проблемы адыгейской письменности и культура речи. Майкоп, 1982; Бгажноков Б. Х. Тайные и групповые языки адыгов. — В кн.: Этнография народов Кабардино-Балкарии. Вып. I, Нальчик, 1977; его же. Некоторые особенности культуры общения адыгов. — СЭ, 1979, № 5; его же. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983.*

¹⁵ *Бгажноков Б. Х. Тайные и групповые языки адыгов, с. 114.*

¹⁶ *Клапрот Г.-Ю. Указ. раб., с. 271.*

¹⁷ *Думанов Х. М. Некоторые обычаи и традиции, связанные с охотой у кабардинцев в XIX — начале XX в. — В кн.: Этнография народов Кабардино-Балкарии. Вып. I. Нальчик, 1977, с. 46.*

¹⁸ *Клапрот Г.-Ю. Указ. раб., с. 271.*

¹⁹ *Оранский И. М. Таджикоязычные этнографические группы Гиссарской долины (Средняя Азия): этнолингвистическое исследование. М.: Наука, 1983, с. 82.*

Шакобше в современной транскрипции кабардинского языка	Перевод на русский язык	Способ их образования
Пэплъэ	Глаз	пэ — вперед, плъэ — смотрящий; смотрящий
БэдаIуэ	Ухо	бэ — много, даIуэ — слушающий; слушающий
КIэ — пэ	Лошадь	кIэ — конец, хвост, пэ — начало, выражение могло означать «быстрое существующее животное» (?)
БжьэкIэрэф	Корова	бжьэ — рог, кIэрэф — кривой; криворогая (о корове)
КIэмашIэ	Коза	кIэ — хвост, машIэ — мало, немногый короткий хвост *
Нэхунэ	Огонь	нэху — свет, нэ — глаз; глаз света
Вагъуэбэ	Овца (отара)	вагъуэ — звезда, бэ — много; созвездия
Бжьакъуэншэ	Верблюд	бжьакъуэ — рог, ншэ — аффикс, означающий отсутствие; безрогий
НэкIу Iушэ	Хлеб	нэкIу — лицо, Iушэ — кривой, кривой
ЩIыфае	Шкура Кожа	щIыфэ, — поверхность, е — дурная, плохая поверхность (дрянная ера) (?)

* В пользу нашей гипотезы говорит и двустишие:

Зи кIэ уздыр, еру Чей хвост худой, еру,

Уэ бжэнш, еру Это коза, еру.

См.: Дыгъэ, дыгъэ, къепс . . . : Сабий усэхэр, къебжэкIхэр, джегукIэхэр, таурыххэр. Черкесск. с. 19.

Табл

Слова охотничьего языка	Значение		Способ образования
	кабард. яз.	русский яз.	
Щхъуэжь	Дыгъужь	Волк	щхъуэ — серый, жь(ы) — старый
Лъэбыцэжь	Мыцэ	Медведь	лъэ — нога, быцэ (бацэ) — лохмотья жь(ы) — старый; лохмоногий
Бжьабэ	Щыхь	Олень	бжьэ — рог, бэ — много; многорогой
ТхъэгъэлцI	Бажэ	Лиса	тхэ — бог, гъэлцI — обманывающий клятвопреступник
Ерыкъ	ТхэкIумэкIыхь	Заяц	трегубый
Цымыудэ	»	Заяц	цы — шерсть, мы — отрицательная часть ца, удэ(н) — сбивать; несбитая шерсть

Анализ ранее записанных исследователями слов и выражений, а также полевой материал автора свидетельствуют о существовании нескольких способов образования тайного языка адыгов фаршибше²⁰.

1. Перед каждым словом адыгского языка ставится односложное звуко сочетание:

фи-сэ фи-нобэ фи-сыножьаш.

2. После каждого слога вставляется односложное звуко сочетание: сэ-фи но-фи-бэ-фи сы-фи-но-фи-жьаш-фи.

3. После каждого слова ставится двусложное словосочетание — клятвопреступное слово:

сэ-рыфы nobэ-рыфы сыножьаш-рыфы.

4. После каждого слога вставляется односложное звуко сочетание, а после каждого слова — двусложное словосочетание, которое служит одновременно и своеобразным словоразделом:

сэ-рыфы но-фы-бэ-рыфы сы-фы-но-фы-жьа-фы-щ(ы)-рыфы.

5. В каждое слово перед последним звуком включается двусложное звуко сочетание «икын», а в последнем слове предложения — после каждого слога и перед последним звуком слова:

²⁰ Основные способы образования тайноречия будут показаны на примере одного и того же предложения: Сэ nobэ сыножьаш.— Я сегодня ждал себя.

с-икын-э но-икын-б-икын-э сы-икын-но-икын-жъа-икын-ш.

6. После каждого слова ставится двух-, трехсложное словосочетание эли, уэти, уэкуи, уэри, уэфи, уэжи, рыфы, икын, ники, никыны, лэхи, уэтэхи, уэкуэхы и т. д.), затем производится перестановка едпоследнего согласного звука в слове и последнего согласного звука ращиваемого звуко сочетания:

сэ-нобэ-уэли сыножьаш-уэли→сэ нолэ-уэби сынолащ-уэжи.

Такое дробление слова и включение в его состав отдельных звуков и ю-, двух-, трехсложных звуко сочетаний делает слово родного языка понятным для присутствующих, даже если они свободно владеют языком. При обнаружении присутствующими ключевого слога (слова) два говорящих могут тут же перейти от одного способа образования иноречия к другому. Таким образом, одно и то же предложение родного языка может быть передано несколькими вариантами тайного.

Подобное разнообразие вариантов адыгского тайноречия приводило посвященного к мысли о существовании у адыгов множества тайных языков, чему в некоторой степени могло способствовать и наличие в адыгских языках нескольких слов с компонентом «бзэ» (язык): хьуэрыб, щагыбзэ (иносказание, аллегория), гыбзэ (проклятие), гыбзэ (плач), гыфIэ — гыбзэ (ласкательные слова), бзэрабзэ (ласка, щебет), эхубзэ (шьэфыбзэ — адыгейск.) — тайный язык²¹.

Не расшифрованным остается собственное название тайного языка — аршибше.

Во время этнографических экспедиций в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее мы чаще встречались с двумя названиями тайного языка — фарсыбзэ (язык фарси) и фыбзэ (язык звуков «ф»). Запино также слово фэрышIыбзэ (язык притворства). Что же было основанием для таких названий?

Язык *фарсыбзэ* появился в результате древних культурных связей адыгов и других народов Кавказа с народами Ближнего Востока и Ираном²². Продолжительными во времени были связи с Ираном.

С присоединением в 1556 г. Астраханского ханства к России на протяжении нескольких столетий Астрахань оставалась центром международной торговли. Помимо торговых сношений, Иран (Персия) и Кабарда имели и дружественные связи, нередко и родственные. Издавна в адыгской среде проживают выходцы из Ирана, нашедшие здесь вторую родину. Все они носят фамилию Кажаровых (от названия къажэр — Иран, перс. энец). В 1645 г. царь Михаил Федорович, назначив Муцала Сунчалевича Черкасского князем над нерусским населением Терского города, одновременно разрешил ему поездку в Персию «для ради сестришки юей», являвшейся женой персидского шаха Аббаса²³.

Адыги могли быть знакомы с тайными языками персов, у которых был очень распространен сугубо девичий конвекциональный язык — «аргари». Принцип его состоял в том, «что после каждого слога вставляли звук „э“, так что речь становилась совершенно непонятной»²⁴.

Исходя из сказанного, мы склонны расшифровать слово фаршибше как фарсыбзэ (язык фарси).

Турецкий географ и путешественник XVII в. Эвлия Челеби, неоднократно бывавший на Кавказе (1641–1642, 1666–1667 гг.), видимо, ознакомился не только с адыгскими языками, но и с охотничьим языком.

²¹ По сообщению Г. Х. Халбада (г. Сухуми), у абхазов существовал так называемый «птичий язык» (ацIыс бызIшва). «Птичий язык» (die Vogelsprachekus lisanum) существовал и у убыхов, переселившихся в 1864 г. с Кавказа в Турцию.— См. Landall U. Akifıye-Büyükcamurlu Ubychen-Dörfer in der Südost-Türkei, Esprint-Verlag-Edelberg, 1981, S. 199.

²² Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой/Сокращенный перевод с араб. — Вост. лит., 1962, с. 4, 5; Семенова Л. А. Салах ад-дин и мамлюки в Египте. М., 1966, с. 189.

²³ Кабардино-русские отношения..., т. 1, с. 260—261, 417.

²⁴ Асатрян Г. С. Обряды детства и воспитание детей в традиционной культуре персов.— В кн.: Этнография детства.— Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М.: Наука, 1983, с. 77.

ком, и с формами тайноречия «фарсыбзэ», когда писал о «странном языке черкесов (адыгов), который, по его мнению, сложнее, чем 147 языков разных народов в восемнадцати известных ему по путешествиям государствах, и «не поддается описанию»²⁵.

Фыбзэ. Если учесть, что с открытием в XVIII—XIX вв. медресе тайноречие получило наиболее широкое распространение среди учащихся этих учебных заведений (а потом — от них и через них — среди их родственников в селениях), то можно предположить, что при образовании новых форм тайного языка и выборе ключевых слогов и слов использовались некоторые особенности арабского языка: большое количество звуков «фи», «фа», «фу» в основных типах масдаров I породы трехлассного глагола, способ образования множественного числа существительных, который называется разбитым или ломаным.

Активное использование звука «ф» для образования адыгского тайного языка могло послужить, на наш взгляд, основанием для названия самого тайноречия словом фыбзэ (язык звуков «ф»), или, как передается его значение Б. Х. Бгажноков, фыязык²⁶.

Фэрыщ/ыбзэ (язык притворства). Как мы предполагаем, термин появился для презрительной характеристики той части молодежи, которая говорит на непонятном языке (притворяются, что много знают). Появление добавочного значения у тайноречия как языка притворства или некой игривости, непринужденности, фамильярности, наконец, экспрессивно-эмоциональной оценочной коннотации, на наш взгляд, явление позднейшего времени, не получившее широкого распространения.

Еще об одном названии. Я. Потоцкий указывает на Чоурчоуа, соответствует, и по мнению Б. Х. Бгажнокова, адыгскому *шу пщы* — стан всадников, стан наездников²⁷. Прежде чем выходить на грабе здесь предварительно проверяли физическую подготовку каждого, занимались верховой ездой, обучались стрельбе из лука, ружья, пистолета. т. е. молодые люди получали военно-физическую подготовку вне дома. Видимо, *шу пщы* восходит к мужским тайным союзам.

С открытием медресе по образцу *шу пщы* появляется и выражение *сохъустэ пщы* — стан студентов, учащихся, хотя в программу обучения там совсем не входит военно-физическая подготовка. Но все же учащиеся в медресе (*сохъустэ пщы*) стали в некотором роде преемниками *пщы*, сохраняя тайные языки еще в течение целого столетия.

Особенностью рассмотренных форм тайного языка является то, все они создавались как искусственные с целью очень замкнутого и ограниченного общения при определенных ситуациях, являлись социальными диалектами, жаргонами²⁸, поэтому ни один из них не стал общедоступным языком. Адыгские же естественные языки (кабардинский, адыгейский), как и все языки народов нашей страны, получили дальнейшее развитие, сегодня на этих языках выходят книги и газет, издается научная и художественная литература. Отдельные слова тайных языков адыгов проникают в художественную литературу, что всего для речевой характеристики героев, а также используются в авторской речи для характеристики определенных социальных слоев или групп в целом.

²⁵ Челеби Эвлия. Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Наука, 1979, с. 58.

²⁶ Бгажноков Б. Х. Тайные и групповые языки адыгов, с. 112.

²⁷ Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов, с. 123.

²⁸ См.: Дорошевич В. М. Сахалин (каторга). М., 1903, с. 350—359 (о языках торжан).

ЖАНР «БАДИК» В ОБРЯДОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ
УЗБЕКОВ

Обрядовый фольклор, составляющий органическую часть любого ритуала, играет большую роль в бытовой культуре этноса. Жанры обрядового фольклора многообразны. Один из них — бадик широко распространен среди тюркских народов Средней Азии и Казахстана (узбеки, каракалпаки, киргизы, казахи)¹. Известен он также и у таджиков (у них он называется «гулафшон»)². В фольклоре туркмен этот жанр до сих пор не был отмечен³. Несмотря на значительный интерес, который жанр бадик представляет в историко-культурном плане, в этнографической и фольклорной литературе специальных работ по этому жанру нет. Поэтому обращение автора настоящей статьи к названной теме вполне понятно. Предпринятое исследование, основанное главным образом на полевых материалах, собранных автором, ставит следующие задачи: очертить ареал жанра бадик, охарактеризовать этот жанр и выявить его основные виды.

Термин «бадик», как удалось установить, означает: 1) болезнь (ср. «гулафшон» — краснуха); 2) обряд, связанный с этой болезнью; 3) текст обряда.

По имеющимся в нашем распоряжении данным, жанр бадик распространен в основном в северных районах Средней Азии и Казахстана. Значительно реже этот жанр представлен в южных и восточных районах Средней Азии, что подтвердили исследования, проведенные в 1976 г. фольклорной экспедицией при участии автора.

Бадик — это жанр заговора, по традиции исполнявшийся при лечении краснухи, ветряной оспы. В основе обряда «лежала вера в то, что болезни все время переселяются, кочуют, а с помощью заговоров можно заставить их покинуть тело больного и перебраться в кого-нибудь другого или в какой-нибудь неодушевленный предмет»⁴.

Право исполнять бадик (текст заговора) имели лишь избранные духов-покровителей — бадикханы. «Избранничество», его характер восоздать нелегко, однако есть веские доводы, свидетельствующие о связи бадикханства с древним шаманизмом.

Данные, полученные от информаторов-бадикханов во время фольклорных экспедиций, стереотипны. Мотив всех рассказов следующий. Будущий бадикхан страдает недугом, его посещает дух, который предлагает принять бадикханство и предупреждает, что если больной ослушается, то будет и впредь пребывать в несчастье.

Порядок проведения обряда, состав лиц, проводящих обряд, манера исполнения каждого текста в различных районах Узбекистана имеют своеобразную традицию. При определении различий учитывались время проведения обряда, положение, в каком находился больной при исполнении бадика, состав исполнителей, поэтические особенности текста и способ их исполнения.

¹ См. Давкараев Н. Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959, с. 44—45; Жапаков Н. Заговоры. — В кн.: Очерки по истории каракалпакского фольклора. Ташкент: Фан, 1977, с. 144—146; Каракалпак халық қосықлары. Некис: Қарақалпақстан баспасы, 1965, с. 88; Қарақалпак фольклоры. Коптомлык, т. XI. Некис: Қарақалпақстан баспасы, 1982, с. 15—37; Киргизская лирика. Фрунзе: Мектеп, 1975, с. 22—23; Уахатов Б. Қазақтың турмыс-салт қырларының типологиясы. Алматы: Ғылым баспасы, 1983, с. 55—57.

² Муродов О. Некоторые фольклорные жанры, связанные с древними верованиями аджиков. — Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука, 1977, с. 86—88.

³ В специальной литературе мы не нашли никаких сведений о жанре бадик у туркмен. Туркменский фольклорист Ш. Халмухаммедов подтвердил, что в обрядовом фольклоре туркмен жанр бадик отсутствует (письмо хранится в личном архиве автора).

⁴ Жапаков Н. Указ. раб., с. 145

По указанным параметрам можно выделить три разновидности бадика.

К первому, наиболее распространенному виду можно отнести бафиксированный в северных, северо-западных, южных районах Таджикистана (а также у казахов, каракалпаков, киргизов и узбеков, живающих в Северном и Южном Таджикистане). Обряд проводится в течение трех дней: в среду, пятницу и субботу, обязательно во время захода солнца.

По нашему мнению, проведение обряда в определенные дни у этих народов связано не с древними доисламскими верованиями, а с исламом. В среду божественная воля одарила растительный мир и душой, в пятницу были созданы звезды, родился пророк Мухаммад, в субботу — канун окончательного сотворения мира. Поскольку в этот день недели лучше всего изгонять из человека болезнь, проникающую через пищу и одежду. Пятнице отдавалось предпочтение в сравнении с другими днями недели как святому дню. Полное избавление от болезни совершалось в субботу, т. е. в канун сотворения всего существующего. Что же касается приурочения начала обряда к моменту захода солнца, то это, видимо, было связано с подражательной магией наподобие предков, по представлениям которых с угасанием дня наступал и кризис болезни.

В обряде бадика участвовали два человека — больной и бадикхан, но присутствовать могли все желающие, имеющие какое-то отношение к больному. Сам же обряд и исполнение текста осуществлялись только бадикханом.

По тому, как бадикхан готовил больного к обряду, в каком положении из больного изгонялась хворь, различают два подвида обряда бадика.

Первый подвид. В кишлаке Учма и близлежащих к нему кишлаках Фаршского р-на Джизакской обл. больного укладывали на спину, тем накрывали белой материей, а поверх клали баранью или коровью шкуру шерстью вниз. Шкуру посыпали измельченным пометом, зола или землей, набранной на перекрестке дорог. Бадикхан начинал обряд слегка ударяя больного семью ивовыми прутьями.

Помет, зола, земля с перекрестка широко использовались в древности народами Средней Азии как средства изгнания злых духов.

Второй подвид. Был распространен в окрестностях Шахристана. Нураты — больного сажали лицом к заходящему солнцу. В среду накрывали красной материей, в пятницу — черной, в субботу — белой. Рядом с ним устанавливали семь свечей или факелов, изготовленных из хлопка, намотанного на конец камышинки. Бадикхан начинал читать текст, имитируя удары семью ивовыми прутьями. Еще за несколько дней до обряда готовили баурсак (жареные куски теста), который в время обряда трижды обносили вокруг головы больного и выбрасывали на улицу с тем, чтобы его съело какое-нибудь животное. На третий день вокруг головы больного трижды обносили каурмач — жареную пшеницу. Затем ее рассыпали по крыше, чтобы склевали птицы. За день до обряда бадикхан выносил на солнце ивовые прутья и сушил. Как видим, обряд сопровождался разнообразными магическими действиями.

Во втором подвиде обряда следует обратить внимание на связь между материей, которой накрывали больного, с днями проведения обряда. В этом мы усматриваем оставшиеся в бадике отголоски подражательной магии наших предков, видевших взаимообусловленность цвета предмета и цвета болезни: первый день обряда — красная сыпь и красная ткань, второй день — черные пятна от сыпи и черная ткань, третий день — белая ткань и исцеленное тело. Зависимость от подражательной магии наблюдается и в сушении ивовых прутьев на солнце. Как утверждают бадикханы, сыпь на теле больного начинает подсыхать вместе с высыханием прутьев.

Следы контагиозной магии⁵, видимо, прослеживаются в обрядах первого и второго дня: в выбрасывании на улицу баурсака и рассыпанию по крыше жареной пшеницы. Первобытный человек представлял себе, что болезнь переходит из тела больного в баурсак и пшеницу, когда их трижды обносят вокруг головы больного. И если животные съедят их, то болезнь войдет в них.

При исполнении рассматриваемого вида бадика применялось три средства: слово, действие и предметы, обладающие, по представлениям древнего человека, магической силой.

Обратимся к тексту первого вида бадика. Текст, как правило, имеет стихотворную форму. Вполне вероятно, что первоначально текст не был рифмованным, однако в результате совершенствования в течение длительного времени он постепенно приобрел ритмомелодику.

Текст этого вида бадика довольно устойчив. Поэтому импровизация для него не характерна, хотя, конечно, местные традиции и личные особенности исполнения неизбежно вносили в текст изменения и дополнения.

Основное содержание текста — изгнание из больного недуга, излечение от сыпи. Каждое слово, каждая фраза текста преследует определенную цель.

Бадик, болезнь, в народном сознании представлялась как нечто душевленное. Совершаемый обряд помогал изгнать ее из тела больного. Воздействие заговора на больного подчеркивалось резкой позелительной интонацией чтения. Варианты текстов⁶ З. Худояровой (кишлак Каирма Ура-Тюбинского р-на Ленинабадской обл.) и Т. Эркабаевой подтверждают наше мнение.

Вариант З. Худояровой состоит из 11 строк. Текст начинается с обращения к богу: Бисмиллохир-рахман ар-рахим. — Во имя Аллаха милостивого, милосердного.

В первых четырех строках речь идет о том, что бадик (болезнь) в начале обряда сомневается, раздумывает, покинуть ли свою обитель или остаться в ней. Однако бадикхан настойчиво просит:

1. Уйди, уйди, бадик, уйди, бадик,
2. Не стой в сомнении на пороге, бадик.
3. А если колеблешься и останешься на пороге, бадик.
4. То вызовешь тревогу в душе хозяев дома.

Бадикхан приказывает бадикку покинуть больного, точно указывает, куда ему уйти, всячески расхваливая новую обитель:

5. Уйди, уйди, бадик, на луну уйди,
6. К живущим под лунной баям уйди,
7. Если хочешь чего-то чистого, к ручейку уйди,
8. Если хочешь чего-то резвого, к жеребяткам уйди.

Текст варианта З. Худояровой заканчивается строками:

9. Уйди, бадик, уйди, бадик,
10. Не стой в сомнении на пороге, бадик,
11. Не вызывай тревогу в нашей душе, бадик!

Девятая и десятая строки почти повторяют первые две строки, одиннадцатая строка — близка к четвертой.

Вариант Т. Эркабаевой состоит из одиннадцати строф различного объема. Каждая строфа начинается словами, приказывающими бадикку покинуть больного:

Уйди, уйди, все равно уйдешь!
Я не отстану, пока не изгоню тебя.
Пока не попью твоей крови,

⁵ Фрезер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980, с. 20—61.

⁶ Здесь и далее использованы материалы фольклорного архива Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР, инв. № 1749. Тексты записаны автором в 1980 г.

Я не оставляю тебя здесь!
От языка, произносящего слово Корана, уйди,
От рук, перебирающих четки, уйди.

Две последние строки появились в тексте явно под влиянием лама, но потребовалось длительное время, чтобы это прочно закрепилось в тексте.

Усиление ислама в Средней Азии, несомненно, вело к ослаблению шаманских традиций в этом регионе, хотя, как верно отмечает О. А. Сухарева, ислам использовал сохранившийся здесь шаманизм в пропаганде культа мусульманских святых⁷.

В бадике доминирует архаическое начало:

Уйди, уйди, все равно уйдешь!
Из многослойных ушей уйди,
Из булькающей почки уйди,
Из набухшего сердца уйди,
Из позвоночных гнезд уйди,
Из дарящей руки уйди,
Из почитающих коленей уйди,
Со стороны ног уйди,
Из посещаемых мест уйди,
С дорог, по которым ходит больной, уйди,
Из дел, которыми занимается больной, уйди,
Из всех сорока ступеней костей уйди.

(Т. Эркабаева)

Примечательно то, что в тексте бадика сохранились следы древнего культа «момо», прямое обращение к момо — духу-покровительнице⁸:

Уйди, уйди, все равно уйдешь!
Я укажу, куда тебе уйти,
Если ты момо, в озеро уйди,
Если ты зло (зиён)⁹, в степь уйди,
Если ты призрак (арвох), в могилу уйди.

(Т. Эркабаева).

Судьба бадикхана находилась в непосредственной зависимости результатов его деятельности. Если бадикхан, как и бахши (парих) был не в силах изгнать злых духов, то духи, почувствовав свою слабость, набрасывались на него и могли навлечь на него неприятности, что нашло отражение в тексте:

Уйди, уйди, все равно уйдешь...
В мельничную воронку (тегирмон дули) уйди,
К скачущему в горах оленю уйди,
В узоры красного седла уйди,
К бессильному бахши уйди!

И наконец, у каждого бадикхана имелась своя, отличная от других концовка текста, которая трижды повторялась при завершении обряда. Строфы концовки имели такой же размер, как и строфы всего текста, а смысл их заключался в пожеланиях больному скорейшего и полного выздоровления:

⁷ Сухарева О. А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков. В кн.: Домусульманские верования и обряды Средней Азии. М.: Наука, 1975, с. 15.

⁸ У народов Средней Азии корни культа момо уходят в глубь веков. Это женщины — покровительницы рожениц, т. е. продолжательницы рода. О культе см. Сухарева О. А. Указ. раб., с. 18—56.

⁹ Словом зиён узбеки иносказательно называют навредившего или потенциально опасного духа (духов).

Пусть всегда будет корм для белого ишака,
Пусть всегда будет корм для синего ишака.
Пусть будут последними мои удары прутьями,
Пусть я буду последним, кто смотрел этого больного,
Пусть он больше не нуждается в присмотре,
Пусть он больше не нуждается в лечении.

Аллах акбар.

(Т. Эркабаева)

Как видно из материала, в первом виде бадика по способу проведения обряда и средствам, используемым в нем, различаются два под-вида. Объединяет же их идентичность содержания текста и характер исполнения.

Второй вид бадика отмечен нами лишь в Алтыарыкском р-не Ферганской обл. у бадикхана П. Пулатовой (ниже приводится ее текст). Дни проведения обряда — среда, пятница и суббота, но в отличие от рассмотренных выше не на закате солнца, а днем, в особых случаях — ночью. Выбор дневного времени для проведения обряда большинство бадикханов объясняют тем, что в светлое время суток легче справиться со злыми духами, так как время их активной деятельности — ночь.

Время проведения «игр»¹⁰ шаманами, а следовательно и бадикханами, в Средней Азии приурочивалось в прошлом к наступлению темноты. Но со временем камлание стало осуществляться в любое время суток¹¹.

В обряде участвовали бадикхан и больной. При исполнении текста бадикхана слегка ударял семью ивовыми прутьями сидящего больного.

В первых двух строках рассматриваемого бадика бадикхан выражает свое преклонение перед бадикшопиром (или гулафшопиром) — духом-покровителем бадикханов:

Я преклоняюсь [перед] своим покровителем (бадикшопиром),
Я преклоняюсь [перед] своим патроном (гулафшопиром).

В зачине приведенного текста встречаются два различных названия одного и того же покровителя бадикхана. В следующих двух строках сама болезнь бадик также дана под двумя названиями — гулафшо и бадикшо:

Если ты гулафшо, уйди,
Если ты бадикшо, уйди.

Такой повтор обусловлен стилистическими требованиями жанра.

В последующих строках бадикхан «пытается» определить, с каким животным связана болезнь, чья эта болезнь. Он перечисляет их:

Если ты верблюжий бадик, уйди,
Если ты лошадиный бадик, уйди,
Если ты овечий бадик, уйди,
Если ты коровий бадик, уйди!

Здесь, на наш взгляд, можно усмотреть связь бадикханства с народной медициной, где издревле было замечено, что многие болезни передаются от животных.

Обращает на себя внимание порядок перечисления цвета сыпи в зависимости от стадий болезни:

Если ты красный бадик, уйди,
Если ты черный бадик, уйди,
Если ты синий бадик, уйди,
Если ты белый бадик, уйди!

¹⁰ Лечение больного и призывы париханами духов узбеки называют *уйин* (игра).

¹¹ Басилов В. Н., Ниязклычев К. Пережитки шаманства у туркмен-човдуров. — В кн.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии, с. 123—137.

Такой порядок перечисления цвета есть не что иное, как акт магического ускорения излечения больного.

На протяжении всего обряда текст повторялся трижды. Завершал обряд так: вокруг головы больного бадикхан троекратно обносил по ду с жареной пшеницей, которую затем рассыпал по крыше. На крыше также забрасывались ивовые прутья.

Третий вид бадика был распространен в Ахангаранском, Букинском, Пскентском, Аккурганском и Бекабадском районах Ташкентской области.

Обряд проводился в среду, четверг и пятницу. Исполнение бадика носило коллективный характер. Вместо профессионального бадикхана исполнителями бадика были юноши и девушки, разбитые по парам. Обряд строился в форме словесного состязания (айтиш) между юношами и девушками.

К заходу солнца больного выносили на окраину кишлака, причём на клеверное поле, и сажали лицом к заходящему солнцу. Его окружали юноши и девушки, сядившиеся друг против друга. Начинал бадик юноша, затем вступала девушка. Так постепенно в обряд включали все пары.

Обряд носил шуточный характер: юноша желал переселить болел (бадик) в девушку, девушка — в юношу. Примером может служить текст бадика, записанный нами в 1981 г. в изложении Х. Мавлянов (кишлак Айтамгали Аккурганского р-на Ташкентской обл.).

Юноша: Если мелкого хочешь, в гальку Ангрена¹² уйди!

Если большого хочешь, в Капка-скалу¹³ уйди.

Если не знаешь куда переселиться, я скажу:

В черные бровьные брови девушки уйди!

Девушка: Если хочешь отмени, на мель Ангрена уйди,

В мясо разлагающегося вола уйди!

Если не знаешь куда переселиться, я скажу:

В лицо джигита белее луны уйди!..

Обряд этот длился нередко до полуночи. В конце обряда на месте где сидел больной, рассыпали жареную пшеницу.

В рассматриваемом виде бадика главенствующую роль играет импровизация. Объем текста зависит от числа участвующих в обряде исполнителей, от их находчивости, сообразительности, искусства владения словом. Но, пожалуй, самым характерным в нем является то, что текст исполняемый юношами и девушками, весьма схож с частушками (пар). Кстати говоря, ареал этого вида бадика совпадает с теми районами, где и в настоящее время устойчивы частушечные традиции. Это районы Ташкентской области от г. Ахангарана вдоль Кураминских гор до г. Бекабада.

Частушечный характер текста, отсутствие профессионального бадикхана при исполнении обряда, изменение ритуала, смещение дней (вместо субботы — четверг) свидетельствуют о том, что этот вид бадика претерпел значительные изменения по сравнению с традиционным. Однако генетическая связь с другими видами прослеживается довольно четко.

Исходя из диалогического (состязательного) характера исполнения этого вида бадика, мы сочли возможным назвать его бадик-айтиш. Данное соображение подкрепляют материалы о бадик-айтыс каракалпакского и казахского обрядового фольклора¹⁴.

Таким образом, рассмотрены три вида жанра бадик узбекского обрядового фольклора, выяснены их сходства и различия. Главное, что

¹² Ангрен — река в Узбекистане.

¹³ Одна из скал Чаткальских гор.

¹⁴ Каракалпак фольклора, т. XI, с. 15—37; Рукописный фонд Центральной научной библиотеки АН КазССР, п. 1092, тетрадь 16, л. 37. Записано общественным собирателем фольклора по Западному Казахстану Хусаном Тостайбековым со слов своей матери 14 октября 1948 г.

их объединяет, — это лечебная функция обряда, в основе которого лежат анимистические представления древнего человека. Третий вид бадика, носящий шуточный характер, свидетельствует о распаде традиционного обряда бадик, утрате человеком веры в его магическое действие.

Имеющийся в нашем распоряжении материал недостаточен для более точных выводов. В дальнейшем по мере накопления данных, видя, станут возможны более широкие типологические обобщения.

Н. В. Буланова

ИНДИЙСКАЯ ОБРЯДОВАЯ РОСПИСЬ НА ЗЕМЛЕ

Индийская обрядовая роспись на земле — это особый узор, по древней традиции создаваемый женщинами, которые таким способом стремятся выразить благодарность земле — своей кормилице — или обратиться к богам.

В настоящее время этот узор наносится не только на землю или на пол в культовых сооружениях (в храме и на домашнем алтаре), но и на пол жилых помещений, а также перед входной дверью дома, во дворе и на улице.

Искусством создания обрядовой росписи владеют женщины, исповедующие индуизм или джайнизм: по их представлениям, нельзя оставлять без узора пространство перед домом. Обычно роспись имеет вид законченного рисунка, но в наши дни можно увидеть также всевозможные линии, представляющие собой своеобразные «автографы» хозяек дома.

Традиция нанесения «наземной» росписи передается от матери к дочери. Умение расписывать считается одним из важнейших достоинств невесты, ценимым наравне с ее кулинарными способностями.

В разных районах Индии подобная роспись имеет свои названия: *алпона* (Ассам и Бенгалия), *айпана* (Кумаон), *арипан* (Бихар), *сатхиа* (Гуджарат), *мандана* (Раджастан), *гхунти* (Орисса), *модак* или *рангавали*, *рангавлика* (Махараштра), *чховк* или *чоукпиджана* (Уттар-Прадеш), *муггулу* (Андхра-Прадеш), *ранголи* (Карнатака), *колам* (Тамилнад), *аньял* (Керала).

Несмотря на неодинаковые названия и некоторые локальные особенности, роспись в разных штатах имеет много общего в композиционном построении, способе нанесения, используемом материале и в основных элементах рисунка, что придает ей определенное сходство. Порошковая краска, которая наносится непрерывной линией, приобретает вид нужного орнамента или конкретного изображения.

Священные места издавна украшают рисовой мукой или зернами, которые затем съедают насекомые, птицы и мелкие животные. В данном случае роспись превращается в своеобразное жертвоприношение. В наши дни для росписи используют рисовую и пшеничную (белую и подкрашенную) муку, крашенные зерна, горох, гальку, песок, сандаловую пасту, листья, разноцветные лепестки цветов и сами цветы, глину, сухие овощи и фрукты, минеральные краски, охру, хну, индиго, цветной мел, чернила и, наконец, фломастер. Но традиционным материалом по-прежнему остается мука. В зависимости от употребляемого материала роспись бывает одноцветной (белой, красной или желтой), двухцветной (бело-красной) или многоцветной. Так, роспись *алпона* создается с помощью рисовой (слегка смоченной водой) пудры и разноцветных лепестков по цветному фону (черному, темно-коричневому, желтому, красному или

Индианка (Западная Индия), создающая роспись

бежевому). При этом часть дом с рисунком кладут свои цветы. Роспись мандана и сится красным и белым поком на коричневый фон, лам — белой мукой на тем а ранголи — цветной пастой любую основу.

Обычно женщины «рисуют» после утреннего омовения, рассвете. Индианка бер горсть сыпучей «краски» и сыпает ее сквозь пальцы землю узкими или широкими струйками. При определенном движении кисти руки получается задуманный узор (рис. 12).

На юге страны техника рисунка выглядит несколько другому. Южанки кончик пальцев берут щепотку муки и ею намечают трафаретную основу, на которую затем насыпают желаемый узор (табл. 15—19, 21, 23—27, 29—32; рис. 12).

В последнее время появились небольшие по размеру трубочки с отверстиями, расположенными в определенном порядке, использование которых упрощает процесс рисования¹. В эти отверстия насыпают порошковую краску и катят трубочку по земле. При этом образуются круговые или прямоугольные узоры. Но с помощью подобного приспособления невозможно получить традиционный рисунок, стоящий из всевозможных переплетений линий, изображений людей, животных, растений, божеств, различных предметов. Наряду с традиционными мотивами можно видеть и современные: радиоприемник, телевизор, велосипед, автомобиль, самолет, спутник и т. д.

Раньше обязательной основой для росписи служил грунт из глины, смешанной с навозом священной коровы. Навоз разводили рисовым варом и покрывали им землю или глиняный пол, затем на застывшей массе рисовали квадрат или круг, внутри которого помещали саму роспись. В круге (символе постоянства, вечности и круговорота жизни) создавали узор, который обычно не меняли в течение нескольких дней (каждое утро его только подновляли), а в квадрате — роспись-одноразовку, которую на следующий день заменяли другой. Теперь этой традиции придерживаются лишь в индуистском храме или в тех деревнях, где живут профессиональные заклинатели, владеющие также искусством создавать особую роспись. Обычно они, совершая определенные обряды, произносят мантры, сопровождаемые ритуальными жестами и черчением магических диаграмм, волшебных кругов (чакр) и «внутренних молитв» (янтр), имеющих форму треугольника, звезды с четырьмя, пятью и более лучами (табл. 1, 3, 12, 19, 28), солярного знака, двенадцати квадратов со стилизованным изображением священной мантры (табл. 1, 35) и т. д. В центре янтра бывают и различные надписи, чаще всего имена божеств, заклинания, краткие формулы, типа *намаши Шиве* (поклонения Шиве) и т. д.²

¹ Гусева Н. Р. Индия: тысячелетия и современность. М.: Наука, 1971, с. 31.

² Звелебил К. Чары и колдовство.— В сб.: Боги, брахманы, люди. М.: Наука, с. 318.

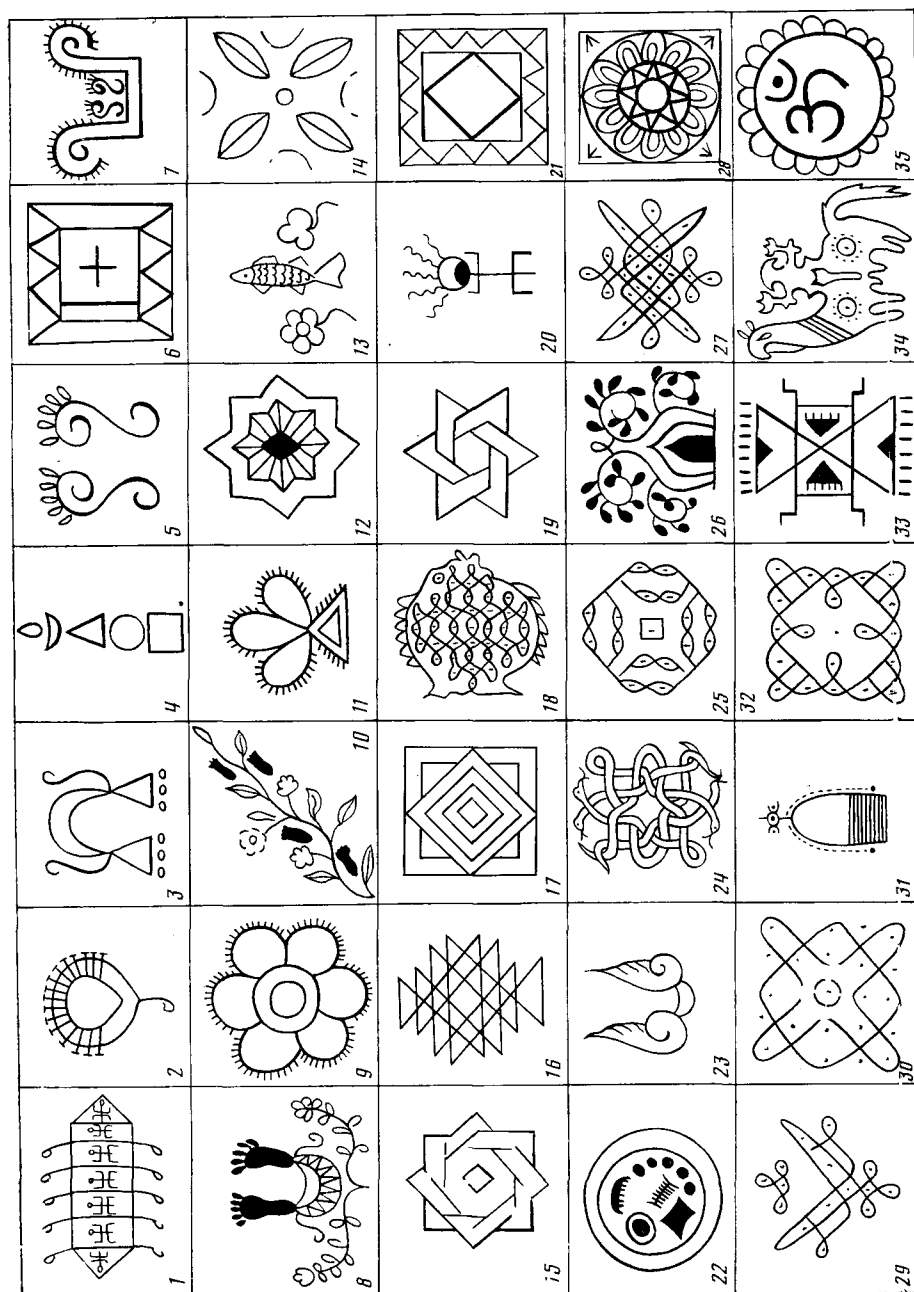
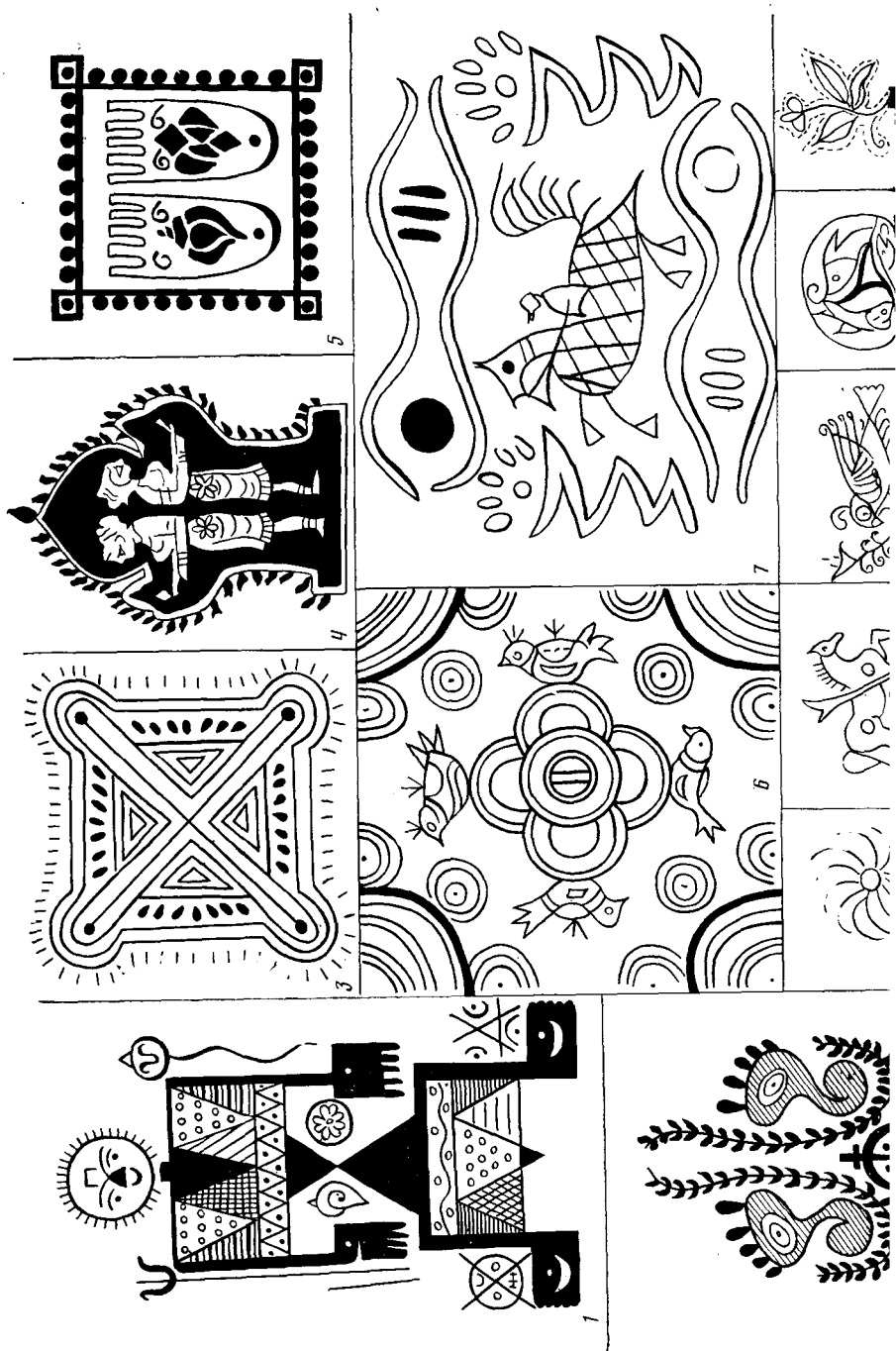

Табл. II.

Узоры, которые создают крестьянки, очень похожи на янтры и «волшебные круги» деревенских колдунов.

В городах роспись нередко наносится прямо на пол, поэтому ее называют «напольным узором»³. Иногда ею покрывают весь пол. Но чаще рисунки наносят на землю у порога дома, во дворе, а также на пол и алтарь молитвенной (пуджа) комнаты. Так, например, во время праздника огня *Дивали* в брахманской семье рядом с домашним алтарем кладут грунт из красной глины, а на поверхность его — тонкие полоски теста в виде символической диаграммы-янтры, внешне напоминающей напольную роспись.

Традиционный узор имеет конкретное назначение и приурочивается к разным событиям: к определенному празднику, началу сева или сбора урожая, к проводам или встрече родных и друзей, к рождению ребенка или первому уроку в школе, к свадьбе и т. п. В последнее время в Индии стали проводиться конкурсы на самую красивую роспись, устраиваются выставки современной и традиционной росписи, издается посвященная ей литература.

Как считает индийский искусствовед Шанти Сваруп, роспись состоит из двух частей: церемониальной и декоративной⁴. Первая часть основана на сложной системе канонических представлений. Во второй — проявляются индивидуальность автора, его этническая и кастовая принадлежность. Сюда включают различные геометрические фигуры, стилизованные изображения людей, животных, растений, мифических существ, раковин и других предметов, а также отпечатки ступней, ладоней человека и копыт коровы, которые, как и ритуальные символы основной части, соотносятся с определенными божествами. Этот традиционный узор возник еще в первобытном обществе на основе древних представлений об окружающем мире, а также верований и магических обрядов, которые в наши дни забыты.

Многочисленным божествам индуистского пантеона соответствует огромное множество специфических символов и знаков, которые часто можно видеть в росписи на земле⁵.

Так, вишнуитские знаки — бело-красная двузубая вилка с черной точкой, раковина, шалаграмма-шила (черный аммонит — окаменевшая раковина), лотос, булава, чакра и т. д. (табл. I, 23; III, 13, 18—20). Особые знаки шиваитов — тилак (ам) — две или три горизонтальные линии белого, иногда серого цвета, а также трезубец, полумесяц, трилистник или пятилистник растения бильвы, связанного с культом Шивы (табл. I, 9, 11; III, 5, 15). Широко распространенным символом бога является *шивалингам* (фаллос)⁶, олицетворяющий творческое начало⁷ (табл. I, 26, 31). Изображение символа имеет много вариантов. Лингам — центральный мотив в росписях, создаваемых во время праздника *Шиваратри*, отмечаемого в ночь на четырнадцатый день темной половины месяца пхальгун (вторая половина февраля). Этот же символ в сочетании со знаком богини Парвати — *йони* — обязательный элемент росписи религиозного праздника *Хариталика*, который празднуют в полнолуние месяца чайтра (март — апрель). В этот день молятся не только Шиве, но и его супруге, символ которой тесно связан с древним культом плодородия, с почитанием богини-матери⁸, олицетворяя женское начало, а также Солнце (или Луну), бесконечный круговорот жизни и воду (табл. I, 34). Для буддистов это символ Будды и вечности. Индуистские астрологи рисуют круг в воскресный день, день Солнца, почитая его таким образом. Бенгальские женщины почитают и мать бога Солнца Сурьи, богиню Адит. К утренней пудже, совершаемой в первое воскре-

³ Традиционный орнамент на полу. — Индия, 1975, № 2(43), с. 30.

⁴ Swarup Sh. The Arts & Crafts of India and Pakistan. Bombay, 1957, p. 86—87.

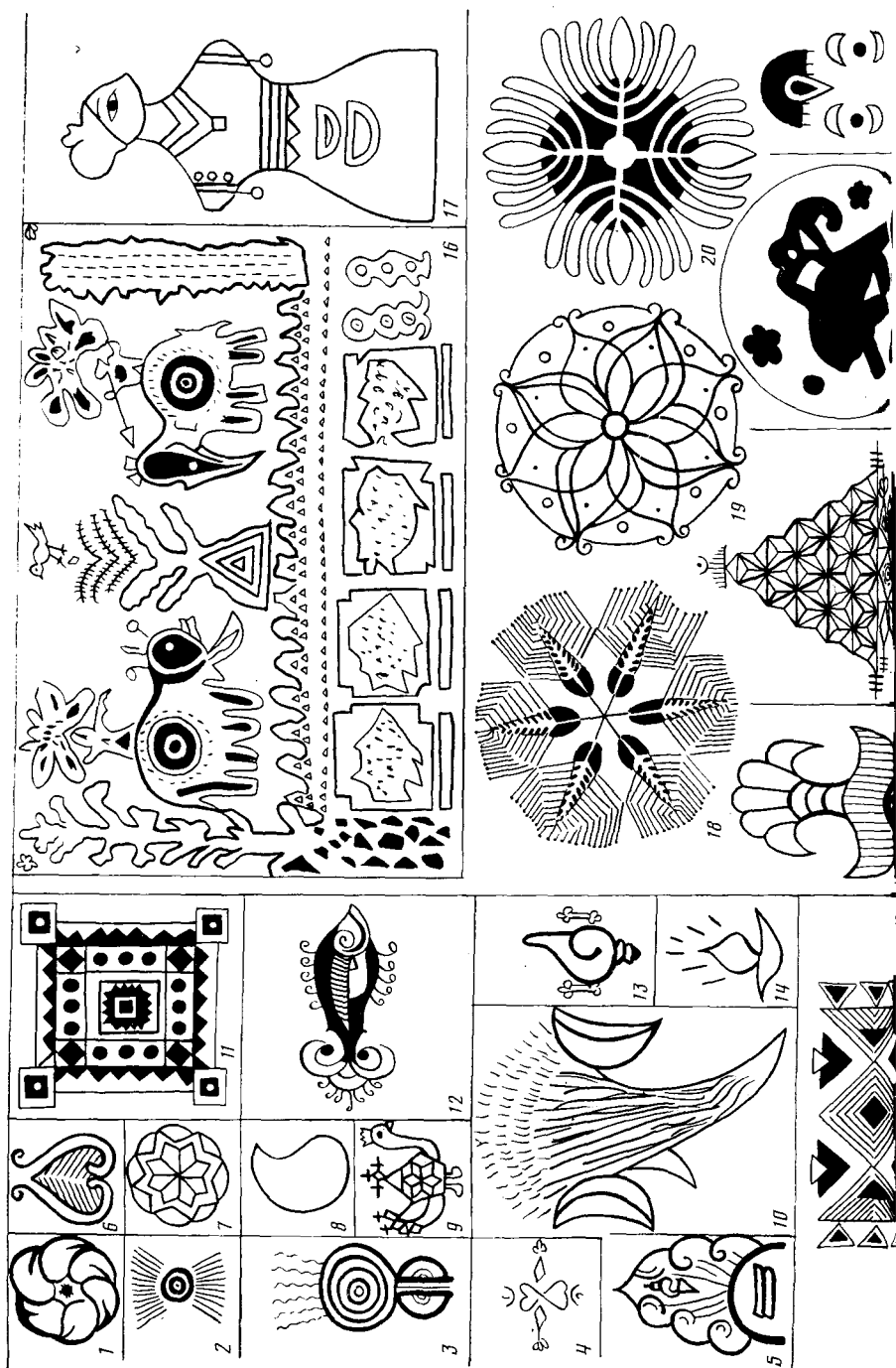
⁵ Bhavani E. Decorative designs and craftsmanship in India. Folk and tribal designs of India. Bombay, 1974, p. 45—47.

⁶ Birdwood G. C. M. The Industrial Arts of India. L., 1888.

⁷ Снесарев А. Е. Этнографическая Индия. М.: Наука, 1981, с. 46.

⁸ Пергольд О. Культ богинь. — В сб.: Боги, брахманы, люди, с. 91.

Табл. III.

ные месяца шраван (июль — август), они красной сандаловой пастой листе бетеля рисуют круг, затем плетут кольцо из листьев и шести тей с узлами⁹.

В обрядовой росписи нередко присутствует древний символ *кунди*¹⁰, ицетворяющий единение лингама и йони, изображение которого также встречается в магических диаграммах и произведениях искусства абл. II, 3; III, 22). В свадебных росписях и тантрических знаках кунд символизирует шакти¹¹; его изображают в виде кругов, черточек, часто заключенных в треугольник — символ благополучия¹². Наиболее часто он фигурирует в росписи колам (табл. I, 29—30) или аньял абл. I, 26), а также в алпоне (табл. I, 10, 11), ранголи (табл. I, 19) и андане (табл. I, 33).

К древним орнаментальным мотивам относятся солярные знаки: крест, спираль и др. — важный элемент многих напольных узоров (табл. I, 6). Они часто помещаются рядом с изображением Солнца (или именуют его) (табл. II, 8, 9), богини Лакшми или ее символами (табл. I, 1, 23) и слоголового бога Ганеши (табл. III, 10).

В росписях нередко растительные и животные мотивы (табл. I, 18, 4; II, 6, 7; III 16, 23 и др.). Древние тотемы вошли в индуизм в качестве условных изображений божеств — вахан. Как считают индуисты, вахана — это своеобразное «средство передвижения» богов. Она воспринимается и как само божество, поэтому ею нередко заменяется изображение бога (табл. III, 12, 21).

Существуют и особые знаки, связанные с воплощениями богов и их трибутах. Особенно много воплощений (аватар) у Вишну, которым соответствуют определенные знаки, встречающиеся и в росписи: лотос, акра, топор, палица, листья тулси, карлик, кабан, раковина *Панча-жанья*, черепаха *Курма*, рыба *Матсья*, лампа *дипа*, звездная дипа, оливетворящая звезду и др. (табл. I, 13; II, 4; III, 9, 12, 14).

Вишнуистские символы, а также аватару Вишну — карлика Вама — южанки (штат Керала) рисуют в традиционный керальский Новый год *Онам*, который празднуют в сентябре, сразу после окончания мусонных дождей. Подготовка к нему начинается за десять дней: крестьяне заново покрывают навозом пол в хижинах, чистят до блеска металлическую утварь, украшают двор росписью из рисовой пудры. Неотъемлемая часть праздника — составление цветочного ковра-мозаики *Атхаппуовидаль*¹³. Ранним утром дети собирают цветы, необходимые для ритуального ковра *Онам*. По древнему обычаю узор из цветов могут выкладывать только девочки или молодые девушки, которые делают это после омовения, надев новую одежду. В центре цветочного ковра помещается священный знак *онатхаппал*, терракотовый символ Махабали, правителя, некогда царствовавшего в древнем городе Махабалиपुरаме (близ Мадраса)¹⁴. Помимо ковра из цветов во время праздника Онам создается роспись аньял, где в виде символов повествуется о счастливом царствовании этого правителя и о деяниях Вишну, хитростью победившего его¹⁵. Поэтому в узоре присутствуют вишнуистские знаки и символы. В аньяле повторяется и ряд мотивов ритуальных росписей, создаваемых при совершении некоторых храмовых церемоний. Во время религиозных праздников Южной Индии на пол храма (или в прихрамовом

⁹ Gupta B. A. Hindu Holidays and Ceremonials with Dissertations on Origin Folklore and Symbols. Calcutta, 1919, p. 1—2.

¹⁰ Иногда кунди воспроизводится в виде фигуры мужчины-женщины Ардхаваришвары, означающей союз бога со своей шакти, для шиваитов — Шивы и его супруги Парвати. — См., Бзшем А. Чудо, которым была Индия. М.: Наука, 1977, с. 333.

¹¹ Кондратов А. Тантра теряет тайны (шакти, мантры, янтры). — В кн.: Атеистические чтения. М.: Политиздат, 1971, с. 65—67.

¹² В Индии треугольник означает жизненную энергию, благодаря которой бог «манифестирует свои потенциальные качества». — См., Гринцер П. А. Шакти. — В кн.: Мифы народов мира. М., 1982, т. II, с. 657.

¹³ Census of India. 1961. v. 1. Monograph Series, Part VII-B. Monograph № 2. Onam. A Festival of Kerala. New Delhi, 1966, p. 15.

¹⁴ Наур Г. Р. Онам. Большой праздник Кералы. — Индия, 1983, № 3(76), с. 30.

¹⁵ Бзшем А. Указ. раб., с. 326.

дворе) наносит ритуальную роспись *комэжуту*, основным компонентом которой является фигура бога (обычно местного божества, не отождествляемого с Вишней или Шивой). Контур рисуется белой краской, а сама роспись — яркими цветными красками. Затем роспись «оживляется» исполнением обрядового танца *дживапраптишта*¹⁶. Профессиональные колдуны и одновременно танцоры-заклинатели перед своими «магическими» действиями создают рисунки, многие из которых внешне похожи на аньялы колам. Затем на этих изображениях они исполняют ритуальные танцы, которые, как считает народ, связаны с лечебной магией.

Росписями с вишнунскими символами и знаками, а также цветами украшается дом и двор на восьмой день темной половины месяца бхадра (август — сентябрь), когда отмечается праздник *Джанмаштами*, священный синекожему богу Кришне. В течение месяца идет танцевальное представление *Кришнахила*, которое, как и роспись, повествует о приключениях божественного пастуха.

Эту аватару также почитают и в самый веселый праздник Халдхи, справляемый в полнолуние месяца пхальгун (февраль — март) и связанный с почитанием Вишну и Шивы. В праздничной росписи присутствуют многочисленные символы Вишну, а также своего рода иллюстрации легендам о некоторых его аватарах; изображения Кришны, играющего на флейте, и его возлюбленной Радхи с коровами, или царевича-пастуха в окружении пастушек-гопи, геометрические фигуры, символически представляющие любовь.

На юге этот праздник связывают с богом Камой, поэтому здесь рисуют узоры, включающие знаки этого божества: лук, стрелы, пчелы, мифическое существо *макара*, а также лингам и йони божественной четы Шивы и Парвати в самых удивительных сочетаниях с цветным орнаментом, круговыми и треугольными узорами, солярными знаками (табл. I, 3; III, 2, 11).

Роспись, объединяющая символы другой божественной пары — Вишну и Лакшми — обычно создается во время вишнунского праздника *Рамнавами* (в день рождения Рамы), а также в *Виджайдашми* (в день победы Рамы над раксашем Раваной, правителем Ланки). С помощью этих символов иллюстрируется «Рамаяна», нередко среди них встречаются слова: Рам, Рам, изображения раковины — символа победы (табл. I, 23; III, 13). Роспись с символами Вишну и Лакшми (вернее, аватар — Рамы и Ситы), прославляя их, олицетворяет счастье и процветание (табл. II, 2, 5). Символами богини Лакшми служат изображения ее ваханов — попугая (табл. II, 10), отпечатки ног — знаки счастья (табл. I, 5, 7, 8, 10; II, 2, 5), зерна риса, означающие богатство и процветание (табл. I, 14; II, 3; III, 18), и лотос (табл. III, 19, 20). В росписи колам лотос приобретает вид восьмиконечной звезды *Хридайя Ка* (лотос-сердце).

Символы богини Лакшми (она же Падма или Камала) распространены в обрядовой росписи разных народов, приуроченной к различным праздникам. Но они особенно популярны во время праздника Дивали, отмечаемого в месяце картика (октябрь — ноябрь) через три недели после празднования *Виджайдашми* в последний день темной половины лунного месяца, так как с Дивали совпадает и день богини счастья, празднуемый по всей стране. Индианки рисуют узор, иллюстрирующий «Рамаяну», так как этот праздник символизирует коронацию Рамы царством, победу света и сил добра. Важный элемент росписи — изображения фитиля (табл. II, 4; III, 14), а также лотос, ступни ног и попугай. *Чаран* (следы) изображают в надежде на то, что таким образом приглашенная богиня посетит дом и дарует ему благополучие. Дом обильно украшается цветами, а на пол и во дворе наносится узор. Праздник длится семь дней, при этом в каждый день недели созда-

¹⁶ Кхокар М. О религиозном содержании индийских танцев. Индийский этнографический сборник. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. LXV. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 75.

событий рисунок. В Гуджарате (Западная Индия) существует огромное множество различных узоров для Дивали, но в качестве основных элементов используются символы Вишну и Лакшми, а также изображения ила. В Махаращтре (Западная Индия) Дивали отмечается как праздник справедливого правителя. Женщины рисуют коровьи копыта — знаки благопожелания. В Центральной Индии во время этого праздника издается роспись *чоуки*, посвященная Лакшми, реке Сарасвати. Это на пересеченных треугольника, окруженных 24-лепестковым цветком в кругом, часто украшенным отпечатками ног Лакшми. Рисунок имеет несколько вариантов: лотос, его треугольные лепестки и бутоны, треугольники, солярный знак, следы, раковины и зерна риса. Рис — символ процветания и урожая, тесно связанный с образом богини счастья, широко распространен в росписях бенгальских крестьянок.

В Бенгалии Лакшми считают и повелительницей местных божеств, ожая, после сбора которого отмечается ее праздник. Крестьянские жены обязательно украшают росписью со знаками Лакшми. Землю списывают рисовым порошком. Обращаясь к божествам с графической молитвой, женщины стремятся отвести от своих семей беду, а также просят хорошего урожая (табл. II, 1, 2, 3; III, 16, 18). После соевания плодов и злаков женщины также создают алпону, где в центре ходится волшебное дерево *мандир*, — символ плодородия и жизни (табл. I, 26). Рисуя женщины поют:

Мы поклоняемся нарисованному мандир-дереву,
Которое обещает нам амбары, полные риса и зерна,
Мы поклоняемся рисунку [из рисового порошка] с изображением мандир-деревца,
Зная, что наша родина будет богата золотом и серебром¹⁷.

В месяц ашвин также совершается *Сарасватипуджа* — моления и жертвоприношения богине Сарасвати. Обычно это домашний праздник брахманских каст. Некогда в этот день начиналось обучение мальчиков. При посвящении мальчика пяти-шести лет в ученики домашний жрец рисовал на полу символы Сарасвати — переплетения треугольников, а также писал первые три буквы алфавита деванагари¹⁸. Обычно буквы вписывались внутрь треугольника и составляли часть самой росписи. В наши дни малыша знакомят с первыми буквами, усадив его на украшенное узором и цветами почетное место¹⁹. Богине также посвящают особую роспись *сарасватичоуки*, которая представляет собой два пересеченных треугольника или квадрата с 16-лепестковым лотосом (табл. I, 15, 17, 19). Иногда в четырех углах квадрата, символизирующих Веды, помещают изображение листьев бетеля, а в центре — треугольники и цветок (часто рисунок заменяется живым цветком). В квадрате также рисуется шести- или восьмилепестковый лотос, восьмиконечная звезда и т. д.

Во время инициации мальчиков создается следующая роспись: круг с лучами, вокруг которого рисуют цветы, раковины и семь звезд Большой Медведицы — олицетворение семи звездных мудрецов (риши)²⁰.

Пятю маргха (январь — февраль) богиня Сарасвати почитается как Винапани — играющая на щипковом инструменте *вина*, т. е. как покровительница искусства. В праздничной росписи *Васант Панчами* — изображения вины. Дома украшают желтыми и белыми цветами: желтый цвет символизирует весну и возрождение жизни, а белый — знание и

¹⁷ Irwin J. Indian Textiles in Historical Perspectives. Textiles and Ornaments of India. Museum of Modern Art. N. Y., 1956, p. 31 (перевод автора статьи).

¹⁸ Gupta B. A. Op. cit., p. 188.

¹⁹ Гангулова М. Праздники жизненного цикла. — В сб.: Боги, брахманы, люди, с. 274.

²⁰ Индийские астрологи приписывают этим мудрецам (риши): Кашьяпа, Атри, Ватсхита, Вишваматри, Готама, Джамадагни, Бхарадваджа — способность оказывать влияние на планеты, а соответственно и на судьбы людей. Их почитают и как авторов ведических гимнов, а брахманы считают их высшими правителями Вселенной, ставя выше богов. — См.: Леопольд Ф. Руководство к древней истории (от персидских войн). — В кн.: Индийцы, ч. II, вып. 2. Киев, 1879, с. 463.

Брахму (поскольку Сарасвати его дочь или, по другим представлениям — жена). В рангавлике Махараштры рисуют лебедя — вахану Брахмы алпоне Бенгалии — павлина, вахану Сарасвати.

По традиции Ганешу или его вахану — крысу (мышь) — рисуют, алая человеку удачи. В праздник *Ганешачатурхи* маратхские кресты отмечают и праздник урожая. Женщины, создавая узоры, просят э бога о дожде. В росписи присутствует также изображение головы Гаши в виде снопа риса (табл. III, 10). В день рождения бога удачи все рисуется какой-либо солярный знак, нередко заменяющий образ б

Четвертого шравана (июль — август) Ганеша почитается вместе своей матерью Парвати (точнее, с ее воплощением — Гаури). В день совершается обряд повязывания желтой и красной шерстяными тнями с шестнадцатью (или двадцатью одним) узлами. Каждая нить ошнана жрецом; желтая представляет Гаури, а красная — Ганешу. Де делают шелковые амулеты: красные повязывают мальчикам, а желтые девочкам. На амулетах изображены символы и ваханы бога и богини капля (табл. I, 2; III, 8), солярный знак, лягушка и мышь, присутствующие и в обрядовой росписи. Солярный знак — символ Ганеши, а капля Гаури. В полнолуние на полу красным порошком рисуется капля, а верх нее рисовой мукой — солярный знак.

Каплю богини Гаури рисуют и к посвященной ей пудже в конце месяца чайтра (март — апрель). Девушки и молодые замужние женщины одетые в праздничную одежду, принимают участие в церемонии *хал кунку*, во время которой с помощью порошка из халди (растение, из которого получают краску желтого цвета) и шафрана они создают узор с символами Гаури. Желтой пудрой халди (или куркум) рисуют квадрат, поверх которого красной пудрой гулал наносят каплю, а белой кой — солярный знак²¹.

Богиню Парвати почитают также в воплощении желтоликой Дурги. При проведении *Дургапуджи* в Бенгалии и Майсуре создаются узоры где нередко рисуют и богиню, вернее, ее глиняную скульптуру (табл. I, 17). Сама пуджа совершается перед глиняным сосудом, поставленным на глиняный же квадрат с магической диаграммой²². В диаграмме-янт воспроизводится символ женского начала и шакти (табл. I, 33). С помощью крестьяне обращаются к божествам с просьбой о хорошем урожае. Во время Дургапуджи рисуют солярный знак с девятью точками расположенными по вертикали, и девятью — по горизонтали. Под точками подразумеваются девять воплощений богини, которым верующие поклоняются на протяжении девяти дней праздника *Наваратри*.

В культе южноиндийской богини Кали (Махакали) — Великой Чорной богини — распространен красный цвет. У алтаря храмов Кали женщины обычно создают узоры из порошка красного цвета, символизирующего кровь. Красный порошок также главный компонент узоров, необходимых для религиозных обрядов, связанных с почитанием богини-матери. Узор из этого порошка наносят только девушки и молодые замужние женщины. Таким образом, красный цвет заменил собой кровь приносимой жертвы, напоминая о кровавых жертвоприношениях, а также менструальной крови женщины — потенциальной матери. В росписях, посвященных Кали, присутствуют стилизованные изображения растений красного и белого цвета (табл. I, 2, 14; II, 12; III, 1—4, 6, 7), черточечки, концентрированные круги, треугольники или пересеченные квадраты *питхи*, вокруг которых рисуют чаран (следы) Лакшми и копыта ковы. Такие узоры женщины создают, желая родить сына (табл. III, 2). В любой индийской семье на росписи можно видеть много детских символов, означающих, по мнению верующих, что дети таким образом обрзают благословение богов. Нередки и красные отпечатки ладоней, служащие молитвой о даровании детей и об оберегании их от различных бед.

²¹ Gupta B. A. Op. cit., p. 78.

²² Степанянц М. Т. Лотос на ладонях (заметки о духовной жизни индийцев). Наука, 1971, с. 16—17.

Свадебная роспись также включает в себя ладонь²³ и другие символы брака — солнце и луну (полумесяц). Во время свадьбы по традиции рисунками покрывают пол и возвышение, на котором должны сидеть молодожены (табл. 1, 3; III, 11). Знаки, идентичные свадебной росписи, можно видеть также на ритуальных атрибутах (веер, зонт, полотенце), в узоре освященных тканей-покрывал, жреческих накидок, на колыбелях аворожденных, не получивших еще имени²⁴. Во время свадьбы на полу рисуют и кунди в виде кругов и черточек, обычно заключенных в треугольники. Фоном чаще всего служит коричневая глина. Коричневый цвет и разные его оттенки отождествляются с землей и символизируют эмоциональное настроение, соответствующее и чувству (бхаве) любви (шрингара). Многие элементы свадебной росписи наносятся не только на пол и особое возвышение, но и на тело невесты (например, роспись *лехенди*, особенно популярная в Западной Индии), на стены спальни новобрачных. Они присутствуют в орнаменте красного, зеленого, белого или золотистого наряда невесты, в украшениях и амулетах молодоженов.

Накануне свадьбы в доме невесты происходит особая церемония «купания» (осыпания) невесты в желтом порошке халди (куркум), а женщины со стороны новобрачной создают на полу роспись, включающую круги и солярные знаки. К дню свадьбы изображается один или два солярных знака, при этом их крючки направлены в разные стороны. Правосторонний знак — мужской, связанный с представлением о весеннем солнце и зарождении жизни (знак жениха), а левосторонний — женский и связан с осенним солнцем и рождением (символ невесты). В соответствии с древним обычаем, во время свадебного обряда новобрачная должна входить в дом своего жениха по символической диаграмме, созданной жрецом, совершающим брачный церемониал. Здесь также центральным мотивом является солярный знак, который жрец наносит красным порошком поверх рассыпанного в виде круга риса.

Такой же знак рисуется во время праздника *Ракшабандхан*, когда девочка, девушка или женщина повязывает на запястье брата (или друга) ленту-амулет, а на лоб ему наносит красный тилак, после чего он считается ее «защитником и покровителем», а нередко — названным братом. На амулетах запечатлены узоры, многие из которых повторяют роспись праздника Ракшабандхан. Ее центральный мотив — солярный знак или священный слог Ом, которому приписывается творческая сила.

Солярные знаки рисуют также во время праздников, связанных с культом змей (таких праздников насчитывают около семи), изображение которой в таких случаях обязательно (табл. I, 24; II, 7). В Бенгалии во время праздника верховной богини змей создается алпона с разнообразными узорами (свыше сорока типов)²⁵. Обычно около росписи кладется свежий цветок²⁶. В Южной Индии богу Нагадеву посвящают роспись колам и ритуальный танец *памбу тхуллань*, который, как считают индуисты, «оживляет изображение». Ритуальные диаграммы с тремя змеями (красной, черной и белой) рисуют также в помещении, где находится большой²⁷.

Росписью с изображениями змей и вишнуитскими знаками покрываются также священная дорога, по которой во время праздника колесниц (месяц ашарх (июнь — июль) проезжают колесницы со статуями богов Джаганнатха, Балабхандры и Субхандры, которые, как предполагают некоторые ученые, олицетворяют три основных вида индийских кобр²⁸.

²³ *Хаста* (ладонь) — символ свадебной церемонии. Еще в древней Индии во время свадьбы соединяли руки новобрачных. Если жених хотел иметь сына, он касался большого пальца невесты, если дочь — остальных пальцев, если же он желал много детей, то сжимал всю кисть. — См., *Ильин Г. Ф.* Идеологические системы древней Индии. Ветх. — В сб.: *Культура древней Индии*. М.: Наука, 1975, с. 87.

²⁴ Традиционный орнамент на полу. — Индия, 1975, № 2 (43), с. 30—31.

²⁵ *Chatterjee T. M.* Alpona Ritual Decoration in Bengal. Calcutta, 1948.

²⁶ *Cattopadhyay K.* Handicrafts of India. New Dehli, 1975, p. 28.

²⁷ *Кхокар М.* Указ. раб., с. 76.

²⁸ *Swarup Sh.* Op. cit., p. 88.

Отдельные росписи женщины создают безотносительно к какому-либо торжеству или событию. Например, индианки рисуют скорпиона, символизирующего человеческие страдания, чтобы отвести несчастье от родных и близких; коровьи копыта, которые, по их представлению, так же, как лотос, рыба, лампа дипа и др.—знаки благополучия (табл. II, 11; III, 9, 12, 23).

При внимательном рассмотрении обрядовой росписи, росписи-благословения или ритуальной диаграммы можно заметить, что они внешне похожи, так как техника нанесения их основного рисунка на горизонтальной поверхности с помощью текущих струек порошковой краски одинакова. Помимо чисто внешней стороны роспись несет в себе и скрытое смысловое значение, дающее возможность составить представление об эволюции мировоззрения индийцев на протяжении веков. Большая часть знаков и символов восходит к хараппской цивилизации. Некоторые элементы современной орнаментальной росписи сходны с изображениями на протоиндийских печатях (табл. I, 1, 20, 22). Часть этих знаков претерпела сильные изменения под воздействием культур разных народов, населявших Южную Азию и оставивших свой след в культуре данного региона. Со временем одни ритуалы, сопровождавшиеся созданием магических росписей, упрощались или усложнялись, полностью или частично утрачиваясь, получая совершенно иное содержание или назначение, глубоко отличное от первоначального. Например, некогда роспись янтры была призывом к божеству, важной частью религиозной церемонии, совершаемой всегда по благоприятному поводу: в начале сева и сбора урожая, в начале или конце муссонного дождя, во время коронации нового правителя, семейных торжеств и религиозных праздников. До наших дней дошли только отголоски некоторых древнейших обрядов, связанных с нанесением ритуальных узоров.

Принцип создания росписи в определенные дни и на определенном месте, как и ее функциональное назначение, со временем изменился: магического знака, создаваемого во время того или иного обряда, превратилась в декоративный узор, украшающий дом или храм. Отдельные рисунки напольной росписи, в частности колама и ранголи, с точностью повторяются в татуировке некоторых каст и племен Южной и Центральной Индии. Отдельные мотивы бенгальской альпоны также имеют много общего с татуировкой ряда племен Бенгалии²⁹. Эти рисунки повторяются и в росписи *мехенди*, наносимой хной на тело невест.

Многие элементы росписи можно видеть в архитектурном декоре, скульптуре и живописи, в произведениях декоративно-прикладного искусства Индии, в частности в текстильных изделиях и ювелирных украшениях, где они, потеряв свое первоначальное символическое значение, превратились в декоративный узор-украшение. Таким образом, обрядовая роспись Индии — это традиционный узор, где окружающий человеческий мир воспроизводился через призму понимания и ощущения древних. В наши дни древняя символика напольных рисунков отступила на задний план, и многие индианки уже не могут объяснить, что рисуют. Они считают, что так издавна делали их бабушки и матери, сейчас — сами, и будут делать их дочери и внуки. По их мнению, красивые узоры приносят семье счастье и удачу, отводят беду. Знание символов всех элементов росписи для них, как они думают, необязательно, так до сих пор секреты употребления и толкования разных знаков добросовестно хранят брахманы.

Современные индианки, нанося роспись на домашний алтарь перед пуджей, создают ритуальную диаграмму — «видимую молитву», таким образом участвуя в религиозном обряде. Но, нанесенный традиционным материалом (обычно мукой) или современными сухими красками (целым порошком мела), узор становится декоративным орнаментом. Ча

²⁹ Тофейл А., Шафикул А. и др. Народное искусство Бангладеш.— Культуры (журнал): самобытность и многообразие). Юнеско, 1983, № 2, с. 96.

рисунок существует одно мгновение, его никто не видит, кроме самой женщины, создающей узор: порошковое изображение быстро исчезает: его сдувает ветер, съедают насекомые или птицы, сметает сама женщина. Тогда это не только украшение. Здесь большую роль играет не сам узор, а собственно процесс его создания, когда индианка, приобщаясь к красоте форм и цвета, создает себе особый психологический настрой. Возможно, искусство расписывать пол в праздничные дни или во время религиозных торжеств можно рассматривать не только как стремление человека к красоте и исполнение религиозного обряда, но и как своеобразный аутотренинг, создание в себе положительных чувств и эмоций. Создавая орнамент, индианки, отчасти не сознавая этого, отчасти сознательно, переосмысливают древнее мироощущение применительно к своему образу жизни. Благодаря этому древние традиции не умирают, находя отклик у все новых и новых поколений индийцев.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

З. П. Соколова

ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ ЗАГАДКИ

К сожалению, деревянные надгробия быстро исчезают, так как дерево быстро выветривается. Возможно, что мы никогда не сможем узнать их происхождение и значение, поскольку не обладаем более ценными историческими материалами.

Текла Деж

Уже почти столетие умы ученых — этнографов и археологов Венгрии — занимают деревянные надгробные сооружения, характерные для некоторых венгерских кладбищ. Они всегда казались необычными и даже загадочными.

Надгробия в виде половинок лодок я впервые увидела на венгерском кладбище в Будапеште в 1972 г. В один из осенних дней вместе с сотрудницей Института этнографии Венгерской Академии наук Ю. Морвей, вдовой известного этнографа-сибироведа Вильмоша Диоси, мы поехали на кладбище, где похоронен ее муж. Когда мы уже уходили с кладбища, Юдит специально провела меня в один из его уголков и показала диковинные надгробные сооружения в виде половинок лодок. Огромные, выше роста человека, окрашенные в черный цвет, вкопанные в землю чуть наклонно, они производили большое впечатление. Как сказала тогда, что чаще всего такие памятники ставят на могилах венгров, живущие в восточной части страны.

С тех пор прошло немало лет. Проблема близких аналогий в культуре хантов и манси, с одной стороны, и венгров — с другой, интересовала меня, и я постепенно подбирала материалы. Для доклада на VI Международном конгрессе финно-угроведов в Сыктывкаре (1985 г.) я выбрала тему «Этнокультурные связи обских угров и венгров». С одной из разделов доклада был посвящен венгерским надгробным сооружениям.

Интерес к этим надгробиям возник среди венгерских этнографов еще в прошлом столетии, и существует посвященная им довольно обширная литература². Надгробные памятники подобного рода разнятся по форме.

Католики в Венгрии ставят на могилах кресты, а некоторые протестантские деноминации кальвинистской реформатской церкви — надгробные сооружения в виде либо половинок лодок, либо столбов различной формы, так называемые «фейфа».

Памятники в виде половинок лодок больше всего распространены в равнинной части Восточной Венгрии, в верховьях Тиссы и восточнее, особенно в местностях Сатмарчеке, Самошер, Барабаш, Тиссасамартон. Они вырезаны из ствола дуба, обструганы и отполированы.

¹ *Dömötör T. Ungarische Volksbräuche. Budapest, 1972, S. 75.*

² См. библиографию: *Hoppál M. Népművészet és Etnoszemiotika. — Népi Kultúra Népi Tarsadalom, XI—XII. Budapest, 1980.*

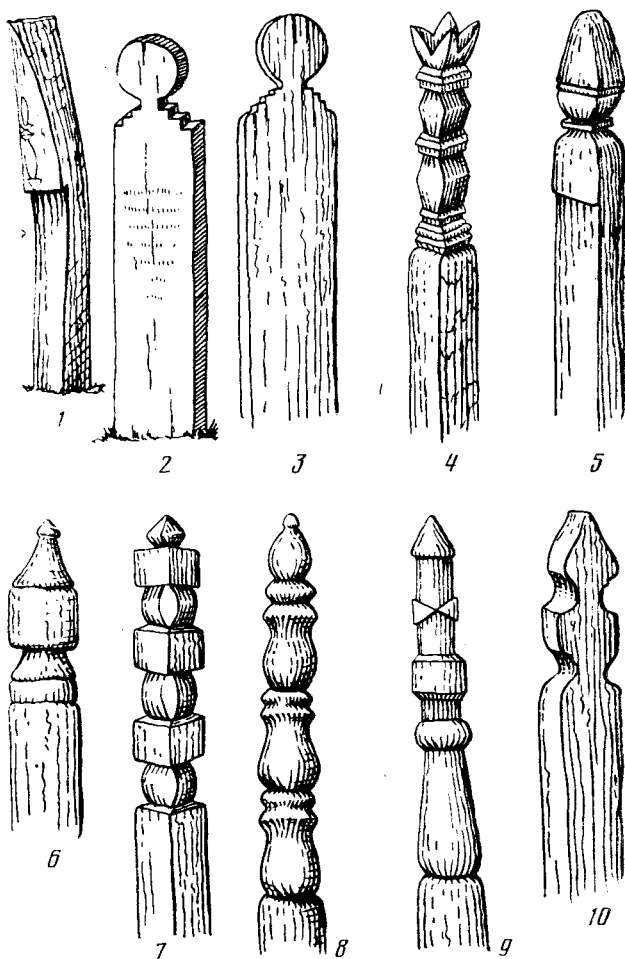

Рис. 1. Венгерские надгробные сооружения (1—2, 4—10) и столб у ворот (3): 1—2 — Норпál, 1980; 3 — настольный календарь Сэн-тэндре 1982 г.; 4—10 — Novák, 1978

высота их наземной части не менее 180 см, в землю они вкопаны на 55—70 см. Если подземная часть со временем гнивала, сооружение вкапывали глубже. Верхняя часть памятника — шестигранная, резная с изгибом, заостренная — весьма напоминает нос лодки. Раньше такие надгробия обжигали, смолили, позднее стали красить черной краской. Обычно сооружение вкопано в землю чуть наклонно. На торцевой части надгробия с 1920-х годов стали делать насечки, придающие ему антропоморфный вид. Там же расположены различные надписи: сведения об умершем (имя, фамилия, даты рождения и смерти), эпитафии и другие тексты (см. рис. 1, 1).

Более 50 лет назад этнограф Шандор Солимоши впервые высказал мнение о том, что обыкновенные ставить такие памятники является дальнейшим развитием старого угорского обычая хоронить умерших в челоуках³. Его последователи отождествляют подобные памятники с лодками, а их фасады — с человеческими лицами⁴. Некоторые ученые высказываются более осторожно, относя такие надгробия вообще к дохристианскому времени. Наконец, третья группа ученых считает, что их происхождение и время возникновения спорны⁵. В последние годы точ-

³ *Solymossy S. Ósi feifaformák népünknel.* — Ethnografia, 1930, 41.

⁴ Верхний Тисайский край. I. Географические единства этнографического музея под открытым небом. — Сэнтендрэ, 1980 (каталог), с. 77.

⁵ *Fel E., Hoffer T., K.-Csilléry K. Ungarische Bauernkunst.* Budapest, 1969, S. 22, 42, Abb. 11; *Balassa I., Ortutay G. Ungarische Volkskunst.* Budapest — München, 1982, S. 145, Abb. 51, 53.

Рис. 2. Намогильные сооружения на хантыйском кладбище у пос. Овгорт (р. Сыня). Фото автора

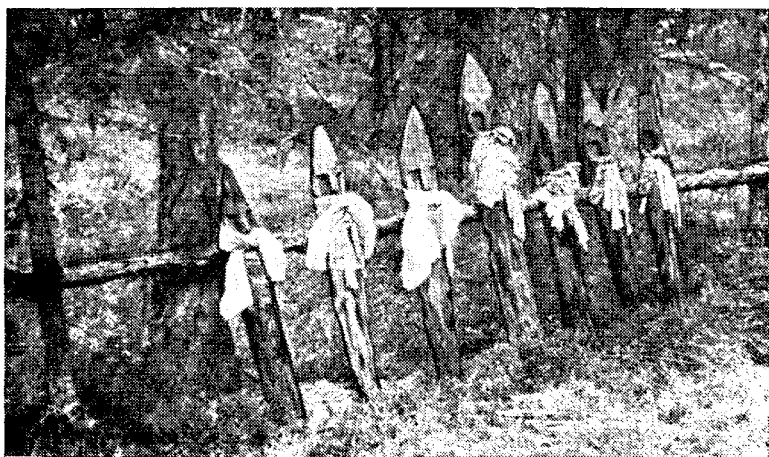

Рис. 3. «Семь братьев» — изображения семи мансийских духов на р. Хулга (приток Ляпина). Фото В. А. Корниенко

ка зрения Ш. Солимоши поддерживается некоторыми венгерскими археологами, особенно после недавней находки Андрашем Палоци в местности Сабадкйюш древнего венгерского захоронения с могилой в форме лодки. Но оказывается, не только тысячу лет назад, а еще 2 лет назад в Саррет — болотистой местности Восточной Венгрии венгры хоронили своих умерших в лодках⁶.

Ближайшие аналогии этому обычаю мы находим у обских угров селькупов. Во время похорон селькупы и восточные ханты разрезают лодку пополам, в одну половину клали тело умершего, другой накрывали его, как крышкой. Северные ханты и манси поступали иначе: с отпиливали у долбленной лодки нос, а иногда и корму (в зависимости от роста умершего), в оставшуюся часть помещали тело и накрывали его берестяным полотнищем, пришивая последнее к бортам лодки коровым корнем. У хантов, манси, части селькупов деревянное намогильное сооружение было похоже на домик, иногда повторяя конструк-

⁶ Fodor I. Die Grosse Wanderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien.— Budapest, 1982, S. 324, Abb. LIX

илого дома (рис. 2) ⁷. Подобные намогильные домики можно бы-
ружать лишь в тайге, где под рукой всегда много дерева. Нам
стно, какие намогильные сооружения строили предки венгров,
жили на территории своей прародины. (Некоторые ученые счи-
то она находилась в южной, лесостепной части Западной Сиби-
Путь предков венгров на их новую родину (на Дунай) также
дил в основном по степной и лесостепной зоне, где леса мало или
всем. Поэтому, вряд ли они могли ставить намогильные сооруже-
виде домиков. Но и это не бесспорно. Известно, что в местности
хат еще недавно холм на могиле имел форму крыши дома. На него
ли резной столб с навершием в форме копья; подобное же навер-
крепляли и на фронтовой стене жилого дома ⁹.
к я уже говорила, у современных венгров есть и другие типы
ильных памятников, так называемые «фейфа» (*fei* — голова, *fa* —
б) — резные столбы различной формы (ланцетовидной, кеглеобраз-
олодообразной, колоннообразной и др.), которые широко распро-
ены в Средней Венгрии, в Дунайской области, в междуречье Тис-
Цуная.

ычно в венгерской литературе надгробия в виде половинок лодок
йфа» рассматриваются вместе; очевидно, исследователи не счи-
то они имеют разное происхождение и значение. Но если их
шь отдельно друг от друга, думается, можно скорее приблизиться
азгадке.

жалуй, можно сказать, что пока еще нет удовлетворительной
фикации венгерских надгробий «фейфа», хотя их изучают уже
Основой классификации обычно становился какой-либо один
ак, чаще всего связанный с конструкцией сооружения. Например,
герском этнографическом лексиконе (Энциклопедии) выделяется
ппа «фейфа»: 1) пнеобразные (колодообразные), 2) колоннооб-
е, или столбы, 3) уплощенные (из досок). В классификации
нта выделены надгробия, которые ставили в ногах (один тип) и
вах умершего (четыре типа): 1) колодообразные, 2) столбы,
ебевидные, 4) уплощенные, из досок ¹⁰. При этом в одну и ту же
попали разные типы, и наоборот, одинаковые варианты можно
ужить в выделенных авторами этих классификаций различных
х. По-видимому, правильнее основывать классификацию не на
а на нескольких критериях, в том числе на характере происхож-
того или иного вида резных надгробий. Но это самостоятельная

нгерские «фейфа» делают из досок и из стволов деревьев; они
ные, четырехугольные, уплощенные в сечении. В разных местно-
х называют по-разному. Названия в основном отражают форму
ний: *gombfa* («шар-дерево»), *korjafa* («копье-дерево») и т. д.
обия украшают резными орнаментами и розетками; среди орна-
льных мотивов часто встречаются растительные (тюльпан, лилия,
ная ива как древо жизни, мировое дерево), астральные (солнце,
звезды) и др. Сейчас «фейфа» чаще всего окрашивают в черный
В прошлом они нередко различались по цвету окраски. Венгер-
тнографы установили зависимость цвета «фейфа» и мотивов ор-
тов от пола и возраста умершего (у мужчин — с навершием в
столпы, у женщин — с навершием в виде тюльпана или с пучком
черного цвета — на могиле старика, синего цвета — на могиле

елих Г. И. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1972, с. 66—
олова З. П. Новые данные о погребальном обряде северных хантов. — Полевые
вания Ин-та этнографии АН СССР, 1974. М.: Наука, 1975, с. 166; Семейная
сть народов Сибири. М.: Наука, 1980, с. 131, 136, 154, 155.
ереш П. Этнокультурное развитие угорских народов. — В кн.: Этнокультурная
населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978; Fodor J. Op.

unt E. Volkskunst ungarischer Dorffriedhöfe. Budapest, 1983, S. 65.

Magyar Néprajzi Lexikon, t. 2. Budapest, 1979, с. 99—100, 107; Kunt E. Op. cit.,
33.

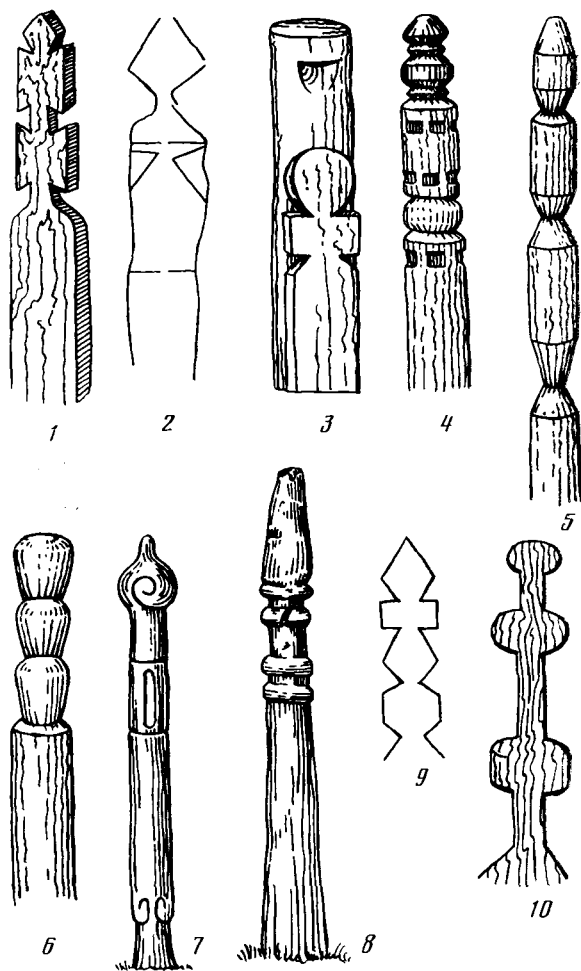

Рис. 4. Намогильные столбы (1, 3, 10) и коновязи (4—9) народов Сибири и Средней Азии: 1—2 — селькупы (А. В. Бауло), 3 — чуваша (П. В. Денисов), 4 — якуты, 5 — алтайцы, 6 — хакасы, 7 — тувинцы, 8 — киргизы (4—8 — С. В. Иванов), 9 — манси (С. И. Руденко), 10 — ханты (В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина)

молодого). В Трансильвании на могилах умерших насильственной смертью устанавливали надгробия красного цвета. Чем старше был умерший, тем крупнее и шире изготавливали «фейфа». Они были очень долговечны, срок их «жизни» — 60—90 лет, затем они разшались.

Согласно литературным данным, обыкновение ставить намогильные резные столбы «фейфа» связывается с появлением протестантизма XVI—XVII вв. До этого венгры-христиане ставили на могилах кресты, протестанты отказались от крестов и начали вкапывать в головы и ноги умершего резные столбы. Наибольшее развитие этот обычай получил в середине XIX в.¹¹

Как объясняют венгерские ученые значение и происхождение подобных надгробий? Чаще всего их считают изображениями, соответствующими кресту. Есть мнение, что это антропоморфные знаки; их происхождение связывают с почитаемыми финно-угорскими народами в прошлом деревянными изображениями духов — идолов либо с каменными бабами. Действительно, отдельные «фейфа» внешне напоминают острые головные и круглоголовные, а также многоголовые идолы обских угр-венгров, селькупов (ср.: рис. 3, рис. 1, 2, 5, 7, 8). Очень часто «фейф

¹¹ Novák L. A Duna-Tisza Köze Temetőinek Néprajza.— Cumania, V, Ethnographia, Kecskemét, 1978, p. 304.

исцениваются как символ человеческого тела, олицетворяющий дальнейшее (после смерти) бытие души¹². В связи с этим по поводу происхождения намогильных столбов также существуют разные теории. Одни ученые высказывают мнение о том, что данный обычай достаточно архаичен и относится время его возникновения к дохристианскому периоду. Другие не соглашались с этим. Например, Л. Новак считает, что, поскольку такие памятники ставят протестанты, этот обычай не является последним язычеством. Наконец, еще одна группа ученых констатирует ясность или спорность происхождения памятников «фейфа». Таким образом, единства мнений и ясности в этом вопросе пока нет.

А между тем в Сибири есть народы, которые также вкапывают резные столбы на могилах. Например, у тазовских селькупов (пос. Ратта) на могильном холме в ногах умершего ставят дощатый резной столб (рис. 4, 1). Причем это характерно лишь для захоронений, где нет намогильных сооружений в виде домиков. Правда, в одном случае на могильном домике обнаружен рисунок — «антропоморфное изображение», очень похожее на резной столб (рис. 4, 2). Г. И. Пелих, ссылаясь на Е. Д. Прокофьеву, сообщает, что в прошлом резные столбы *по-сэре* («священное шаманское дерево») помещали около селькупских жилищ¹³. Столбы с прорезанными на них антропоморфными изображениями, очень похожими на венгерские «фейфа», устанавливали на могилах чувашей (ср.: рис. 1, 2 и рис. 4, 3)¹⁴.

Когда якуты хоронили умершего (чаще всего вождя или знатного человека) вместе с его конем, около могилы, отдельно или как часть ограды вкапывали резной столб — коновязь *сэре*. С. В. Иванов, описывая коновязи сибирских народов, приводит свидетельство Геродота о жифах: «Трупы лошадей с убитыми слугами на них привязывали за юнец повода к специально врытым столбам — коновязям». Он же упоминает о том, что на Кубани в захоронении VI—V вв. до н. э. вокруг могилы, имитирующей жилище, рядом со скелетами лошадей также были вкопаны коновязи¹⁵.

Таким образом, обыкновение ставить резные столбы на могилах можно связать с обычаем народов, занимающихся коневодством, привязывать своих лошадей к коновязям — столбам, которые вкапывали около жилищ. Этот обычай соблюдали как при жизни, так и после смерти человека.

Коновязи были распространены у многих народов, кроме якутов — бурят, тувинцев, алтайцев, хакасов, киргизов, хантов, манси. Тувинцы ставили коновязь около дома и на могиле, в головах умершего. По данным Г. Н. Потанина, приведенным в уже цитированной работе С. В. Иванова, наверху коновязь раскрашивали. Пожалуй, лучше всего изучены якутские коновязи. Они разнообразны по форме: круглые или четырехгранные в сечении, нередко украшенные скульптурными намерениями (шар, ромб, голова коня, птица, сосуд чоорон и др.). Некоторые завершения якутских коновязей напоминают завершение-тюльпан венгерских намогильных столбов¹⁶. Но у всех четко выделяются три части: верхняя — цилиндрическая или фигурная; средняя — выемчатая, для привязывания коня; нижняя — вытянутая, которая вкапывалась в землю. Якутским близки по форме бурятские, тувинские, алтайские, хакаские и киргизские коновязи (рис. 4, 4—8). Но характерно, что на рез-

¹² Hoppal M. Венгерские намогильные памятники (Этносемиотический анализ). — *Acta Ethnographica*, 1977, t. 26 (3—4), p. 315—319; Hoppal M. Op. cit., p. 191—214; Hoppal M. Fejtfak és temetők Erdélyben. — *Folklor archívum* 1977, 7, p. 22—23; Novák L. Op. cit., p. 304; Magyar Néprajzi Lexikon, t. 2, p. 6, 8, 12, 99, 102—107.

¹³ Пелих Г. И. Указ. раб., с. 63, 160, табл. XXX, 8; Бауло А. В. Типы надмогильных сооружений у тазовских селькупов. — В кн.: Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980, с. 189—190, рис. 4, 6.

¹⁴ Денисов П. В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969, рис. 22.

¹⁵ Иванов С. В. Якутская коновязь. — В кн.: Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976, с. 213.

¹⁶ Там же, с. 218, рис. 4, 3, 4; с. 221, рис. 8, 1, 4, 5.

ных столбах старинных якутских намогильных оградок выемка с части отсутствует¹⁷. Это явное свидетельство трансформации при связи с утратой им первоначального функционального назначения.

У хакасов существовал обычай вбивать в могильный холм колу изголовья умершего. В связи с этим интересно название созвездия Медведицы у качинцев — одной из хакасских групп: «Созвездия и сивой лошадей, привязанных к медному намогильному столбходящемуся на земной оси». Намогильный столб ассоциировался с центром вселенной¹⁸.

На могилах у восточных хантов тоже встречаются сооружения, которых есть элементы как крестов, так и резных столбов (рис. 4). Ханты и манси в прошлом ставили около своих домов коновязи. Называли их по-разному. По фольклорным данным, опубликованным Х. И. Соненом и В. Штейницем, хантыйская коновязь на р. Конда — *aŋkət* — четырехугольный в сечении столб, который стоял на улице перед домом мифического героя хантыйских героических сказаний, вращаясь с войны, он ударял об этот столб скальпом убитого врага, восторженно кричал, оповещая о своей победе. После смерти на столб сжигали.

Другие названия коновязи у хантов — *tāw aŋkət* (Конда), *ǰirt(ə)-aŋkət t* (Шеркалы) — столб на дворе, к которому привязывали лошадей. В ваховском диалекте *loŋ aŋkəl* — столб для привязывания лошадей²⁰. В хантыйском языке *aŋkət*, *aŋkat*, *äŋkət* — столб, пень, а *tāw*, *tow*, *loŋ* — лошадь, *ǰirt(ə)*, возможно, от *ǰir*, *ǰir* — жертва: *sār*, *sar* — передний. В мансийском языке *sir*, *cap* — шест, кол, жердь; *sir*, *šir* — палка, брус²¹. Таким образом, в обско-угорских языках термин «коновязь» означает «передний столб», «лошадиный столб», возможно «столб лошадиной жертвы».

С. Патканов описывает такие же столбы для привязывания оленей (*анкет*, *вош-анкет*) по фольклорным данным иртышских хантов. Он указывает, что иногда эти столбы украшали зарубками, изображениями ловческого лица, животных, и подчеркивает символическое ритуальное значение столбов: к ним привязывали жертвенных животных на общинных жертвоприношениях²². Подобные коновязи были у манси еще в начале XX в.: в фотоколлекции С. И. Руденко (1909—1910 гг.) есть фотография с изображением резной коновязи в деревне Неремсык (Нярэ-хумит-пауль) на р. Обь²³ (см. рис. 4, 9 и рис. 5).

Любопытны представления некоторых народов Сибири в связи с коновязью. Якуты, например, считали, что в коновязи живет дух местности, а под старой коновязью живут духи среднего мира — *аб*. Поэтому у них коновязь играла особую роль во время весеннего праздника *ысыах*, а также в обряде, во время которого женщины просили духа-матери земли плодovitости. Они ставили коновязи на перекрестках дорог. В некоторых бурятских обрядах коновязь сим

¹⁷ Там же, см. рисунки; Лельчук Л. Г. Якутские и бурятские коновязи. — В: Материальная культура народов Сибири и Севера.

¹⁸ Усманова М. С. Дохристианские верования хакасов в конце XIX — начале XX века: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. истор. наук. М., Ин-т этнографии АН СССР, 1982, с. 5; Львова Э. Л., Усманова М. С. Представление о мировом пространстве в традиционной обрядности народов Саяно-Алтая. — Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов общероссийской конференции. Омск, 1979, с. 178—181.

¹⁹ Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты. Томск: ИГиЛ Томск. ун-та, 1977, с. 163, табл. XV.

²⁰ Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjaki Sprache. Bd. 2, В., 1967, S. 138; Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981, с. 25.

²¹ Steinitz W. Op. cit., Bd. 2, S. 138, Bd. 6, S. 730; Терешкин Н. И. Указ. раб., с. 416; Балидин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь. Л., 1958, с. Чернецов В. Н. Термины средств передвижения в мансийском языке. — В кн.: Писарев В. Г. Богораза (1865—1936). М.—Л., 1937, с. 358.

²² Патканов С. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям. — Живая старина. СПб., 1891, III—IV, с. 116.

²³ ГМЭ, колл. № 1705-72.

Рис. 5. Коновязь в сел Неромовы юрты. Фото С. И. Руденко

зировала домашний очаг, и невеста в этом случае получала благословение около коновязи, а не у очага. Таким образом, коновязь в прошлом имела не только практическое, но и ритуальное значение.

Интерес представляют этимология названий и конструкция коновязи у разных народов в связи с представлениями о пне. С. В. Иванов реконструировал название старинного якутского священного дерева — *аар дуун мас* («чистый или священный дуб»), многочисленные сучья которого оформлены в виде коновязей²⁴. Корневое слово в названии хантыйской коновязи (*āṅkal, āṅkat*) — пень. У киргизов коновязью иногда служил ствол дерева со срубленной верхушкой, т. е. высокий пень.

Интересно было бы провести квалифицированный лингвистический анализ названий коновязи и надгробных столбов в разных языках народов Сибири и Средней Азии. Но даже дилетанту заметно сходство некоторых из них: *сэрге* (якут.), *зэрге*, *сэрге* (бурят.), *шорге* (тувин.), *сар-хан* (хакас.), *ярге* (монг.), *арга* (тюрк.), *sār-aṅkat* (хант.) — коновязь; *юрге* (сельк.) — надгробный столб, *по парге* (сельк.) — шаманский столб²⁵. В одном из венгерских названий резного надгробного столба *irjele* также встречается это слово (*sir* — могила, *jele* — знак)²⁶.

Теперь подведем некоторые итоги. Возможно, не только якуты и киргизы, но и ханты, манси (может быть, и венгры) в прошлом делали коновязи из специально обрубленных, очищенных от коры и высохших деревьев — высоких пней; точно так же обские угры и сейчас делают толбы-сваи для амбаров. У венгров и якутов для надгробных столбов коновязей нередко использовался дуб. Коновязь можно ассоциировать также с большим ветвистым деревом, с представлениями о древе жизни, мировом дереве, шаманском дереве: вспомним о селькупском шаманском дереве, изображениях мирового дерева на венгерских «фейфа», представлениях качинцев о коновязи как центре вселенной. Из сибирских материалов следует, что коновязь тесно связана с шаманизмом, семейными и общественными обрядами, жертвоприношениями, военными действиями, с почитанием духа, живущего в коновязи. Именно поэтому, вероятно, на них иногда изображалось человеческое лицо. Между прочим, у бурят есть термин *хун сэрге* — «человек-коновязь».

Можно предположить, что в прошлом коновязи делали многие конеческие народы юга Евразии — европейских степей, юга Западной Сибири, севера Казахстана, Алтая, Тувы, Бурятии, Якутии, в том числе предки угров — венгров, хантов, манси. Хороня умершего, предки горских, тюркских и других народов убивали его коня и привязывали

²⁴ Иванов С. В. Указ. раб., см. рис. 9, с. 221—222.

²⁵ Там же, с. 214, 223.

²⁶ Magyar Néprajzi Lexikon, t. 2, p. 97.

его к установленной на могиле коновязи. Со временем назначение коновязей у отдельных народов, очевидно, стало меняться. У хантов и к ним начали привязывать оленей; у тувинцев, якутов, венгров, сепов, чувашей они выполняли роль надмогильных памятников или бов надмогильной ограды (в то же время у якутов и тувинцев коновязи сохраняли при этом и свое исконное назначение).

У венгров стало меняться, видимо, и оформление надмогильных столбов: появились более разнообразие по форме и богаче украшенные «фейфа». Со временем мастера-художники, изготавливавшие, разработали особый язык (цвет, орнамент, размер), который передает информацию о возрасте, половой принадлежности, семейном положении и другие сведения об умершем. Возможно, на характер оформления венгерских «фейфа» повлиял богатый декор крестов католических погребений²⁷. На некоторых венгерских надмогильных столбах выемка, служащая у коновязи местом для привязывания лошади, постепенно исчезла. Тем не менее на многих «фейфа» выделяются все три части коновязи: в том числе и средняя — шейка²⁸.

Но утверждать, что все надмогильные столбы «фейфа» происходят от коновязи, преждевременно. Слишком многообразны их формы, и неясно, результат ли это их различного происхождения или следствие развития разных стилей украшения памятников. Например, Е. Кунт, приводя данные о надгробиях, которые ставили в ногах умершего (при высоте 1,2 м они были весьма тонкими — всего 5 см), сообщает, что в некоторых районах Венгрии такими надмогильными столбами служили жерди и колья, на которых несли гроб с телом умершего.

С коновязями определенно можно связывать округлые и четырехугольные столбы и дощатые «фейфа» с округлыми навершиями, особенно так называемые антропоморфные (см. рис. 1, 2—9). Памятники в форме колод и колонн, возможно, иного происхождения. Решение этого вопроса — дело будущего.

А не сохранились ли более явные следы коновязи у венгров? Эта мысль меня постоянно преследует. Просматриваю венгерские издания по этнографии²⁹. Они, как всегда, богато иллюстрированы. И обнаруживаю снимок ворот и части изгороди усадьбы в Сомбатхее, нем виден резной столб, очень напоминающий некоторые типы венгерских надгробий! А вот и другой снимок ворот — в Калоте. На обеих этнографиях по одному такому столбу слева. А ведь логично и эстетично было бы поставить такие столбы симметрично по обе стороны ворот.

Венгерский коллега Клара Чиллери, большой знаток венгерской материальной культуры, подарила мне настольный календарь за 1982. Он иллюстрирован цветными photographиями традиционных венгерских построек, которые выставлены в музее под открытым небом в Сэнтэнд недалеко от Будапешта. Кстати, К. Чиллери в недавнем прошлом одна из организаторов и сотрудников этого музея. Календарь я просмотрела уже не раз. Храню его как сувенир в память о поездке в Сэнтэнд. В очередной раз листаю его, и тут мое внимание привлекает одна photographия: на ней изображены ворота с тремя такими же столбами. Один из них почти идентичен надмогильному памятнику, опубликованному в статье М. Хоппала «Народное искусство и этносемиотика»³⁰ (рис. 1, 2, 3).

Не только я, оказывается, заметила это сходство. Одинаковые «типы» отмечает «на надгробных деревянных памятниках, воротах, толочных балках и сундуках» М. Хоппал в другой своей статье³¹. такую в книге Е. Кунта «Народное искусство венгерских деревен

²⁷ Fel E., Hoffer T., K.-Csilléry K. Op. cit., Abb. 101.

²⁸ Magyar Néprajzi Lexikon, t. 2, c. 8.

²⁹ Balassa I., Ortutay G. Op. cit., S. 151, Abb. 58; Gáborján A. Hungarian Peasant Costumes. Budapest, 1969, Abb. 27.

³⁰ Hoppál M. Népművészet és Etnozsemiotika, c. 201, рис. 9 (4-й слева).

³¹ Hoppál M. Венгерские надмогильные памятники..., c. 335.

кладбищ»: «Деревянные надгильные столбы часто похожи на столбы ворот и изгороди в Северо-Восточной Венгрии. Наблюдается родство между надгильными столбами и обычными для всей Венгрии деревянными резными столбами аркады (крытой аллеи) деревенских домов. В Семиграде в бассейне Тиссы и междуречье Тиссы и Дуная известны так называемые «ворота идолов» (Göztentőre). Можно отметить их тесную связь с антропоморфными надгробиями. С ними сближаются и соответствующие формы деревянных кольев (Holzscheletes), которые оформляют кладбища изнутри и снаружи, идентичных надгробиям и по материалу, и по обработке». Е. Кунт отмечает их защитную функцию по отношению и к живым, и к умершим³².

Пока статья находилась в портфеле журнала «Советская этнография», состоялся VI Международный конгресс финно-угроведов в Сыктывкаре. В своем докладе я изложила соображения о происхождении венгерских надгильных сооружений. С близкой темой доклада выступил и проф. И. Балашша из Будапешта, уже 40 лет занимающийся венгерскими надгробиями³³. Его позиция прежняя: происхождение «фейфа» ясно и спорно.

На конгрессе мой доклад слушала и Клара Чиллери. И вот уже после конгресса я снова получила от нее интересные материалы, касающиеся надгильных сооружений и их аналогий. Это слайды с изображениями «фейфа» и столбов от ворот в местности Дунапатай. Столбы ворот почти идентичны по форме надгильным столбам (рис. 1, 3), по-венгерски они называются karibólvány («идол ворот»). Этот термин, по сообщению К. Чиллери, известен в венгерских письменных источниках начиная с XIV в. Снова обнаруживается антропоморфный и сакральный характер подобных сооружений... Так, может быть, все-таки эта деталь современных ворот — воспоминание о старинной венгерской коновязи?

По всей видимости, обычай ставить на могилу резной столб архаичный: он был присущ в прошлом многим народам, занимавшимся коневодством. Самые древние материалы относятся к скифам, но сам обычай мог возникнуть и ранее. Вместе с тем, мне кажется, что памятники в виде половинок лодок — иной, отличный от «фейфа» тип надгильных сооружений. Возможно, это еще одно подтверждение двухкомпонентного состава предков угров, как обских, так и дунайских — часть их была охотниками и рыболовами, часть — скотоводами. Скотоводы хоронили своих умерших вместе с убитым конем, которого привязывали к коновязи, установленной на могиле; позднее эта коновязь стала играть роль надгильного памятника. Рыболовы хоронили умерших в лодках, обрубая их по росту умершего. Когда ханты и манси хоронили умершего в лодке, ее нос и корму они оставляли на могиле. Обычай вкапывать в могилу обрубленный конец лодки у предков венгров мог возникнуть под влиянием обычая коневодов ставить на могилу резной столб — коновязь. Видимо, уже на Дунае коновязь и обрубок лодки постепенно превратились в надгробные памятники.

Вероятно, памятники в виде половинок лодок могут быть истолкованы как следствие общности культуры далеких предков обских и дунайских угров, зародившейся, возможно, еще в неолитическую эпоху (вспомним, что такие же надгробия были и у селькупов, далекими предками которых, так же как у хантов, манси и венгров, были племена курагской неолитической культуры). Надгробия в виде резных столбов «фейфа», по всей вероятности, результат древних этнокультурных контактов предков венгров и племен юга Евразии. При этом нельзя не заметить, что у предков угров и древнего населения юга Сибири и севера Казахстана имеется немало аналогий в материальной культуре.

³² Kunt E. Op. cit., S. 64—65.

³³ Balassa I. A magyar gyász-szinezek kérdéséhez.— Ethnographia, 1945, 56; *его же*. О венгерских кладбищах.— Folia ethnographica, 1949, 1; *его же*. A magyar temetők néprajzi kutatása.— Ethnographia, 1973, 84.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ

доктора исторических наук

Б. Х. КАРМЫШЕВОЙ

(К 40-летию научной деятельности) *

К вопросу о происхождении локайцев.— Сов. этнография (далее — СЭ), 1952, № с. 11—29.

Сведения об узбекских родах семиз и кесамир.— В кн.: Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Менова (Тр. АН ТаджССР, т. XVII). Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1953, с. 110.

Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области.— Изв. Отделения общественных наук (далее — Изв. ООН) АН ТаджССР, вып. 3. Сталинабад, 1953, с. 73—97 (в соавт. с Писарчик А. К.).

Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, вып. I. Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период.— Тр. АН ТаджССР, т. XXVIII. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1954. 167 с.

Этнографическая работа в Таджикистане в 1952—1953 гг.— СЭ, 1954, № 3, с. 119 (в соавт. с Писарчик А. К.).

Локайские «мапрамачи» и «ильгичи».— Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикистана, вып. II. История и этнография. Сталинабад, 1954, с. 121—160.

Рец. на кн.: Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М., Русяйкина С. П. Кушанская и быт таджикского колхозного крестьянства.— Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XXIV. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954.— СЭ, 1955, № 3, с. 196—198.

В кн.: Изв. ООН АН ТаджССР, 1956, вып. 10—11, статьи: Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана, с. 13—23; Поездка к киргизам Джиргаталя в 1954 г., с. 25—31.

Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана.— Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР (далее — КСИЭ), вып. XXVI, 1957, с. 14—19.

Об узбекских трудовых крестьянских песнях.— В кн.: Памяти Михаила Степановича Андреева. Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии (Тр. АН ТаджССР, т. CXX). Сталинабад, 1960, с. 65—76.

Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашгарской области УзССР.— КСИЭ, вып. XXXIII, 1960, с. 47—59.

Этнографическая группа «тюрок» в составе узбеков.— СЭ, 1960, № 1, с. 3—22.

Работы Среднеазиатской этнографической экспедиции (1957—1961 гг.).— СЭ, 1962, № 2, с. 137—140.

Рец. на кн.: Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, т. 6, и 12.— СЭ, 1962, № 6, с. 161—165 (в соавт. с Маховой Е. И.).

О некоторых древних тюркских племенах в составе узбеков.— Тр. XXV Международ. конгр. востоковедов, т. III. М.: Изд-во вост. лит., 1963, с. 184—190 (опубл. также на англ. яз.).

* В список не включены некоторые небольшие по объему работы, в том числе статьи в энциклопедиях, тезисы докладов, рефераты диссертаций и др.

азиатские арабы.— В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана (серия «Этнографические очерки»), т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 582—596.

афические материалы о таджиках Нуратинского хребта.— СЭ, 1964, № 1, соавт. с Пещеревой Е. М.).

рин формирования населения южных районов Узбекистана и Таджикистана.— СЭ, № 6, с. 95—102.

ед. (совместно с Васильевой Г. П.) кн.: Этнографические очерки узбекского населения. М.: Наука, 1969. 295 с. Автор разделов: Предисловие, с. 3—16; введение, с. 17—49; гл. II, раздел: Подсобные промыслы, с. 62—66; гл. III. Быт населения, с. 114—192; Заключение, с. 292—294 (в соавт. со Снесаре-).

скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX — (в.).— СЭ, 1969, № 3, с. 44—49.

der Viehhaltung in den Südbezirken von Uzbekistan und Tadshikistan.— In: haft und Hirtenkultur (Hrsg. L. Földes). Budapest, 1969, S. 112—125.

e History of population formation in the Southern areas of Uzbekistan and .— В кн.: Тр. VII МКАЭН, т. X. М.: Наука, 1970, с. 61—67.

чско-узбекский народный географический термин *вилаят*.— В кн.: Этнография Наука, 1971, с. 212—218.

из изученности скотоводства у узбеков и таджиков.— В кн.: Очерки по исто-вства народов Средней Азии и Казахстана (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, Наука, 1973, с. 80—86.

и этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этно-м данным). М.: Наука, 1976. 323 с.

а кн.: *Аргынбаев Х. А.* Семья и брак у казахов (Историко-этнографический ма-Ата: Наука, 1973 (на казах. яз.).— СЭ, 1976, № 2, с. 172—175 (в соавт. ой Н. П.).

кменах долины Сурхандарьи.— В кн.: Проблемы этногенеза туркменского на-абад: Ылым, 1977, с. 117—120.

а кн.: *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав расселения. М.: Наука, 1974.— СЭ, 1977, № 1, с. 162—164.

средневековых этнонимов и антропонимов в узбекских генеалогиях.— В кн.: а Средней Азии. М.: Наука, 1978, с. 18—27.

материалы по этнографии населения Нуратинского хребта.— В кн.: Полевые ния Института этнографии. 1976. М.: Наука, 1978, с. 142—158.

овле в восточных бекствах Бухарского ханства в начале XX в. в связи с хо-й специализацией (по этнографическим данным).— В кн.: Товарно-денежные на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М.: Наука, 1979,

тво и прядение у населения южных районов Таджикистана и Узбекистана (аало XX в.).— В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979,

рности женских промыслов (Этнографические данные по восточным бекствам ханства).— В кн.: Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отноше-одализме. М.: Наука, 1980, с. 98—107.

кое Арка-юрт? (К исторической географии Казахстана).— В кн.: Ономастика .: Наука, 1980, с. 108—114 (в соавт. с Кармышевой Дж. X).

аймак в этнонимии и топонимии Узбекистана.— В кн.: Ономастика Средней 2. Фрунзе: Илим, 1980, с. 24—33.

ая степь» Мавераннахра и ее население в конце XIX — начале XX в. (по эт-ким данным).— СЭ, 1980, № 1, с. 46—55.

ь детей в старой венгерской деревне» (Выставка в Этнографическом музее).— СЭ, 1980, № 3, с. 142—148.

h einer Typologisierung der traditionellen Formen der Viehwirtschaft Mittela- (asachstans am Ende des 19./Anfang des 20. Jh.— In: Die Nomaden in Geschi-egenwart. B.: Akademie-Verlag, 1981, S. 91—96.

кн.: *Шамиладзе В. М.* Хозяйственно-культурные и социально-экономические скотоводства Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1979.— СЭ, 1982, № 3, с. 166—

ед. кн.: *Сулайманов Э.* Традиции обработки металлов у киргизов. Фрунзе: . 102 с.

Этнические процессы среди национальных и этнографических групп Узбекистана. В кн.: Vorträge der II. Internationalen Konferenz zur Nationalitätenforschung. I. Teil. Herausgeber Ministerium für Bildung, Selbständige Abteilung der Nationalitätenforschung. Bonn, 1983, S. 37—48.

Рец. на кн.: *Валеев Ф. Т.* Западносибирские татары во второй половине XIX — начале XX в. Историко-этнографические очерки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983, № 4, с. 151—154 (в соавт. с Аргынбаевым Х. А.).

Отв. ред. кн.: *Губаева С. С.* Этнический состав населения Ферганы в конце XIX — начале XX в. (по данным топонимии). Ташкент: Фан, 1983. 104 с.

В кн.: Страны и народы. Советский Союз. Республики Закавказья. Республика Средней Азии. Казахстан. М.: Мысль, 1984, разделы в главе «Узбекистан»: Исторические события, с. 148—153; Население, с. 159—161; Культура: традиции и современность, с. 170—183.

Узбеки.— В кн.: Расы и народы. Ежегодник. 14. М.: Наука, 1984, с. 219—220.

Рец. на кн.: *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской области в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск.: Изд-во Том. ун-та, 1981.— СЭ, 1982, № 3, с. 155—157 (в соавт. с Соколовой З. П.).

Отв. ред. кн.: *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольской литературе. М.: Наука, 1984. 262 с.

Отв. ред. кн.: *Шитова С. Н.* Традиционные поселения и жилища башкир в первой половине XIX — первой четверти XX в. М.: Наука, 1984. 249 с.

О мусульманском духовенстве в сельских районах Бухарского ханства XIX — начале XX в.— В кн.: Духовенство и политическая жизнь на Ближнем Востоке в период феодализма. М.: Наука, 1985, с. 92—103.

Юрта в современном быту узбеков. Мастера ее убранства.— В кн.: Народная традиция, школы. Вып. I. М.: Изобраз. искусство, 1985, с. 256—269.

Стационарное жилище узбеков-локайцев (середина 1940 — начало 1950 г.). Этнография Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1985, с. 9—19.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

С 30 сентября по 6 октября 1985 г. в Москве в Институте этнографии АН СССР проводились совместные рабочие заседания Бюро Административного совета Международного общества этнологии и фольклора Европы (МОЭФЕ) и членов международной коллегии журнала «Ethnologia Europaea», в которых приняли участие этнографы и фольклористы научно-исследовательских институтов и вузов нашей страны, а также ученые из ВНР, СФРЮ, ЧССР, Великобритании, Дании, Норвегии, Финляндии, ФРГ, Швеции. Проведение совместного заседания было обусловлено тем, что некоторые члены Административного совета МОЭФЕ одновременно входят в состав международной коллегии журнала и в течение многих десятилетий осуществляют совместную научную деятельность.

Советские ученые участвуют в работе Международного общества этнологии и фольклора Европы с 1967 г. Институт этнографии является коллективным членом МОЭФЕ, а его директор Ю. В. Бромлей — вице-президентом Общества. Заместитель директора Института — Л. М. Дробизева, заведующий сектором этнографии Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР В. К. Бондарчик и заведующий кафедрой этнографии Киевского государственного университета В. И. Накишко входят в состав Административного совета МОЭФЕ.

1 октября состоялось расширенное заседание Бюро Административного совета МОЭФЕ, на котором председательствовали президент Международного общества этнологии и фольклора Европы, известный ученый Н.-А. Брингеуз и вице-президент МОЭФЕ Ю. В. Бромлей.

Перед началом заседания Ю. В. Бромлей предложил почтить память одного из выдающихся этнографов нашего времени — С. А. Токарева (1899—1985), который внес значительный вклад в дело сотрудничества этнографов и фольклористов Европы.

В своем докладе президент Общества Н.-А. Брингеуз сообщил о тех изменениях в составе Бюро, которые произошли со времени проведения II Конгресса МОЭФЕ (Брюксель, 1982): Генеральным секретарем Общества была назначена У. Брюк (Стокгольмский университет), казначеем — Б. Фрикман (Гетеборгский университет). Президент МОЭФЕ рассказал о деятельности комиссий Общества, которые за истекший год провели ряд научных конференций. Так, в 1985 г. комиссия по исследованию одних баллад организовала встречу в Дублине (Ирландия); в сентябре 1984 г. изучение истории культуры (Лунд, Швеция) состоялся I Симпозиум комиссии по изучению народных картинок Европы. Наиболее активно работала комиссия, изучающая культуру как элемент традиционной культуры, она провела в этом году свою 5-ю конференцию в Кракове (ПНР).

Ю. В. Бромлей внес предложение, чтобы эти комиссии координировали свою деятельность с проблемными комиссиями Международного Союза антропологических и этнологических наук (МСАЭН), так как там имеются подобные же комиссии и совместная работа дала бы еще больший эффект.

Генеральный секретарь МОЭФЕ У. Брюк сообщила о подготовке к очередному Конгрессу МОЭФЕ, который намечено провести в апреле 1987 г. в Цюрихе (Швейцария). Тема конгресса — «Жизненный цикл» — будет включать широкий круг вопросов: социально-экономическая база и структура жизненных процессов; жизненный цикл индивидуального процесса и др. Она подчеркнула, что II Конгресс МОЭФЕ, состоявшийся в СССР в 1982 г., послужит образцом для составления научной программы, ме-

тодике организации научных семинаров и решения многих организационных и Ю. В. Бромлей предложил расширить тему конгресса: «Жизненный цикл Европы в прошлом и настоящем», так как это позволит его участникам посмотреть как демографические и экономические аспекты жизни народов Европы в прошлом, так и проблемы сегодняшнего дня. Л. М. Дробижева указала, что в случ жизненный цикл может быть насильственно прерван для всех народов мира. важно включить в число обсуждаемых на конгрессе тем такую актуальную как борьба народов за сохранение мира.

На Бюро был заслушан отчет казначея МОЭФЕ Б. Фрикман о финансах в Обществе. Обсуждался вопрос о дополнительных кандидатурах в члены стативного совета, так как в МОЭФЕ еще не входят представители некоторых Европы.

В заключение Ю. В. Бромлей прочел лекцию «Место этнографии в системе советская точка зрения», в которой отметил тесную связь этнографии с археологией, лингвистикой, психологией, географией и другими дисциплинами.

2—3 октября 1985 г. состоялись заседания международной редколлегии и «Ethnologia Europaea», который издается с 1967 г. Главным редактором журнала настоящее время является известный этнограф Б. Стоккунд (Дания). В печатаются исследования как общеевропейского масштаба, так и региональные имеющие теоретический интерес для ученых разных стран. В состав редколлегии входят представители 20 европейских стран, в том числе ВНР, СССР, СФРЮ, а также США.

В дни заседаний редколлегии по традиции одновременно была проведена 13-я теоретическая конференция на тему «Этнокультурные процессы в Европе: и современность»².

Во вступительном слове Ю. В. Бромлей охарактеризовал важнейшие направления этнографических исследований в СССР, обосновал понятие «этнос», принятое в советской науке, а также рассмотрел главные аспекты изучения теории этноса, определил места среди других человеческих общностей.

Первая группа докладов была посвящена этнографическому изучению Европы. В центре внимания участников конференции стояли вопросы изучения этнокультурных процессов на конкретном историческом материале, поэтому совместный доклад К. В. Чистова и М. Г. Рабиновича (СССР) «Важнейшие особенности этнокультурной истории восточных славян» вызвал оживленную дискуссию. Одна из особенностей этнической истории русских, украинцев и белорусов заключается, по мнению докладчиков, в их многовековых тесных контактах. В течение веков соотношение двух этносов — этнической дифференциации восточнославянских народов и их сближения — различным. В условиях социализма в результате коренной перестройки социальной структуры общества эти тенденции развиваются на разных уровнях: в масштабах жесткости социалистических стран Европы, в рамках исторической общности населения — советского народа, в масштабе восточнославянской общности, в региональных масштабах и т. п.

Сложным этническим процессам в зоне этнокультурного взаимодействия посвящен доклад Л. Н. Чижиковой (СССР) «Русско-украинские связи в кон этнических зонах», построенный в основном на полевых исследованиях.

Б. Стоккунд, говоря о преемственности и изменениях в одной из датских общин (1200—1900 гг.), остановился на вопросе, традиционном для этнографической науки, — соотношении традиций и инноваций. Опираясь на большой этнографический материал, он наглядно продемонстрировал, в какой степени изменения в жизни зависят от местных и внешних экологических факторов. Он также подчеркнул важность выявления отношения людей к тем или иным элементам культуры при этих факторов.

Н. В. Шлыгина (СССР) в докладе «Современные этнокультурные процессы финно-угорской языковой семьи в СССР», показала, как протекают современные этнокультурные процессы у финноязычных народов европейской части СССР (они не представляют этнографической общности в силу распада финно-угорского

¹ Бромлей Ю. В., Кузьмина Л. П. Второй конгресс Международного общества этнографии и фольклора Европы. — Сов. этнография (далее — СЭ), 1983, № 2, с. 1.

² Последняя, 12-я конференция состоялась в ВНР. См.: Чистов К. В. Конференция «Новые методы и концепции в изучении народной культуры Европы». — СЭ, 1985, с. 93—95.

глубокой древности) в общем русле преобразований культуры и быта народов Советского Союза. Докладчица отметила, что в общем культурном фонде этих народов некоторые особенности слабеют, другие продолжают жить и функционировать. Это связано с тем, что к моменту Октябрьской революции финноязычные народы стояли на разных ступенях социально-экономического развития.

О. Лёфгрен (Швеция) в своем выступлении «Культурное строительство и национальное самосознание: на примере Швеции» теоретические проблемы своего доклада связал с понятиями «национализм» и «национальное самосознание», которые он считает близкими. Он стремился показать, что даже в XVIII в. самосознание большинства шведских крестьян было локальным: они начинали осознавать себя шведами лишь за пределами своего государства. По его мнению, идеи национализма возникают в обстановке конфронтации. Так, в XIX в. при обострении классовых противоречий возникла необходимость объединения нации на основе идей национализма (он употребляет это понятие как близкое патриотизму). Особенно обострился национальный вопрос в наше время в связи с активной многонациональной иммиграцией в Швецию. О. Лёфгрен полагает, что современная обобщенная национальная культура создана интеллигентами и внедрена ими в народ. В наши дни, когда мир становится более интернациональным, возникает парадокс: развивающиеся интернациональные связи не ослабляют национального мироощущения.

Выступая в дискуссии по этому докладу, Л. М. Дробижева уточнила, как понятия «национализм» и «национальное самосознание» употребляются в советской науке: национализм ведет к разрыву контактов между представителями разных этносов, национальное же самосознание не мешает народам контактировать между собой. К. В. Чистов выразил сомнение в том, что в XVIII в. шведы не сознавали себя единой нацией, особенно если учесть непрерывные войны, которые Швеция вела в XVI—XVII — начале XVIII в.

Т. Хофер (ВНР) в докладе «Аграрные города на Венгерской равнине и в западной части Средиземноморья: возможность исторического сравнения», представляя Европу в целом как этнокультурный регион, охарактеризовал Средиземноморье как субрегион с едиными географическими, культурными и другими характеристиками. По отношению к общеевропейской экономической системе побережье Атлантики, включая Британские острова, с одной стороны, и средиземноморские области — Андалузия, Сицилия, — а также районы Дуная (включая Венгерскую равнину) — с другой, являются периферийными зонами; для них характерно формирование еще в средние века агрогородов с населением сельского типа. Т. Хофер также развивал мысль о том, что аналогичная экономическая специфика может порождать сходные формы культуры.

Ю. В. Иванова и А. Н. Кожановский (СССР) предложили доклад «Основные тенденции современного этнокультурного развития в Западной Европе», в котором показали, что общее для многих европейских народов на современном этапе этнического развития «этническое возрождение» (возрастающее стремление культивировать свою этнокультурную специфику) было подготовлено всем ходом внутреннего развития европейских этносов и имело давние традиции. Формы и масштабы этого процесса весьма различны, однако авторы выделили некоторые общие закономерности. Особенности современного этапа этнического развития народов Европы заключается помимо прочего в сочетании двух разнонаправленных тенденций: интеграционной, нивелирующей различные стороны культуры этносов, и тенденции, обособляющей отдельные этносы по причине усиливающегося интереса к своим этническим особенностям.

Б. Братанич (СФРЮ) в сообщении «Этнология и этнические процессы в прошлом и настоящем», сравнивая методы и задачи различных исторических дисциплин — социологии, этнографии и антропологии, выделил два основных типа культуры: традиционную культуру и городскую цивилизацию.

Роль колонизации и миграции в этнокультурных процессах в Словакии была рассмотрена в выступлении Я. Подолака (ЧССР).

Подводя итоги дискуссии по первой группе докладов, Н.-А. Брингеуз подчеркнул, что для современной этнографии вопросы межэтнических связей, ассимиляционных консолидационных процессов как в прошлом, так и в настоящем остаются наиболее важными.

Во второй группе докладов, посвященных проблемам этнографического и этносоциологического изучения семьи, центральным стало выступление Ю. В. Арутюняна и И. А. Гришаева (СССР) «Семья и ее культура (итоги международного исследования)». Они рассказали, как с 1976 по 1984 г. в рамках Европейского (Венского) цент-

ра по координации исследований и документации в области общественных наук: «...дилось сравнительное международное исследование «Культурная деятельность в семье и трансмиссия культуры»»³. В проекте участвовали Венгрия, Греция, Италия, Польша, Румыния, СССР и Франция. Участники исследования стремились установить, каким образом научно-техническая революция и сопутствующие ей изменения во сферах общества влияют на культурную жизнь семьи, ее способность к трансмиссии культуры. По докладу развернулась оживленная дискуссия, которая показала, что проблемы современной семьи, межпоколенных отношений, передачи традиций привлекают к себе внимание европейских этнологов.

У. Брюк и Б. Фрикман, основываясь на данных статистики, отражающих тенденции в семье до начала индустриализации, сообщили интересные сведения о современной семье. Л. М. Дробижева остановилась на роли отца и матери в семье: сфера влияния различны, но женщина оказывает большее влияние на сохранение этнических традиций.

Результаты исследований семьи, проводимых советскими этнографами, наш отражение в докладах О. А. Ганцко и М. С. Кашубы (СССР) — «Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов Зарубежной Европы» и М. Я. Устинова (СССР) — «Этнокультурные процессы в современной семье народов Прибалтики». В первом из них подчеркивалось, что, исследуя проблемы семьи у народов Европейских этнографы исходят из общих представлений о семье как социальной общности. Теоретические положения подкреплялись конкретными примерами относительно семьи у народов Югославии. М. Я. Устинова рассказала о результатах полевой работы в Литве, в частности о распределении трудовых обязанностей в семье.

Ряд докладов, представленных на конференции, был посвящен источниковедческим проблемам. Так, К. Рот и Ю. Рот (ФРГ) в докладе «Болгарские письмовники XV-XIX вв. и их значение на этапе перехода от устной к письменной культуре» остановились на социальном аспекте изучения этих материалов, которые, по их мнению, являлись показателями уровня развития национального возрождения Болгарии. Выступавшие в дискуссии по докладу оценили письмовники как важный историко-этнографический источник для изучения социальной и духовной жизни болгарского народа и в свою очередь рассказали об аналогичных источниках, известных, например, в Румынии (К. В. Чистов, М. Г. Рабинович).

В заключение участники конференции приняли решение, подводящее итоги дискуссий и состоявшегося обмена мнениями и призванное координировать совместные усилия исследователей в изучении этнографии и фольклора Европы.

В целом научная конференция продемонстрировала большой интерес европейских ученых к вопросам этнической истории и этнокультурных процессов, поскольку в настоящее время этническая ситуация в Европе создает серьезные и актуальные проблемы, требующие в поле зрения этнографов.

Международная кооперация усилий этнографов и фольклористов Европы должна способствовать дальнейшему развитию науки, разумеется в первую очередь по тем проблемам, которые в настоящее время находятся в центре внимания общественности. Весьма важно систематически обмениваться взаимной информацией о ведущихся исследованиях в области этнографии и фольклора. Значительная роль в этом должна принадлежать журналу «Ethnologia Europaea».

Т. А. Воронина, Ю. В. И.

³ Результаты этого исследования отражены в книге: The Family and its Context. An Investigation in Seven East and West Countries/Ed. by Biscop M., Filias V., J. I. Budapest: Akademiai Kiado, 1984. См. также: Общественные науки, 1985, с. 164—169; СЭ, 1985, № 4, с. 143—148.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ ИЗ СТРАН АФРИКИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ НА КАФЕДРЕ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Кафедра археологии и истории древнего мира Воронежского университета в течение ряда лет готовит иностранных студентов по специальности «археология». Ее многочисленные выпускники ныне работают в целом ряде стран Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Зарубежной Европы. В настоящее время на кафедре занимается около двадцати студентов из развивающихся стран Африки и Латинской Америки.

Основной профиль специализации — эпоха металла, что в значительной степени способствует функционированию обществ с производящей экономикой, включая время возникновения и развития древнейших и древних государств и классовых обществ. Специализация предусматривает подготовку археологов, исследующих историю конкретных обществ прошлого, а также их общенсторическую и этнографическую подготовку. Надо отметить, что и в других советских университетах подготовка археологов — это по сути дела подготовка историков, на профессиональном уровне владеющих марксистско-ленинской методологией и методикой исследования в области археологии.

Нет необходимости говорить, что именно такая подготовка более всего необходима для ученых из стран, освободившихся от колониального гнета. Не случайно в этих странах возрастает интерес к своему историческому прошлому, стремление применить опыт и традиции прошлого к решению задач сегодняшнего дня. Понятно желание таких стран иметь собственных историков и археологов, а также изучать опыт СССР и других социалистических государств, которые использовали культурное наследие прошлого при создании социалистического общества.

Имеющийся индивидуальный план для иностранных студентов включает блоки предспециализации (для слушателей подготовительного отделения и студентов I, II курсов) и собственно специализации (для студентов III—V курсов). Специализация предусматривает цикл совместных занятий для советских и иностранных студентов (преимущественно по археологии СССР); цикл занятий, предназначенных специально для иностранных студентов (общие курсы, спецкурсы, просеминары, практикумы в значительной степени по зарубежной археологии, а также по тематике смежных исторических наук и научных дисциплин). Важным компонентом специализации является система ежегодных полевых практик и музейно-археологическая практика на базе Государственного исторического музея (Москва) и Государственного Эрмитажа (Ленинград). Предусматривается реализация комплексного плана научно-студенческой работы. Выделен раздел профессиональной ориентации иностранных студентов на основе использования опыта СССР и других социалистических стран¹. Уделяется много внимания раскрытию социальных функций археологии при национальном и культурном строительстве. Полностью оправдал себя постоянно действующий методологический семинар, в котором наряду с преимущественным вниманием к проблемам археологии значительное место уделяется и смежным историческим наукам, в первую очередь этнографии.

В осуществлении специализации активное участие принимают Институты археологии и этнографии АН СССР. С Институтом археологии АН СССР заключен договор о творческом сотрудничестве. Участие же в специализации сотрудников Института этнографии АН СССР пока еще осуществляется на неформальной основе. Остановимся на анализе форм участия сотрудников Института этнографии в подготовке специалистов для стран Африки и Латинской Америки в Воронежском университете.

Важнейшее значение имеет чтение ведущими учеными института соответствующих лекционных курсов. На историческом факультете университета чл.-кор. АН СССР В. П. Алексеев дважды читал курс «Историческая антропология», который вместе с советскими прослушала и большая группа иностранных студентов из стран Африки и Латинской Америки, ныне активно работающих в своих странах в области археологии, этнографии и исторической антропологии².

¹ Индивидуальный план специализации «археология» по кафедре археологии и истории древнего мира Воронежского университета для иностранных студентов. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1983 (сост. *Прахин А. Д.*).

² Этот курс был доработан и издан в качестве учебного пособия для студентов исторических специальностей высших учебных заведений СССР. См. *Алексеев В. П.* Историческая антропология. М.: Высш. шк. 1979.

Для иностранных студентов, специализирующихся по кафедре археологии и истории древнего мира, д-р ист. наук Л. Е. Куббель подготовил и прочитал в 1984 г. спецкурс «Культуры тропической Африки: общее и особенное»³, где на широком историческом фоне с привлечением всех видов источников (письменные, этнографические, археологические и др.) проанализировано соотношение общенсторических закономерностей и специфики в культурном развитии африканских обществ. Освещена проблема формирования уровня докапиталистических обществ Африки, вопросы духовного производства и передачи информации политической культуры. Дана оценка места Африки и африканских народов в формировании мировой культуры, намечены проблемы современного культурного строительства в африканских странах.

Кроме этого, ученые Института этнографии АН СССР проводили консультации иностранных студентов по тематике курсовых и дипломных работ. Так, например, в течение ряда лет старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР кандидат наук И. Ф. Хорошаева являлась научным консультантом закончивших Воронежский университет в 1984 г. студентов из Панамы Себастьяно де Леона Агилардо и Переса (индейцы куна). Именно она в немалой степени обеспечила высокий профессиональный уровень дипломных работ этих студентов. И вполне закономерно, что один из них рекомендован в аспирантуру Института этнографии АН СССР, однако не смог воспользоваться этим, так как уехал на родину и там возглавил впервые созданный исследовательский центр (Centro de Investigación Kuna).

Еще одной формой участия Института этнографии АН СССР в подготовке специалистов является продолжение обучения выпускников кафедры в аспирантуре этого института. Так, под руководством В. П. Алексеева выпускник кафедры Куенка Висенте Родригес (Колумбия) написал диссертацию по этногенезу создателей древних культур коренного населения Северных Анд⁴. Заметим, что хотя основной предмет этой диссертации являлись интерпретация и введение в научный оборот новых данных по палеоантропологии Колумбии, ее автор провел историко-археологическую оценку памятников докерамической эпохи рассматриваемой территории.

Также в Институте этнографии АН СССР под руководством Л. Е. Куббеля выпускник кафедры Ахмед Дау эль-Бейт (Судан) защитил диссертацию по этнической и социально-политической истории народов Восточной Сахары, в разных разделах которой используются и данные археологии⁵. Ныне Ахмед Дау эль-Бейт работает в Институте гуманитарных наук Гвинен-Бисау, где возглавляет исследования в области этнографии и археологии.

Хотелось бы подчеркнуть, что эффективное участие Института этнографии АН СССР в специализации по кафедре археологии и истории древнего мира Воронежского университета обеспечивает соответствующий уровень подготовки будущих специалистов и в области этнографии. Это в полной мере проявляется и в тех многочисленных случаях, когда выпускники кафедры выполняют затем диссертационные исследования непосредственно по археологической проблематике. В таких диссертациях, как правило, в достаточной степени широко использованы и данные этнографии. Приведем пример диссертацию выпускника кафедры (ныне директора Института гуманитарных наук Мали) Саного Клену Кулутчего по культуре дого в бассейне Верхнего Нигера, в которой при исторической интерпретации имеющихся археологических данных широко привлекались и этнографические свидетельства⁶.

Нельзя не заметить, что плодотворное сотрудничество этнографов и археологов в подготовке ученых для развивающихся стран способствует формированию в ряде комплексных исследовательских коллективов. Так, в Республике Мали в рамках Института гуманитарных наук и Национального музея ныне создается исследовательский коллектив, объединяющий усилия историков, археологов, этнографов и антропологов. В него входят уже упоминавшийся директор Института гуманитарных наук археолог Саного Клену Кулутчего и директор Национального музея этнограф Клод Диакити.

³ В настоящее время Л. Е. Куббель подготовил для издания развернутую программу этого спецкурса.

⁴ Родригес Куэнко Хосе Висенте. Этногенез и древнейшие культуры коренного населения Северных Анд (Колумбия): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. наук. М.: Институт этнографии АН СССР, 1983.

⁵ Ахмед Дау эль-Бейт. Этническая и социально-политическая история народов Восточной Сахары (на примере I Дарфурского султаната XVII—XIX вв.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М.: Институт этнографии АН СССР, 1984.

⁶ Саного Клену Кулутчего. История населения Верхнего Нигера во второй половине I тыс. — начале текущего тысячелетия (по данным археологии): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1980.

(вначале учился в Воронежском, потом в Ленинградском университете и защитил в СССР кандидатскую диссертацию), заведующий подразделением Института гуманитарных наук антрополог Бубакар Кейта, который также вначале учился в Воронеже, а затем в Ленинградском университете, после чего защитил в СССР кандидатскую диссертацию, и другие ученые. Каждый из них ныне поддерживает интенсивные научные контакты с советскими учеными, в том числе и с учеными Института этнографии АН СССР и его Ленинградского отделения.

Настала необходимость разработки рассчитанного на длительную перспективу плана сотрудничества по подготовке специалистов археолого-этнографического профиля для стран Африки и Латинской Америки между Воронежским университетом и соответствующими структурными подразделениями Института археологии и этнографии АН СССР и их ленинградских отделений.

А. Д. Пряхин

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Северо-Казахстанская группа Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР в составе В. П. Курылева (руководитель) и О. Н. Панариной с 9 июля по 9 августа 1985 г. проводила полевые исследования в Павлодарской области Казахской ССР. При разработке маршрута экспедиции учитывались этнокультурные особенности населения южных и северных районов области. На юге в основном проживают казахи, традиционным занятием которых главным образом было коневодство и овцеводство. Для этой группы казахов в прошлом был характерен кочевой и полукочевой образ жизни. На севере области население смешанное в национальном отношении. Направление местного хозяйства — земледельческо-скотоводческое особенно со времени освоения здесь целинных и залежных земель. Поэтому полевые исследования сначала проводились в Баян — Аульском районе Павлодарской области (населенные пункты: Жосалы, Угольное, Акши и Южное), а затем в Железинском районе (поселки Железинка, Башмачный, Степное и Прииртышский).

Собран материал по социальной организации и родо-племенной структуре местных казахов в прошлом, а также по их традиционным занятиям (опрошено 17 информаторов, в основном пожилых казахов). Одновременно проводились исследования различных компонентов традиционной и современной культуры казахского населения. Необходимо отметить, что казахи этого региона давно (более двух веков назад) вступили в тесные контакты с русскими, украинцами и другими переселенцами из европейской части России. В результате традиционнорыбовая культура, социальные отноше-

ния и родоплеменная структура казахов в значительной степени были трансформированы, что особенно заметно в северной части Павлодарской области.

Большое место в работе экспедиции уделялось изучению современных этнических процессов, национально-смешанных браков, а также структуры и численности современной сельской семьи. С этой целью были изучены хозяйственные книги сельсоветов Жосалы (387 хозяйств), Башмачный (969 хозяйств) и Железинка (2336 хозяйств). Выявилось резкое различие в численности казахских семей и семей других национальностей. Так, в сельсовете Жосалинском, где проживают в основном, казахи, средняя численность семьи — около 9 человек, в сельсовете Южном, где население смешанное, но с преобладанием казахов—5,5 человек, а в Железинском и Башмачном сельсоветах, где казахи составляют лишь 25—35% населения — семья в среднем состоит из 3—3,3 человек.

Собирался также материал по традиционной системе воспитания детей у казахов, обрядам и поверьям, в первую очередь связанным с земледелием и скотоводством (обряд вызывания дождя — *тас аттык*).

Отснято три катушки фотопленок, фиксирующих традиционную и современную одежду, жилище и некоторые предметы утвари казахов Павлодарской области. Зафиксирован процесс традиционного клеймения лошадей тамгой.

Весь полевой материал после обработки будет передан в архив Института этнографии АН СССР (Ленинградская часть).

В. П. Курылев, О. Н. Панарина

В июле — сентябре 1985 г. в Монголии в соответствии с планом научного сотрудничества между АН СССР и АН МНР в рамках Комплексной советско-монгольской историко-культурной экспедиции продолжал работу этнографический отряд в составе А. М. Решетова (нач. отряда), Л. Л. Викторовой, И. И. Гохмана, В. П. Дьяконовой (Ленинград), Н. Л. Жуковской и А. Е. Пахутова (Москва). Отряд состоял из трех рабочих групп, последовательно выезжавших в заранее запланированные районы МНР.

Л. Л. Викторова с 7 июля по 21 августа совместно с монгольскими коллегами С. Бадамхатаном и Г. Мэнэсом собирала материал по теме «Этническая история монголов» в Хэнтэйском, Восточном и Сухэбаторском аймаках. В процессе полевой работы были обследованы средневековые каменные изваяния монголов, представляющие немалый интерес с историко-культурной точки зрения, а также изучены этнографические коллекции в главных городах вышеназванных аймаков. В ходе работы с информаторами собраны новые полевые материалы по этнической истории монголов.

Н. Л. Жуковская и В. П. Дьяконова находились в МНР с 5 августа по 16 сентября. Вместе с монгольским этнографом Д. Нансалмой они выезжали для сбора полевого этнографического материала в сомон Баян-Дзурх и Цэцэрлэг Хубсугульского аймака и сомони Баян-Тэс и Цагаан-Хайрхан Дзавханского аймака. Программой работ предусматривалось в основном продолжение начатых ранее исследований. Особое внимание уделялось изучению традиционной системы мировоззрения монгольского кочевника, его представлений о пространстве и времени, о месте человека в природе и обществе, его ориентации в социальном пространстве и ее символического отражения в материальной и духовной культуре, а также правил этикета в монгольском обществе, исторических и современных форм его бытования. Было продолжено изучение религиозной традиции монголов, исторической преемственности форм культа, начиная от культов природы и кончая развитыми формами ламаизма. В Мурэне, Уласутае и Цэцэрлэге члены группы работали в аймачных музеях, знакомились с этнографическими коллекциями.

А. М. Решетов и А. Е. Пахутов находились в МНР с 5 августа по 24 сентября.

Совместно с монгольскими учеными Ц. Аюшем и Л. Билигтом они собирали полевой этнографический материал для коллективной монографии «Современные этнокультурные процессы в МНР». Группа работала в ряде сомонных восточных аймаков страны у различных этнических подразделений бурятов и халха, а также у хамниган, барга, удзумчинов, хунгуд и др. Основное внимание было обращено на изучение современной культуры и ее хранение в ней черт традиционной культуры различных монгольских этносов этнографических групп.

Для МАЭ собрана небольшая, но ценная этнографическая коллекция, характеризующая быт народов Восточной Монголии.

И. И. Гохман работал с 5 по 21 августа в Улан-Баторе по теме «Этническая история монголов». Совместно с Д. Тумэн им были описаны, сфотографированы и измерены по принятой в СССР крабиологической методике коллекции эпохи неолита и бронзы, скифского и хуннского времени. Параллельно с этим были обсуждены вопросы согласования и унификации крабиологических и крабиометрических методик и методов статистического анализа данных для ЭВМ.

Во время работы этнографического отряда Комплексной советско-монгольской историко-культурной экспедиции в МНР находилась группа бурятских этнографов, собиравших в Улан-Баторе материал по теме «Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии». Была сформирована также рабочая группа в составе Т. Д. Скрынниковой, Л. Абаевой, Г. Р. Галдановой (Улан-Удэ) монгольского ученого Г. Мэнэса, которая с 15 по 22 сентября вела полевые исследования по этнографической программе в отдельных сомонах Центрального Убурхангайского и Булганского аймаков. Члены группы собрали оригинальный этнографический материал для сравнительно-сопоставительного анализа традиционных верований монгольских народов, свдебного, похоронного, родильного и других семейно-бытовых обрядов, а также ознакомились с рядом культурно-исторических комплексов МНР.

Полевые материалы всех рабочих групп этнографического отряда (записи, фотографии, пленки) после обработки поступают в архив Ленинградской части Института этнографии АН СССР.

А. М. Решет

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Страны и народы. Научно-популярное географо-этнографическое издание в 20 томах. М.: Мысль, 1978—1985 гг.

В 1985 г. вышла в свет заключительная книга 20-томной серии «Страны и народы», начатая в 1978 г. томом «Земля и человечество. Общий обзор».

У нас немало научно-популярных книг по географии и этнографии различных стран, большими тиражами выходят различные энциклопедические и справочные издания, где читатель может найти необходимую информацию, однако не было еще комплексного, доступного самому широкому читателю описания всего мира в целом, всех стран, которых сейчас более 200, и проживающих в них народов. Между тем потребность в таком издании давно уже стала весьма ощутимой. Она обусловлена глобким, разносторонним интересом советских людей к жизни всех стран нашей планеты. Постоянно растущий культурный уровень населения нашей страны, расширение международных связей СССР углубляют этот традиционный интерес. И поэтому можно и должно поблагодарить издательство «Мысль» и большой авторский коллектив (более 250 географов, этнографов, историков, экономистов, журналистов, картографов), усилия которого объединяла и направляла состоявшая из авторитетных советских ученых во главе с академиком Ю. В. Бромлеем Главная редакционная коллегия, за этот отличный подарок миллионам советских читателей.

Развернутая перед читателем широкая панорама мира каким он был и есть в 70—80-х годах нашего века построена по единому, строго выдержанному плану. В одном из группы томов, посвященных той или иной части света или крупному региону, дается общий обзор. Каждый «региональный» том также включает достаточно обширное введение, содержащее характеристику природы, населения, хозяйства данной территории. Костяк серии составляют очерки о странах. Здесь читатель находит общие сведения о стране, характеристику ее природы, экономики, населения, краткий очерк ее политической и этнической истории, культуры. В очерках о больших и средних (по территории и численности населения) странах есть также разделы о внутренних различиях по зонам, областям и городам.

Издание это — географо-этнографическое. Отмечая весьма высокий уровень географической части двадцатитомника, особо хотелось бы остановиться на том, как характеризуется население земного шара, регионов и стран. Понятно, что в 20-томной серии невозможно охарактеризовать все народы, живущие ныне на планете — их более двух тысяч; поэтому описываются только крупные или чем-то заметно выделяющиеся, известные этносы; остальные, как правило, лишь названы. Проблемам народонаселения, различным их аспектам, уделено большое внимание — в очерках о странах им отводится 40—45% объема текста. В каждом очерке о стране дается четкая характеристика расового, этнического, языкового и конфессионального состава населения. Естественно, что соотношение названных тем зависит от особенностей страны. Когда речь идет о странах со сложным расовым составом или о таких, где расовая проблема носит острый характер, авторы большое внимание уделяют антропологической характеристике населения. Этнической и языковой структуре, а также межэтническим отношениям уделяется большое внимание в очерках о многонациональных странах. Тема конфессиональной структуры подробнее разрабатывается в очерках о странах с пестрым религиозным составом населения (например, США). Очень хорошо, что материал часто подается в сравнительном плане; важно и то, что авторы стремились

показать идущие в каждой стране (регионе) процессы, связанные с теми или иными аспектами народонаселения (этнические, культурные, демографические, процессы и сового смешения и др.).

В разделах, посвященных культуре (региона, подрегиона, страны), показаны и существенные, составные части современной профессиональной культуры (просвещение, наука, литература, искусство), так и важнейшие черты традиционной материальной духовной культуры населения. Большое внимание к традиционной культуре правомерно, так как именно она и составляет золотой фонд культуры каждого народа, наставляя свой отпечаток на ее современный облик, определяя во многом неповторимое лицо каждого этноса.

Наш сегодняшний мир состоит из стран, относящихся к разным социально-политическим системам, и это, конечно, проявляется при характеристике той или иной страны. В очерках о социалистических странах, например, важен материал, показывающий, как глубокие социально-экономические и политические преобразования закономерны вели к формированию новой, социалистической по своему содержанию культуры, в становлении которой активно участвуют своим творчеством во всех сферах жизни самые широкие народные массы; как эти преобразования определяющим образом повлияли на решение национальных проблем или расовой проблемы (там, где она существовала ранее — например, на Кубе).

В очерках о ведущих странах капиталистического мира четко показаны противоречия, свойственные современному капитализму, ослабление позиций империалистических держав — в частности, в связи с распадом колониальной системы. Существенный интерес для читателя представляют здесь материалы о характере национальных противоречий в этих странах, анализируются причины обострения национального вопроса в некоторых из них в последние десятилетия. Особую проблему в ряде крупнейших империалистических стран, как известно, представляет положение иностранных рабочих и других иммигрантских по своему происхождению групп, и этой теме закономерны уделено должное внимание.

Развивающиеся страны сегодня — самая большая группа государств. Авторы посвященных им очерков содержательно рассказали о захвативших все сферы их жизни многообразных трансформациях, усилиях их народов, направленных на преодоление экономической (а нередко и политической) зависимости от развитых капиталистических держав, о бескорыстной помощи Советского Союза молодым государствам Азии, Африки, Латинской Америки. Читатель убеждается, что эти государства все решительнее предстают как активные участники современного исторического процесса. Привлекают внимание разделы о культуре развивающихся стран, о сложном этническом составе многих из них и идущих здесь процессах формирования народностей, о влиянии трибализма на социально-политическую жизнь и межэтнические отношения.

Особо следует сказать о трех томах, посвященных нашей Родине (том, содержащий общий обзор СССР и характеристику 6 республик европейской части страны; том, посвященный РСФСР; том о республиках Закавказья, Средней Азии и Казахстана). Опираясь громадным фактическим материалом, авторы показывают выдающую роль СССР в современном мире, неоспоримые преимущества социалистической общественной системы, в условиях которой народы нашей страны под руководством Коммунистической партии в исторически короткие сроки достигли замечательных успехов во всех сферах жизни. Историческим завоеванием социализма, убедительно продемонстрированным в этих трех томах, стало решение национального вопроса: ликвидация национального гнета, юридического и фактического неравенства наций и народностей, формирование нового типа отношений между народами — отношений братской дружбы, тесного сотрудничества и взаимопомощи народов, объединившихся в едином многонациональном государстве — Союзе Советских Социалистических Республик. Хорошо показаны здесь, в частности, быстрый экономический, социальный, культурный прогресс бывших национальных окраин, расцвет национальной культуры всех народов нашей страны.

Отдельной характеристики заслуживают, думается, вводный и заключительный тома серии. Они дают общую целостную картину Земли и человечества. Соответствующие главы вводного тома (ответственные редакторы — видные советские этнографы и демографы С. И. Брук и В. В. Покшишевский) содержат глобальные характеристики природы, населения, культуры, географии мирового хозяйства; есть здесь разделы, дающие представление о геологической и географической истории Земли.

прирожденности человека и формировании человеческого общества, о путях его социально-экономического развития. Авторы тома четко придерживаются марксистского положения о единстве человечества и той природной среды, в которой оно в целом бо отдельные его части — локальные, региональные — живет и развивается. Можно азать, что раскрытие многостороннего взаимодействия природы и общества стало нтральной идеей этого тома. Хочется отметить вторую часть книги, посвященную оисхождению и развитию человека (авторы — Н. Н. Чебоксаров, Я. Г. Машбиц, В. Покшишевский), третью часть, в которой дана всесторонняя характеристика временного населения мира (авторы — С. И. Брук, В. В. Покшишевский, П. И. Пуч-ль), пятую часть — «Культурное многообразие и культурное единство человечества» А. Г. Арзаканян, Н. Н. Чебоксаров, С. А. Арутюнов, Э. А. Соколов). Дать в одном ме общую картину формирования природы нашей планеты, развития человечества целом и региональных его особенностей — задача крайне трудная, и она в основном лешена не только за счет очень умелого обобщения самых современных зна-ий и идей по обширнейшему кругу вопросов, но и благодаря весьма продуктивному спользованию иллюстративного материала: карт, диаграмм, графиков, профилей, фо-графий, которые помогают читателю лучше ориентироваться в громадном материале.

Нельзя не отметить научно-политического значения последовательно проводимой томе мысли об интегральном характере материальной и духовной культуры чело-ечества. В нем показывается ложность тех теорий буржуазной науки, которые дока-ывают, будто межнациональная культура, формирующаяся в XX в., создается исключительно на основе культуры капиталистического Запада. В действительности, та культура — продукт взаимодействия культур, создаваемых всеми народами, вно-щими в мировую цивилизацию свой вклад.

Завершающий том издания «Земля и человечество. Глобальные проблемы». В нем характеризуются важнейшие, планетарные, общечеловеческого значения проблемы современного мира; он содержит также и ряд солидно обоснованных прогнозов от-носительно будущего природы и человечества. Авторы большинства разделов этого тома, как правило, видные представители соответствующих научных дисциплин. Характеризуя и осмысливая самые общие черты и проблемы природного окружения, главные отрасли мирового хозяйства, основные особенности географии населения и культуры народов мира, закономерности социального развития человечества, они дают читателю возможность увидеть и глубоко понять единство и грандиозное многообразие системы Земля — человечество, природа — общество во всей ее диалектической слож-ности. Развивая и обобщая идеи, с которыми читатель встречался в очерках о регио-нах и странах, разделы заключительного тома помогают лучше понять, оценить — на фоне общего — индивидуальное, отдельное — страны, регионы, континенты.

Один из важнейших выводов, к которому подводят внимательного читателя авто-ры рецензируемого издания (и заключительного тома в особенности) — это то, что человечество, при всем его расовом, национальном, культурном разнообразии, разде-ленности на социальные классы, профессиональные и другие группы, представляет собой целостную систему. И существующие, и могущие возникнуть глобальные проблемы потому и называются глобальными, что касаются всего человечества и решаться долж-ны сообща всем человечеством, — подчеркивают авторы заключительного тома. И по-тому очевидным условием борьбы с нарастающей угрозой глобальной экологического кризиса является тесное сотрудничество всех стран и народов. Мирное сосуществова-ние государств с различным общественным строем является сегодня необходимой, естественной предпосылкой и решения всех глобальных проблем, и плодотворного раз-вития всех народов. Борьба за мир, за его сохранение и упрочение — главная из таких проблем; эта мысль — важнейший итог рассмотрения основных проблем современного мира в заключительном томе рецензируемого издания. И другой принципиальный вы-вод делают авторы — и вместе с ними их читатели: что в силу основных закономер-ностей исторического процесса «человечество при всем многообразии конкретного развития его отдельных частей в конечном счете движется к социализму, представ-ляющему первую ступень коммунистической формации..., что будущее за социализ-мом, победившим уже на значительной части нашей планеты» (с. 427).

«Страны и народы» — издание научно-популярное, рассчитанное на самую широ-кую читательскую аудиторию. Такой его характер обусловил и соответствующую по-дачу материала. Как правило, авторы сумели избежать изложения фактов и деталей, малоинтересных для читателя-неспециалиста. Язык большинства очерков и разделов достаточно простой, ясный, лишь с необходимым минимумом специальных терминов

и понятий. Читателя заинтересовывают не псевдозанимательностью, а доступно изложения тех или иных тем и вопросов на высоком научном уровне. Большие очерки и их частей: «главок», параграфов, даже абзацев очень информативны за умелого отбора материала, подбора наиболее характерных, значительных фактов и примеров.

Конечно, не все тома и не все очерки в одном томе равноценны; этого и требовать от такого огромного издания, где в авторский коллектив входят и специалисты. Как представляется, из «зарубежных» наиболее удачны тома, посвященные Северной Европе, Юго-Западной Азии, Юго-Восточной Азии, Австралии, Океании, Антарктиде. Не всегда удачен иллюстративный материал (например, в «американских» томах).

Однако отдельные мелкие недочеты и упущения, практически неизбежные в огромном труде, несколько не могут умалить его значение.

Советский читатель получил созданную на высоком научном уровне полную графо-этнографическую характеристику мира, энциклопедию о странах и народах. Содержащие не только описание, но и глубокий анализ и интересные размышления по поводу многих самых значительных и актуальных проблем современности, 20 томов этой серии — издание, культурная, политическая, воспитательная миссия которого поистине очень значительны. Оно служит — и будет еще долго служить — не только удовлетворению растущей потребности советских людей в знаниях о странах и народах современного мира, но и делу развития разнообразных контактов на всех уровнях воспитания глубокого уважения к вкладу всех народов в мировую культуру, укрепления дружбы и сотрудничества между народами — а значит, и делу укрепления мира, важнее которого нет сегодня у всех народов Земли, в каких бы странах, каких бы континентах они ни жили.

И. Р. Григулевич, С. Я. Ко

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

М. А. Некрасова. Народное искусство как часть культуры. М.: Изобразительное искусство, 1983. 342 с.

Пожалуй, ни одна другая область творческой деятельности людей не вызвала столько споров и вопросов, как народное искусство. Десятилетиями продолжалась дискуссия о самом существе явления, его содержании, формах развития, особенностях современной жизни и дальнейших судьбах. Такая дискуссионность, на наш взгляд, ренится в глубине и широте самого народного искусства как феномена, позволяя рассматривать его с самых разных позиций и выдвигать на первый план то одну, то другие его стороны. Появление книги М. А. Некрасовой и влечет за тем автореф. докторской диссертации¹ именно сегодня, когда интерес к народному искусству ловлен не только проблемами его собственной внутренней жизни, но и все возрастающей ролью его в жизни современного общества в целом, весьма знаменательным случаем и «глобальной» проблематикой исследования Некрасовой, избравшей в качестве общего аспекта теоретических проблем народного искусства. Закономерно, что с каждой страницей автор вводит народное искусство в систему «Человек—Природа—Культура», рассматривая его в тесной связи с актуальными сегодня проблемами «экологии природы, экологии культуры, исторической памяти» (с. 19).

Литература о народном искусстве нередко субъективна, часто лишена необходимой аргументации, а подчас подлинного профессионализма. Разброду мнений и суждений М. А. Некрасова противопоставляет логически стройную, обоснованную концепцию. Ее книга — первая попытка изложить теорию народного искусства на основе всестороннего изучения его как явления культуры, как самостоятельного феномена и типа художественного творчества. Книга является итогом многолетнего изучения автором искусства разных народов нашей страны. Она вобрала в себя теоретический опыт ученых-предшественников не только в области искусствознания, но и в смежных сферах народного творчества и общих исторических дисциплин. Теоретическая новизна поднятых М. А. Некрасовой вопросов требует тщательного и вдумчивого чтения книги.

Разделяя все основные положения книги М. А. Некрасовой, мы не считаем необходимым пересказывать ее содержание, а лишь сделаем акценты на самом главном.

¹ Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры. Теория и практика. Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра искусствоведения. М.: Академия художеств СССР, 1985.

Автор выявляет и анализирует как «общее», так и «особенное» в народном искусстве. «Общее» М. А. Некрасова справедливо видит прежде всего в особых взаимосвязях человека с природой, в извечных и издревле сложившихся общечеловеческих ценностях, несущих коренные идеи народного понимания мира, природы, по-своему выражающихся у каждого народа (с. 22). Как целостное явление она рассматривает всякую национальную культуру в двух ее составных частях — народной и профессионально-художественной. Каждая из них живет по своим специфическим законам, но они находятся в постоянном взаимодействии.

М. А. Некрасова совершенно правильно оценивает роль народного искусства в культуре современного села, его связь с социально-экономическими проблемами деревни, с формированием морально-правственных общечеловеческих ценностей.

Естественно, что большая часть книги посвящена выявлению специфики народного искусства, его коренных отличий от других явлений художественного творчества, и прежде всего от профессионального, но не народного искусства. Некрасова выделяет важнейшие их особенности, обусловленные разницей типов и методов творчества (с. 65, 72), и в последующих главах подробно анализирует специфические черты и структурные особенности народного искусства как самостоятельной художественной системы. Внутри этой системы как историко-культурного типа автор отмечает наличие оных подсистем — региональных, локальных, национальных, социальных, что определяет сложную жизнь и богатство взаимодействий народного искусства (с. 55).

Как на важнейшее структурное свойство народного искусства, как на ключевую обделу его эстетики Некрасова указывает на его коллективность. Из нее вытекает обаяние и значение традиций и их преемственности для народного искусства, что существенно для современных народных художественных промыслов. В сохранении и развитии традиций неопределяется роль местных школ народного мастерства, а в них, в свою очередь, роль канона, регулирующего выражение новизны характерными средствами местного искусства. Автор верно отмечает особое понимание новизны и современности в народном искусстве, их органичности соответствующей школе народного мастерства и недопустимости подмены чужеродными новшествами (с. 287—313).

Некрасова выделяет при этом основные формы бытования современного народного искусства в разных районах и краях нашей страны (с. 81—96), а также отмечает несущее всем им единство в общей творческой структуре развития, ориентированного на канонические системы, на традицию.

Еще в статье Г. К. Вагнера² была дана исчерпывающая критика неправомерного отождествления народного искусства с самодеятельным, ошибочной точки зрения о сути исторической смене первого вторым. Заметим, что фольклористика «справилась» проблемой разграничения народного искусства и самодеятельности еще 30 лет назад. Актуальность этой проблемы для изобразительного народного искусства лишь подчеркивает молодость науки о нем и несовершенство теории. Употребление слова «народный», «фольклорный» и «самодеятельный» как синонимов — это не просто терминологическая путаница, а отсутствие четких научно обоснованных позиций в понимании совершенно разных типов творчества, что влечет за собой отрицательные последствия для практической жизни современного народного искусства. М. А. Некрасова пишет об этом убедительно и обоснованно.

В свете проблемы «народное и самодеятельное» она верно отметила принципиальную разницу между «примитивом» как методом самодеятельного творчества и народным искусством, основанном на канонах, а следовательно обладающим своим профессионализмом (с. 98—101).

Вполне естественно, что в таком емком исследовании, как рецензируемая книга, дни проблемы разработаны автором полнее, другие лишь намечены, третьи представляются дискуссионными.

На наш взгляд, М. А. Некрасова слишком категорична, объявляя устаревшими позиции таких крупных исследователей народного искусства, как В. С. Воронов и Б. Салтыков. Правильно объясняя историческую обусловленность методов их анализа явлений народного искусства (с. 157, 162—166), автор все же недооценивает актуальность их трудов, ставших классикой советского искусствоведения. Ни Воронов, ни Салтыков не лишали народное искусство содержательности и духовности, не отождествляли его с профессиональным декоративно-прикладным и индивидуальным творчеством художников. Они анализировали отдельные черты народного искусства, присущие ему и ныне, но не исчерпывающие всех его особенностей. Содержательность и духовность народного искусства не уменьшаются «ремесленностью» его природой (в высоком понимании смысла этого слова) и «прикладным» характером, хотя они, разумеется, не равны ни профессиональному прикладному искусству, ни материальной культуре. Но в ряде случаев М. А. Некрасова как будто противоречит себе, говоря об утилитарности и предметности народного искусства и о необходимости изменения экономического положения современных народных промыслов.

Современному народному искусству, по мнению М. А. Некрасовой, присущи пять функций. Нам представляется, что проблема функций народного искусства все-таки еще нуждается в специальном исследовании, ибо они менялись и развивались исторически, а указанная автором коммуникативная функция (с. 212) вряд ли может считаться самостоятельной, так как она осуществляется при посредстве всех других.

² Вагнер Г. К. О соотношении народного и самодеятельного искусства. — В кн.: Проблемы народного искусства. М., 1982, с. 46—55.

Анализ специфики народного искусства на уровне самых общих теоретических проблем не исключает возможности изучения его на других уровнях — и как ремесла (в том числе особенности его техники и технологии), и как явления общественной жизни или повседневного быта. Культурологический аспект исследования народного искусства не исчерпывает также и других, собственно искусствоведческих проблем, которые затронуты в достаточно общей форме или остались за пределами тематики рецензируемой книги (например, особенности воплощения художественного образа в народном искусстве, вариативность как одна из его закономерностей). Однако М. А. Некрасова, разумеется, была вправе взять лишь общетеоретический аспект народного искусства, оставив другим исследователям те структурные проблемы, которые находятся на иных «этажах» системы народного искусства. Оставить надежду, что подобного рода работы появятся.

В заключение необходимо особо остановиться на актуальности проблемы для практики развития современного народного искусства. Нужно отметить принципиальность М. А. Некрасовой, в течение многих лет последовательно ставящей необходимость подлинно научного руководства народными художественными промыслами. Некрасова справедливо критикует неправомерное «офабрикование» уникальных местных художественных традиций, погоню за прибылью в ущерб подлинному творчеству, тенденции растворения современного народного искусства в сувенирном производстве и самодельности. В этих негативных явлениях жизни современного народного искусства, особенно в РСФСР, видится его не столько как части современной советской культуры. Книга М. А. Некрасовой заставляет назреть необходимость создания собственной системы организации и развития современных народных художественных промыслов, улучшения условий для полноценного и полного развития всех форм народного искусства в современной

И. Я. Богут

С. Ю. Неклюдов. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М.: Наука, 1984. 310 с.

Монография С. Ю. Неклюдова является итогом многолетних исследований и посвященных героико-эпическим традициям различных монгольских народов: ицев, ойратов, бурят, калмыков, джарутов, хорчинов, ордосцев, чахаров, маньчжур и др.¹ Эта тема весьма актуальна в наше время, когда особое внимание уделяется народной культуре монголов, проблеме самобытности ее генезиса и развития. В кругу вопросов одно из первых мест принадлежит монгольскому героическому эпосу, выдающемуся образцу не только традиционной словесности монголов, но и эпосу творчества народов мира. Следует отметить, что эпическое наследие монгольских народов представляет собой удачный материал для стадиально-типологического анализа повествовательного фольклора и некоторых теоретических изысканий в этой области. Причина этого, во-первых, в большой этнической и культурной общности монгольских народов, живущих по соседству друг с другом в одном географическом пространстве (исключая калмыков, миграция которых к берегам Волги произошла относительно недавно — в XVII в.), во-вторых, в том, что монгольская культура не испытала никакого чужеродного влияния и адаптация ею инокультурных явлений была не столь интенсивной. В этих условиях некоторая неравномерность развития неизбежно ждала ряд близких культурных формаций, отличающихся друг от друга в основном стадиально. Такая картина наблюдается и в фольклоре: здесь, как это показано в рецензируемой монографии (см. с. 78—86), может быть выделено несколько эпических пластов — от весьма архаических западнобурятских улигеров до циклизированного эпического эпоса о Джангаре или общемонгольской эпопеи о Гесере в ее устных и литературных формах.

За последние годы изучение эпоса монгольских народов чрезвычайно интенсифицировалось. Перензаются старые, ставшие уже «классическими» записи калмыков.

¹ Из работ С. Ю. Неклюдова, посвященных монгольскому эпосу и предшествующим рецензируемой монографии, можно назвать следующие: Черты общности и своеобразия в центральноазиатском эпосе. — Народы Азии и Африки, 1972, № 3, с. 98—105; Исторические взаимосвязи тюрко-монгольских фольклорных традиций и проблемы восточных влияний в европейском эпосе. — В сб.: Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974, с. 192—274; О стилистической организации монгольского Гесериады. — В кн.: Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности. М., 1978, с. 49—67; Эпос монгольских народов и проблема фольклорных взаимосвязей. — В сб.: Литературные связи Монголии. М., 1981, с. 84—100; Новые материалы по монгольскому эпосу и проблема развития народных повествовательных традиций. — Сов. этнография, 1981, № 4, с. 119—129; Монгольские сказания о Гесе. Новые записи. М., 1982 (книга подготовлена совместно с монгольским филологом Ж. Тумурцэреном).

и бурятского эпоса², организуются научные конференции, посвященные эпическим памятникам³, появляются специальные исследования. Продолжается деятельность по собиранию и публикации эпических произведений в МНР: в 60—80-е годы в Улан-Баторе был издан ряд интересных эпических текстов⁴. С конца 70-х годов весьма оживилась деятельность по собиранию, публикации и исследованию монгольского эпоса в КНР⁵. Наконец, с 1978 г. Боннским университетом (ФРГ), где находится крупнейший западноевропейский центр монголоведческих исследований (Семинар по изучению языка и культуры Центральной Азии), регулярно проводятся симпозиумы по изучению монгольского эпоса. Участниками этих симпозиумов являются ученые ФРГ, Франции, Великобритании, ВНР, ГДР, МНР, СССР (в числе постоянных докладчиков и автор рецензируемой монографии). Изданы четыре тома материалов симпозиума⁶, отражающих значительный и многосторонний интерес научной общественности к монгольскому эпосу и свидетельствующих о высоком теоретическом уровне, которого достигло сейчас изучение его отдельных аспектов. Обширный обзор введенных в исследовательский обиход материалов и научной литературы (около 70 с.) дополнен обстоятельной библиографией (выше 500 названий), в настоящее время, очевидно, самой полной по монголоязычному эпосу.

Тем не менее, несмотря на обилие литературы, обобщающие исследования явно «не поспевают» как за ростом материала, накопленного за последние десятилетия, так и за серией различных узко специальных работ. Как следует из данного в рецензируемой монографии очерка истории собирания и изучения эпоса монгольских народов, подобное положение существовало не всегда. Первая статья о монгольском эпосе, принадлежавшая Г. Рамстедту (1902 г.), появилась еще до первой публикации эпического фольклора монголов (1908 г.). Главная работа Б. Я. Владимирцова (1923 г.), предпосланная изданию его переводов ойратского эпоса, уже базировалась на материале, по крайней мере вчетверо превышающем тот, которым располагал Г. Рамстедт, а к 1937 г., времени выхода книги Н. Н. Поппе о халха-монгольском эпосе, объем материала увеличился еще примерно вдвое. Однако с середины 50-х годов количество вводимых в научный оборот текстов возрастает столь стремительно, что скоро становится труднообозримым. Сейчас зафиксированный материал исчисляется сотнями текстов, многими сотнями тысяч стихотворных строк. Опытов же его обобщающего рассмотрения непропорционально мало: это либо сравнительно небольшие статьи и доклады, либо предисловия к фольклорным публикациям, либо, наконец, соответствующие разделы историко-литературных трудов. Таким образом, книга С. Ю. Неклюдова — первая в мировой науке обобщающая монография об эпосе монгольских народов.

Содержание рецензируемой книги в самом общем плане можно определить следующим образом: от архаического эпоса до современной литературы. Действительно, автор начинает с анализа наиболее древних, мифологических слоев монгольского эпоса, прослеживает закономерности процесса его стадийной эволюции вплоть до сложения книжно-эпической формы, затем переходит к эпическим жанрам в литературе, начав с средневекового «Сокровенного сказания монголов» (памятник XIII в.), и завершает свое рассмотрение литературно-фольклорного процесса современным монгольским романом. Хотя идея стадийного развития постоянно присутствует в работе, С. Ю. Неклюдов не настаивает на однолинейной эволюционной схеме. Все типологические построения он связывает с реальными историческими обстоятельствами сложения и бытования разных традиций и памятников. Особенно подробно проанализированы разнообразные трансформации эпоса о Гесере. На многочисленных примерах автор показал процесс позднего синтеза традиционных художественных форм, влияние религиозных представлений на эпическую мифологию, наложение заимствованных образов на автохтонные монгольские, архаизацию книжных произведений при вхождении их в фольклор.

Как уже было сказано, наиболее обстоятельно эти процессы прослеживаются при анализе разноязычных версий эпоса о Гесере. Материал привлечен почти исчерпывающе. Учены все опубликованные, данные в изложении и даже просто описанные устные бурятские и монгольские версии памятника, все его книжные монгольские редакции; обобщен и критически учтен опыт изучения Гесериады советскими, и прежде всего бурятскими исследователями (С. А. Козин, Ц. Ж. Жамцарано, А. И. Уланов, Н. О. Шаракшинова, Ц. Б. Цыдендамбаев, М. П. Хомонов, Е. О. Пинуева, С. Ш. Чагдуров), а также монгольскими (Ц. Дамдинсурэн, Б. Ринчен, Б. Сумъябатор), китайскими (Ван

² Абай Гэсэр-хубун. Ч. I—II. Улан-Удэ, 1961—1964; Еренсей. Улан-Удэ, 1968; Джангар. Калмыцкий героический эпос. Т. I—II. М., 1978; Айдурай Мэргэн. Улан-Удэ, 1979.

³ Конференции, посвященные эпическому творчеству народов Сибири и Дальнего Востока, прошли в Улан-Удэ (1973) и в Якутске (1977), «Джангару» — в Элисте (1967, 1978).

⁴ Назовем некоторые из них: Монгол ардын баатарлаг туульс (Монгольский народный героический эпос). Улаанбаатар, 1960; Баруун монголын баатарлаг туульс (Западномонгольский героический эпос). Улаанбаатар, 1966; Халх ардын туульс (Халхский народный эпос). Улаанбаатар, 1967; Жангарын туульс (Эпос о Джангаре). Улаанбаатар, 1968.

⁵ См. с. 22—23 рецензируемой книги.

⁶ Die mongolischen Epen. Ein Symposium. Wiesbaden, 1979; Fragen der mongolischen Heldendichtung. Teil I—III. Wiesbaden, 1981, 1982, 1985.

Инуань), японскими (К. Танака), венгерскими (Л. Лигети, Д. Кара, Л. Лёринц-мецкими (В. Хайссиг) и другими учеными. Наконец, автор весьма полно использовал собственный экспедиционный материал: восточномонгольские песни о Гесере, записанные им в 70-е годы во время фольклорных экспедиций в Монголию⁷. Включение научный оборот этих уникальных текстов позволяет не только значительно полнее представить картину устного бытования эпоса о Гесере в Центральной Азии, но и составить более основательное суждение о восточномонгольских эпических традициях, о которых до недавнего времени не было никаких данных.

В заключение следует остановиться еще на одной стороне рецензируемой работы. В ней, также впервые в монголоведении, полно рассмотрена исполнительская форма эпических произведений в различных повествовательно-фольклорных традициях, с привлечением многочисленных тюркских и тунгусских параллелей. Более подмеченное сходство «лейтмотивной структуры» исполнения некоторых прозаических повествований позволило С. Ю. Неклюдову выдвинуть интересную гипотезу о родстве традиций хори-бурятского эпоса с восточномонгольскими «книжными сказками» (*бэнсэн улигэр*)⁸, с одной стороны, и с эпическими повествованиями якутов и чукчей — с другой. Это проясняет некоторые аспекты истории фольклора в данной области.

Выше была затронута лишь часть проблем, освещенных в книге. Так, мы не увидели глав, в которых рассматриваются центральные образы эпоса и связанная с ним эпическая мифология, лишь вскользь упомянули о тех, где говорится о формировании и трансформации литературно-эпических жанров в монгольской словесности средневековья и нового времени. Скажем лишь, что освещение этих вопросов уже своевременно и полно. Однако, подчеркнем еще раз, наибольшую научную значимость имеет многоаспектное исследование эпоса о Гесере.

Н. Л. Жуков

⁷ Неклюдов С. Ю., Тумурцэрен Ж. Указ. раб.; Nekljudov S. Yu., *Tömörceer Mongolische Erzählungen über Geser. Neue Aufzeichnungen*. Weisbaden, 1985.

⁸ См. о них: Рифтин Б. Л., Цэрэнсодном Д. Жанр *бэнсэн улигэр* и проблема литературно-фольклорных взаимосвязей. — В сб.: Литературные связи Монголии 1981, с. 280—314.

А. К. Байбурина. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Наука, 1983. 188 с.

Жилище — не только важнейшее условие жизни человека. Конденсируя в себя большую долю его созидательных усилий, оно становится многозначным символом жизни людей. Как изучать роль жилища, выходящую за пределы утилитарной функции? На современном этапе в мировой литературе мы еще не находим четко сформулированных принципов подхода к этой теме. Пока лишь ясно, что один из возможных путей к ней пролегает через область обрядов, верований, восприятий и реакций людей жилища на существующие пространственные структуры.

Нельзя сказать, что этнографы обходят вниманием связанные с жилищем обряды и верования. Но в советской литературе книга А. К. Байбурина должна занять, пожалуй, исключительное место: это первое монографическое исследование сложнейших процессов отношения человека к жилищу у восточнославянских народов.

Уже в названии работы отражено ее деление на две части. Первая — посвящена строительной обрядности восточных славян, вторая — структуре жилища, формам и стилю или иному поведению, иначе говоря, семиотическим аспектам внутреннего пространства жилища.

Обеим частям, каждая из которых включает по три главы, предпослан общий вводный раздел «Предварительные замечания» (с. 3—24), в котором обоснованы цели, задачи и методы исследования. Автор ставит задачу рассмотреть жилище как феномен культуры (с. 4) и формулирует основные положения, в соответствии с которыми раскрывается его замысел: 1) картина мира — смысловая парадигма, которой руководствуются члены коллектива в своей деятельности; она же — фундамент самосознания; 2) обряд — средство контроля традиции; 3) логически разведенность и «знаковость», причем последняя трактуется как «семиотический статус вещей»; автор утверждает и подробно развивает положение о том, что семиотический статус жилища на ранних этапах истории был существенно выше, чем в современную эпоху; 4) образ дома трактуется как эталон («перводом»), инвариантная универсальная форма жилища, наиболее аутентично отраженная в строительной обрядности; тем самым автор отводит второстепенную роль, поскольку она «сравнительно поздно выделена в самостоятельную область» (с. 159); 5) жилище — это освоенное пространство, функционально выделенное из природы и вписанное в культуру; 6) автор предлагает пути подхода к исследованию жилища: а) как к тексту, говорящему о «социальных, религиозных, хозяйственных и других аспектах жизни коллектива» (с. 19), б) как к образу, который выявляется по данным языка, обрядов, фольклора и мифологии («текстам»).

Во введении особо характеризуется также фактологическая база исследования. Общая цель сформулирована А. К. Байбуриным как необходимость «получить целостное представление о функционировании объективированных элементов культуры», которое «невозможно без изучения их места в картине мира, без учета того содержания, которое приписывалось им в разные времена и у разных народов» (с. 3).

Основная цель, относящаяся к непосредственному предмету исследований, заключается в попытке «выявить принципы функционирования механизма освоения окружающей среды» (с. 3) и «выяснить особенности *символической организации* (везде урсув автора. — Я. Ч.) внутреннего пространства традиционного восточнославянского жилища, знаковую роль отдельных его частей» (с. 4).

Изложенная концепция представляет собой по существу исследовательскую программу. Не все формулировки этой программы представляются достаточно удачными. Разумеется, автор не считает, что можно получить целостное представление о функционировании жилища без обращения к его хозяйственным функциям и изучению триотельно-технологических проблем. Очевидно, он не уделяет этим вопросам должного внимания ввиду того, что они неплохо раскрыты в трудах его предшественников.

Говоря о механизме освоения среды, А. К. Байбурин решает вопросы, связанные не с экологической, а с пространственной средой. Структура жилища, формирующая убеждение, раскрывается не только в представлениях народа, но и в формах реальной деятельности. Спорные формулировки, о которых речь пойдет далее, не снижают ни ценности общего подхода к сложнейшей теме, ни общих результатов работы. При всей композиционной простоте это — сложное исследование, которое обретает убедительность, если читатель потрудится пройти вслед за автором весь путь исследования. Книга написана как будто по дедуктивной схеме: есть развернутые «Предварительные замечания», излагающие общие исходные посыпки, далее следует анализ единичных объектов, что делает необязательным привычное заключение. Но в тексте автор развешивает все богатство наблюдаемых эмпирических закономерностей, индусируя тем самым ряд доказательных обобщений. Исследователь имеет дело сразу с несколькими сложными системами. Назовем из них наиболее важные для данного случая: 1) цели и идеалы создателей культуры, 2) их поведение как потребителей этой культуры, 3) усвоившиеся, гипотазированные формы культуры, подверженные действию традиций и инноваций. Интересы автора сосредоточены на первых двух пунктах.

Если относиться к исследованию А. К. Байбурина с максимальной строгостью (а оно выдерживает такое отношение), то наиболее уязвимо в его концепции, видимо, юнирование того этнокультурного уровня, на котором ведется анализ. В книге в наибольшей степени использован русский материал, затем белорусский, в наименьшей — украинский. В славистике в последние два десятилетия ведется интенсивная работа по реконструкции исторических состояний культуры для общностей разного порядка. Хотя А. К. Байбурин специально этой теме не касается, он, судя по названию книги, исходит из убеждения в единстве восточнославянского жилища и его строительной обрядности. Не правомерно ли при этом уходить от обсуждения генетико-типологических проблем? Не касаясь пока чисто познавательных возможностей сравнительно-типологического метода, отметим, что читатель не видит критерия, согласно которому автор довольно часто привлекает материал по жилищу соседних с восточнославянскими народов.

Единство восточных славян, проявляющееся во многих сферах культуры, — неспоримо. Оно базируется на общности этногенетических компонентов и исторических судеб, наложивших особый отпечаток на многие стороны духовной культуры восточнославянских народов. Нам важно здесь отметить общность представлений о жизни и смерти, о месте человека в мире. Естественно, это единство должно было так или иначе сказаться и на отношении к жилищу как к сцене, на которой разыгрывается вся жизненная драма человека.

Однако такого единства нет в конструктивно-технологическом аспекте восточнославянских жилищ. Они различным способом соотносятся с экологической средой, по-разному решаются конструктивные и объемно-пространственные проблемы; неодинакова роль различных жилищ в выполнении хозяйственных и утилитарно-бытовых функций. Поэтому неудивительно, что строительная обрядность восточнославянских народов, связанная с технологией, неодинакова. Зато мы можем ожидать большей общности в структурировании и использовании жилого пространства.

Не случайно, вторая часть названа автором «Семиотические аспекты внутреннего пространства восточнославянского жилища», а первая — просто «Строительная обрядность восточных славян». Скажем здесь еще несколько слов именно о второй части. Она написана с вниманием к тем ценностным ориентациям, которые особенно важны в переломные моменты ритуального сценария жизни человека. Здесь автор смог со всей полнотой показать достоинства этносемиотического подхода к исследованию. Небольшая первая глава этой части о типологии внутренней планировки дома представляет определенный вклад в еще во многом не ясную археологам и этнографам проблему эволюции типов внутреннего членения восточнославянских жилищ. Автор говорит о значении структурообразующего фактора — диагонали между передним углом и печью. Две другие главы второй части, посвященные соответственно семиотике горизонтального плана и вертикальных уровней жилища, также весьма интересны. Важные элементы жилища (двери и окна, матица, красный угол, печь и печной угол, крыша, пол и потолок) рассмотрены под углом зрения их функций как границы, изолирующей и защищающей жизнь обитателей от внешнего мира.

К строительной же обрядности с полным правом можно отнести характеристику

В. Тэрнером действия символических категорий, которые проявляют себя «в обр-нявшей форму жизненного опыта»¹. Несомненно, основу этого опыта составляют производственно-трудовой. Что касается жилища, то здесь важна эволюция итальных навыков, преобразующих «природное» в «культурное» в сфере жилищ

В культуре многих народов жилище символически связано с жизнью целого: только с геометрией его тела, но и с процессом его жизнедеятельности. Для зем-ческих культур восточных славян характерно олицетворение жизни человека в зерна. Это проявляется, например, в зарывании последнего (с. 182).

Тема зерна ритмично повторяется на всем протяжении строительства, начиная с гадания о подходящем участке, до разбрасывания семян севцом с черепного (с. 83). Обычай бросать горшок с кашей с матицы частично несет ту же сему. Эта тема (мифологема зерна) в других культурах может развиваться в ином направлении. Так, у этрусков и римлян она была приурочена к основанию города. Мы и виду соорудившийся при соответствующем обряде мундус — сводчатую круглую («небо»), в которую помещали землю с полей. Первоначально мундус служил и ным амбаром — жертвенником, куда сыпали зерно во время исполнения обряда, щенного Церере. Мундус воспринимался и как вход в царство мертвых².

Роль зерна в народных представлениях восточных славян и в их строительном ряде подчеркивает идею неотделимости жилища от хлебного поля. Украинская и ва о семейном благополучии во время строительства содержит слова «щоб у: хлеб родив, а на сим двори щоб Господь скотину плодыв»³.

Бросание зерна или каши с матицы — технологически поздней детали жи- (древнее жилище было беспотолочным) — объясняется в данном случае аграр-гической обрядностью восточных славян.

Важнейшее значение для изучения символического поведения имеет вопро-спальных местах (в том числе о месте первой брачной ночи молодоженов), обо-ный А. К. Байбуриным. Правило спать старикам на печи, а молодежи на полу и лосника элементарно для восточнославянского жилища. Ассоциация верхних-ней жилища — крыши и потолка — со смертью широко представлена в разных ку-рах. У русских бывало представление, что если палку, которой меряли гроб, к нуть под крышу чужого дома, то там появится покойник⁴. Напротив, нижний ур-жилища предназначался для молодежи⁵.

Ритуальной выраженности принципа, по которому нижний уровень ассоции-с жизнью, а верхний — со смертью, способствовала конструктивная история вост-славянского жилища. Его исходные формы — углубленные в землю землянки и по-землянки. Но эволюция от углубленного к наземному жилищу отнюдь не была пря-линейной. Так наземный срубный дом на территориях к западу от Днепра в X—XI был вытеснен полуземлянкой⁶.

Позже, в XII—XIII вв., когда наземный сруб утверждается повсюду, в Киеве-раняются полуземлянки, что озадачивает специалиста-археолога⁷. Славянская при-женность к полуземлянкам отмечена и в древнем Суздале. Обитавшие рядом с-имели наземные бревенчатые дома⁸. Полуземлянки на территории Рязанской, В-нежской и Костромской областей сохранялись вплоть до XVII в.⁹

Предложенная историческая реконструкция восточнославянского жилища не-возможности объяснить обряд укладки матицы (центральный в строительном ци-И как бы ни были важны подчеркиваемые А. К. Байбуриным атрибуты матицы-Мирового дерева — с. 85—87 (развитие точки зрения Д. К. Зеленина), смысл обр-раскрывается только при параллельном рассмотрении технологической истории ж-ща и типичных для земледельческого общества ассоциаций жизни человека с зер-Матиный обряд с саянием зерна донес это древнее представление, связанное с б-ванием в прошлом углубленного жилища.

Мы рассмотрели некоторые моменты строительной обрядности в русле прои-ственно-технологических традиций, переводящих «природу» в «культуру». Но в-тие жизненного опыта мы должны еще включить все, что связано с воспроизвод-самого человека. Жилище создает условия для осуществления биологических ф-ций — восстановления сил и воспроизводства. С точки зрения общинно-групповы-ституты (сфера «культуры») в биологически-парной связи совершается приро-

¹ Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983, с. 135.

² Тимофеева Н. К. Религиозно-магическая картина этрусков. Новосибирск, 1980, с. 84.

³ Милорадович В. Житие-бытие лубенского крестьянина. — Киевская старина, 1902, т. 77, вып. VI, с. 114.

⁴ Зеленин Д. К. Описание рукописей архивов. — Записки ИРГО, 1914, т. 1, вып. I, с. 295.

⁵ Zelenin D. Russische (ostslavische) Volkskunde. В., 1927.

⁶ Pannoprt П. А. Древнерусское жилище (Археология СССР. Е 1-32). Л., 1975, с. 119, 125.

⁷ Там же, с. 153.

⁸ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — Матер. к истории и археологии, 1961, № 94.

⁹ Бломквист Е. Э. Материалы по истории жилищ придонских районов Воронежской области. — Сов. этнография, 1934, № 5, с. 50.

т. е. возврат к сфере «природы». Таким образом, строительство жилища — укрытия для брачно-семейной жизни — процесс не с одним вектором (от природы к культуре), а с двумя (и от культуры к природе). К сожалению, в мировой литературе, в том числе и в книге А. К. Байбурина, обходится стороной этот важнейший аспект — культурное обеспечение биологически-природных процессов.

В силу сказанного ритуал не только, как считает А. К. Байбурин, обеспечивает связь между организацией жизни коллектива и космическим порядком (с. 25). Это не только коммуникация с сакральным, но и одновременно коммуникация с профанным, необходимым биологически.

Автор отмечает значение перекодировок между человеческим телом, деталями дома и космосом (с. 11, 16). Но это явление, широко представленное в разных традициях, для восточнославянской не столь характерно. Очевидно, оно соотносится с восприятием дома как обители смерти¹⁰. Видимо, всемирно распространено явление, близкое к комплексу «строительной жертвы». Строительство жилища оформляется ритуально-мифологически образом смерти. Слишком просто было бы здесь увязать только семиотическую перекодировку с обратным знаком. Речь должна идти прежде всего об осмыслении перехода от культуры к природе в биологических категориях. Мы снова возвращаемся к теме о захороненном и проросшем зерне. Не отрицая наличия семиотических универсалий в строительной обрядности, мы хотим подчеркнуть значение форм жизненного опыта восточных славян — исконных земледельцев. Этот опыт специфичен, как и у других народов.

Сравнительно небольшая по объему книга А. К. Байбурина — не просто шаг вперед, связанный с разработкой проблем символики восточнославянского жилища. Это одна из тех книг, которая побуждает к размышлению о широких культурных процессах. Можно сказать, что интересы нашей науки требуют подобных исследований по жилищам других народов.

Я. В. Чеснов

¹⁰ Завойко Г. К. Верования, обряды и обычаи великоруссов Владимирской губ. — Этнографическое обозрение, 1914, кн. 103, вып. 3—4, с. 83; Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978, с. 465—466.

НАРОДЫ СССР

Г. С. Маслова. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М.: Наука, 1984. 216 с.

Вышел в свет очередной труд крупного специалиста по одежде славянских народов Г. С. Масловой. Одежда, как известно, тесно связана с духовной жизнью народа, его обрядами и обычаями и кроме своего основного предназначения — предохранять человека от неблагоприятных воздействий внешней среды — имеет множество других функций: этно-, поло-, социально-разделительную, эстетическую и др.

Изучение обычаев, обрядов и различных атрибутов обрядовых действий, в том числе и одежды, — одна из важнейших проблем этнографической науки. Оно позволяет решать вопросы, связанные с историей формирования и развития народов, проследить культурно-бытовые связи и взаимовлияния, выявлять этнические и региональные различия. Вместе с тем исследование обычаев и обрядов имеет и большое практическое значение, так как дает возможность отбирать из богатейшего наследия, доставшегося нам от прошлого, все ценное и полезное и в новом качественном оформлении вводить в нашу современную жизнь.

Литература о семейной, особенно свадебной, обрядности русских, украинцев и белорусов исключительно велика. Описанию отдельных обрядов и используемой при этом одежды, а также других атрибутов обрядности посвящены многочисленные статьи, заметки и монографии XIX — начала XX в. Г. С. Маслова закономерно разделила всю этнографическую литературу на три периода: первая половина XIX в., вторая половина XIX — начало XX в. и советский период. Основные работы по всем трем периодам использованы в монографии весьма полно. В научный оборот введены также многочисленные архивные материалы. Несмотря на обилие литературы по семейным обрядам, специальных обобщающих трудов о роли народной одежды в обрядовой жизни всех восточнославянских народов по существу нет. Книга Г. С. Масловой — первый опыт подобного обобщения — заполняет существенный пробел в этнографических знаниях о роли народного костюма в духовной жизни восточнославянских народов. В ней весьма обстоятельно охарактеризована роль одежды в свадебных, погребальных и родильных обрядах, а также в календарных и некалендарных обычаях и обрядах; показаны некоторые тенденции развития обрядовой жизни и роли одежды в обрядах в советский период. Очень ценной является библиография (более 300 названий), где представлены практически все работы по данному вопросу как дореволюционных, так и советских авторов.

На основании анализа огромного материала Г. С. Маслова показала, что одежда, выполняя экономические, социальные, эстетические и другие функции, в обрядах приобретает и магическое значение. Так, в главе, посвященной роли одежды в свадебных

обрядов, отмечено, что свадебный костюм был тесно связан с магией, выполнял личные функции, в том числе оберега и очищения.

Интересны приводимые автором примеры ряжения на свадьбе у восточных славян, особенно переодевания в одежду другого пола. Символика его в XIX в. уже утрачена. В этот период ряжение имело преимущественно развлекательный характер, как справедливо отмечает Г. С. Маслова, в нем сохранились элементы продушей, апотропейной и карпогонической магии. Несомненно, с ними связано и поведение невесты и жениха, имеющее целью скрыть их, «ввести в заблуждение, обмануть злых духов» (с. 78).

Как известно, у всех славян вообще и у восточных в частности большую роль в обрядовой жизни играли прическа и головные уборы. Во время свадьбы, например, женская прическа менялась несколько раз. В работе подробно описаны обряды причесывания, продажи и выкупа косы, подрезания волос, смена головных уборов в различные моменты свадьбы и т. п. Обычай закрывания волос замужней женщиной Г. С. Маслова, следуя мнению Н. П. Гринковой и Н. И. Гаген-Торн, склонна связывать с применением о магической силе, заключенной в волосах, и способностью невесты при вступлении в семью нанести вред его роду, если она войдет в дом с непокрытой головой (с. 56—57). Однако нам кажется, обычай окручивания невесты правильнее связывать с половым табу и рассматривать женские головные уборы в качестве его знака. Известно, что при инициациях, а в последующем во время различных общественных мероприятий девушки совершали ритуальные действия с распущенными волосами. В этот период они были доступны всем мужчинам. Закрывание волос символизировало принадлежность женщины только своему мужу. «Опростоволосить» женщину, т. е. похитить ее с открытыми волосами другим мужчинам, считалось большим грехом. Термин «остоволоска» определяется В. И. Далем как незамужняя женщина вольного поведения. В народе существовал специальный заговор «от девки самокрутки, от бабы проволоски».

В книге весьма обстоятельно показана роль верхней одежды, меха, обуви, украшений, платков, полотенец и других предметов в обрядовой жизни. Особое внимание уделено функции полотенца (рушников). Полотенцем связывали жениха и невесту, служило «символом их дальнейшей согласной жизни» (с. 79), оно являлось непременным атрибутом свадебных чинов, в частности дружки, полотенца вешали на боже, стелили под ноги брачующихся и т. д. Большую роль играли полотенца и в похоронных обрядах. Их вывешивали на окнах в знак того, что в доме имеется умерший; на полотенцах гроб несли на кладбище и на них же опускали в могилу, рушниками завязывали ворота после выноса умершего и т. д. К сожалению, в монографии не высказаны соображения об истоках такой значимости полотенца в обрядовой жизни восточных славянских народов. Анализ функциональных ролей полотенца в семейной обрядности Среднего Поволжья позволяет предположить, что вышитые и браные полотенца сосредотачивали в себе два начала. С одной стороны, они представляли разделенную материальную и эстетическую ценность, а с другой — являлись носителями знаков семейно-родственных коллективов, а возможно, и личных знаков женской представительницы данного рода. Сочетание двух начал в зависимости от конкретной ситуации определяло все обрядовые функции полотенца: информативную, профилектическую, обереговую, соединительную, приобщающую, жертвенную и т. п.

В главе «Роль одежды в погребальных и родильных обрядах» дано описание погребальной одежды, ее цвета, материала и техники изготовления, способов одевания умершего, атрибутов снаряжения покойника и др. При изложении этих вопросов Г. С. Маслова отмечает как общие черты, характерные для всех восточных славян и особенности, присущие отдельным народам и региональным группам.

Как известно, большое значение в жизни восточнославянских народов имели обычаи и обряды, связанные с сельским хозяйством. Несмотря на то, что все традиционные народные праздники были приурочены к датам православного календаря, в них сохранялись многие архаические, дохристианские элементы, связанные с анимизмом, культом предков, магией и т. д. Это святочные ряжения, разнообразные магические игры, обряды и обычаи весенне-летних праздников и др. Специальная одежда играла большую роль во всех этих обрядах. Ей посвящена третья глава книги.

В четвертой главе «Некоторые итоги и тенденции развития одежды в обрядовых обычаях» делаются выводы из рассмотренного материала. Подчеркивая огромную роль одежды в обрядовой жизни восточнославянских народов, Г. С. Маслова показывает, какие изменения произошли в составе и характере ритуального использования одежды в советский период. В книге отмечается, что современные обрядовые комплексы представляют контaminationию новых и переосмысленных традиционных элементов. Происходит унификация основных звеньев новых ритуалов, сближение обрядов города и села (с. 144).

Конечно, в одной книге очень трудно охватить все многообразие обрядовой жизни восточных славян. Многие обряды, уходящие своими корнями в далекое прошлое, впитали в себя разновременные пласты бытовой культуры, их особенности связаны с процессами формирования восточных славян в различных условиях обитания. Несмотря на это, в этой связи вряд ли правильно понимать обычай разувания мужа молодой невесты, унижающий достоинство человека. Возможно, в XIX в. он так и осмысливался, но его первоначальное содержание было, по-видимому, иным. Материалы, собранные нами на территории Среднего Поволжья, позволяют считать, что обряд разувания жениха символизировал добровольность вступления невесты в брак. Первоначально разувание, вероятно, свидетельствовало о доброжелательном отношении к гостю, являлось символом «завершения пути» и гостеприимства. Так объяснялся этот обряд и

орыми старожилками края. То же значение придавалось ему и в чувашском свадебном ритуале. Подтверждением аналогичного понимания обряда разувания мужа у восточных славян может служить зафиксированный летописью ответ Рогнеды на сватовство князя Владимира: «не хочу разуть робичича», который означает образный, основанный на общепринятой символике отказ. Обряд разувания включал также вознаграждение невесты деньгами, которые лежали в правом сапоге, и ее ритуальное бичевание плетью, находившейся за голенищем левого сапога. Следует отметить, что бичевание невесты (жены) рассматривалось многими авторами XIX—XX вв. в качестве дополнительного аргумента в определении смысла всего обряда в целом как демонстрации подчиненного положения женщины в семье, ее полной покорности мужу. Однако Н. Ф. Сумцов, Е. Г. Кагаров и другие этнографы склонны видеть в ритуальном бичевании отголоски апотропейного и карлогонического обрядов. По их мнению, бичевание стояло с невесты «порчу» и «нечистую силу» и повышало ее плодovitость. Если исходить из этого значения ударов плетью, то обряд разувания в целом может быть «прочитан» следующим образом: невеста (жена), встречая жениха (мужа), оказывает ему знаки гостеприимства, подтверждая тем самым добровольность вступления с ним в супружеские отношения. После этого жених (муж) вознаграждает ее деньгами и совершает обряд предбрачного очищения и повышения плодovitости.

Проанализированный Г. С. Масловой материал об обрядовой одежде русских, украинцев и белорусов говорит о большом сходстве ее у всех трех восточнославянских народов, а также о существовании особенностей, связанных со своеобразными условиями формирования населения в различных регионах расселения восточных славян, и наличии в обрядовой одежде русских, украинцев и белорусов элементов, характерных для соседних народов, как о следствии культурно-бытового взаимодействия. Однако эта последняя тема, как справедливо отмечает Г. С. Маслова, далеко не исчерпана и требует дальнейших исследований.

Рецензируемую книгу дополняет помещенная в Приложении работа И. И. Шангиной «Обрядовая одежда восточнославянских народов в собрании Государственного музея этнографии народов СССР». Поскольку в музее наиболее полно представлена русская свадебная одежда из различных районов расселения русских, то и описана она особенно подробно. Что же касается украинской и белорусской одежды, то относительно небольшое по сравнению с русским количество экспонатов одежды, хранящихся в музее (русских — 75 тыс., украинских — 16 тыс., белорусских — 9 тыс.), не позволило с той же подробностью рассмотреть свадебную одежду различных групп украинского и белорусского населения. Тем не менее работа И. И. Шангиной служит хорошим примером научного описания коллекций и может облегчить проведение подобной работы в других музеях.

В целом работа Г. С. Масловой представляет собой исчерпывающий свод сведений и анализ обширного материала как накопленного другими этнографами в течение почти двух столетий изучения восточнославянских народов, так и собранного автором в этнографических экспедициях. Работа Г. С. Масловой имеет большое научное значение. На примере одежды в ней выявлены общие черты материальной культуры восточных славян, обусловленные историей формирования русских, украинцев и белорусов, и показаны этнические и региональные различия, порожденные своеобразием их социально-экономического и культурного развития.

Нам представляется, что рецензируемая работа имеет и большое методическое значение. Подобные исследования должны быть проведены и в отдельных регионах расселения русских, украинцев и белорусов. Книга Г. С. Масловой в значительной мере будет способствовать успешному осуществлению этой задачи.

Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин

Ш. Д. Инал-ипа. Очерки об абхазском этикете. Сухуми: Алашара, 1984. 190 с.

С каждым годом расширяется и углубляется изучение материального и духовного быта абхазского народа. И все-таки до настоящего времени нет еще исчерпывающей этнографической характеристики этого этноса: некоторые сферы традиционно-бытовой культуры абхазов остаются пока недостаточно или совсем не изученными. К их числу относятся и культура общения, народный этикет. Историография этой проблемы невелика и по другим народам Кавказа¹. Поэтому новая работа Ш. Д. Инал-ипа, в которой исследуется эта важная проблема на абхазских материалах, существенно восполняет имеющиеся лакуны. Большим достоинством монографии является ее насыщенность фактами, причем не только добытыми из литературных и архивных источников, но, что самое главное, из самой жизни, из личных наблюдений автора — абхаза, родившегося и выросшего в типичной абхазской сельской семье.

Нужно отметить, что к проблемам, исследуемым в рецензируемой книге, Ш. Д. Инал-ипа обращается не впервые. В 1973 г. им был опубликован труд «Традиции и современность (по материалам этнографии абхазов)», в переработанном и дополненном виде переизданный в 1978 г. Рецензируемая монография в какой-то мере развивает положения предыдущих исследований автора, но по существу в ней рассматривается целый ряд новых аспектов.

¹ См.: Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978; его же. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983.

В книге, состоящей из предисловия, введения, 12 глав и заключения, рассматриваются актуальные вопросы культуры общения абхазов: ее исторические корни, традиционное и современное состояние, перспективы развития и др.

Традиционный этикет абхазов складывался в течение многих веков. Его генетические корни Ш. Д. Инал-ипа справедливо возводит к общинно-родовому, военнократическому и патриархально-феодальному укладам. Однако все же наиболее важную роль в формировании этикета автор отводит эпохе военной демократии. Влияние этого уклада усматривается в особом почитании воинских доблестей, культе героя, в специальной терминологии абхазской бытовой лексики, устойчивых фразеологизмах, многие из которых приведены в книге. Конечно же, немалое влияние на народный этикет имели и последующие ступени социально-экономического развития абхазского этноса (глава первая). При объяснении того или иного элемента традиционного этикета автор всегда держит в поле зрения и социальный аспект проблемы (глава вторая).

На наш взгляд, Ш. Д. Инал-ипа совершенно прав, утверждая, что «в основе абхазской традиционной-бытовой культуры лежит несколько важнейших принципов — принцип сословности, кровного (в прошлом и молочного, или аталычного) родства и свойственный возрастной принцип с вытекающим отсюда „культ“ старших (особенно старших мужчин) и соответствующей системой сложного соподчинения..., принцип гостеприимства..., принцип воинской отваги... и др. Все они объединяются одним необычайно широким и объемным понятием „абхазства“ — апсуара» (с. 43).

Апсуара рассматривается в книге с классово-исторической точки зрения, при этом автор подчеркивает, что наиболее строго придерживались ее принципов представители демократических слоев общества, прежде всего крестьянства, и что нередко эти принципы нарушались или же неточно соблюдались представителями социальной верхушки общества.

Интересна третья глава, в которой рассматриваются представления абхазов о внешнем облике человека, об идеале мужской и женской красоты, воплотившиеся в устах народной поэзии, а впоследствии и в произведениях художественной литературы.

И все-таки первые три главы монографии — это скорее всего подступы к главной теме — исследованию разных аспектов абхазского этикета. Автор рассматривает в книге: воинский этикет (глава 4), роль старших возрастных групп в традиционном поведении (глава 5), этикетные нормы в абхазской семье (глава 6), обычай гостеприимства в традиционном этикете (глава 7), культуру застолья (глава 8), разнообразные формы приветствий и благопожеланий (глава 9), этикет в похоронно-поминальном ритуале (глава 10), некоторые особенности речевого поведения абхазов (глава 11). На протяжении всей монографии автор последовательно показывает, что знание и соблюдение традиционного этикета было обязательной жизненной нормой абхазов. Незнание и несоблюдение ими этикета осуждалось (хотя могло прощаться представителю другого этноса). Поэтому с раннего детства абхаз присматривался прежде всего к поведению старших сородичей в различных жизненных ситуациях. Фактически единственной школой была повседневная жизнь, пример его родителей, старших уважаемых соплеменников. Человек, хорошо знающий и строго соблюдающий традиционный этикет, всегда пользовался (да и теперь пользуется) среди абхазов, особенно старших возрастов, всеобщим уважением.

Исследуя ту или иную особенность абхазского этикета, а также связанные с ней обычаи и обряды, автор в большинстве случаев дает им реальную оценку, поддерживая и поощряя их, но нередко и выступая против отживших свой век вредных норм, мешающих развитию нашего общества.

Заключительная глава «Абхазо-адыгские этикетные параллели» еще раз убедительно свидетельствует прежде всего об этногенетических и тесных культурно-исторических связях абхазов и адыгов. Кроме того, сравнительный анализ, проводимый автором в этой главе, дает ему право говорить о большой общности абхазского этикета с адыгскими системами, известными у других народов Кавказа.

Рецензируемая монография — одна из немногих работ по культуре общения народов этого историко-культурного региона. И уже в этом ее большая научная ценность. Между тем традиционный этикет, составляющий одну из важных сфер бытовой культуры каждого этноса и во многом помогающий понять его самобытность и своеобразие, заслуживает дальнейшего углубленного изучения.

Г. А. Амичба, Ш. Х. Салак

НАРОДЫ АФРИКИ

Peuples du Golfe du Bénin. Aja-Ewé. Etudes réunies et présentées par François de Medeiros. Paris: Karthala, 1984. 328 p.

Можно с полным основанием утверждать, что ни одной стране Тропической Африки так не «повезло» в историко-этнографической литературе, как Дагомее (ныне Народная Республика Бенин). Из написанных об этой стране книг можно составить солидную научную библиотеку. В нее прежде всего вошли бы многочисленные записки европейских путешественников, работников и колониальных чиновников, затем труды по истории, этнографии, социологии, языкознанию, написанные как учеными За-

падной Европы и США, так и местными исследователями. Некоторые из этих книг в западной этнографии по праву считаются классическими, поскольку на дагомейском материале можно решать принципиально важные теоретические вопросы африканского прошлого. Таковы, например, хорошо известные работы М. Херсковица и К. Полаanyi¹. В последние годы в связи с развернувшейся острой дискуссией о размерах и последствиях работорговли среди африканских ученых усилился интерес к социально-экономической истории Дагомеи. Африканистическая литература обогатилась многочисленными статьями, а также основательными книгами В. Пекерта и П. Маннинга². Наконец, нельзя не упомянуть имена африканских ученых, ведущих плодотворное изучение прошлого Бенина: Ж. Л. Хазуме, М. Глеле, Ж. Плийя, О. Агесси, А. Дживо, П. Хунтондж, И. Акинджогбин, Э. Асиваджу.

Казалось бы, при обилии научной литературы история и этнография Бенина, равно как и населенных близкородственными народами соседних Того и Ганы, должны быть хорошо изучены. Однако это далеко не так. Среди слабоизученных проблем выделяется своей научной и общественной важностью национально-этническая. Происхождение народов, населяющих побережье Бенинского залива, их состав и численность, протекающие в их среде этнолингвистические процессы, представляющие интерес для широкого познания, а также вызывающие беспокойство государственных деятелей, — эти вопросы требуют дальнейшего исследования. Ведь еще совсем недавно именно острые этнические конфликты, разжигаемые буржуазно-националистическими партиями, приводили к хронической, политической нестабильности в Дагомее и способствовали удержанию страны в орбите неокOLONIALИЗМА³. Нынешнее руководство Народной Республики Бенин, провозгласившее социалистическую ориентацию страны, считает одним из главных направлений строительства нового общества преодоление трибаллизма, сепаратизма, национальной розни. Это в свою очередь со всей остротой ставит задачу ясного понимания этнических и лингвистических процессов в многонациональной стране.

По инициативе ученых Национального университета Бенина⁴ в декабре 1977 г. в Котону прошла конференция по этнографии народов эве — аджа с участием видных специалистов — этнографов, историков, лингвистов. Среди них были О. Агесси, Э. Карл, Т. Чичи, М. Видегла (Бенин), И. Акинджогбин и Э. Асиваджу (Нигерия), А. Боахен, А. Ван Даниц и Ф. Агбодека (Гана), Н. Гайибор (Того). Был также приглашен известный своими познаниями миссионер из Того Роберто Пацци. Прошло довольно много времени, прежде чем материалы конференции были опубликованы при финансовой помощи ЮНЕСКО. Сборник вышел под редакцией руководителя отделения истории и археологии Национального университета Бенина Франсуа де Медейроса.

Рецензируемая книга является, по сути, своеобразным отчетом о работе большого отряда ученых за два десятилетия независимости Бенина. Она содержит богатый и разнообразный фактический материал, собранный во время полевых исследований. Это прежде всего многочисленные записи устных этногенетических традиций; публикация архивных материалов, в частности, недавно обнаруженных в Бодлейской библиотеке Оксфордского университета 4 тыс. документов (в том числе писем английских купцов из Западной Африки) конца XVII в., а также хорошо известных записок европейских путешественников и работорговцев.

Итак, народы побережья Бенинского залива. Имеются в виду близкородственные этнические группы, проживающие между нижними течениями рек Вольта (на территории Ганы) и Веме (в Бенине). В советской этнографической литературе они объединяются в два народа — эве и фон (восточные эве или дагомейцы). Эве расселены в южной, приморской части Того и в юго-восточной области Ганы; фон же проживают в южной части Бенина, занимая компактную территорию между реками Моно и Веме; к востоку от Веме и вплоть до р. Ева (в Нигерии) они живут смешанно с йоруба. Каждый из названных народов делится в свою очередь на ряд более мелких этнических групп со свойственными им говорами и диалектами, хотя эве и фон говорят, по существу, на одном языке⁵.

¹ Hershkovits M. Dahomey: an Ancient West African Kingdom. V. 1—2. N.Y., 1938; Polanyi K. Dahomey and the Slave Trade: an Analysis of an Archaic Economy. Seattle, 1966.

² Peukert W. Der Atlantische Sklavenhandel von Dahomey, 1770—1779. Wiesbaden, 1978; Manning P. Slavery, Colonialism and Economic Growth in Dahomey, 1640—1960. Cambridge, 1982.

³ См. подробнее: Hazoumé G. L. Idéologies tribalistes et nation en Afrique. Le cas dahoméen. P., 1972; Glélé M. Le Danxomé. Du pouvoir aja à la nation fon. P., 1974; idem. Religion, culture et politique en Afrique Noire. P., 1981.

⁴ Следует различать Национальный университет Бенина (г. Котону, Народная Республика Бенин) и Бенинский университет в столице Того г. Ломе. Третий университет под тем же названием — Бенинский открыт недавно в нигерийском городе Бенин-Сити.

⁵ В этнографических трудах об Африке народы побережья Бенинского залива освещаются очень скупко (см.: Кирей Н. И. Этнография народов Африки. Краснодар, 1983, с. 67; Львова Э. С. Этнография Африки. М., 1984, с. 12). Единственная специальная работа об эве увидела свет более 30 лет назад (Вологодина В. Н. Народ эве. Историко-этнографический очерк: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л.: Ин-т этнографии АН СССР, 1953). Нельзя не сказать и о том, что в новейшей литературе

Стержнем развернувшейся на страницах рецензируемого сборника дискуссия о вопросе об этнолингвистической классификации проживающих на берегах Бенинского залива народов. В подзаголовке книги названы лишь два этноса — аджа и эве, что может вызвать у читателя недоуменный вопрос: кто такие аджа и почему не упомянуты фоны? Напомним, что в этнографической литературе аджа упоминаются и предки современных фонов, то как составная часть эве. Терминологическая путаница царит не только среди исследователей; нет ясности и среди самих представителей народов. На конференции приводился любопытный пример: когда задают вопрос, какие аджа, то эве в Гане и Того, фоны в Бенине указывают друг на друга (с. 266). Вместе с тем и эве, и фоны, и различные их этнические компоненты (аизо, махи, гомемену, гун) считают себя происходящими от общего корня аджа (с. 266). Было, однако, ошибочным делать вывод, что термин «аджа» относится лишь к далекому прошлому. И сегодня евезычное население района Тадо на бенино-тоглезской границе называет себя аджа.

В результате плодотворного обсуждения участники конференции пришли к тому, что народы побережья Бенинского залива следует разделять на три большие этнические группы: аджа, эве и фонов. Их общим предком являются протоаджа, в XVI в. жившие в районе Тадо (с. 310, 321). Действительно, ярко выраженный этноцентризм характерен для всех евезычных народов. Вместе с тем, как нам кажется, участники дискуссии недостаточно полно учитывали исторические и социально-экономические факторы этнического развития, ибо многочисленные данные свидетельствуют о том, что аджа, проживающие на территории Того, ныне мало чем отличаются от проживающих их эве, а те аджа, которые оказались гражданами Народной Республики Бенин, постепенно сливаются с фонами. И в Того, и в Бенине процесс этнической языковой консолидации зашел довольно далеко. Материалы сборника подтверждают формирование в приморских районах этих государств двух самостоятельных народов — все мелкие этнические группы, в том числе аджа, поглощаются ведущим этносом.

Процесс консолидации, однако, идет не так быстро, как это предполагали ранее. Главным препятствием является территориально-политическая раздробленность нах эве, поделенного в 1915 г. между колониальными владениями Англии и Франции. В настоящее время эве проживают в Гане (1,3 млн. чел.) и Того (1,2 млн. чел.). Стремление к воссоединению этого народа, вне всякого сомнения, будет и впредь ложиться межгосударственные отношения двух соседних стран. Тем не менее ясно, что попытки национально-объединительного движения эве в современных политических условиях Африки вряд ли могут рассчитывать на скорый успех⁶.

Много внимания участники конференции уделили вопросам этногенеза народов Бенинского побережья. В схематическом виде выводы ученых можно свести к тому, что протоаджа в незапамтные времена переселились в Тадо из окрестностей нигерийского города Ойо или из еще более удаленных мест где-то на берегу р. Квары (Нигера). В XV в. выходцы из Тадо основали города Аллада и Ноце. Эти города стали в начале XVII в. (около 1610 г.) центрами расселения двух этнических ветвей аджа — фонов, позже создавших на Абомейском нагорье мощную раннеклассовую державу Дагомею, и эве, распространившихся из Ноце в западном и южном направлении (с. 17—18, 310). Устная историческая традиция объясняет исход эве недовольством народа тираническим правлением короля (вождя) Агоколи. Современные ученые считают главным фактором роста населения, земельный голод, истощение почвы и, наконец, отсутствие достаточного количества питьевой воды (с. 33—34).

Исследователи подвергли критике точку зрения, согласно которой эве являются автохтонами и проживают на нынешней территории примерно с 3700 г. до н.э. (с. 163). Вместе с тем было высказано пожелание для уточнения датировки переселения из какого-то начального пункта к другому в определенный промежуток времени или же речь идет о характерной черте африканских народов, находящихся в постоянном движении?» (с. 35). Во втором случае — и это нередко выпячивают западные этнографы — можно прийти к выводу о «структурной нестабильности» африканских обществ. Принципиальное значение этих вопросов для понимания африканского прошлого показал Международный конгресс по проблеме миграции народов бану проведенный весной 1985 г. в Либревиле⁸.

Проблема между тем состоит не только в определении хронологии тех или иных миграций, но и в уточнении сущности этого явления. «Что представляют собой эти миграции? — спрашивает Ф. де Медейрос. — Было ли это просто коллективное перемещение из какого-то начального пункта к другому в определенный промежуток времени или же речь идет о характерной черте африканских народов, находящихся в постоянном движении?» (с. 35). Во втором случае — и это нередко выпячивают западные этнографы — можно прийти к выводу о «структурной нестабильности» африканских обществ. Принципиальное значение этих вопросов для понимания африканского прошлого показал Международный конгресс по проблеме миграции народов бану проведенный весной 1985 г. в Либревиле⁸.

нередко встречаются малодостоверные, а иногда прямо фантастические сведения о евезычных народах (*Киндрова Л. В.* в ритмах Черной Африки. М., 1985, с. 115). Печально ошибками замечка о йоруба, проживающих на территории Бенина (Известия 13 июня 1985 г.). Как авторам, так и редакторам было бы легко избежать таких промахов, обратившись к авторитетному справочнику С. И. Брука (*Брук С. И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981).

⁶ См. подробнее: *Исмагилова Р. Н.* Этнические проблемы современной Тропической Африки. М., 1973.

⁷ Université Nationale du Bénin. Guide des études historiques. Cotonou, 1981, p. 1.

⁸ Ehuzu, 4.04.1985.

В заключение коротко остановимся на других сюжетах. Значительная часть материалов рецензируемого сборника посвящена языкам и литературе народов Бенинского побережья. Общее мнение ученых-лингвистов состоит в том, что эве Ганы и Того, фоны Бенина говорят на одном языке, несмотря на наличие множества диалектов и говоров. Но этому общему языку трудно найти адекватное название. Были предложены следующие термины: эве-аджа, ЭГАФ (эве-ген-аджа-фон) или фоджа (фон-аджа) (с. 177). Конференция, однако, рекомендовала применять слово аджагбе (с. 315).

Язык эве, как известно, получил письменность на основе латинского алфавита еще в конце XIX в. С тех пор на нем возникла довольно обширная и интересная литература. В материалах конференции привлекает внимание статья С. Амегблеама о драматургии и театре эве, в которой анализируются не только оригинальные пьесы местных авторов, но и переводы классических произведений Шекспира и Мольера (с. 191—199). Несмотря на распространение среди эве письменной культуры, традиционные устные жанры (в частности, погребальные плачи) по-прежнему широко популярны в народных массах. В рецензируемом сборнике помещено исследование ученого из Ганы Х. Аньидохо о наиболее известном народном сказителе Винокпо Акпалу (род. 1885 г.), приводятся образцы его творчества на эве и в переводе на английский язык.

Последний раздел книги содержит статьи по более узким вопросам: социальная организация ганских эве, религиозная общность аджа, эве и йоруба; описание аграрного праздника в г. Вида, публикация рукописи из библиотеки Музея Человека в Париже с записью этногенетической традиции племени уэда.

На конференции громко звучали голоса в защиту единства и сплоченности близкородственных народов Бенинского побережья. Именно таким благородным целям служит проведенная в Котону научная конференция о народах побережья Бенинского за-
лива.

Д. П. Урсу

To the Problem of Preserving the Folk Architecture Heritage (the Case of Georgian Rural Dwellings)

Certain problems that arise in the course of protecting the people's architectural heritage and are common to all of the country's rural areas are examined in the article. It is noted that old dwellings, and these form the bulk of traditional architectural objects, do not survive in those cases when their maintenance and upkeep are undertaken by the villagers themselves.

A description is given, based upon sociological studies, of the present-day use of traditional dwellings by three Georgian ethnographic groups: the Meskhs, the Svans and the Tushins. Inter-group differences are noted in the degree of interest in preserving traditional dwellings, and the causes of these differences are analysed. The authors examine various strategies for the protection and development of the architectural heritage in different historical-cultural regions: those where the population's interest in protecting their traditional dwellings, those models of popular architecture, is comparatively high (Meskhet-Djavakheti), medium (Svaneti) and high (Tusheti).

N. G. Zarandia, E. A. Pa...

On the Use of Fiction as a Source in Urban Ethnographic Studies

The problem of the extent to which works of fiction can be used as an ethnographic source is not as yet sufficiently clarified although the need for a broader source base in urban ethnographic studies is unquestionable. In order to put this broad range of sources to use in ethnographical research certain general methodological principles must be developed as well as the concrete methods by which such sources should be analysed; the criteria according to which the source value of each literary production is determined also have to be worked out.

Only those works of fiction can be regarded as a source in which the author plays the role of an eye-witness, i. e. writes about his own times and about those aspects of reality with which he is familiar.

In examining such a text as a source various mutually complementary methods should be employed including those of statistical analysis; this should make for greater objectivity of the conclusions drawn.

Ye. I. Filippov

Towards a Definition of the Form of Animal Husbandry Practised by the Peoples of Highland Daghestan in the 18th and 19th Centuries

One of the types of transhumance in highland Daghestan is examined in the article. The author attempts, on the basis of abundant factual material, to show that the definition of the transhumance type under study as being nomadic or seminomadic is an erroneous one.

M. O. Osmanov

The Ethnic Odontology of Vietnam as a Source for Studying the Interaction of Mongoloid and Equatorial Racial Forms in South-East Asia

The article presents new materials on the racial characteristics in the dental system of certain peoples inhabiting the Socialist Republic of Vietnam (the Viet, the Thai and the Tiuru). Problems of both theoretical and practical regional significance relating to the differentiation of peoples belonging to the eastern racial stock are examined.

*G. A. Aksianova, I. M. Zolotarova,
A. A. Zubov*

It is affirmed in the article that the classification of ethnic communities into three main types — the tribe, the nationality (*narodnost'*) and the nation (*natsiya*) — corresponds to three stages in the development of the density of their internal informational links: the pre-writing stage, the written language stage, and the stage based upon mass media.

Proceeding from the two basic types of informational linkage, the synchronous and the diachronous, it appears possible to construct a two-dimensional classificatory space in which all actual types of various ethnic communities and their subdivisions may find their proper place.

S. A. Arutiunov

From Primitive to Modern Times

The author holds the view that the currently prevalent concept of the «nationality» (*narodnost'*) as a historical type of ethnic community cannot withstand critical analysis and should be relegated to the sphere of pseudo-science. The historical-formativization of ethnos (ethnic communities) can only be reliably based upon their social class structure. As for their typologization according to their characteristic ethnic links this requires detailed monographic study.

V. I. Kozlov

Ethnic Communities as a Historical Category

The degree of consolidation achieved by ethnic communities in ancient times and by peoples inhabiting the outlying areas of modern class societies, the level of their ethnic self-awareness and the distinctness of ethnic boundaries depend upon the economic-cultural type to which an ethnos belongs and on the whole complex of its way of life.

Ethnos (ethnic communities) represent historically evolving organisms which undergo material changes not only in passing from one socioeconomic formation to the next but within one formation. This leads to considerable diversity in the aspect of ethnic communities during the evolution of each socioeconomic formation. Such types of ethnic social organization as nationalities (*narodnost'*) and nations (*natsiya*) change in the course of history.

G. Ye. Markov

Caucasus Studies in the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences (to the 50th Anniversary of the Caucasus Section of the Institute)

The main development stages of the ethnographic study of the Caucasus during the Soviet years are traced in the article. Particular stress is laid upon the research work accomplished in the Caucasus section of the USSR Academy of Sciences Institute of Ethnography first formed in 1936. The scholarly work of such prominent students of the Caucasus as A. N. Genko, M. O. Kosven and L. I. Lavrov is described.

N. G. Volkova

CONTENTS

The 27th Congress of the Communist Party of the USSR and the Tasks Confronting Soviet Ethnographers. N. G. Zarandia (Tbilisi), E. A. Payin (Moscow). To the Problem of Preserving the Folk Architecture Heritage (the Case of Georgian Rural Dwellings). Ye. I. Filippova (Moscow). On the Use of Fiction as a Source in Urban Ethnographic Studies. M. O. Osmanov (Makhachkala). Towards a Definition of the Form of Animal Husbandry Practised by the Peoples of Highland Daghestan in the 18th and 19th Centuries.

G. A. Aksianova, I. M. Zolotariova, A. A. Zubov (Moscow). The Ethnic Odontology of Vietnam as a Source for Studying the Interaction of Mongoloid and Equatorial Forms in South-East Asia.

Discussions

Further Discussion of M. V. Kriukov's Article on the Typology of Ethnic Communities («*Sovetskaya Ethnografiya*», 1986, № 3). S. A. Arutiunov (Moscow). The Classification Space of Ethnic Typology. V. I. Kozlov (Moscow). From Primitive to Modern. G. Ye. Markov (Moscow). Ethnic Communities as a Historical Category.

From the History of Ethnography

N. G. Volkova (Moscow). Caucasus Studies in the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences (to the 50th Anniversary of the Caucasus Section of the Institute).

Communications

S. V. Sokolovskiy (Prokopyevsk). Marriage Grouping and Endogamous Barriers: the Methods of Analyzing Marriage Migration. T. D. Filimonova (Moscow). On the Ethnological Development of Soviet Germans. A. S. Kishev (Nalchik). On the Adyghe «Ses» Languages. B. I. Sarimsakov (Tashkent). The «*Badik*» Genre in Uzbek Ritual Folklore. N. V. Bulanova (Moscow). Ritual Painting on the Ground in India.

Searchings, Facts, Hypotheses

Z. P. Sokolova (Moscow). On the Trail of an Enigma.

Our Anniversaries

List of Major Works by B. Kh. Karmysheva, Doctor of Historical Sciences (to the 40th Anniversary of Her Scholarly Activity).

Academic Life

T. A. Voronina, Yu. V. Ivanova (Moscow). «Ethnocultural Processes in Europe: Past and Present», a Conference. A. D. Priakhin (Voronezh). Ethnographic Training of African and Latin American Students in the Department of Archaeology and Ancient History, Voronezh University.

Expeditions in Brief.

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. I. R. Grigulevitch, S. Ya. Kozlov (Moscow). Lands and Peoples. A 20-Volume Popular Science Publication in Geography and Ethnography. General Ethnography. I. Ya. Boguslavskaya (Leningrad). M. A. Nekrasova. Folk Art as a Part of Culture. N. L. Zhukovskaya (Moscow). S. Yu. N. Liudov. Heroic Epics of Mongolian Peoples. Ya. V. Tchesnov (Moscow). A. K. Baybur. The Dwelling in Eastern Slav Rituals and Images. Peoples of the USSR. Ye. P. Busygin, N. V. Zorin (Kazan'). G. S. Maslova. Folk Costume in Eastern Slav Customs and Rituals in the 19th and Early 20th Centuries. G. Amichba, Sh. Salakaya (Shumi). Sh. D. Inal-IPA. Outlines of Abkhazian Etiquette. Peoples of Africa. D. P. Ursu (Odessa). Peoples du Golfe du Bénin. Aja-Ewe.

Технический редактор Гришина Е. И.

Сдано в набор 11.05.86	Подписано к печати 26.06.86	T-15537	Формат бумаги 70×108
Высокая печать	Усл. печ. л. 15,4	Усл. кр.-отт. 44,9 тыс.	Уч.-изд. л. 18,6
		Тираж 2867 экз.	Зак. 4869

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6